

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**



**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

6/2024

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета»

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Домашенко**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

**Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University
Series D: Philology and Psychology”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **V.A. Domaščenko**, Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология.

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел:** +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.



*Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Протокол 13 от 03.12.2024.*

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2024

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

**Серия Д: Филология и
психология**

№ 6/2024

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

- Асташина Е.И., Головачева О.А.* Дифференцирующие признаки метафорических и психических образов, вербализованных в художественном дискурсе Е.И. Замятина 5
- Раух О.Б., Бурнакова К.Н.* Влияние семантического прайминга семантического прайминга на билингвальное восприятие стилевых разновидностей английской речи 19
- Миннуллин О.Р.* Евгений Баратынский – «экзистенциалист» пушкинской поры (к 225-летию со дня рождения поэта) 30
- Цопанова Р.Г., Дзэбоева А.А.* Языковые особенности эпитета в осетинском языке 43
- Алиева З.М.* Отраслевая лексика бесписьменного чамалинского языка: результаты и перспектива исследования 53
- Будник М.В.* Особенности медиавоздействия на аудиторию на американском телевидении 69
- Бутова А.В.* Лингвистические стратегии бренднейминга (портретные и иконические имена) 79
- Казачкова М. Б., Ширинян М.В.* Пушкин и Абай: Портреты классиков в русском дискурсе 89
- Проваторова О.Н.* Христианские мотивы в современной поэзии о специальной военной операции 100
- Шульдишова А.А.* Поэтонимы-посвящения в лирической трилогии А. Блока 114
- Гармаш Д.А.* Фразеологическая репрезентация понятия *честность* в англоязычной и русскоязычной картинах мира 125
- Зайкина О.Е.* Характеристики речевого доминирования судей на судебном заседании в зеркале конверс-анализа 136
- Пазина Н. В.* Мотив дороги в сборнике В.Ф. Маслова «Мои дороги через войну» 154

| | |
|--|-----|
| <i>Резникова А.Р.</i> Жанровые особенности поликодовых медиатекстов «зеленой повестки» | 165 |
|--|-----|

Рецензии

| | |
|---|-----------|
| <i>Федуленкова Т.Н.</i> Вариативность – имманентное свойство языка. Рецензия на монографию: Исакова Л.Д. Многообразие языков в их вариативности. – М.: Проспект, 2022. – 176 с. | 177 87 |
|---|-----------|

Психология

| | |
|--|-----|
| <i>Побокин П.А., Белашева Х.В., Слышкин Г.Г.</i> Лидерские качества современной молодежи и семейно-психологические условия их формирования | 182 |
| <i>Ковальчишина Н.И., Вальтер О.С.</i> Факторы, способствующие проявлению тревожности у женщин в дородовой период | 194 |
| <i>Некрасова И.Н.</i> Особенности регуляции стресса у больных сахарным диабетом с различным динамическим типом течения заболевания | 205 |
| Правила для авторов | 221 |

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 6/2024

CONTENTS

Philology

| | |
|--|-----|
| <i>Astashina E.I., Golovacheva O.A.</i> Differentiating features of metaphorical and mental images verbalized in artistic discourse by E.I. Zamyatin | 5 |
| <i>Rauch O.B., Burnakova K.N.</i> Influence of semantic priming on bilingual perception of style varieties of English speech | 19 |
| <i>Minnullin O.R</i> Evgeny Baratynsky as “existentialist” of Pushkin era (to poet’s 225 th anniversary) | 30 |
| <i>Tsopanova R.G., Dzeboeva A.A.</i> Linguistic features of epithet in the Ossetian language | 43 |
| <i>Alieva Z.M.</i> Branch vocabulary of unwritten Chamalin language: results and prospects of study | 53 |
| <i>Budnick M.V.</i> Features of media impact on the audience on American television | 69 |
| <i>Butova A.V.</i> Brand naming linguistic strategies (portrait and iconic names) | 79 |
| <i>Kazachkova M. B., Shirinyan M. V.</i> Pushkin and Abai: portraits of classics in Russian discourse | 89 |
| <i>Provatorova O.N.</i> Christian motives in modern military poetry about special military operation | 100 |
| <i>Shuldishova A.A.</i> Poetonyms-dedications in lyrical trilogy by A. Blok | 114 |
| <i>Garmash D.A.</i> Phraseological representation of <i>HONESTY</i> in English and Russian worldviews | 125 |
| <i>Zaikina O.E.</i> Characteristics of speech dominance of judges at court hearing in terms of conversation analysis | 136 |
| <i>Pazina N. V.</i> Motif of road in collection "My roads through the war" by V.F. Maslov | 154 |
| <i>Reznikova A.R.</i> Genre features of polycode media texts about “green agenda” | 165 |

Reviews

- Fedulenkova T.N.* Variability as immanent language feature. Review of the monograph: *Isakova L.D.* Diversity of languages in their variability. – M.: Prospekt, 2022. – 176 p. 177

Psychology

- Pobokin P.A., Slyshkin G.G., Belasheva K.V.* Leadership qualities of modern youth and family and psychological conditions of their formation 182
- Kovalchishina N.I., Valter O.S.* Factors contributing to anxiety in women during prenatal period 194
- Nekrasova I.N.* Stress regulation in patients with diabetes mellitus with various dynamic types of disease course 205
- Guidelines for authors 221

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 81'22

DOI: 10.5281/zenodo.14511907

ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ И ПСИХИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ, ВЕРБАЛИЗОВАННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ Е.И. ЗАМЯТИНА

© 2024 *Е.И. Асташина¹, О.А. Головачева²*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

ORCID¹: 0009-0008-9172-1271

ORCID²: 0000-0003-4353-5796



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье отражены результаты разрешения проблемы дифференциации метафорических знаков и знаков психических образов художественного дискурса Е.И. Замятина. Как ментальные единицы, метафорический и психический образы анализируются с использованием методов самонаблюдения, абстрагирования и мысленного моделирования. В связи с этим предлагается исследовать знаки метафорических и психических образов в дискурсивном масштабе. Главными отличительными от психических образов свойствами метафоры определены ее синтетичность, прогрессивное смыслообразование нового знания от старого, осознаваемая мотивированность, абстрагированность и предназначенность для многократного социального использования. Названы маркеры знака психических образов. Предположена особая роль тропических сравнений в вербализации психических образов. Предложено выделение знака психического образа в качестве отдельного изобразительно-выразительного средства языка. В статье утверждается, что дифференциация вербализованных метафорических и психических образов уточняет как понимание этих ментальных единиц и их языковых знаков, так и анализ художественных текстов, который «очищается» от неоднозначности «темных мест» в лингвистических исследованиях.

Ключевые слова: метафора, метафорический, психический образ, признак, знак, контекст, вербализованный, Замятин, стимул, реакция.

Для цитирования: Асташина Е.И. Дифференцирующие признаки метафорических и психических образов, вербализованных в художественном дискурсе Е.И. Замятина / Е.И. Асташина, О.А. Головачева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 5–18. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14511907>.

Введение. В статье [4] поднята проблема понятийной дифференциации метафоры и психического образа для разделения знаков, вербализующих эти образы, в лингвистических исследованиях. В указанной работе на основе положений современной метафорологии, принявшей антропоцентрическую научную парадигму, необходимость различать данные реалии объясняется ментальностью их природы, а также тем, что метафоры состоят из психических образов, а знаки психических образов могут включать

знаки метафор. Здесь можно упомянуть следующие определения понятия метафоры и метафорообразования, отражающие осознание ее ментальности: метафора – это «понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [20, с. 27]; это устройство восприятия одного в терминах другого («a device for seeing something in terms of something else») [33, с. 6]; метафорообразование – это процесс из шагов «а) остранения рефлектируемого объекта (освобождения его от "понятийной" самодостаточности) и б) вживания в остраненный объект» [16, с. 58]; это (в терминологии «семасиологически-когнитивной») «метафорический сдвиг», представляющий собой «переход лексемы из одного фрейма (и, соответственно, домена) в другой (иначе говоря, он предполагает смену таксономического класса лексемы)» [29, с. 403]. Данные определения подтверждают также, что метафора – «параморфная модель» (термин Жана Молино; цит. по [10, с. 13]) и ее составляющими являются понятийные образы, если под последними понимать «все психические отражения, в которых перед субъектом открываются предметы и отношения объективного мира», т.е. которые «открывают субъекту сами объекты еще до последующих физических встреч с ними и, во-вторых, позволяют субъекту ориентироваться в их свойствах и отношениях» [11, с. 122], – иными словами, если образами считать не только подсознательные, но и абстрактные ментальные единицы. Из приведенных толкований понятий *метафора* и *психический образ* ясно, что и последнее состоит минимум из двух компонентов (психического отражения и отражаемого), а также что составляющие метафор и психических образов ассоциированы. Всё это осложняет теоретическое и практическое разведение рассматриваемых понятий, в то время, как не только метафора, но и психический образ часто вербализуется в художественных произведениях, при этом знак психического образа не назван лингвистической наукой и не введен в тропеическую систему. Кроме важнейшей работы Н.Д. Арутюновой «Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры» (1990) [3], сопоставление метафор и психических образов основательно не проводилось в области лингвистики. (Известно, что термин *образ* является одним из ключевых в литературоведении и обозначает реалию фиктивного пространства произведения, художественную деталь. Содержание этого термина раскрыто с точки зрения гуманитарных наук в [12].)

Целью настоящего исследования стало разрешение поставленного в [4] вопроса четким определением признаков языковых единиц, вербализующих метафорические и психические образы, и новый опыт дифференциации этих единиц в исследовании языкового материала художественных произведений. Для достижения поставленной цели приходилось решать задачу различения, в свою очередь, понятий метафоры, психического образа и их знаков. Так как ярких формальных признаков таких знаков недостаточно, в анализе исследовательского материала мы опирались на соответствующее знаковое содержание, а значит, на признаки метафор и психических образов, взятых как ментальные единицы. В связи с этим из-за во многом субъективного понимания природы идеального необходимо было интерпретировать языковые единицы на уровне дискурса, под которым мы понимаем комбинированный языковой знак, рассмотренный не столько как системная языковая единица, сколько как средство решения экстралингвистических коммуникативных задач (см. об этом в [5]).

Материалы и методы исследования. Выбрав дискурсивный масштаб научных поисков, мы получили возможность свободно анализировать исследовательский материал данной работы с использованием методов самонаблюдения, абстрагирования и мысленного моделирования. В ином случае мы не смогли бы приблизиться к исследовательской цели.

В упомянутой статье Е.И. Асташиной представлена «измерительная параметрическая цепь» [4, с. 80] из признаков понятий *метафорический* и *психический*

образ, являющаяся «шкалой для таксономической характеристики художественных текстов по типу их образности» [4, с. 81]. Эта шкала используется и в настоящей работе (см. таблицу 1), но с учетом некоторых дополнений.

Таблица 1. Соотношение признаков метафорических и психических образов

| | Метафорический образ – | Психический образ – |
|------|---|---|
| 1 | | это <i>реакция</i> на действительность и |
| 2 | | <i>репрезентация</i> действительности – |
| 3 | | <i>экспрессивная и/или эмоциональная</i> – |
| 4 | как результат <i>субъективного включения одного в другой</i> | как результат <i>субъективной трансформации на основе приблизительного отождествления, олицетворения и др.</i> |
| 5 | ментальных образов, а именно: | |
| 6 | <i>имеющихся ООба / КОба и КОра как субъекта и предиката общеутвердительно-атрибутивного суждения</i> (соответственно), | <i>имеющегося (образа-стимула) и полученного (образа-реакции),</i> |
| 7 | которые привели во взаимодействие <i>по ассоциации(-ям)</i> | |
| 8 | <i>интуитивно,</i> | |
| 9 | <i>но всегда мотивированно –</i> | <i>прежде всего стихийно,</i> |
| 10 | <i>для понимания и объяснения ООба / КОба КОром,</i> | <i>как появление</i> того (тех) из них, что был(-и) ассоциативно вызван(-ы) имеющимся (что <u>затем</u> может быть описано <i>как изображение</i> того (тех) из них, что был(-и) ассоциативно вызван(-ы) другим); |
| 9-10 | поэтому метафорический образ <i>ментален и обязательно когнитивен</i> | поэтому психический образ <i>ментален и необязательно когнитивен (лишь в попытке его описать)</i> |
| 11 | <i>и прогрессивен</i> в мотивационном отношении «старое-новое» (т.е. новое (ООб/КОб) существует на основе старого (КОра), «старое→новое»). | <i>и регрессивен</i> в соотношении «старое-новое» (т.е. новое описывает старое, «старое←новое»). |
| 12 | Метафорический образ создается как <i>утверждение</i> о природе вещи <i>для многократного социального использования.</i> | Психический образ переживается как <i>представление</i> , неожиданное, сиюминутное, нередко неправдоподобное которое может быть намеренно материализовано <i>в качестве мнения.</i> |
| 13 | Из-за своей синтетической и диалектической природы метафорический образ <i>может вербализоваться минимальными средствами</i> (в смысловом объеме начальной ментальной вариации метафоры). | Из-за своей неточно дублетивной и стихийной природы психические образы <i>более полно вербализуются в комплексных единицах</i> , которые могут включать в себя и самостоятельные метафорические знаки. |
| 14 | Из «материала» психических образов состоит | Из вербализованных метафор |

| | | |
|--|---------------------|---|
| | содержание метафор. | может состоять языковой знак психических образов. |
|--|---------------------|---|

В таблице 1 уточнена природа ментальных компонентов метафорического и психического образов: ментальные единицы метафоры отражены в таблице 2; под составляющими психического образа понимается образ-стимул и образ-реакция, и ассоциация между ними.

Таблица 2. Название компонентов метафоризации

| Название ментальных единиц, непосредственно участвующих в метафоризации | | Название взаимодействия ментальных единиц метафоризации | Название результата метафоризации |
|---|---------------------------------------|---|---|
| образ объекта / концепт объекта метафоризации (ООб / КОб) | концепт ориентира метафоризации (КОр) | включение ООба / КОба в КОр | метафора (↓ вербализованная метафора) |

Дадим некоторые комментарии к таблице 2. Несмотря на глубокую традицию, которая прослеживается в [2, с. 669; 19, с. 156; 10, с. 113; 8, с. 161; 6, с. 12], а также в современных работах (например, в [25; 24; 13; 26; 27; 28]), многие ученые видят механизм метафоризации не столько аналогизацию, сколько включение, что проявляют и приведенные выше определения метафоры. Можно считать это включение общеутвердительным атрибутивным суждением, а метафору – результатом такого суждения. Такое понимание метафорического механизма укоренилось в современной лингвистике, хотя и не оформилось терминологически: в структуре N_1-N_1 метафорические модели описываются в [20] и вслед за этим в метафорологических исследованиях А.П. Чудинова и Э.В. Будаева [9; 30], А.Н. Баранова [7] и их учеников, а также в других исследованиях последних лет, например в [21; 22; 23; 15; 13; 1; 18; 17; 31].

С учетом отмеченных дополнений материалы таблицы 1 можно считать списком дифференцирующих признаков метафорических и психических образов. Именно в такой функции таблица 1 используется в данной работе.

К описанным теоретическим размышлениям в области метафорологии авторы данной статьи приходят после анализа языковых единиц художественного дискурса Е.И. Замятина. Методом сплошной выборки иллюстративный материал данной работы взят из художественных произведений первого и второго тома полного «Собрания сочинений» названного писателя (Москва: Русская книга, Дмитрий Сечин, Республика, 2003–2011 гг.).

Основная часть. Как показывает наше исследование, авторские метафоры Е.И. Замятина редко отвечают признаку 13 о возможности вербализоваться минимальными средствами, в большей части метафорические знаки распространены, поэтому проблема разведения метафорических и психических образов, кодируемых в произведениях исследуемого писателя, иногда ставится острее, чем в текстах с метафорическими словосочетаниями. Крупные метафорические знаки замятинского дискурса необходимо отличать от знаков, выражающих образы сознания напрямую, описывающих их как пейзаж, например, или пересказывающих, допустим, сон как историю. Далее представим анализ психических образов, вербализованных в замятинском художественном дискурсе, сначала вне сопоставления, затем в сопоставлении с вербализованными метафорами Е.И. Замятина.

Безусловно, нельзя считать персонификацией (олицетворением), метафорами и др. (как их понимает лингвистика) образы сновидений из замятинского рассказа «Африка» ([34, с. 324]), в том числе болезненные – из рассказа «Колумб» ([34, сс. 376, 383, 384]),

потому что в их измерении все существует как реальное – «всё можно во сне», как сказано в повести «Полуденница» [34, с. 349], а значит, эти образы не синтетичны, не складываются из ООбов / КОбов и КОров. При этом их нельзя не считать психическими – психология правомерно заявит об ошибке, к тому же их признаки 6, 9, 12 ярко выражены. Более того, нереалистичные, близкие мистическим, фантастическим, образы следует понимать также психическими, а контексты типа *Вздрагивает тьма, шепчет страшную мысль* [34, с. 31], *С грохотом несется мрак и свистит мимо ушей* [34, с. 35], *Из темных углов, полных мохнатой пыли, ползут душные сны* [34, с. 62] из рассказа «Один» – знаками психических образов воспаленного сознания, чуткого к окружающей действительности и рождающего малообъяснимые тождества, что формирует признаки 4, 6, 9–12 психических образов. Подчеркнутая неправдоподобность описываемого может быть еще одним признаком психического образа, основанным на признаке 12. В обычном мире она может оказаться ошибкой и признака 12 для дифференциации психического образа недостаточно, но не в художественном дискурсе, каждая единица которого избрана интенцией автора. Действительно, не вызывает сомнений, что персонаж контекста *Реалистические, рыжие сапоги его ерзали, он искал слов на полу, он мог каждую минуту наступить на них сапогами* из рассказа «Мученики науки» [35, с. 153] ничего под ногами не ловил – здесь вербализован стереотипный образ сконфуженного, растерянного человека. Несомненно, что контекст *Механические руки и ноги. Поднимать и опускать их – нужно какими-то цепями, лебедкой, как корабельные стрелы, и вертеть лебедку – одного человека мало: надо троих. Через силу натягивая цепи, Мартин Мартиныч поставил разогреться чайник ... Все медленней двигался Мартин Мартиныч, ноги увязали в зыбучем песке, все тяжелее вертеть лебедку. Вдруг цепь сорвалась с какого-то блока, стрела-рука – ухнула вниз* из рассказа «Пещера» [34, с. 547] так неправдоподобно репрезентирует образ персонажа, чтобы выразить неестественность его поведения. Неправдоподобность противоречит когнитивности, значит, является проявлением признаков 9–10 психического образа; неслучайно В. Шмид под метафорой понимает «образ, понимаемый в буквальном смысле, рассматриваемый как "объективный"» [32, с. 672]. Примечательно, что в последнем контексте это подчеркивается неуверенностью нарратора в однозначности описываемого – используется неопределенное местоимение *какой-то*.

Неправдоподобность содержания языкового знака вызывает у его интерпретатора желание ее объяснить – выйти на образ-стимул. Так обнаруживаются признаки 6 и 11 психического образа. В контексте *Внизу стекла – зеленые, сверху – оранжевые. От зеленого – по полу полз мягкий дремучий мох. Потихоньку, лукаво над зеленым мхом росло, росло оранжевое солнце. И вот – буйно вверх, прямо над головою, и дышать – только ртом, как в тропиках. Неудержно переплетающиеся травы, судорожно вставшие к солнцу мохнатые стволы. Черно-оранжевые ветви басов, с нежной грубостью, все глубже внутрь – и нет спасения: женицины раскрывались как раковины, бросало Бога в жар от их молитв* из рассказа «Ловец человеков» [34, с. 489–490] неправдоподобность подкрепляется эксплицитной репрезентацией образа стимула (его знак выделен) и ментальной цепочкой его трансформации в образ-реакцию, превращенный в карикатурный (признаки 4, 6, 10, 11, 12 психического образа). Также нарратор повести «На куличках» сообщает, что *наверху в зале табашники так натабачили, что хоть топор вешай* [34, с. 155], и это помогает понять, что «на глазах» нарратора возникает следующий образ-реакция (проявляются признаки 6, 9–10 психического образа): *И в гомоне, в рыжем тумане – не люди, а только кусочки человечьи: там чья-то лысая, как арбуз, голова; тут, внизу, отрезанные облаком, косопалые капитан-нечесовы ноги; поодаль – букет повисших в воздухе волосатых кулаков. Человечьи кусочки плавали, двигались, существовали в рыжем тумане самодовлеюще – как*

рыбы в стеклянной клетке какого-то бредового аквариума [34, с. 155]. Если интерпретатор этого контекста не представляет комнату, в которой много курят, то словосочетание *в рыжем тумане* подсказывает, почему видны только *кусочки человечьи* – именно видны, а не существуют, например, вместо целого (тогда стоило бы говорить о метонимии) или не являются таковыми по сути (это свидетельствовало бы о метафоре).

Интересно, что данный психический образ разноместно вербализуется по частям, а приведенный выше контекст выступает предваряющим образный нарратив. В нем те же *кусочки человечьи обступили Андрея Иваныча, загалдели, стиснули ... Но все казались Андрею Иванычу на один лад: как рыбы в аквариуме*. Здесь вербализуются элементы психического образа, появляется маркер *казались* стихийной трансформации образа- стимула в образ-реакцию (см. об этом ниже). После этого *над столом висела лысая, как арбуз, тускло блестящая голова, и ровными рядами разложены были карты. Арбуз морщил лоб, что-то шептал, тыкал в карты пальцем* [34, с. 155]. Логическим методом единственного сходства, с помощью которого определяют причинные связи, можно установить, что если *из карточной переплыл в столовую табачный дым и опять засновали в рыжих облаках самодовлеющие человечьи кусочки: головы, руки, носы* [34, с. 156], значит наблюдается реакция на тот же стимул, описанный ранее. Так нарратор научает интерпретатора однозначно считывать контекст *Качались, мигали в тумане человечьи кусочки: красные лица, носы* [34, с. 157] как продолжение знака психологического образа про накуренную карточную.

Маркером знака психического образа являются фразы типа *ей/ему/мне (по)казалось/представилось* и под., как в контекстах *Шмит потерял усмешку – и лицо его показалось Андрею Иванычу почти что даже неприятным: неровное какое-то, из слишком твердого сделано, нельзя было как следует заровнять – слишком твердое. Да и подбородок...* [34, с. 150] или *И казалось, рассудок, помертвевший и придавленный, вдруг вырвется и помчится с диким, безумным хохотом, и дрожью, и воплями* [34, с. 56] из повести «На куличках» и рассказа «Один» (соответственно): подобные фразы одномоментно эксплицируют признаки 4–13 психического образа, к тому же из контекста про Шмита понятно, что образ восприятия Шмита стал стимулом формирования в сознании воспринимающего другого образа, а это проявляет признак 6 психического образа. Компоненты типа *ей/ему/мне (по)казалось/представилось* могут существовать латентно, но предсказуемо: декодируя контекст *В окно тянул ветер. Покачиваясь, брюки жили: короткое, обрубленное, кубическое существо, составленное только из ног, брюха и прочего принадлежащего. И вот <, кажется,> снимутся, и пойдут вышагивать – между людей и по людям, и расти* из рассказа «Ловец человеков» [34, с. 487] интерпретатор инференциально понимает, что рассказчик говорит о человеке в окне фиктивного мира произведения, что он описывает происходящее «на глазах», а возможность вставить «говорящую» вводную конструкцию так, как мы показали, подтверждает субъективность воспринятого. Здесь важно отметить, что в ряду замятинских метафорических знаков с составными именными сказуемыми нет сказуемых с полуотвлеченными связками наподобие *казаться*. (В художественном дискурсе Е.И. Замятина найдено 24 именных сказуемых; далее – несколько примеров из рассказов «Ловец человеков», «На куличках», «Колумб» (соответственно): *Хэмпстэд-парк до краев был налит шампанским: туман легкий, насквозь проволоченный острыми искрами* [34, с. 493]; *Земля – мерзлая, тусклая, голая – лежала неубранным покойником* [34, с. 169]; *Звезды выходили омытые, бледные, взволнованные* [34, с. 379].) Кратковременность и обусловленность (образом ветра) данного образа также подтверждают его психическую природу на основании ее признаков 9–10, а также 12.

На том же основании ситуативности, стихийности появления психического образа в контексте *похлопывает буфетчика по плечу с такой осторожностью, что ясно: буфетчик одет не в пиджак, а в мыльный пузырь, и тронуть чуть посильней – все лопнет*, и уйдет Семен Семеныч ни с чем из рассказа «Детская» [34, с. 554] психический образ тоже прочитывается за счет условных синтаксических отношений между выделенными здесь предикативными частями данной многокомпонентной синтаксической конструкции, а также за счет контекстной противопоставленности (авторские антонимы *не в пиджак, а в мыльный пузырь*), усиленной глаголом *лопнуть*, синтагматически связанным с оборотом противопоставления, и за счет употребления лексемы *ясно* – эти языковые единицы отражают ментальный процесс ассоциирования, протекающий в реальном времени.

Контекст рассказа «Мамай» *В мамаевской спальне на стене – голубой клетчатый рыцарь замахнулся голубым мечом и застыл. ... Голубой рыцарь зажмурил глаза: так ясно, до жути – вот сейчас перекрестится человек, вытянет вперед руки – и как в воду с головою – бултых!* [34, с. 481] мы относим к знаменосителям психических образов на основании сильно выраженных признаков 4–6 психического образа (в контексте идет речь об изображении рыцаря, которое в воображении нарратора оживает, потому что даже неживое восстает от происходящего перед этим изображением), признаков 9–10 («живая» ментальная трансформация стимулирующего образа восприятия в ассоциативный образ-реакцию кодирована фрагментом *так ясно, до жути – вот сейчас*), а также 11 (последовательностью знаков образа-стимула и образа-реакции подтверждается регрессивность соотношения «старое-новое»).

Контекст из «Рассказа о самом главном» *Сквозь железные кружева – секундные куски сини, желтых соломенных крыши, серой речной ряби внизу* [35, с. 111] является знаком психического образа по проявленным признакам 11 и 12: здесь говорится о железном мосте, образ которого вызвал образ ткани с аппликацией; мгновенность ассоциации подчеркивается употреблением лексемы *секундный*. Утверждать психичность, а не метафоричность этого образа нам помогает также неореалистическая художественная концепция Е.И. Замятина. В статье «О синтетизме» писатель приводит пример художественного образа, вербализованного в стиле неореализма, в сопоставлении с реалистическим художественным образом. Реалистический художественный образ колокольни появляется «в покойном дормезе» при созерцании: «Вы неспешно открыли в дормезе окно; прищурились от сверкающего на солнце шпица, от белизны стен; отдохнули глазом на синеве прорезей в небе». Неореалистический образ – из «авто» – той же колокольни Е.И. Замятин выражает импрессионистично: «Миг, выросла – сверкнула. И осталось только: повисшая в воздухе молния с крестом на конце; ниже – три резких, черных – один над другим – выреза в небе» [14, с. 170]. Из статьи следует, что неореалистический художественный образ должен быть обязательно психическим – от первого почти болезненного впечатления. Образу колокольни из статьи «О синтетизме» свойственны все признаки психического, и он сходен с контекстом из «Рассказа о самом главном» – можно сказать, что последний является хрестоматийным.

Сюжетная линия Мамай из одноименного рассказа – это раздвоенное мучительное существование персонажа в качестве правильного, безликого существа – мужа и гражданина – и, наедине с собой, в качестве романтически одержимого книголюба, и контексты о книгах уже поэтому можно воспринимать как внутреннюю речь Мамай, в том числе этот: *Из окна улыбалась, раскинувшись соблазнительно, сладострастно – екатерининских времен книга: «Описательное изображение прекрасностей Санкт-*

*Питербурха». И небрежным движением, с женским лукавством, давала заглянуть внутрь – туда, в теплую ложбинку между двух упруго изогнутых, голубовато-мраморных страниц [34, с. 481]. Кроме этого, к нему подводит следующий факт фиктивного мира рассказа: По незнакомому Загородному потерянно бродил Мамай. <...> Вдруг вздернулась голова, ноги загарцевали двадцатипятилетне, на щеках – маки: из окна улыбалась Мамаю – ... [34, с. 481]. Он дает понять, что персонаж резко пережил эмоциональный подъем, в этом состоянии что-то увидел. С помощью анадипозиса связываются два приведенных контекста, и мы понимаем, что первый из них, хронологически второй, – это увиденное Мамаем. На основании знаний о его отношении к книгам и описания его аффективного состояния при встрече с лучшей из них мы полагаем, что контекст о книге – это психический образ, возникший у него от воодушевления, с ярко выраженными признаками 9–12 психического образа. А если для Мамаю книга сродни возлюбленной, тогда в контексте *За прилавком седобородый, кустобровый Черномор, в плену у которого обитала она* [34, с. 482] можно уловить мамаевский романтизм, а значит психичность, что превращает этот контекст в знак психического образа, продолжающий предыдущий.*

Нарратор следующего контекста из рассказа «Ловец человеков» передает психические образы впечатлений от соприсутствия влюбленных: *По двое тесно на скамеечках, плечом к плечу, все ближе. Истлевало скучное платье, и из тела в тело струилось солнечное шампанское. ... [34, с. 493]. Это выражается в том, что первое предложение контекста сообщает о причине, т.е. стимуле, возникновения образа (признаки 6, 10 психического образа, а также 12), что из-за временной ограниченности действия этой причины реакция также временна, стихийна (признак 9).*

Стихийность и ассоциативность ощущений из контекста рассказа «Девушка» – *Слышите запах? Это цветы ласкают друг друга и умирают, и это запах их ласк* [34, с. 74] проявляют его психическую образность: очевидно, запах появился только что и тут же возник его образ (признаки 4–6, 9); он психический, потому что не посягает на точность – это образ страстно, но безответно влюбленной девушки, и он трагичен, мрачен (признаки 9–10), выражает индивидуальные представления (признак 12).

Контексты рассказа «Землемер»

(1) *Туча была темно-лиловая, узкая и длинная, как язык;*

(2) – *Язычина-то с неба какой нам высунут, а? – глядел вверх землемер. – То есть до чего п-п-подходяще: именно – язычина с неба... – закатывался землемер* [34, с. 460];

(3) *Всю дорогу до станции висел над землемером лиловый с неба язык* [34, с. 468]

крайне важны здесь, потому что они содержат однотематические знаконосители и сравнения (1), и психического образа (2), и метафоры. Сравнение «оправдывается», но для доказательства своей правоты. Психический образ «сомневается в своей правоте», на проповедническую миссию не рассчитывает (сравнение контекста 1 проявляет признак 4 психического образа; признаки 9–12 прослеживаются в авторских словах конструкции с прямой речью – эмоционально расшатанный землемер поднял голову, увидел тучу, его воображение неожиданно создало образ). Метафора не сомневаясь констатирует факт – полностью замещая наименование ООба / КОба именем КОра, показывая, что это возможно. Контексты 1–3 важны и потому, что они подтверждают признак 14 метафор: эти контексты отражают смысловую преемственность между знаками 1–2 психического образа и метафорического знака 3 – их интерпретатор понимает, что психический образ был абстрагирован не просто для описания, но для объяснения состояния природы, четкого его обозначения, а контексты 1–2 выступают как праметафорические знаки.

Также мы разводим психический образ и метафору контекста из рассказа «Икс» с *разинутым ртом и круглыми глазами Алешка походил сейчас на тех беспощадно нанизанных на веревку ершей, которые вчера вечером болтались в дьяконовой руке перед окном у Алешки.* По признакам 4–6, 9–10, 12 в данном предложении этого контекста определяется психический образ: словоформа *походил* говорит о стихийно совершившейся трансформации образа-стимула в образ-реакцию; лексема *сейчас* подчеркивает стихийность и временность этой трансформации. В качестве праметафорического знака эта часть контекста подготавливает метафору, вербализованную в остальных предложениях данного контекста – *В ершовом виде Алешка простоял... . Затем он сорвался с веревочки, на которую нанизала его судьба* [35, с. 97]. Так, данный контекст снова проявляет признак 14 метафор.

В интерпретации нарратора психический образ персонажа описан в контексте рассказа «Икс» *От этого в дьяконе сразу как бы повернулся выключатель и осветил комнату, где (внутри дьякона) с кем-то целовалась Марфа. Все остальное потухло* [35, с. 107]. Нарратор старается передать, что или в какой структурности представлял персонаж, и именно это отличает такие контексты от метафорических знаков. В таких случаях метафора должна была бы отвечать на вопрос, например, «Как? Каким образом персонаж представляет...?», знак же психического образа кодирует, что представляет персонаж (признак 12 психического образа). Сравнительный союз *как бы* не может констатировать истину, но проявляет признак 4 психического образа, а лексемы *от этого* и *сразу* проявляют его признаки 4, 9 и 10. Смысловое продолжение этого контекста следующее: *Мгновенно погасла (в дьяконе) комната, посвящённая марфизму, – вспыхнула другая ... это теперь осветилось в темноте совершенно ясно* [35, с. 108]. Его мы считаем знаком психического образа из-за уточнения (*в дьяконе*), которое дает понять, что здесь продолжается описание образов сознания персонажа, значит и для этого контекста актуальны рассуждения о предыдущем.

Безусловно, во внутренней речи персонажей и в дискурсе, отражающем поток сознания, вербализация психического не только вероятна, но и ожидаема. В рассказе «Африка» контекст *Да полно, Яуста ли это? У Яусты волосы – как рожь, а у этой – как вода морская, русальи, зеленые. Яуста – румяная, рыжая, а эта – бледная с голубью, горькая. Или месяц весенний заневодил зелено-серебряной сетью ту, дневную?* [34, с. 325] также понимается в качестве знака психического образа, потому что он выражает удивление героя рассказа Федора Волкова (признак 12), возникшее при встрече со знакомой (признак 11) *горькой* девушкой Яустой, которую он случайно увидел в открытом окне (признаки 8 и 9). Кроме того, из контекста понятно, что персонаж еще только создает образ, с которым можно было бы соотнести образ девушки, возможно, в цельной метафоре (признаки 4–6 и 9–10).

На материале анализа последних четырех замятинских контекстов прослеживается важность вербализации сравнения для обозначения психического образа. Благодаря ей понятно, что следующие контексты (из рассказов «Север», «Ловец человеков», «Один», «Алатырь» соответственно) также являются знаками психических образов – образов нарратора, воспринимающего реалии фиктивного мира произведения и рассказывающего о них:

На севере встал синий сполох – и еще глубже, лютее тишь. [→] *Будто на самом на дне; и сверху пригнуло непроходимым синим льдом, и сквозь тысячеверстный синий лед светит мерзлое солнце на дно* [34, с. 529];

Она была вся налита сладким янтарным соком солнца: мучительно надо было, чтоб ее отпили хоть немного. [→] *Яблоко – в безветренный, душный вечер: уж налилось,*

прозрачнее, задыхается – ах, скорее бы отломиться от ветки – и наземь [34, с. 491];

Глаза *ушли вглубь* [→] – будто наступало на них, всё ближе, страшное – и они пригнулись, притаились и прыгнут сейчас с криком ужаса [34, с. 61];

Еле дождалась *Пасхи*. День выпал на славу. С утра *сусальным золотом* солнце покрыло Алатырь [→] – стал город, как *престольный образ*. Красный трезвон брнчал серебром весь день. Веселая зелень трав расстелила сукно торжественной встречи. И напротив самых присутственных мест – топтала сукно свинья... [34, с. 273] –

они проявляют ментальное искажение референта-стимула (знаки искажения выделены), которое становится основанием, образом-стимулом, сравнения с другой ментальной единицей, который выступает как образ-реакция, результат сравнения (знаки образ-реакций расположены справа от стрелки, изображающей переход от стимула к реакции). Не случайно, что содержание знаков основания повторяется, дополняясь и уточняясь, в знаках результатов сравнения: *глубже – на дне, тишь – пригнело льдом; налита – налилось; ушли вглубь – пригнулись, притаились*. Так, знаки сравнения оказываются эффективным средством вербализации психических образов – они соответствуют признакам 4, 6, 7, 9, 10, 11, 12 психических образов.

Заключение. Проведенное исследование показало, что есть основания говорить об особом типе изобразительно-выразительных языковых средств, напрямую кодирующих психические образы. Яркими маркерами таких средств являются языковые единицы с семантикой искажения восприятия (например, *(по)казаться*), текущего времени (например, *сейчас, секундный, сразу*), обусловленности (бессоюзные сложные предложения), детерминированности (*от этого*), интеллектуальной работы (*было ясно, какой-то*), а также сравнения (*походил, как бы*). Последние, вероятно, играют главную роль в вербализации психических образов, и, возможно, – единственную роль. Этот вопрос должен стать объектом отдельного исследования. Можно говорить о композиции знаков психических образов, если это знак последовательности, «образ-стимул → образ-реакция». Представленный анализ единиц художественного дискурса Е.И. Замятина показывает, что есть основания, необходимость и возможность – с использованием списка перечисленных в данной работе дифференцирующих признаков – различать языковые знаки метафор и собственно психических образов. Главными отличительными от психических образов свойствами метафоры можно определить ее синтетичность, прогрессивное смыслообразование нового знания от старого, осознаваемая мотивированность этого смыслообразования, абстагированность и предназначенность для многократного социального использования; ярким показателем вербализации психического образа является неправдоподобность описываемого, а также его стихийность в силу кратковременности, ситуативной обусловленности. Так как формальных маркеров метафорических знаков и знаков психических образов немного и они не всегда используются и так как их названные характерные черты в основном «вычитываются между строк», знаки метафорических и психических образов необходимо исследовать в дискурсивном масштабе, что проявило данное исследование. Дифференциация вербализованных метафорических и психических образов уточняет как понимание этих ментальных единиц и их языковых знаков, так и анализ художественных текстов, который «очищается» от неоднозначности «темных мест» в лингвистических исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимуратов О.А. Религиозная метафора и способы ее вербализации в англоязычных теологических текстах / О.А. Алимуратов, Е.В. Милетова, О.С. Шибкова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – №1. – С. 32–46.
2. Аристотель. Поэтика / Аристотель // Сочинения: в 4-х т. – Москва, 1983. – Т. 4. – 830 с.

3. Арутюнова Н.Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры / Н.Д. Арутюнова // *Res Philologica: Филологические исследования памяти академика Георгия Владимировича Степанова* / Ответственный редактор Д.С. Лихачев. – Москва-Ленинград: Наука, 1990. – С. 71–88.
4. Асташина Е.И. О различии метафорических и психических образов, вербализованных в художественном тексте (на языковом материале малой прозы Е.И. Замятина) / Е.И. Асташина // *Известия Смоленского государственного университета*. – 2020. – № 2 (50). – С. 77–90.
5. Асташина Е.И. «Текст» и «Дискурс»: к теории и методологии терминологической дифференциации (с привлечением «Сказок про Фиту» Е.И. Замятина) / Е.И. Асташина // *Ученые записки Орловского государственного университета*. – 2018. – № 1. – С. 75–80.
6. Ахмадеева С.А. Аппликативная метафора: Структурные, морфолого-семантические и коммуникативно-прагматические особенности функционирования в языковом и речевом аспектах : автореферат дис. ... канд. филологических наук. 10.02.01./ Ахмадеева Светлана Альфредовна ; Изд-во Кубан. гос. ун-та. – Краснодар, 1999. – 22 с.
7. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры / А.Н. Баранов. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
8. Блэк М. Метафора / М. Блэк // *Теория метафоры* / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. — С. 153-172.
9. Будаев Э.В. Метафора в политическом интердискурсе / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 214 с.
10. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. – Москва: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
11. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука / П.Я. Гальперин. – М. : Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. – 480 с.
12. Гончарова Н.Ю. Общетеоретические основы изучения понятия «Образ» / Н.Ю. Гончарова // *Вестник ВятГУ*. – 2012. – №2. – С. 33–37.
13. Димитриева О.А. Метафорическое осмысление жизненного пути и поиска смысла жизни в романе В. Пелевина «Непобедимое Солнце» / О.А. Димитриева // *Русский язык в школе*. – 2022. – 83 (5). – С. 68–76.
14. Замятин Е.И. О синтетизме / Е.И. Замятин // *Собрание сочинений: В 5 т. Т.3. Лица* / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина. – М. : Русская книга, 2004. – С. 164–172.
15. Игнатъева А.С. Метафорическая картина мира студентов как средство концептуализации специфики образования в эпоху постмодерна (на материале ассоциативного эксперимента) / А.С. Игнатъева // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2023. – Т. 16. – №9. – С. 2893–2898.
16. Иванюк Б.П. Метафора и произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования) / Б.П. Иванюк. – Черновцы : Рута, 1998. – 252 с.
17. Камышева О.С. Метафоры со сферой-источником «Музыка» и особенности их структуры в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише» / О.С. Камышева // *Вестник Череповецкого государственного университета*. – 2023. – №4 (115). – С. 88–104.
18. Катермина В.В. Лингвосомиотические характеристики метафоры в профессиональном дискурсе / В.В. Катермина, Т.А. Ширяева // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. – 2023. – №1. – С. 47–58.
19. Квятковский А. Метафора / А. Квятковский // *Поэтический словарь*. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – С. 156–158.
20. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : УРСС Эдиториал, 2004. — 256 с.
21. Лонская А.Ю. Метафора в политическом дискурсе российских печатных СМИ как инструмент вербализации лингвокультурных реалий (1991–2008 гг.) / А.Ю. Лонская // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2021. – Том 14. – Выпуск 9. – С. 2689–2694.
22. Меньшикова Е.Е. Метафорический образ Байкала в рекламном туристическом нарративе / Е.Е. Меньшикова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2021. – Т. 14. – №2. – С. 387–393.
23. Меньшикова Е.Е. Метафорический концепт ВОДА в рекламном туристическом нарративе (на примере озера Байкал) / Е.Е. Меньшикова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2023. – Т.16. – №3. – С. 802–808.
24. Николина Н.А. Функционирование предметных метафор и сравнений в текстах современной русской прозы / Н.А. Николина, З.Ю. Петрова // *Русская речь*. – 2022. – № 4. – С. 75–86.
25. Николина Н.А. Компаративные конструкции и структура повествования (на материале современной русской прозы) / Н.А. Николина, З.Ю. Петрова, Н.А. Фатеева // *Русская речь*. – 2022. – № 1.

– С. 106–118.

26. Николина Н.А. Функционирование компаративных тропов в романе Е. Водолазкина «Чагин» / Н.А. Николина, З.Ю. Петрова // Русская речь. – 2023. – № 4. – С. 102–112.

27. Николина Н.А. Компаративные конструкции в современной русской прозе: эволюция образа сравнения / Н.А. Николина, З.Ю. Петрова // Русский язык в школе. – 2023. – № 84(5). – С. 75–81.

28. Петрова З.Ю. Система сравнений и метафор в романе О. Славниковой «2017» / З.Ю. Петрова, Н.А. Фатеева // Русская речь. – 2023. – № 6. – С. 95–106.

29. Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. – 583 с.

30. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

31. Чупрякова О.А. Метафорические особенности репрезентации концепта ЖЕНЩИНА в мужской картине мира (на примере афористики XIX–XXI вв.) / О.А. Чупрякова, С.С. Сафонова, Д.И. Рахимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. – №3. – С. 930–934.

32. Шмид В. Орнаментальный текст и мифологическое мышление в рассказе Е. Замятина «Наводнение» / В. Шмид // Е. И. Замятин: pro et contra, антология / Сост. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой, вступ. статья Е.Б. Скороспеловой. – Санкт-Петербург: РХГА, 2014. – С. 671–690.

33. Ritchie L. David. Metaphor (Key Topics in Semantics and Pragmatics.). Cambridge University Press, 2013, 242 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

34. Замятин Е.И. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Уездное. / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина. – Москва: Русская книга, 2002. – 608 с.

35. Замятин Е.И. Собрание сочинений: В 5 т. Т.2. Русь. / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина. – Москва: Русская книга, 2003. – 592 с.

REFERENCES

1. Alimuradov O.A., Miletova E.V., Shibkova O.S. (2023). Religioznaya metafora i sposoby` ee verbalizacii v angloyazy`chny`x teologicheskix tekstax [Religious metaphor and ways of its verbalization in English-language theological texts] in Aktual`ny`e problemy` filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], 1, pp. 32–46. (In Russian).

2. Aristotel` (1983). Poe`tika [Poetics] in Aristotel`, Sochineniya v 4-x t. [The Writings of Aristotle in 4 volumes]. 4, 830 p. (In Russian).

3. Arutyunova N.D. (1990). Obraz, metafora, simvol v kontekste zhizni i kul`tury` [Image, metaphor, symbol in the context of life and culture] in Res Philologica: Filologicheskie issledovaniya pamyati akademika Georgiya Vladimirovicha Stepanova [Res Philologica: Philological research in memory of Academician Georgy Vladimirovich Stepanov] (pp. 71–88). Moskva-Leningrad: Nauka. (In Russian).

4. Astashina E.I. (2020). O razlichenii metaforicheskix i psixicheskix obrazov, verbalizovanny`x v xudozhestvennom tekste (na yazy`kovom materiale maloj prozy` E.I.Zamyatina) [On the distinction between metaphorical and psychic images verbalized in a literary text (based on the linguistic material of E.I. Zamyatin's short prose)] in Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Smolensk State University], 2 (50), pp. 77–90. (In Russian).

5. Astashina E.I. (2018). «Tekst» i «Diskurs»: k teorii i metodologii terminologicheskoy differenciacii (s privlecheniem «Skazok pro Fitu» E.I.Zamyatina) ["Text" and "Discourse": towards the theory and methodology of terminological differentiation (with the involvement of "Tales about Fit" by E.I. Zamyatin)] in Ucheny`e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of the Oryol State University], 1, pp. 75–80. (In Russian).

6. Axmadeeva S.A. (1999). Applikativnaya metafora: Strukturny`e, morfologo-semanticheskie i kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti funkcionirovaniya v yazy`kovom i rechevom aspektax : avtoreferat dis. ... kand. filologicheskix nauk [Applicative metaphor: Structural, morphological-semantic and communicative-pragmatic features of functioning in linguistic and speech aspects : abstract of the dissertation] (Doctoral dissertation). (22 p.). Krasnodar. (In Russian).

7. Baranov A.N. (2014). Deskriptornaya teoriya metafory` [The descriptive theory of metaphor]. Moscow: Yazy`ki slavyanskoy kul`tury`, 632 p. (In Russian).

8. Ble`k M. (1990). Metafora [Metaphor] in Teoriya metafory` [Theory of metaphor] (pp.153-172). Moskva: Progress. (In Russian).

9. Budaev E`.V. (2006). Metafora v politicheskom interdiskurse [Metaphor in the political interdiscourse]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 214 p. (In Russian).

10. Gak V.G. (1977). Sopostavitel'naya leksikologiya. (Na materiale francuzskogo i russkogoazyzy'kov) [Comparative lexicology (Based on the material of French and Russian languages)]. Moskva: Mezhdunar. otnosheniya, 264 p. (In Russian).
11. Gal'perin P.Ya. (1988). Psixologiya kak ob'ektivnaya nauka [Psychology as an objective science]. Moskva: Izdatel'stvo «Institut prakticheskoy psixologii». Voronezh: NPO «MODE`K». 480 p. (In Russian).
12. Goncharova N.Yu. (2012). Obshheteoreticheskie osnovy' izucheniya ponyatiya «Obraz» [General theoretical foundations of the study of the concept of "Image"] in Vestnik VyatGU [Bulletin of Vyatka State University], 2, pp. 33–37. (In Russian).
13. Dimitrieva O.A. (2022). Metaforicheskoe osmy'slenie zhiznennogo puti i poiska smy'sla zhizni v romane V. Pelevina «Nepobedimoe Solnce» [Metaphorical understanding of the life path and the search for the meaning of life in V. Pelevin's novel "The Invincible Sun"] in Russkij yazyk v shkole [Russian language at school], 83 (5), pp. 68–76. (In Russian).
14. Zamyatin E.I. (2004). O sintetizme [About synthetism] in E.I. Zamyatin, Sobranie sochinenij: V 5 t. [Collected works: In 5 volumes] (pp. 164-172). 3. (In Russian).
15. Ignat'eva A.S. (2023). Metaforicheskaya kartina mira studentov kak sredstvo konceptualizacii specifiki obrazovaniya v e'poxu postmoderna (na materiale asociativnogo e'ksperimenta) [A metaphorical picture of the world of students as a means of conceptualizing the specifics of education in the postmodern era (based on the material of an associative experiment)] in Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice], vol. 16, 9, pp. 2893–2898. (In Russian).
16. Ivanyuk B.P. (1998). Metafora i proizvedenie (strukturno-tipologicheskij, istoriko-tipologicheskij i pragmaticheskij aspekty' issledovaniya) [Metaphors with the source sphere "Music" and features of their structure in R. Valiullin's novel "Solo on one Key"]. Chernovcy: Ruta, 252 p. (In Russian).
17. Kamy'sheva O.S. (2023). Metafory' so sferoy-istochnikom «Muzyka» i osobennosti ix struktury' v romane R. Valiullina «Solo na odnoj klavishe» [Metaphors with the source sphere "Music" and features of their structure in R. Valiullin's novel "Solo on one Key"] in Vestnik Cherepoveczkogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Cherepovets State University], 4 (115), pp. 88–104. (In Russian).
18. Katermina V.V., Shiryayeva T.A. (2023). Lingvosemioticheskie xarakteristiki metafory' v professional'nom diskurse [Linguistic semiotic characteristics of metaphor in professional discourse] in Aktual'ny'e problemy' filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], 1, pp. 47–58. (In Russian).
19. Kvyatkovskij A. (1966). Metafora [Metaphor] in Poe'ticheskij slovar' [A poetic dictionary] (pp. 156-158). Moskva: Sovetskaya e'nciklopediya. (In Russian).
20. Lakoff Dzh. (2004). Metafory', kotory'mi my' zhivem [The metaphors we live by]. Moskva: URSS E'ditorial, 256 p. (In Russian).
21. Lonskaya A.Yu. (2021). Metafora v politicheskom diskurse rossijskix pechatny'x SMI kak instrument verbalizacii lingvokul'turny'x realij (1991-2008 gg.) [Metaphor in the political discourse of the Russian print media as a tool for verbalization of linguistic and cultural realities (1991-2008)] in Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2021, vol. 14, 9, pp. 2689–2694. (In Russian).
22. Men'shikova E.E. (2021). Metaforicheskij obraz Bajkala v reklamnom turisticheskom narrative [The metaphorical image of Lake Baikal in the advertising tourist narrative] in Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice], vol. 14, 2, pp. 387–393. (In Russian).
23. Men'shikova E.E. (2023). Metaforicheskij koncept VODA v reklamnom turisticheskom narrative (na primere ozera Bajkal) [The metaphorical concept of WATER in an advertising tourist narrative (using the example of Lake Baikal)] in Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice], vol.16, 3, pp. 802–808. (In Russian).
24. Nikolina N.A., Petrova Z.Yu. (2022). Funkcionirovanie predmetny'x metafor i sravnenij v tekstax sovremennoj russkoj prozy' [The functioning of subject metaphors and comparisons in the texts of modern Russian prose] in Russkaya rech' [Russian speech], 4, pp. 75–86. (In Russian).
25. Nikolina N. A., Petrova Z.Yu., Fateeva N.A. (2022). Komparativny'e konstrukcii i struktura povestvovaniya (na materiale sovremennoj russkoj prozy') [Comparative constructions and narrative structure (based on the material of modern Russian prose)] in Russkaya rech' [Russian speech], 1, pp. 106–118. (In Russian).
26. Nikolina N.A., Petrova Z.Yu. (2023). Funkcionirovanie komparativny'x tropov v romane E. Vodolazkina «Chagin» [The functioning of comparative tropes in the novel by E. Vodolazkina "Chagin"] in Russkaya rech' [Russian speech], 4, pp. 102–112. (In Russian).
27. Nikolina N.A., Petrova Z.Yu. (2023). Komparativny'e konstrukcii v sovremennoj russkoj proze: e'voljuciya obraza sravneniya [Comparative constructions in modern Russian Prose: the evolution of the image]

of comparison] in Russkijazyk v shkole [Russian language at school], 84(5), pp. 75–81. (In Russian).

28. Petrova Z.Yu., Fateeva N.A. (2023). Sistema sravnenij i metafor v romane O. Slavnikovoj «2017» [The system of comparisons and metaphors in O. Slavnikova's novel "2017"] in Russkaya rech' [Russian speech], 6, pp. 95–106. (In Russian).

29. Raxilina E.V. (2010). Lingvistika konstrukcij [The linguistics of constructions]. M.: «Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 583 p. (In Russian).

30. Chudinov A.P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory [Russia in a metaphorical mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 238 p. (In Russian).

31. Chupryakova O.A., Safonova S.S., Raximova D.I. (2024). Metaforicheskie osobennosti reprezentacii koncepta ZhENSHINA v muzhskoj kartine mira (na primere aforistiki XIX-XXI vv.) [Metaphorical features of the representation of the concept of WOMAN in the male picture of the world (using the example of aphoristics of the XIX–XXI centuries)] in Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice], vol. 17, 3, pp. 930–934. (In Russian).

32. Schmid V. (2014). Ornamental'nyj tekst i mifologicheskoe myshlenie v rasskaze E. Zamyatina «Navodnenie» [Ornamental text and mythological thinking in E. Zamyatin's short story "The Flood"]. In E.I. Zamyatin: pro et contra, antologiya [E.I. Zamyatin: pro et contra, an anthology]. Sankt-Peterburg: RXGA, pp. 671-690 (In Russian).

33. Ritchie L. David. (2013). Metaphor (Key Topics in Semantics and Pragmatics.). Cambridge University Press, 242 p. (In English).

Поступила в редакцию 21.10.2024 г.

DIFFERENTIATING FEATURES OF METAPHORICAL AND MENTAL IMAGES VERBALIZED IN ARTISTIC DISCOURSE BY E.I. ZAMYATIN

E.I. Astashina, O.A. Golovacheva

The article reflects the results of solving the problem of differentiation of metaphorical signs and signs of mental images in the artistic discourse by E.I. Zamyatin. As mental units, metaphorical, and psychic images are analyzed by means of self-observation, abstraction, and mental modeling. In this respect, it is proposed to explore the signs of metaphorical and psychic images in the discourse. The main features of metaphor that distinguish it from mental images are its synthetization, progressive semantic formation of new knowledge from the old one, conscious motivation, abstracting, and intention for multiple social use. The markers of the sign of mental images are identified. A special role of tropeic comparisons in the verbalization of mental images is pointed out to. It is proposed to identify the sign of a mental image as a separate visual and expressive means of language. It is maintained that the differentiation of verbalized metaphorical and psychic images clarifies both the understanding of these mental units and their linguistic signs, as well as the analysis of literary texts, which overcomes the ambiguity in linguistic research.

Keywords: metaphor, metaphorical, mental image, feature, sign, context, verbalized, Zamyatin, stimulus, reaction.

Асташина Евгения Игоревна.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
г. Брянск, Российская Федерация.
ORCID 0009-0008-9172-1271.
E-mail: unnamehuman@yandex.ru.

Astashina Evgeniya Igorevna.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russian Federation.
ORCID 0009-0008-9172-1271
E-mail: unnamehuman@yandex.ru.

Головачева Ольга Алексеевна.

Доктор филологических наук, доцент.
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
г. Брянск, Российская Федерация.
Профессор кафедры русского языка.
ORCID 0000-0003-4353-5796.
E-mail: golovacheva-olga@mail.ru.

Golovacheva Olga Alekseevna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russian Federation.
Professor of the Russian Language Department.
ORCID 0000-0003-4353-5796.
E-mail: golovacheva-olga@mail.ru.

Научная статья

УДК 811:111

DOI: 10.5281/zenodo.14512352

ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРАЙМИНГА НА БИЛИНГВАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СТИЛЕВЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ

© 2025 О.Б. Раух¹, К.Н. Бурнакова².

¹Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» МИЭТ, (ИЛПО)

²Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский городской педагогический университет»

ORCID¹: 0009-0005-0925-4984

ORCID²: 0009-0009-5833-594X



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Основной целью данного исследования была оценка степени восприятия семантической информации в условиях речевой вариативности (разговорный стиль/чтение) при предъявлении англоязычного материала. Предполагалось, что скорость реакции на стимулы с высоким частотно-семантическим коэффициентом, произнесенные в четком речевом регистре (чтение), должна быть выше у группы с более профессиональным уровнем знаний английского, чем у группы на начальном уровне языковой подготовки, при противопоставлении экспериментальных стимулов с низкочастотными семантическими единицами, произнесенными в разговорном стиле. Результаты показали выборочную активацию единичных стимулов при принятии лексического решения в обеих экспериментальных группах в каждом из представленных экспериментальных условий. Данные обеих языковых групп не показали общего семантического эффекта и влияния стиля речи на восприятие экспериментальных единиц вне зависимости от уровня языковой компетенции. Выявленный семантический эффект исключительно высокочастотных единиц указывает на внутреннюю частотно-рейтинговую организацию представленных экспериментальных стимулов. Эффект семантического прайминга возникает на материале самых узнаваемых словосочетаний и указывает на отсутствие прямой взаимосвязи с уровнем профессионализма участников эксперимента.

Ключевые слова: кросс-модальный семантический прайминг, билингвальная перцепция, коэффициент частотности, языковая компетенция, естественная речь, разговорный стиль речи, чтение, сегментационно-ориентированный корпус разговорной речи

Для цитирования: Раух О.Б. Влияние семантического прайминга на билингвальное восприятие стилизованных разновидностей английской речи / О.Б. Раух, К.Н. Бурнакова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 19–29. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14512352>.

Введение. Большинство современных перцептивных исследований сосредоточено в основном на тщательно артикулированном речевом материале. Однако для оптимальной межъязыковой коммуникации речь, возникающая в естественном коммуникативном контексте, является наиболее востребованной формой. Сложности при восприятии разговорной речи у реципиента сопряжены в основном с акустическими характеристиками речевого сигнала, такими как: связность речи, интонационные вариации, низкая чёткость артикуляции, редукция, ассимиляция или элизия звуков, варьирование скорости и громкости речи, а также

индивидуальные произносительные особенности говорящего (диалект, идеолект или акцент) [1, с. 124].

Так, акустический анализ естественной связной речи показал, например, что речевые характеристики могут быть выражены менее четко или даже быть избыточны в естественных стимулах. Это наблюдение соответствует и теории Линдблума, которая подтверждает, что некоторые части высказываний могут быть гипер- либо гипоартикулированными [7, с. 404]. Также существуют свидетельства, что степень артикуляционного усилия в высказывании говорящего может варьироваться в зависимости от коммуникативных и ситуативных требований [12, с. 1]. Задачей данного исследования было максимально приблизить эксперимент к естественным условиям.

Дополнительно для ведения успешной коммуникации слушатель должен уметь вычленять из потока речи смысловые единицы. В когнитивной системе лексические единицы сохранены посредством ассоциативных или семантических сетей, где доступ к лексической информации зависит от частотности использования конкретной единицы или через примыкающие ассоциации (использование слова в схожем контексте облегчает доступ к нему). Таким образом, семантически связанные понятия образуют более прочные связи или могут храниться ближе друг к другу, чем несвязанные понятия. Согласно принципу распространяющейся активации, разработанному Нили и Кахан, слова в ассоциативной сети активируются автоматически. Когда активируется один узел, активация распространяется по сети на другие концептуальные узлы, которые расположены поблизости [10, с. 70].

Эффект семантического прайминга возникает тогда, когда активация семантически связанного слова приводит к более короткому времени отклика на целевое слово, поскольку расстояние между связной парой прайм-целевой стимул (например, *вкус напиток*) короче, чем между несвязанной парой (например, *нюхать-пить*). Следовательно, одним из проявлений системных отношений слов является их сочетаемость, которая определяется предметно-смысловыми связями, грамматическими свойствами, либо лексическими особенностями.

Так, носители русского языка легко могут продолжить на основе начального элемента такие устойчивые словосочетания как: *Жили-были...*, *шариковая...*, *Красная...*, *пластиковый...*, *С Новым...*, *умом Россию...!* Однако выполнение подобного задания для иностранца, изучающего русский язык, может быть сопряжено с определенными трудностями. Это связано с субъективной частотно – вероятностной организацией ментального словаря носителей языка, а также с уровнем языковой компетенции учащихся.

В своих экспериментах Килман с коллегами экспериментально подтвердила влияние языковой компетенции на неродном языке на эффективность восприятия речи при различных типах маскировочных техник речевого сигнала [5, с. 1]. В случае билингвизма все упомянутые выше когнитивные процессы считаются еще более сложными, поскольку они должны быть скоординированы на двух языках.

Объект, предмет и цель исследования. Объектом данного исследования является билингвальное восприятие стилевых разновидностей англоязычной речи. Предметом исследования является восприимчивость иноязычных слушателей к высокочастотным семантическим единицам и сравнение влияния уровня языковой компетенции на время принятия лексического решения.

Цель эксперимента состояла в том, чтобы установить наличие эффектов семантического прайминга у носителей чешского и итальянского языков при принятии

лексического решения в задаче кросс-модального прайминга. Основываясь на гипотезу автоматического распространения семантической активации сети, предполагалось, что все три упомянутые выше фактора – семантическая сочетаемость, четкость артикуляции и уровень языковой компетенции, окажутся наиболее благоприятными условиями для восприятия иноязычной речи [3, с. 2341].

Теоретические обоснования. Психолингвистические исследования продемонстрировали, что влияние семантической контекстуальной информации сходно в обработке родного (L1) и неродного (L2) языков билингвов [6, с. 18], однако аналогичные исследования показали существенные различия в восприятии семантической контекстной информации на родном и иностранном языках [4, с. 135].

В частности, одноязычные исследования с использованием различных манипуляций с семантическим праймингом показали стабильность этого эффекта. Например, в экспериментах Волковысской в задаче на нейминг был установлен устойчивый эффект семантического прайминга у носителей русского языка на материале английского языка, при этом особое внимание уделялось использованию исключительно высокочастотных семантически связанных единиц [11, с. 100]. Однако в повседневной жизни, изучающие иностранные языки встречается с лексикой с разным коэффициентом частотности, в соответствии с этим и формируется их индивидуально-частотный словарь.

Дополнительно, исследования показывают, что билингвы, которым предлагаются предложения с низкой и высокой частотностью, используют семантическую информацию в полной мере в лабораторной, а не в разговорной речи [3, с. 128]. Также в речи в шуме, слушатели, не являющиеся носителями языка, способны меньше использовать семантическую / синтаксическую контекстуальную информацию [8, с. 688]. При этом уровень владения L2 считается посторонней переменной, которая имеет существенное влияние на результаты двуязычных исследований семантического прайминга.

Материалы и методы исследования. Поскольку это исследование сосредоточено на роли семантической информации, то потребовалась детальная оценка частотного индекса слов. Для этой цели был использован латентно-семантический анализ (LSA) – вычислительный метод, который оценивает семантическую связанность слов на основе прямых и косвенных совпадений слов в абзацах или текстах, извлеченных из большого собрания письменных корпусов. Оценки LSA варьируются от -1 до 1, где значения ближе к -1 указывают на низкую, а ближе к 1 указывают на высокую семантическую связь между словами.

Так целевые существительные с разной частотностью слов (диапазон: 40–58322) оцениваются в системе LSA на основе подсчета частотности для разговорного раздела корпуса современного американского английского языка (385 миллионов лексических единиц) в диапазоне от низкочастотных (например, *змеиный клюв*, показатель LSA: 0,36) до высокочастотных (например, *золото-серебро*, показатель LSA: 0,88). Таким образом, если для целевых стимулов в нашем исследовании появятся какие-либо эффекты семантического сходства, их можно рассматривать как результат восприимчивости слушателей к различиям в семантической взаимосвязи.

Для эксперимента были отобраны восемь пар слов на основе LSA, состоящих из именных двухсоставных словосочетаний, идентичных в последнем элементе стимула, но различающихся по частотному показателю их первого элемента. В эксперименте были использованы два типа пар: высоко- и низкочастотные словосочетания, такие как *plastic bag* (*полиэтиленовый пакет*) в сравнении с *garlic bag* (*чесночный пакет*). Экспериментальные единицы можно отнести к категории коллокаций как варианты

словосочетаний, которые имеют признаки синтаксически и семантически целостной единицы. Полный набор экспериментальных стимулов представлен в Таблице 1.

Таблица 1. Список экспериментальных стимулов с переводом на русский язык

| Словосочетания с высоким индексом частотности | Словосочетания с низким индексом частотности |
|--|---|
| <i>plastic bag</i> (полиэтиленовый пакет) | <i>garlic bag</i> (чесночный пакетик) |
| <i>cotton mill</i> (хлопчатобумажная фабрика) | <i>German mill</i> (немецкая мельница) |
| <i>rocking chair</i> (кресло-качалка) | <i>burning chair</i> (горящий стул) |
| <i>oil tanker</i> (нефтяной танкер) | <i>seal tanker</i> (танкер-герметик) |
| <i>bowling alley</i> (кегельбан) | <i>burning alley</i> (пылающий переулок) |
| <i>protest march</i> (митинг) | <i>breakfast march</i> (завтрак в марте) |
| <i>dinner jacket</i> (смокинг) | <i>runner jacket</i> (куртка для бега) |
| <i>garlic bread</i> (чесночный хлеб) | <i>plastic bread</i> (пластиковый хлеб) |

Таким образом, в эксперимент было включено 32 семантически связанных стимула (в двух стилевых вариациях речи), 16 семантически несвязанных пар - наполнителей и 48 псевдослов. Включение ограниченного количества псевдослов предохраняло от возникновения предвзятого ответа «ДА» на любой экспериментальный стимул, следовательно, позволяло обнаружить устойчивые эффекты. Все отобранные для эксперимента словосочетания были записаны в рамках сегментационно-ориентированного корпуса разговорной речи [12, с. 2].

Прототипом его создания послужила методология сегментационно-ориентированного корпуса разговорной речи, целью которого было мотивировать двух говорящих к взаимодействию в разговорной форме, описывая маршрут вокруг маркеров на карте. Изначально корпус предназначался для контроля соответствующих акустических характеристик границ слов. Маркеры состояли из парных словосочетаний, служивших ориентирами для описания маршрута на карте, у которых варьировалось положение потенциальной границы слова (см. Рисунок 1).

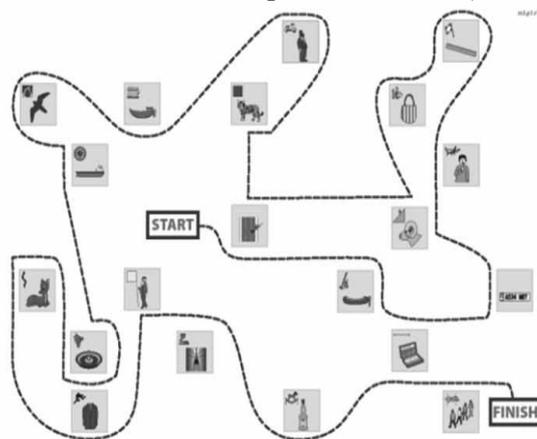


Рисунок 1. Пример карты с набором маркеров, использованных при описании маршрута карты в сегментационно-ориентированном корпусе разговорной речи

Первоначально говорящие были ознакомлены с названиями ориентиров, выучив названия символов по отдельности (например, *большой, серый, танкер, якорь* и т.д.). Тренинг длился до тех пор, пока все 108 названий ориентиров не были легко названы в разных комбинациях без опоры на чтение. Ориентиры, использованные в процессе описания маршрута, были графически извлечены для

перезаписи в формате индивидуальных сеансов чтения как образцы подготовленной речи. Полученные материалы были переформатированы в сегментационно-ориентированный корпус разговорной речи, созданный в исследовательских целях для научного сообщества [12, с. 2].

Тестовые единицы записывались шестью англичанами южно-британского диалекта. Запись производилась на цифровой носитель в формате wav (параметры записи 44 100 Гц; 16 бит) в фонетической лаборатории в звукопоглощающей кабине. После недельного перерыва после записи картографического задания в формате разговорной речи спикеров просили прочитать их собственные высказывания в стиле четкой речи цитирования, где предложения были представлены в рандомизированном порядке. Для контроля носитель канадского английского языка подтвердил, что все экспериментальные фразы были созданы естественным образом. Так, стимулы были подготовлены непосредственно к перцептивному эксперименту.

Методы исследования. В исследовании использовалась парадигма кросс-модального прайминга, с помощью которой определялось влияние предваряющей стимуляции акустического сигнала на скорость и точность идентификации тестовых зрительных объектов в зависимости от уровня семантической сочетаемости и стилей речи.

Экспериментальный набор слов и псевдослов был представлен в псевдорандомизированном порядке. Члены целевых пар слов никогда не появлялись подряд друг за другом с целью предотвращения влияния семантической связанности слов на их реализацию. Тестовая последовательность представляла собой чередование разных типов пар, смешанных в рандомном порядке с филлерами (псевдословами), представляющих собой схожие комбинации, но не являющимися реальными словами в английском языке. Порядок стимулов корректировался вручную в случае выстраивания подряд более шести существующих слов или трех псевдослов. Кроме того, рандомизация учитывала устранение эффектов рифмы и аллитерации между словами в последовательных испытаниях. Иллюстрационная репрезентация экспериментального стимула была представлена испытуемому на экране компьютера с опозданием на 0,5 секунды после звукового сопровождения, предъявленного через наушники.

В ходе эксперимента участники были проинструктированы о необходимости принятия лексического решения о том, являются ли предъявленные на мониторе компьютера и через наушники словосочетания реальными словами в английском языке или нет. Каждый стимул был представлен только один раз; межстимульный интервал предъявления составил 0,5 секунд. Экспериментальные стимулы менялись на мониторе автоматически после принятого лексического решения участниками эксперимента. Общая продолжительность эксперимента составляла 15 минут.

Время принятия лексического решения измерялось, и предполагалось, что время реакции на более частотные семантические словосочетания, произнесённые более чётко при чтении, будет короче, чем на низкочастотные пары, произнесённые в разговорном стиле. Также учитывалось влияние языкового уровня на результаты эксперимента и предполагалось, что высокий уровень владения языком так же может положительно повлиять на скорость реакции участников эксперимента, т.е. чешские испытуемые покажут более быструю реакцию на целевые стимулы, чем итальянские студенты.

Участники эксперимента. Носители чешского языка (90 участников первой группы эксперимента), о которых сообщается в этом исследовании, были студентами факультета американистики и литературы в Карловом университете в Праге, и носители итальянского языка (90 участников второй группы эксперимента) были

студентами компьютерной и системной инженерии в Университете Фредерико II в Неаполе. Участие в эксперименте поощрялось небольшим гонораром. Никто из участников не сообщил о возможных проблемах, связанных с нарушением речи или слуха. Из анализа были исключены три участника (два участника из Италии и один из Чехии), так как эти студенты владели двумя языками, а один чешский участник был левшой. Средний возраст студентов составил примерно 24,5 года (диапазон: от 19 до 30 лет). Студенты обеих языковых групп продолжали изучение английского как иностранного языка в университете.

На основе системной классификации Dialang онлайн теста учащиеся были разделены на две категории по уровню профессионального владения английским языком: 1) базово-средний уровень (A1- B1) и 2) профессиональный уровень (B1-C2) в соответствии с CEFR (Common European Framework of Reference for Languages-Общеввропейские компетенции владения иностранным языком) [13]. Категоризация учащихся основывалась на результатах Dialang теста по аудированию (с минимальным проходным баллом 580) и объему словарного запаса.

На уровнях A1-B1 осваиваются навыки, необходимые для повседневного общения, происходит формирование основного словарного запаса и базовых грамматических структур. Учащиеся умеют понимать речь на слух и общаться в стандартных ситуациях. B1-C2 уровни нацелены на глубокое понимание и использование языка в сложных и абстрактных ситуациях. На этих уровнях развивается способность к ведению разговора на высоком уровне, пониманию и созданию сложных текстов, что позволяет использовать язык в профессиональной и академической среде наравне с носителями.

Выбор чешского и итальянского языков как родных языков участников эксперимента основывался на поиске двух типологически разных языков, отличающихся в тоже время по своим лингвистическим характеристикам и от английского языка. Несмотря на то, что все три языка являются представителями индоевропейской языковой семьи, их последующее развитие привело лишь к частичному совпадению в лексическом составе языков. Так, в чешском языке, как представителю западнославянской языковой группы, существенное количество заимствований приходится на немецкий, латинский и другие европейские языки. Тогда как в итальянском языке лексическое происхождение имеет латинские корни с меньшим влиянием других языков. Однако в современных реалиях в этих языках появляется большое количество англицизмов из области технологий и культуры. Для сравнения, английский язык имеет внушительный словарный запас германского происхождения, который включает большое количество заимствований в основном из латинского, французского и греческого языков. Учитывая эти факты, необходимо было проконтролировать степень лексических совпадений в двух выбранных экспериментальных языках с целевым английским языком. Таблица 2 демонстрирует частичное совпадение одного из элементов экспериментальных стимулов в каждом из представленных языков. Этот фактор был учтен при анализе результатов эксперимента (см. Анализ материала).

Гипотеза. В рамках этого экспериментального исследования предполагалось, что:

1) билингвы, которые владеют английским языком на профессиональном уровне, продемонстрируют больший семантический эффект прайминга, чем те, которые находятся на базово-среднем языковом уровне;

2) реакция на лексические единицы, произнесенные с более четким артикуляционным усилием (при чтении) будет быстрее, чем реакция на идентичные семантические словосочетания, произнесенные в разговорном стиле.

Результаты исследования. После проведения эксперимента данные обеих групп, различавшихся не только типологией исходных языков, но и уровнем профессионального владения английским языком, были проанализированы в сравнении друг с другом. С целью установления общих различий в ответах слушателей на экспериментальные стимулы внутри двух языковых групп (чешской и итальянской) был использован информационный критерий Акаике для определения наиболее подходящей модели (т. е. модели с наименьшим AIC). И, так как данные обеих языковых групп не показали общего семантического эффекта: $All \chi^2(1) = 0,73$, $p < 0,39$, был проведен постатейный анализ, где стимулы были дополнительно разделены на две группы с высоко- и низкочастотными словосочетаниями.

Дисперсионный анализ показал основной семантический эффект только для таких словосочетаний как *plastic bag* (ср. *garlic bag*) и *rocking chair* (ср. *burning chair*): $Sem \chi^2(1) = 6525,2$, $p < 0,001$. Также был проведен дисперсионный анализ с разделением на отдельные языковые группы: $L1(ital) \chi^2(1) = 3,54$, $p < 0,005$, где группа итальянских учащихся показала дополнительный семантический эффект в словосочетании *cotton mill* (ср. *German mill*).

Что касается различия во времени реакции при принятии лексического решения между группами с низким и высоким уровнем языковой компетенции, то по общим показателям экспериментальных данных время реакции чешских слушателей было значительно короче (653 мс), чем у итальянских участников эксперимента (779 мс), $Prof(Czech) \chi^2(1) = 1,26$, $p < 0,005$. Это наблюдение указывает на проявление данного фасилитирующего фактора (т.е. уровня профессиональной подготовки изучающих английский язык как иностранный) в скорости когнитивных процессов.

Классификация

Таблица 2. Сравнительная таблица вероятных лексических совпадений экспериментальных стимулов в родных языках участников эксперимента

| Английский | Чешский | Итальянский |
|---|--|--|
| Высокочастотные единицы | | |
| <i>plastic bag</i> <i>cotton mill</i> <i>rocking chair</i> <i>oil tanker</i> <i>bowling alley</i> <i>protest march</i> | <i>plastový sáček</i> <i>mlýn na bavlnu</i> <i>houpací křeslo</i> <i>ropný tanker</i> <i>bowlingová dráha</i> <i>protestní pochod</i> | <i>sacchetto di plastica</i> <i>cotonificio</i> <i>sedia a dondolo</i> <i>petroliera</i> <i>sala da bowling</i> <i>marcia di protesta</i> |
| Низкочастотные единицы | | |
| <i>garlic bag</i> <i>German mill</i> <i>burning chair</i> <i>seal tanker</i> <i>burning alley</i> <i>breakfast march</i> | <i>česnekový sáček</i> <i>německý mlýn</i> <i>hořící židle</i> <i>těsnění cisterna</i> <i>hořící ulička</i> <i>snídaňový pochod</i> | <i>sacchetto di aglio</i> <i>mulino tedesco</i> <i>sedia in fiamme</i> <i>cisterna di sigilli</i> <i>vicolo in fiamme</i> <i>colazione di marzo</i> |

Анализ материала. Экспериментальные данные не выявили, как предполагалось, общего семантического эффекта, то есть время реакции иноязычных слушателей было приблизительно одинаковым как для семантических пар с высоким, так и с низким индексом частотности. Основной семантический эффект был проявлен только для таких словосочетаний как *plastic bag* (ср. *garlic bag*) и *rocking chair* (ср. *burning chair*). Такие позиции как *oil tanker*, *bowling alley* и *protest march* являются, вероятно,

более низкочастотными объектами внутри частотно-рейтинговой системы представленных экспериментальных стимулов.

Что касается стиля речи, то более детальный анализ показал дополнительный эффект стиля речи у чешской группы при определении только одной семантической пары *rocking chair* (ср. *burning chair*) (см. Таблицу 2). В данном случае можно сказать, что был выявлен наиболее узнаваемый лексический стимул, произнесенный с более четким артикуляционным усилением (чтение). Отсутствие перцептивной восприимчивости к акустическим характеристикам сигнала, можно объяснить полным доступом к лексической информации. Согласно иерархической модели Свена Маттиса, акустические признаки имеют подчиненный характер по отношению к лексической информации и играют решающую роль в условиях искажения речевого сигнала [9, с. 85]. С целью демонстрации большего лексического эффекта следовало бы замаскировать лексическую информацию, например, путем усечения стимула.

Отдельного внимания в анализе заслуживает возникновение семантического эффекта у итальянских слушателей при предъявлении семантической пары *cotton mill* в сравнении с *German mill*. Частичное объяснение этому феномену может заключаться в совпадении начальных элементов слов в английском и итальянском языках (см. итальянский вариант *cotonificio*), в то время как в чешском языке такое совпадение отсутствует исключительно для этой пары. Но существует достаточно большое количество совпадений в других экспериментальных парах в чешском языке *bowlingová dráha*, *protestní pochod*, а также *sala da bowling*, *marcia di protesta* (см. Таблицу 2), что никак не повлияло на результаты эксперимента. Таким образом, общей тенденции в распознавании экспериментальных единиц, основанной на вычленении одного из элементов при совпадении в языках, не наблюдается.

Тот факт, что по общим показателям время реакции чешских слушателей при принятии лексического решения было короче, чем у итальянских участников эксперимента, указывает на проявление уровня языковой компетенции в скорости протекания когнитивных процессов.

Учитывая тот факт, что общий эффект семантического прайминга не был продемонстрирован, можно предположить, что выбранные экспериментальные лексические единицы (категория коллокаций), не входят в состав наиболее часто употребляемых учебных единиц, и, соответственно, не представлены в лексических презентациях ментального лексикона учащихся. Следовательно, такие категории требуют целенаправленного обучения в рамках образовательных программ.

Выводы и перспективы исследования.

В статье представлен один из экспериментов, составляющий экспериментальную триаду, нацеленный на установление влияния факторов, фасилитирующих перцептивное восприятие учеников, таких как: 1) семантическая информация, организованная с учетом частотного показателя, 2) речевая вариативность и 3) уровень владения иностранным языком. Основным результатом стал тот факт, что только отдельные высокочастотные лексические словосочетания распознавались быстрее иноязычными студентами, изучающим английский язык, как с базовым уровнем владения языком, так и на более профессиональном уровне.

Если учесть семантические пары, которые показали семантический эффект в обеих языковых группах, такие как *rocking chair*, *plastic bag*, то этот феномен можно объяснить, с одной стороны, высоким коэффициентом частотности, обе экспериментальные единицы обозначали предметы повседневного обихода (в

сравнении с такой экспериментальной единицей, как, например, *dinner jacket-смокинг*, которая не входит в данную категорию). Также возможно предположить, что скорость распознавания могло ускорить сопровождающее изображение, что подлежит более детальному рассмотрению при выстраивании экспериментального дизайна возможных будущих исследований.

Кроме того, предъявление стимула-прайма не всегда способствует более быстрому и правильному распознаванию и воспроизведению связанных с ним целевых стимулов. В случае отрицательного прайминг-эффекта, обработка целевого стимула может ухудшаться. Например, идентификация испытуемым цвета целевого стимула обычно замедляется, если в качестве прайма было предъявлено слово-наименование другого цвета [2, с. 94]. Так, негативным фактором при принятии лексических решений участниками эксперимента могло послужить решение о включении в экспериментальный дизайн псевдослов в качестве филлеров, которые могли препятствовать адекватному восприятию основного стимула.

Таким образом, если рассматривать эффекты семантического прайминга с учетом разработок эффективных стратегий обучения иностранному языку, то прайминг как универсальный вспомогательный механизм способен служить как для ускорения лексических процессов, так и для их замедления в зависимости от уровня сложности лексического материала и задействованных при его анализе когнитивных процессов. Эти факторы необходимо учитывать с целью образования прочных когнитивных связей при обучении иностранным языкам в рамках целенаправленного тренинга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викулова Л.Г. Фоновокации в современном языковом и дидактическом пространстве: опыт, проблемы, перспективы / Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева, К.Н. Бурнакова [и др.]. – Москва : Языки Народов Мира, 2024. – 324 с.
2. Фёдорова О.В. Метод синтаксического прайминга в экспериментальной лингвистике / О.В. Фёдорова // Рема. – 2020. – Вып. 2. – С. 92–120.
3. Bradlow A.R. Semantic and phonetic enhancements for speech-in-noise recognition by native and non-native listeners / A.R. Bradlow, J.A. Alexander // Journal of the Acoustical Society of America. – 2007. – Vol. 121, № 4. – pp. 2339–2349.
4. Hahne A. Second language processing: Comprehension mechanisms of late learners identified by event-dependent brain potentials / A. Hahne, D. Friederici // Bilingualism: Language and Cognition. – 2001. – Vol. 4. – pp. 123–141.
5. Kilman L. The influence of non-native language proficiency on speech perception performance with different types of interfering maskers / L. Kilman, A. Zedveld, M. Helgren, J. Rennberg // Boundaries. Psychol. – 2014. – Issue 5 (651). – pp. 1–9.
6. Lemhöfer K. Native language influences on word recognition in a second language: Amegastudy / K. Lemhöfer, T. Dijkstra, H. Schriefers, R.H. Baayen, J. Grainger, P. Zwitserlood // Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition. – 2008. – № 34(1). – pp. 12–31.
7. Lindblom B. Explaining Phonetic Variation: A Sketch of the H&H Theory / B. Lindblom // Speech Production and Speech Modelling. – 1990. – pp. 403–439. – doi:10.1007/978-94-009-2037-8_16
8. Mayo L.H. The Era of Second Language Acquisition and Speech Perception in Noise / L.H. Mayo, M. Florentin, S. Buus // Journal of Speech, Language and Hearing Research. – 1997. – Vol. 40. – pp. 686–693.
9. Mattys S.L. Integration of Multiple Speech Segmentation Cues: A Hierarchical Framework / S.L. Mattys, L. White, J.F. Melhorn // Journal of Experimental Psychology: General. – 2005. – № 134 (4). – pp. 477–500. – doi:10.1037/0096-3445.134.4.477.
10. Neely J.H. Is semantic activation automatic? A critical reevaluation / J.H. Neely, T.A. Kahan // Science conference series. The nature of remembering: Essays in honor of Robert G. Crowder. Academic Press. – 2001. – pp. 69–93.

11. Volkovyskaya E. Semantic Priming in Monolingual Russian and Bilingual Russian (L1)-English (L2) Speakers in a Single Word Naming Task / E. Volkovyskaya, I. Raman, B. Baluch // Research Anthology on Bilingual and Multilingual Education. – 2018. – pp. 87–111.

12. White L. Segmentation cues in spontaneous and read speech / L. White, L. Wiget, O. Rauch, S.L. Mattys // In Proceedings of the 5th Conference on Speech Prosody. – Chicago. – 2010. – pp. 1–4.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Тест Dialang [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dialangweb.lancaster.ac.uk> (дата обращения: 19.11.2024).

REFERENCES

1. Vikulova L.G., Tareva E.G., Burnakova K.N. [et al.] (2024) Fononovacii v sovremennom yazykovom i didakticheskom prostranstve: opyt, problemy, perspektivy [Phonovation in the modern linguistic and didactic space: experience, problems, prospects], Moscow, 324 p. (in Russian).

2. Fedorova O.V. (2020) Metod sintaksicheskogo prajminga v eksperimental'noj lingvistike [The method of syntactic priming in experimental linguistics] in Rema, vol. 2, pp. 92–120 (in Russian).

3. Bradlow A.R., Alexander J.A. (2007) Semantic and phonetic enhancements for speech-in-noise recognition by native and non-native listeners in Journal of the Acoustical Society of America. Vol. 121, № 4. pp. 2339–2349 (in English).

4. Hahne A. & Friederici D. (2001) Second language processing: Comprehension mechanisms of late learners identified by event-dependent brain potentials in Bilingualism: Language and Cognition. Vol. 4. pp. 123–141 (in English).

5. Kilman L., Zedveld A., Helgren M. and Rennberg J. (2014) The influence of non-native language proficiency on speech perception performance with different types of interfering maskers in Boundaries. Psychol. Issue 5 (651). pp. 1–9 (in English).

6. Lemhöfer K., Dijkstra T., Schriefers H., Baayen R.H., Grainger J. & Zwitserlood P. (2008) Native language influences on word recognition in a second language: A megastudy in Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition. № 34(1). pp. 12–31 (in English).

7. Lindblom B. (1990) Explaining Phonetic Variation: A Sketch of the H&H Theory in Speech Production and Speech Modelling. pp. 403–439 (in English).

8. Mayo L.H., Florentin M., Buus S. (1997) The Era of Second Language Acquisition and Speech Perception in Noise in Journal of Speech, Language and Hearing Research. Vol. 40. pp. 686–693 (in English).

9. Mattys S.L., White L., Melhorn J.F. (2005) Integration of Multiple Speech Segmentation Cues: A Hierarchical Framework in Journal of Experimental Psychology: General. № 134 (4). pp. 477–500. doi:10.1037/0096-3445.134.4.477 (in English).

10. Neely J.H., & Kahan T.A. (2001) Is semantic activation automatic? A critical reevaluation in Science conference series. The nature of remembering: Essays in honor of Robert G. Crowder. Academic Press. pp. 69–93 (in English).

11. Volkovyskaya E., Raman I., Baluch B. (2018) Semantic Priming in Monolingual Russian and Bilingual Russian (L1)-English (L2) Speakers in a Single Word Naming Task in Research Anthology on Bilingual and Multilingual Education. pp. 87–111 (in English).

12. White L., Wiget L., Rauch O., Mattys S.L. (2010). Segmentation cues in spontaneous and read speech in Proceedings of the 5th Conference on Speech Prosody, Chicago. pp. 1–4 (in English).

Поступила в редакцию 19.11.2024 г.

INFLUENCE OF SEMANTIC PRIMING ON BILINGUAL PERCEPTION OF STYLE VARIETIES OF ENGLISH SPEECH

O.B. Rauch, K.N. Burnakova

The main objective of this study was to assess the perceptual degree of semantic information in conditions of speech variability (conversational style / reading) when presenting English-language material. It was assumed that the reaction time to stimuli with a high frequency-semantic coefficient, pronounced in a clear speech register (reading), should be higher in the group with a more professional level than in the group at the initial level of language training, when contrasting experimental stimuli with low-frequency semantic units pronounced in a conversational style. The results showed selective activation of single stimuli when making a

lexical decision in both experimental groups in each of the presented experimental conditions. The data from both language groups did not show a general semantic effect and the influence of speech style on the perception of experimental units, regardless of the level of language competence. The revealed semantic effect of exclusively high-frequency units indicates an internal frequency-rating organization of the presented experimental stimuli. The effect of semantic priming occurs on the material of the most recognizable phrases and indicates the absence of a direct relationship with the level of professionalism of the experiment participants.

Key words: cross-modal semantic priming, bilingual perception, frequency coefficient, language competence, natural speech, colloquial style of speech, reading, segmentation-oriented corpus of colloquial speech.

Раух Олеся Борисовна

Московский институт электронной техники,
г. Москва, Российская Федерация.
Старший преподаватель Института лингвистического
и педагогического образования (ЛПО).
ORCID 0009-0005-0925-4984.
E-mail: olesya.rauch@mail.ru.

Rauch Olesya Borisovna

Moscow Institute of Electronic Technology,
Moscow, Russian Federation.
Senior lecturer at the Institute of Linguistic and
Pedagogical Education (LPO)
ORCID 0009-0005-0925-4984
E-mail: olesya.rauch@mail.ru.

Бурнакова Клара Николаевна.

Доктор филологических наук, доцент.
Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация.
Профессор Института иностранных языков.
ORCID 0009-0009-5833-594X.
E-mail: klara_burnakova@mail.ru.

Burnakova Klara Nikolaevna

Doctor of Philology, Associate Professor.
Moscow City Pedagogical University,
Moscow, Russian Federation.
Professor at the Institute of Foreign Languages.
ORCID 0009-0009-5833-594X
E-mail: klara_burnakova@mail.ru.

Научная статья

УДК 82.09

DOI: 10.5281/zenodo.14512439

ЕВГЕНИЙ БАРАТЫНСКИЙ – «ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТ» ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ (К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА)

© 2024 О.Р. Миннуллин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева»

ORCID: 0000-0002-5805-3821



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Работа посвящена углубленному анализу творчества Е. Баратынского в контексте его экзистенциальных исканий, связанным с кризисом идентичности человека и поиском смыслов бытия (в проекции современного восприятия). Основная часть статьи охватывает несколько ключевых аспектов творчества Е. Баратынского. Прежде всего, внимание уделяется внутреннему конфликту поэта, отражающему «духовный разлад» и «противочувствования», что рельефно воплощено в его зрелых элегиях. Е. Баратынский рассматривается как тот, кто через поэзию мысли исследует сложности человеческой природы и экзистенциальные кризисы. В статье предложен анализ конкретных наиболее репрезентативных произведений поэта, таких как «Разуверение», «Последняя смерть», «Мой дар убог...», «Болящий дух врачует песнопенье...» и «Недоносок». Е. Баратынский поднимает философские вопросы о быстротечности времени, непрочности любви, месте человека в мире как особого духовно переходного существа, роли искусства в бытии человека. Е. Баратынский был поэтом своего времени, но его произведения остаются пронзительными и актуальными для современных читателей, будучи созвучными аналогичным экзистенциальным вопросам, значимым в XX и XXI веках.

Ключевые слова: Евгений Баратынский, элегия, философская лирика, экзистенциализм, пессимизм, антропогенез, интерпретация.

Для цитирования: Миннуллин О.Р. Евгений Баратынский – «экзистенциалист» пушкинской поры (к 225-летию со дня рождения поэта) / О.Р. Миннуллин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 30–42. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14512439>.

Введение. В этом году исполняется 225 лет со дня рождения поэта Евгения Абрамовича Баратынского. Юбилей поэта – подходящий момент для нас, «далеких потомков», его читателей и «собеседников» (выражение О. Мандельштама [7, с. 145]) взглянуть на его лирику, преодолевая разницу во времени, соотнося его художественные и духовные искания с самоощущением современного человека.

Сегодня лирика Е. Баратынского исследуется весьма активно. Литературоведы пишут о мотивно-тематическом своеобразии лирики поэта [4; 5; 6], стилистических особенностях его поэтического языка [9; 10; 16], своеобразии его рифм [11], влиянии поэтики автора «Сумерек» на лирику XX столетия [8; 13] в целом, рецепции его творчества за рубежом (в частности, в Китае) [15]. Не остается без внимания и философское своеобразие лирики поэта-мыслителя, в русле чего реализуется и данное исследование.

Основная часть. Положение Е. Баратынского в лирическом пантеоне русской литературы своеобразно и противоречиво. Он поэт «противочувствований и духовного разлада» (Ю. Верховский) [17, с. 5]. Принадлежность его «школе гармонической точности» в форме стиха совмещается в содержательном отношении с постоянными картинами внутреннего духовного диссонанса, непреодолимой и мучительной неустроенности человека в бытии. Элегическая покорность отчаянию соседствует с провозвестием нравственной твердости и экзистенциального мужества. В его лирике «афористическое остроумие поэтов классицизма и Просвещения сочетается с метафизическими устремлениями романтиков» [12, с. 286]. Баратынского охотно считают «своим» и представители романтизма («мировая скорбь»), и реалисты, и символисты рубежа веков [2], и позднейшие поэты XX столетия.

Из биографии Е. Баратынского, достаточно насыщенной событиями, нельзя извлечь подлинную скрепу его поэзии. Лишь самые ранние поэтические опыты имеют биографическую почву для интерпретации. Его творчество – это не лирический дневник, которому поведывают в преображённом виде сокровенные переживания реальной жизни. Это при том, что сама его жизнь была щедрой и на искреннюю дружбу (например, с Пушкиным и поэтами пушкинской плеяды), и на любовь (страсть к Анастасии Энгельгардт, которая впоследствии стала женой поэта и родила ему девятерых детей), и на удары судьбы: запрет на офицерскую службу, изгнанничество, солдатские будни в Финляндии, недооценка поэта современниками (резкая критика поздних стихотворений Баратынского со стороны главного литературно-критического светоча 1840-х Виссариона Белинского). Однако практически всё реально-биографическое и бытовое нещадно изгонялось поэтом из своей лирики, а конкретные факты, если и попадали в стихи, то в максимально философски обобщённом виде.

Между тем в поэзии Баратынского проступает единство личности, которую не спутаешь ни с какой другой, – вдумчивой, глубокой, мрачно-стоической. Он поэт-интеллектуал аналитического склада, способный бесстрашно исследовать глубины бытия, «области сияния и тьмы» («Благославен святое возвестивший»), и главный инструмент этого исследования – его собственный мятущийся дух. Поэзия мысли Баратынского не содержит отвлечённой рассудочности, это свободное мыслительство, философская рефлексия, сосредоточенная артикуляция, через которую проходят токи поэзии:

Живых восторгов легкий рой
Я заменю холодной думой...

Лирика Баратынского – это поэзия переживания мысли, первичное чувство его заботит лишь как предмет для размышлений, но эти размышления захватывают всего человека, всё его существо. Сила его поэтической мысли такова, что перед ней «бледнее жизнь земная» («Всё мысль да мысль!..») В творчестве поэта присутствует сквозной сюжет духовного поиска, падений, вплоть до скорбного отчаяния перед лицом грозящей бездны и подъёмов, проникнутых порой высокой патетикой, ощутимой в несколько архаичном стиле его языка, усложненном синтаксисе с характерными переносами, торжественно-риторических оборотах, броских антитезах, характерной афористичности кульминационных мест стихотворений. Иногда его открытия связаны со смиренным обретением своей человеческой меры в безбрежных просторах бытия:

Мой дар убог и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие...

Жизненная философия поэта оказалась сильнее всего созвучной мирозерцанию, положенному в основу элегического жанра. Первый русский поэт говорил, что на элегическом поприще после зрелых, исполненных философской горечи вещей Баратынского ему (Пушкину) делать уже нечего – такова глубина и сила этих стихотворений, проникнутых не пушкинской светлой, как бы разбавленной печалью, а эмоциональным тоном густой «элегической скорби». Узнаваемая элегическая меланхолия, явившаяся на свет уже в первой поэтической книге Баратынского 1827 года, со временем усиливается. Голос «певца пиров и грусти томной», как сказал о нём Пушкин, постепенно преобразуется в духовном сюжете Баратынского в величественный и суровый философский пессимизм, проступающий через глубоко личную интонацию его стиха в «Сумерках» (1842), например, «На что вы дни! Юдольный мир явленья...».

«Крикливый, модным новациям... Баратынский противопоставляет искренний, "негромкий" голос души и сердца, запечатленную в стихах исповедь умудренной жизненным опытом личности», – отмечает литературовед И.М. Тойбин [17, с. 6]. Обратимся к анализу нескольких репрезентативных произведений поэта, чтобы полнее представить художественно-философское своеобразие его лирики и её рецепцию в современности.

Невозвратность любви: «Разуверение» (1821).

Разуверение
 Не искушай меня без нужды
 Возвратом нежности твоей:
 Разочарованному чужды
 Все обольщенья прежних дней!
 Уж я не верю увереньям,
 Уж я не верую в любовь,
 И не могу предаться вновь
 Раз изменившим сновиденьям!
 Слепой тоски моей не множь,
 Не заводи о прежнем слова,
 И, друг заботливый, больного
 В его дремоте не тревожь!
 Я сплю, мне сладко усыпление;
 Забудь бывалые мечты:
 В душе моей одно волненье,
 А не любовь пробудишь ты.

Исследователи связывают «Разуверение» Е. Баратынского с именем светской кокетки Софии Пономаревой, в доме которой юный поэт был любезно принят (вместе с Дельвигом и Кюхельбекером). У Евгения и девушки завязалась своеобразная любовная игра: флирт, записки, лирические послания в стихах, динамичная драматургия взаимоотношений – Баратынский не на шутку увлёкся. Красавице было посвящено более десяти стихотворений. Это чуть ли не единственный случай во всей биографии Баратынского, когда жизненные перипетии непосредственно прочитываются в его поэтических текстах («Догадка», «Поцелуй», «Я безрассуден – и не диво!..», «Слепой поклонник красоты...» и др.). Когда «своенравная София» получила признание в любви со стороны Баратынского, выраженное в стихах уже открыто и страстно, она резко охладела, а сами поэтические уверения были отданы ею без ведома автора в журнал «Благонамеренный», где были опубликованы. Поэт досадовал и даже написал полное

упрёков к возлюбленной послание «Дориде». Но, как это свойственно молодости, быстро отошёл от любовной неудачи и переключился на другие «предметы». Софию же эта быстрая реабилитация поверженного поклонника задела, и она попыталась вернуть его внимание к своей персоне. В качестве реакции на это явилась элегия «Разуверение».

Главный элегический нерв – это чувство невозвратности, невозможности вновь переживать полноту счастья, молодости, любви, радости (возможны варианты), наконец, жизни в целом в ее непосредственной данности («Нет, не бывать тому, что было прежде...»). Но, чтобы боль невозвратности ощущалась остро, но при этом как бы мучительно сладко, притягивала и располагала к поэтической медитативности, могла вылиться в стихотворение и быть пережита и осмыслена как самостоятельная ценность, нужно некоторое равновесие. Полнота былого чувства еще не должна быть исчерпана до конца, но от опьянения ею должно остаться лишь тягостное «похмелье» (ср. формулу пушкинской элегии «*Безумных лет угасшее веселье / Мне тяжело, как шумное похмелье...*»). Это чувство только оттеняет исчерпанность былого счастья, его невозвратность.

Лирический герой элегии Е. Баратынского окончательно и бесповоротно разочарован, от былых страстей он ушел в дремоту забвения, подобно больному, погружившемуся в глубокий сон. Насильственное пробуждение не сулит ничего хорошего – оно не вернёт раз и навсегда погасшую любовь, а лишь всколыхнёт тяжёлый её осадок. Частный факт в элегии получает максимальное обобщение: лирический герой разуверяется не только в этой конкретной любви – он утрачивает веру в любовь, вообще. «Нежность» оборачивается лишь «обольщением», романтическое «волнение любви» распадается на безвозвратно ушедшую любовь и бессмысленное волнение, неизъяснимое беспокойство, связь с источником которого навсегда оборвана.

«Слепая тоска» (во тьме) становится неизбежной. Примечательно, что и состояние любви, и состояние её потери сравниваются в стихотворении со сном, с тою лишь разницей, что любовь названа «изменившим *сновиденьем*», а жизнь без любви – «*усыплением*». Для Баратынского существенны малейшие оттенки значений: *сновиденье* ведёт в визуализации инобытия, переживанию «видения»; *усыпленье* сближается с уснением, смертью, беспробудной и без всяких сновидений. Лирический герой этой элегии – фактически мертвец, и обратной дороги для него нет. Причём само это состояние «без любви» становится предметом эстетического созерцания.

Благодаря аналитическому началу и свойственному поэту мирозерцанию его эротические элегии стремительно психологизируются и обретают характер философско-раздумчивых. Близкой по образу переживания к «Разуверению» является любовная элегия «Признание», столь же любовная, сколь и философская:

Притворной нежности нетребуи отменя:
Ясердца моего нескрою хлад печальный.
Тыправа, внем ужнет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.

Элегия «Разуверение» (в первых публикациях жанр специально указывался Баратынским в подзаголовке стихотворения) получила свою известность после того, как известный композитор М. Глинка положил его на музыку (1825). Романс активно переписывали альбомы, перепечатавали в ходовых песенниках 1820-х гг. В качестве романса это стихотворение позже было включено и в «Бесприданницу» Александра Островского, где его исполняет главная героиня Лариса Огудалова. Романс как бы намекает на то, что она больше не любит Паратова, что, конечно, лукавство, Лариса

глубоко страдает. В известной экранизации «Бесприданницы» Эльдара Рязанова, в фильме «Жестокий романс», как раз этот самый «жестокий» романс и был заменен из соображений современной адаптации на «А напоследок я скажу...» (автор Белла Ахмадулина).

Элегия «Последняя смерть» (1827): закат цивилизации глазами Баратынского.

Достаточно объёмный текст, исполненный предсказаний будущего, апокалиптических видений (в духе «Откровения» Иоанна Богослова) и оснащенный философской постановкой вопросов о бытии, сознании и положении человека во Вселенной, вначале показался современникам поэта неясным или во всяком случае неполным. В «Московском вестнике» за 1828 год о «Последней смерти» в неподписанной рецензии говорится: «"Последняя смерть" не ясна; но надо знать, что это отрывок. Неясная в нём мысль может объясниться в целом» [17, с. 409]. Таким же «отрывком из поэмы» аттестовал стихотворение и критик Николай Полевой [17, с. 409]. Читатели пытались соотнести «вещь» Е. Баратынского с какой-то традицией: что-то в ней напоминало «Потерянный рай» Мильтона (масштаб, апокалиптика, вопрос о человеке), где-то отзывался недавно написанный «Каин» (1821) Байрона. Но вся «поэма» так и не была написана Баратынским, это было невозможно. Отрывочность здесь оказалась фундаментальной жанровой приметой, новой формой художественного целого. Единство и целостность этой «незавершённой поэмы» обеспечивалась личностью автора, взятой в её внутреннем измерении, а отрывок – творческое выявление неостановимой духовной работы поэта и «всего человека», так оформленный и по-своему внутренне завершённый элемент, фрагмент бытия.

В стихотворении Е. Баратынского есть своя натурфилософия, философия истории и своя антропология. В экспозиции (первые две строфы) говорится о беспамятстве бытия человека, протекающего на грани между сном и «бдением», «безумием» и «разумением»: порой в это безмысленное прозябанье прорывается Откровенье, где смысл и бытие сходятся и предстают в виде ясной картины будущего («без покрова»). Лирическому герою-визионеру являются сразу несколько таких картин («создания ли болезненной мечты или дерзкого ума соображенья...»), живописующих соотношение человека и мира, открывается смена состояний человека, смена его положений в бытии, а также путь культуры. Е. Баратынский задолго предвосхищает культурологические идеи Н. Данилевского (критика цивилизации), О. Шпенглера (о «закате Европы»), А. Тойнби (о жизненном цикле культур) и т.п., переживая их как поэтический факт.

Представшее «из полночной темноты» видение имеет четкую последовательность и внутреннюю динамику лирического переживания. Каждые два двенадцатистишия, идущие после экспозиции, описывают соответственно три состояния в трёх видениях. Первое видение – мир как «дивный сад», созданный человеком, общество творцов и изобретателей. Здесь представлены в изобилии и разнообразии «дары просвещения», результаты технического прогресса: прихотливая и изысканная архитектура, процветание искусств, рукотворные моря, самолетостроение, метеорегулирование, достаток и всеобщее ликование. «И царствовал повсюду светлый мир», – заключает герой-медиум, пораженный видением «дивного века», «великолепного пира разума».

Второе видение – общество пресыщения. Очарованный первой картиной визионер ожидает еще более впечатляющего зрелища, но «смутившимся умом», разочарованно созерцает неожиданную остановку прогресса:

Привыкшие к обилью дольных благ,
На всё они спокойные взирали...

Творческое горение отцов погасло в детях: природа и всё земное уже подчинены «хитрому закону» человека. Телесное полностью уступает место фантазии и «душевному снам», «умственной природе», чистой интеллигенции. «Живая мысль» уносит человека в Эмпирей (верхнее небо, исполненное запредельного, нечеловеческого бытия), но происходит бесповоротный отрыв от земли, человек уже ступает по ней «с трудом». «Может быть, в этом заключено благо?» – задумывается лирический герой.

Из третьего поэтического видения становится понятно, что ничего хорошего такой разрыв не сулит. Расслабленная инерция чисто духовного существования и разрыв с земным приводит человечество к угасанию и смерти. Последние семейства истлевают, города разрушаются, человек исчезает с лица земли, на которой воцаряется торжественная тишина и пустыньность. Природа облачается в «дикую порфиру» бесчеловечного существования. Нарушение хрупкого равновесия духовного и телесного погубительно для человечества. «Золотой век» неизбежно сменяется пресыщением и катастрофой, а царственное покорение природы – лишь ступень в неизбежном движении к краю бездны. Е. Баратынский не принимает Просвещения с его нарративом прогресса, но его не удовлетворяет и Руссо с его идеей «естественного человека»: возврат к прежнему состоянию невозможен, и для человечества всё предопределено. Не соглашается поэт в этом стихотворении и с романтической программой гармонического слияния человека и Вселенной, подпитываемой религиозной идеей бесконечности и бессмертия души. Это лишь одно из «высоких сновидений» разума.

Но и бессознательная земля, лишённая человеческого участия, не способна «произнести привет» солнечному восходу. Сохраняя инерцию жизни, внечеловеческая природа утрачивает начало, наделяющее её существование смыслом. Оказывается, присутствие человека оправдывало жизнь в космосе, придавало смысл всему земному. Этот взгляд возвышает ценность человеческой личности. Когда проект человека проваливается, Бог вновь остаётся одинок. Финальные строки стихотворения отсылают к ветхозаветному «Бытию», описывающему первородный хаос, в котором «Божий дух носился над водой»:

Один туман над ней синея вился
И жертвою очистительной дымился.

Отметим созвучие торжественно-пессимистической концовки стихотворения Баратынского и тютчевского «Последнего катаклизма», написанного почти в это же время:

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
Ибожий лик изобразится вних! (1829)

И у Ф. Тютчева, и у Е. Баратынского всё же есть сознание, которому дано пережить и увидеть это финальное состояние «мира без человека», мира одинокого духа, узреть этот «лик» и этот синеющий вьющийся туман – это сознание принадлежит поэту, чьё существование до конца не укладывается в безысходный детерминизм. Добавим, что эти постапокалиптические видения Баратынского послужили прецедентным текстом для фетовского «Никогда». А метафора «дикая порфира» позже взята на вооружение акмеистом Михаилом Зинкевичем, озаглавившим так свою поэтическую книгу, в которой немало стихотворений о разных доисторических ящерах и «махайродусах», это тоже «мир без человека».

«Мой дар убог и голос мой негромок» (1828): долгожданная встреча с далёким потомком.

Мой дар убог и голос мой не громок,

Но я живу, и на земли мое
 Кому-нибудь любезно бытие:
 Его найдёт далёкий мой потомок
 В моих стихах: как знать? душа моя
 Окажется с душой его в сношеньи,
 И как нашёл я друга в поколеньи,
 Читателя найду в потомстве я.

«Мой дар убог и голос мой негромок...» – программное стихотворение, одно из самых известных у Е. Баратынского. В произведении воплощена его заветная мысль о судьбе своей поэзии в будущем, надежда на воскрешающий диалог с далёким потомком, скромное, но несомненное личное утверждение творческого бессмертия. Это «нерукотворный памятник» Е. Баратынского, который, безусловно, существенно отличается от державинского или пушкинского. В нём нет раскатистого шумного величия, почти маниакальной жажды славы, площадной патетики, заданной еще в древности жанром Горациевой оды (которая, в свою очередь, обращена к древнеегипетскому «Прославлению писцов»). Здесь скорее камерная, личная беседа, короткая, спокойная, «негромкая», где-то интонационно сдержанная, но искренняя и умная. В данном случае справедливы слова В. Белинского: «Читая стихи Баратынского, забываешь о поэте и тем более видишь перед собою человека, с которым можешь не соглашаться, но которому не можешь отказать в своей симпатии, потому что этот человек, сильно чувствуя, много думал... Мыслящий человек всегда перечтет с удовольствием стихотворения Баратынского, потому что всегда найдет в них человека – предмет вечно интересный для человека» [3, с. 664].

Признание в скромности своего дара героем стихотворения – не кокетство, не самоуничтожение, не какой-то комплекс неполноценности или попытка оправдаться. Это осознание своей *меры*, своих человеческих пределов, самоуяснение, которое, однако, даёт лирическому «я» прочную опору для последующего движения навстречу к бытию, к другим людям и опору для финального прорыва в пространство вечности. В самом начале стихотворения это самоуяснение воплощено. Но личности, как воздух, нужен собеседник, «другой», способный увидеть её извне, завершить как целое. Поэту необходим был «друг в поколеньи», которого, по слову лирического героя, он нашёл:

Но я живу, и на земли мое
 Кому-нибудь любезно бытие...

Но еще больше ему нужен был тот, через кого его бытие продлится после смерти, неизвестный «далёкий потомок», обеспечивающий продолжение этой негромкой, но единственно важной беседы-бытия (ведь «в стихах» сохранилась «душа моя»). Лирическое сознание в этом стихотворении демонстрирует приверженность диалогической формуле «общение между смертными бессмертно» (Б. Пастернак, «Доктор Живаго»). Залогом этого бессмертия и является робкая надежда на радость далёкой негарантированной встречи («может быть...») Склонный к уединенному раздумью и самоуглубленному созерцанию поэт в этом стихотворении обнажает своё сокровенное желание – говорить с другим человеком, быть рядом с людьми (близкими или далёкими), разомкнуть круг экзистенциального одиночества. Эта надежда на встречу с далёким сознанием практически равна надежде на воскресение из мёртвых.

Знаменитый комментарий к этому стихотворению даёт Осип Мандельштам в своём эссе «О собеседнике» (1913). Он сравнивает поэта с мореплавателем, терпящим кораблекрушение, который запечатывает своё послание в бутылку. Спустя столетие её находит неведомый адресат – «провиденциальный читатель»: «Читая стихотворение

Баратынского, я испытываю то же самое чувство, как если бы в мои руки попала такая бутылка. Океан всей своей огромной стихией пришел ей на помощь, – и помог исполнить её предназначение, и чувство провиденциального охватывает нашедшего.... Письмо, равно и стихотворение, ни к кому в частности определено не адресованы. Тем не менее оба имеют адресата: письмо – того, кто случайно заметил бутылку в песке, стихотворение – «читателя в потомстве». Хотел бы я знать, кто из тех, кому попадутся на глаза названные строки Баратынского, не вздрогнет радостной и жуткой дрожью, какая бывает, когда неожиданно окликнут по имени» [7, с. 147]. Сейчас, пробегая взглядом это послание, стихотворение «Мой дар убог и голос мой не громок...», и оказываясь тем самым далёким потомком, к которому поэт адресовал свои строки, вздрагиваем и мы – читатели XXI столетия.

Целительная сила поэтической гармонии: «Болящий дух врачует песнопенье...» (1832).

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.

Незадолго до создания стихотворения, в самом начале 1830-х гг. Баратынский с сожалением упрекал в письме своего приятеля Петра Плетнёва: «Мне жаль, что ты оставил искусство, которое лучше всякой философии утешает нас в печалях жизни. Выразить чувство — значит разрешить его, значит овладеть им. Вот почему самые мрачные поэты могут сохранять бодрость духа» [17, с. 416]. Безусловно, адресант имел в виду и себя тоже. Его сомневающийся разум и истощенное бунтом сердце находили исцеление, восполнение своих повреждений в поэтическом творчестве. Для поэта в этот период его жизни поэзия обладает таинственной преображающей силой, способной разрешить конфликт между мятущейся душой, утомленной неизбывным страданием существования, и «вышней волей», утвердившей её бытие, обрётшей на скорбную несвободу, на недостижимость полноты и гармонии.

В своём программном стихотворении Е. Баратынский придаёт поэзии сакральный смысл, прямо именуя ее «святой». Обращает на себя внимание обилие возвышенной церковной лексики и архаичных оборотов речи в стихотворении. Оно написано в той же мере по-русски, что и по-старославянски: *болящий, дух, песнопенье, искупить, бунтующая, излитая, скорби, чистота, причастница* – всё это слова, принадлежащие двум языкам. Намеренная архаизация и стилистическое перенасыщение стихотворения высоким слогом приводит к особому эффекту: стихотворная речь принципиально противопоставляется профанной, повседневной речи, она герметизируется, восприятие её становится как бы затрудненным, понимание требует усилия и своеобразной работы сознания по дешифровке.

Выразительнее начинают ощущаться внутренние формы слов, их этимология, первичные и корневые смыслы: *согласно* – в созвучии с другим голосом; *разрешена* – освобождена, избавлена от внутреннего бремени (ср. *разрешиться родами*); *мир* – умиротворение; *песнопения* отсылают к псалмопению, молитве; *причастница* – и та, что причастна, и та, что причастилась, прошла религиозный обряд причащения (например, таинство евхаристии в христианстве); искупление заблуждений уподобляется искуплению

грехов, духовных повреждений. Текст стихотворения в целом обретает ареол таинственности и становится разновидностью некоей тайнописи, содержащий ту самую власть священного, власть гармонии, о которой говорится в стихотворении. Тайнописание поддерживается еще и своеобразным инверсивным, усложненным синтаксисом. Например, в первой строчке – кто кого врачует? Прямое истолкование синтаксиса указывает, что «дух» исцеляет песню, но ведь из контекста понятно противоположное: пение исцеляет поврежденную душу. Гармония достигается преодолением косности языка, трудности выражения духа в тяжелом, витиеватом синтаксисе. Литературовед Сергей Скибин отмечает: «В лирике Баратынского почти физически ощутим прорыв из затрудненного синтаксиса, насыщенного устаревшими оборотами речи, инверсиями, из архаической лексики и совсем не пленительных, не ласкающих ухо звуков в мощную, гармонически стройную, благородную и суровую музыку» [12, с. 302].

Душа поэта тот, кто готов и способен внимать ему, причащаются гармонии поэзии, существующей как источник очищения (катарсического преобразования). В стихотворении выразительно, полно и гармонично, воссоздано не болезненное состояние, нуждающееся в преодолении и исцелении, не скорбь духа, а уврачеванная, полная духовной свежести душа. А сам текст оказывается тем «магическим кристаллом» (Пушкин), который это исцеление способен производить.

«Недоносок» (1835): «бессмысленная вечность» обреченного существа.

«Недоносок» включён поэтом в книгу «Сумерки», хотя написан на семь лет раньше её выхода. Принято считать его одним из первых стихотворений, открывающих последний, проникнутый философским пессимизмом период творчества Баратынского. Младший современник автора М.Н. Лонгинов вспоминал: книга «Сумерки» «произвела впечатление привидения, явившегося среди удивленных и недоумевающих лиц, не умеющих дать себе отчета в том, какая это тень и чего она хочет от потомков» [12, с. 285]. Этот цикл Е. Баратынского считается первой «книгой стихотворений» в русской литературе, особым сверхъединством, жанровым целым, которого ранее не знала отечественная словесность.

Само название цикла многозначно: здесь и «сумерки», сопровождающие закат жизни отдельного человека, поэта, сумерки рода людского, сумерки поэзии в духе немецких романтиков (позднее метафору «сумрачный германский гений» обнаруживаем у Александра Блока в «Скифах»; а еще позже мы встречаем мысль о «поэтах сумеречной эпохи», осмеливающихся погружаться в бездну, чтобы явить «след сбежавших богов», в «Истоке художественного творения» у Мартина Хайдеггера [14, с. 83]).

Существование человека и всего человечества окрашено в книге Е. Баратынского глубоким трагизмом, связанным с самой природой *homo sapiens*. После того как «сновидения» «золотого века» процветания, равновесия духа и тела, гармонии миновали, сообществу людей остаётся достойное и мужественное принятие своей гибели в веке железном («Век шествует путём своим железным...»). Отдельно взятая человеческая жизнь повторяет общий удел рода и всей мировой истории – встретить решительную минуту смерти с открытым забралом. Духовная тоска, являющаяся на фоне неотвратимости этого, по Баратынскому, – это узнаваемая черта «дряхлеющего мира» и истощенного цивилизацией индивидуума. Отсюда и трагические, химерные образы отдельных стихотворений, в том числе и «недоноска».

В центре стихотворения «Недоносок» образ некоего существа, лишённого телесности («из племени духов»), это «не человек в маске, в роли духа, но, действительно, особое существо, чье бытие определено сочетанием парадоксальных качеств – слабости и бессмертия» (И. Альми [1, с. 106]). Его онтологическая конституция своеобразна, подобна

человеческой, но не равна ей. Образ недоноска восходит к французской поэтической традиции. У поэта XVII века Шарля Эно, чьё творчество было хорошо известно свободно говорящему на французском Баратынскому, есть «Сонет о выкидыше» («Sonnet sur l'avorton», 1682; «l'avorton» напоминает русское слово *аборт*). Иногда это стихотворение переводят как «Сонет о мёртворожденном».

Умерших некрещёных младенцев Данте помещает в Лимб, в первый круг ада, но «недоноску» Е. Баратынского нет места и здесь – ему, вообще, нем места (сравни «пойти некуда» у Ф. Достоевского). Он мечется между небом и землей, будучи неспособным ни достигнуть Эмпирея, т.е. обители ангелов и Бога, ни воплотиться в земной жизни. Он только «крылатый вздох», слабое, немощное мгновенное явление, «Бедный дух! Ничтожный дух!», «Роковая скоротечность!» Недоносок – гротескный образ, в котором поэт в гипертрофированном виде воплотил и человеческое положение в мироздании.

Промежуточность состояния недоноска можно соотнести с человеческой промежуточностью и неполнотой, фатальным трагизмом вечно прорывающегося к небесному, к заветному раю, но не достигающего его человека. Это прозрачная гиперболизированная метафора «невыносимой лёгкости» (М. Кундера) и безысходности человеческого бытия. «Небесные арфы» своей музыкой неудержимо влекут недоноска, но он не в силах провидеть пути навстречу этой музыке. В одном из черновых вариантов стихотворения есть такая строфа:

Весел я небес красой,
Но слепец я. В разуменье
Мне завистливой судьбой
Не дано их провиденье.
Духи высшие, не я,
Постигают тайны мира,
Мне лишь чувство бытия
Средь пустых полей эфира.

Оказываясь после всех метаний в небесных высях на земле, недоносок является мёртворожденным и «отбывает без бытия» в ту же вечность, из которой он явился, ничего не поняв и не обретя. Эта вечность видится бессмысленной. Но кто трагически переживает эту бессмыслицу? Нельзя не заметить появление в стихотворении второго субъекта, лирического «я» финала стихотворения, того, кто «на земле оживил» недоноска, т.е. вообразил его мятущееся состояние и воплотил его в стихотворении. Именно этому второму сознанию и принадлежит эмоциональная оценка и тяжесть переживания бессмысленности бытия, несогласие с ней, тревога неуёмного вопрошания. «Недоносок-сын как чисто земное существо вовсе лишен бытия и тут же умер, а Недоносок-отец, оставшийся в одиночестве, еще острее почувствовал тягость "бессмысленной вечности"» [12, с. 300]. Поэт колеблется между согласием с миропорядком и его неприятием. Неслучайно он говорил о «диком аде», в который порой проваливается его душа, но сомнения и духовный упадок не отменяет его жажды гармонии.

Заключение. Весь этот пессимизм связан убежденностью Е. Баратынского в гибельном пути человечества. Природа, любовь, гармония искусства способны исцелить «болящий дух» человека, но их внутренний строй не открывается для каждого. Согласно Е. Баратынскому, он открывается Поэту, который ответствен за всех, но его сил не хватает, чтобы по-настоящему преобразить человека. Человек застрял на полпути к своей полной гармонической форме, но перспектива его пути, по глубокому убеждению поэта, неутешительна – он выпадает из истории, из космического процесса, из бытия: его ждёт не преображение, а гибель. Остаются

созерцательное уныние, томление между небом и землей этого духовно несовершенного существа – человека, отчаянные порывы его мятущейся души, бунт возмущенного разума, стоическое принятие своего положения, мгновенные озарения гармонией – и неиссякающая мысль, равная существованию.

Для Е. Баратынского всегда важно было осознание и сохранение поэтом, человеком, вообще, своей художественной и экзистенциальной уникальности. Он категорически настаивает: «Не подражай: своеобразен гений / И собственным величием велик». Но оригинальность и величие состоят не в завоевании «шумной славы» «упойтельных похвал». Поэт сознаётся: «Не ослеплён я Музою моею». Для него подлинная ценность творца и человека в целом заключена в верности самому себе, своей внутренней неповторимости, в осознании единственности своего пути, в экзистенциальном самостоянии, проявляющемся в «лица необщем выражении» («Муза»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альми И.Л. Метод и стиль лирики Е.А. Баратынского / И.Л. Альми // Русская литература. – 1968. – № 1. – С. 96–106.
2. Андреевский С.А. Поэзия Баратынского // С.А. Андреевский // Литературные чтения: Баратынский. Достоевский. Гаршин. Некрасов. Лермонтов. Лев Толстой. Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1891. – С. 3–37.
3. Белинский В.Г. Русская литература в 1844 году / В.Г. Белинский // Собрание сочинений: в 3 т. – Т. 2 / под ред. Ф.М. Головешченко. – М.: ГИХЛ, 1948. – С. 647–705.
4. Биджиева З.С. Мотив одиночества в стихотворении Е.А. Баратынского «Осень» / З.С. Биджиева // Chronos. – 2019. – № 10(37). – С. 33–35.
5. Жилияков С.В. Мнемонический мотив в «альбомной лирике» первой половины XIX века (на примере произведений Е.А. Баратынского) / С.В. Жилияков // Philologos. – 2021. – № 1(48). – С. 26–32.
6. Лянь Б. Любовь и счастье в поэме Е.А. Баратынского «Эда» / Б. Лянь // Культура и цивилизация. – 2024. – Т. 14, № 3-1. – С. 257–265.
7. Мандельштам О.Э. О собеседнике // О.Э. Мандельштам // Сочинения: в 2 т. – Т.2: Проза / сост. С. Аверинцев, П. Нерлер. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 145–150.
8. Марков А.В. Баратынский и Кривулин: в тени книги Хетсо / А.В. Марков // Евразийский гуманитарный журнал. – 2023. – № 1. – С. 50–61.
9. Патроева Н.В. Синтаксис «поэта мысли» (К 220-летию со дня рождения Евгения Баратынского) / Н.В. Патроева // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81, № 2. – С. 50–55.
10. Патроева Н.В. Синтаксис Е.А. Баратынского как предмет лексикографического анализа / Н.В. Патроева, А.А. Лебедев // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2019. – № 6. – С. 12–19.
11. Петрова А.А. Информационный потенциал словаря рифм поэзии Е.А. Баратынского / А.А. Петрова // Актуальные исследования языка и культуры: теоретические и прикладные аспекты: Материалы конференции. – СПб: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. – С. 155–157.
12. Скибин С.М. Евгений Абрамович Баратынский / С.М. Скибин // История русской литературы XIX века. Часть 1: 1795–1830 гг. / под ред. В.И. Коровина. – М.: Владос, 2005. – С. 285–305.
13. Тихомирова А.О. Традиции Е.А. Баратынского в любовной поэзии А. Ахматовой / А.О. Тихомирова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: Сб. науч. трудов / ред. О.В. Шаталова. – М.: Московский государственный областной университет, 2019. – С. 222–227.
14. Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / М. Хайдеггер; пер. с нем. А. В. Михайлова. – М.: Академический проект, 2008. – 528 с.
15. Чжоу Л. Поэзия Лермонтова и Баратынского в Китае вчера и сегодня / Л. Чжоу // Вопросы литературы. – 2019. – № 1. – С. 205–216.
16. Шершак М.Г. Языковая архаика в поэтической речи Е.А. Баратынского / М.Г. Шершак // Молодежь XXI века: шаг в будущее: Материалы конференции. В 3 т. – Т. 1. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2019. – С. 121–123.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений / сост. В.М. Сергеев; вступ. статья

И.М. Тойбин. – Л.: Советский писатель, 1989. – 464 с.

REFERENCES

1. Al'mi I.L. (1968) Metod i stil' liriki E.A. Baratynskogo [Method and style of lyrics by E.A. Baratynsky] in Russkaya literature [Russian literature], 1, pp. 96–106 (In Russian).
2. Andreyevskiy S.A. (1891) Poeziya Baratynskogo [Poetry of Baratynsky] in Literaturnyye chteniya: Baratynskiy. Dostoyevskiy. Garshin. Nekrasov. Lermontov. L. Tolstoy [Literary readings: Baratynsky. Dostoevsky. Garshin. Nekrasov. Lermontov. L. Tolstoy], pp. 3–37. Sankt-Peterburg: A.S. Suvorin's printing house (In Russian).
3. Belinskiy V.G. (1948) Russkaya literatura v 1844 godu [Russian literature in 1844] in Sobraniye sochineniy [Collected works]: in 3 vol. Vol. 2, pp. 647–705. Moscow: State Publishing House of Fiction (In Russian).
4. Bidzhiyeva Z.S. (2019) Motiv odinochestva v stikhotvorenii E.A. Baratynskogo «Osen'» [The motive of loneliness in the poem by E.A. Baratynsky "Autumn"] in Chronos, № 10 (37), pp. 33–35 (In Russian)
5. Zhilyakov S.V. (2021) Mnemonicheskiy motiv v «al'bomnoy lirike» pervoy poloviny XIX veka (na primere proizvedeniy E.A. Baratynskogo) [Mnemonic motif in the "album lyrics" of the first half of the 19th century (based on the work of E.A. Baratynsky)] in Filologos, № 1(48), pp. 26–32. DOI 10.24888/2079-2638-2021-48-1-26-32
6. Lyan' (2024) B. Lyubov' i schast'ye v poeme E.A. Baratynskogo «Eda» [Love and happiness in the poem by E.A. Baratynsky "Eda"]. In Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and civilization], Vol. 14, № 3-1, pp. 257–265 (In Russian).
7. Mandel'shtam O.E. (1990) O sobesednike [About the Interlocutor] in Sochineniya [Works], in 2 vol, Vol. 2, pp. 145–150. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (In Russian).
8. Markov A.V. (2023) Baratynskiy i Krivulin: v teni knigi Khetso [Baratynsky and Krivulin: in the shadow of the book of Khetso] in Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian humanitarian journal], № 1, pp. 50–61 (In Russian).
9. Patroyeva N.V. (2020) Sintaksis «poeta mysli» (K 220-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Baratynskogo) [Syntax of the "poet of thought" (On the 220th anniversary of the birth of Yevgeny Baratynsky)]. In Russkiy yazyk v shkole [Russian language at school.], Vol. 81, № 2, pp. 50–55. [Doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-2-50-55](https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-2-50-55) (In Russian)
10. Patroyeva N.V. (2019) Sintaksis E.A. Baratynskogo kak predmet leksikograficheskogo analiza [Syntax of E.A. Baratynsky as a subject of lexicographic analysis] in Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly [Philological sciences. Scientific reports of higher education], № 6, pp. 12–19. DOI 10.20339/PhS.6-19.012 (In Russian).
11. Petrova A.A. (2021) Informatsionnyy potentsial slovarya rifim poezii E.A. Baratynskogo [Information potential of the rhyme dictionary of poetry by E.A. Baratynsky] in Aktual'nyye issledovaniya yazyka i kul'tury: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty [Current studies of language and culture: theoretical and applied aspects], pp. 155–157. Sankt-Peterburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet imeni A.S. Pushkina (In Russian)
12. Skibin S.M. (2005) Evgeniy Abramovich Baratynskiy [Evgeny Abramovich Baratynsky] in Korovin V.I. Istoriya russkoy literatury XIX veka [History of Russian Literature of the 19th Century], Part 1: 1795–1830, pp. 285–305. Moscow: Vldos (In Russian).
13. Tikhomirova A.O. (2019) Traditsii E.A. Baratynskogo v lyubovnoy poezii A. Akhmatovoy [Traditions of E.A. Baratynsky in the love poetry of A. Akhmatova] in Russkiy yazyk v slavyanskoy mezhkul'turnoy kommunikatsii [Russian language in Slavic intercultural communication], pp. 222–227. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet (In Russian).
14. Khaydegger M. (2008) Istok khudozhestvennogo tvoreniya. Izbrannyye raboty raznykh let [The Source of Artistic Creation. Selected Works from Different Years]. Moscow: Akademicheskii proyekt. (In Russian)
15. Chzhou L. (2019) Poeziya Lermontova i Baratynskogo v Kitaye vchera i segodnya [Poetry of Lermontov and Baratynsky in China Yesterday and Today] in Voprosy literatury [Questions of Literature], № 1, pp. 205–216. DOI: 0.31425/0042-8795-2019-1-205-216 (In Russian).
16. Shershak M.G. (2019) Yazykovaya arkhayka v poeticheskoy rechi E.A. Baratynskogo [Linguistic archaism in the poetic speech of E.A. Baratynsky] in Molodezh' 21 veka: shag v budushcheye [Youth of the XXI century: a step into the future], in 3 vol. – Vol. 1. – Blagoveshchensk: Amurskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 121–123. (In Russian)

Поступила в редакцию 27.11.2024 г.

EVGENY BARATYNSKY AS “EXISTENTIALIST” OF PUSHKIN ERA (TO POET’S 225th ANNIVERSARY)

O.R. Minnullin

The work deals with a profound analysis of the work by E. Baratynsky in terms of his existential quest associated with the human identity crisis and the search for the meaning of life (from the point of view of modern perception). The main part of the article covers several key aspects of the work by E. Baratynsky. The attention is paid to the poet’s internal conflict, reflecting the “spiritual discontent” and “counter-feelings”, which are clearly embodied in his mature elegies. E. Baratynsky is considered as the one who, by means of the poetry of thought, explores the complexities of human nature and existential crises. The analysis of specific, most representative works of the poet, such as “Disillusionment”, “The Last Death”, “My Gift is Poor...”, “The Aching Spirit Heals the Song...”, and “The Premature Child” is made. E. Baratynsky raises philosophical questions about the transience of time, the fragility of love, the place of man in the world as a special spiritually transitional creature, as well as the role of art in human existence. E. Baratynsky was a poet of his time, but his works remain penetrative and relevant for modern readers, being in tune with similar existential questions that were significant in the 20th and 21st centuries.

Key words: Evgeny Baratynsky, elegy, philosophical lyrics, existentialism, pessimism, anthropogenesis, interpretation.

Миннуллин Олег Рамильевич.

Доктор филологических наук.

Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева, г. Донецк, Российская федерация.

Заведующий кафедрой гуманитарных и художественных дисциплин.

ORCID: 0000-0002-5805-3821.

E-mail: o.r.minnullin@mail.ru.

Minnullin Oleg Ramilevich.

Doctor of Philology.

Donetsk State Music Academy named after S.S. Prokofiev, Donetsk, Russian Federation.

Head of Department of Humanities and Arts.

ORCID: 0000-0002-5805-3821.

E-mail: o.r.minnullin@mail.ru.

Научная статья
УДК 811.221.18
DOI: 10.5281/zenodo.14512556

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТЕТА В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2024 Р.Г. Цопанова¹, А.А. Дзэбоева²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

ORCID¹: 0000-0002-2223-0435

ORCID²: 0009-0005-6826-5608



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В данной статье ставится цель исследовать семантические и изобразительно-выразительные свойства эпитетов в осетинском языке, определить их связь с культурой народа, выявить роль в создании символов и мифологем. Тема актуальна тем, что не изучены семантико-стилистические и культурологические особенности эпитета в осетинском языке, не определена его роль в создании осетинской поэтической картины мира. В современной осетинской поэзии традиционные эпитеты получают новую образность и оценочное значение. Многие эпитеты переходят в разряд пассивной лексики по причине того, что теряют свои эмоционально-экспрессивные свойства, не обогащают семантику определяемых слов. В ходе исследования пришли к выводу, что в осетинской поэзии доминируют эпитеты антропоморфной семантики, характеризующие морально-нравственные, этические и социальные ценности народа.

Ключевые слова: семантика и стилистика эпитета, лингвокультура, определяемое слово, поэтический контекст.

Для цитирования: Цопанова Р.Г. Языковые особенности эпитета в осетинском языке / Р.Г. Цопанова, А.А. Дзэбоева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 43–52. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14512556>.

Введение. Образное восприятие действительности формирует поэтическую картину мира, которая может быть универсальной и национальной по содержанию. К образным средствам, создающим такую картину, относится эпитет, что связано с его образно-символическим содержанием, с высоким, эмоционально-оценочным и экспрессивным потенциалом. Научная новизна исследования состоит в том, что дается комплексная характеристика эпитетов в осетинском языке. Цель работы заключается в определении семантико-стилистических и лингвокультурных особенностей эпитетов в осетинском языке и их роли в формировании поэтической картины мира.

В задачи данной статьи входит:

- выявить семантические особенности эпитета и определяемого слова в осетинском языке;
- определить эмоционально-оценочные и экспрессивные значения эпитетов и их изобразительно-выразительные свойства;
- охарактеризовать лингвокультурное содержание эпитетов;

- объяснить зависимость семантико-стилистических особенностей эпитета и его функциональных возможностей от поэтического контекста и семантики определяемого слова;

- определить роль эпитета в создании поэтической картины мира.

Интерес к проблеме эпитета как важной семантико-стилистической и лингвокультурной категории никогда не пропадала, на что указывают исследования последних лет: В.Г. Глушкова [3], С.А. Губанов [6], Г.А. Гасанова [2], Т.М. Фадеева [10], З.С. Омарова [9], А.Ф. Кудзоева, И.Д. Тибилова, Р.Г. Цопанова [11] и др.

Материалы и методы исследования. Материал взят из произведений известных осетинских поэтов: К.Л. Хетагурова, Нигера, Н.Г. Джусойты, Ш.Ф. Джикаева, А.М. Кодзати, Т.Г. Хаджеты и из народнопоэтических текстов. В работе использованы следующие методы: лингвистическое наблюдение, описание, методы контекстуального, компонентного и лингвокультурологического анализов, семантико-стилистический метод.

Основная часть. Выразительное, экспрессивное звучание поэтических текстов, наполненных высоким смыслом, достигается, помимо других образных средств, через использование эпитетов. В качестве эпитетов выступают слова с метафорическим и метонимическим значениями. В них отражается образное мышление народа, создается поэтическая картина мира. Правильная оценка семантико-стилистических, лингвокультурологических особенностей эпитетов возможна через их словесное окружение, а также через связь с темой и идеей поэтических текстов.

Во многих исследованиях по данной тематике дается широкое понимание эпитета, когда в его роли указываются «прилагательное, причастие, наречие, существительное, реже – местоимение, числительное, глагол, деепричастие, слова категории состояния»), но «при этом центральное место – в силу особенностей частеречной природы – принадлежит имени прилагательному» [5, с. 4]. В.Г. Глушкова указывает на «внутреннюю предикативность эпитета», обусловленную «его атрибутивной природой» [3, с. 28].

В данной статье в функции эпитетов представлены имена прилагательные в качестве определений (*Рухсы хæрдгæхуыз хал цæстытыл сæмбæлд* [15, с. 190] 'Златовидная нить света коснулась глаз' (здесь и далее перевод наш – Р. Ц., А. Дз.); *Фæд-фæдыл – удхайраг фыдбонтæ, фæдисон æхсæвтæ* [13, с. 55] 'Друг за другом – мучительные дни, тревожные ночи' и именных частей составных именных сказуемых (*Кæдмæ уыдзæн дуне / тугхулон, каконджын, кæдмæ?* [13, с. 46] 'До каких пор мир будет окровавленным, / терновым (букв.: колючим), до каких пор?'; адъективные существительные (*Саг лæг уыди хъипчагъ* [14, с. 11] 'Бравый (букв.: олень) мужчина был кипчак'; причастия (*Ныр хойын æз мæ тыхст зардæ* [12, с. 27] 'Сейчас истязую свое измученное сердце' и обособленные определения (*Куыд хауы уари, сахъ, цæхæрцæст, / Хæдмæлхор сынтимæ хæсты!* [15, с. 214] 'Как падает сокол, смелый, искроглазый, / В схватке с воронами-падальщиками'; *Мæ дзырд та – къус, æвидийгæ, хъæздыг* [12, с. 12] 'А слово мое – чаша, неиссякаемая, богатая'.

По происхождению эпитеты подразделяют на «общеязыковые, индивидуально-авторские и народно-поэтические» [11, с. 30–31; 5, с. 140]. Общеязыковые эпитеты отличает «воспроизводимость» и «неоднократность употребления» [4, с. 3]. В осетинском языке они составляют самую многочисленную группу. Индивидуально-авторские эпитеты имеют широкий спектр стилистических значений: эмоционально-оценочных, экспрессивных, интенсивных и функционально-стилистических.

Эпитеты относят к ярким оценочным регулятивным средствам. Благодаря им можно «извлекать ценностные смыслы, воплощенные в системе текста» [1, с. 20]. Ценностные смыслы могут быть связаны с менталитетом и традициями народа.

Эстетическая функция и лингвокультурологическое содержание одного и того же эпитета бывает разной в зависимости от контекста и семантики определяемого слова.

По составу эпитеты бывают простые и сложные. Они могут образовывать неоднородные и однородные ряды, что усиливает их оценочное значение и воздействующую функцию. Однородные эпитеты, близкие по эмоционально-экспрессивному значению, в качестве определений и именных частей составных сказуемых уточняют и усиливают семантику определяемого слова, сплетая стихотворные строки в единое целое: *Ацы тыхст, фыд аз... / Аз нывонд каенын маэ сонт зонд / Ирэн задты раз!* [15, с. 64] *‘В этот тревожный, бедственный год... / Я жертвую свой неугомонный ум / ангелам Осетии’*; *Мах стæм хъæддаг – ызнæт æмæ фыдуаг – / На каæмæ мах цаххы адæй æрмахуыр* [12, с. 53] *‘Мы дикие – бешеные и непокорные – / Не становимся мы ручными от соли’*.

Усилительную функцию могут выполнять и неоднородные определения-эпитеты, особенно когда один из эпитетов имеет высокую оценочность: *Мах сидæм баэрзондæ, сыгъдæг буц бынæттæм* [15, с. 76] *‘Мы зовем к высотам, к чистым почетным местам’*.

Следует отметить, что подобные эпитеты не характерны для осетинских поэтических текстов, чаще в них используются одиночные и однородные эпитеты. Незначителен состав и цепочки эпитетов: *Уартæ фæзы астæу хъазы / Ирæд, цæхæ-цæхæид сабыр цад* [15, с. 142]. *‘Вон посреди равнины играет / Яркое, синее-синее тихое озеро’*

В народнопоэтических текстах эпитеты входят в состав устойчивых словосочетаний: *къуыппных болатриу лæппу (выпуклолобий стальной парень)* (о нарте Батразе), *зилгæ дымгæ, тухгæ уад (крутящийся ветер и кутающая вьюга)*, *кондджын-уындджын лæппу (стройный-видный парень)*. В современной поэзии такие устойчивые словосочетания также используются как экспрессивное средство: *Судзгæ-уыраугæ бон диссаг у, маэ хуртæ, / Дойны басæттынаен уый!* [15, с. 276] *‘Жгущий-испепеляющий день удивителен, мои дорогие (букв.: мои солнца’, / Для утоления жажды’*; *О, ацы заринаг-каеуинаг хæсты / Аз цаеуылнаæ амардтаен уæ бæсты? ‘О, в эту достойной песни-плача войне, / Почему не я умерла вместо вас?’*.

Мы рассматриваем эпитеты, различные по семантике, стилистическим свойствам и по тому, в какой мере в них отразилась культура народа и формировалась осетинская поэтическая картина.

Эпитеты определяют разные по тематике лексико-семантические группы слов. Их состав зависит как от национальной картины мира, так и от индивидуального видения мира автором поэтического текста. В исследуемых нами текстах определяемые слова включают важнейшие для человека концепты. Это родители (*ныййарджытæ*), родина (*фыдыбæстæ*), человек (*адæймаг*), мужчина (*лæг*), женщина (*сылгоймаг*), девушка (*чызг*), горе (*хъыг, маст*), ум (*зонд*), враг (*знаг*), слово (*дзырд*), мир (*сабырдзинад*), война (*хæст*), речь (*ныхас*), животный и растительный мир (*цæрагойтæ æмæ зайæгойты дуне*), природные явления (*æрдзы фæзындтæ*), астрономические наименования (*астрономион нæмттæ*), абстрактные понятия этического, нравственного содержания (*инпæрдон æмбарынадтæ этикон, удварнон мидисимæ*), святые места (*уаз бынæттæ*), обычаи (*æгъдæуттæ*), оружие (*хæцæнгарз*), бытовые предметы (*æрвылбоны предметтæ*) и др.

Эпитеты имеют разную семантику. В них находим представление о чести, совести, любви, ненависти не только авторов стихотворных строк, но и целых поколений, что делает их ценным источником познания и понимания себя как личности

и представителя народа. Они выражают эмоциональное и психологическое состояние лирического героя, социальное положение и интеллектуальное состояние личности (правителя, мужчины, женщины, поэта) и др.

Многие эпитеты образуются преимущественно в результате переноса свойств человека на неодушевленные предметы, то есть имеют антропоцентрический характер.

По связи с определяемым словом наиболее выразительными являются «усилительные эпитеты» [5, с. 140], функция которых – подчеркнуть экспрессию определяемого слова: *Цамаен уае хъуыд уыцы карз удхар?* [13, с. 7] ‘Зачем вам нужно было это жестокое мучение’; *Ласта аенабауромгае рис, заердаескъуыйаен марой* [13, с. 87] ‘Вез невыносимую боль, разрывающее душу рыдание’; *Фалвары ныл йае сау рынтга фыддуг* [12, с. 329] ‘Испытывает на нас свои черные болезни лихолетье’.

Эпитеты могут определять следующие свойства предметов:

чистоту, святость (*Дае хуызы раленк каены заед, / Йае уаездан самгае цаестытгаей / Фалмаен рухс ивылы...* / *Сыгъдаг, аенсаазым фалгонц!* [12, с. 10] ‘В твоём образе выплывает ангел, / Из её благородных прохладных глаз / Разливается мягкий свет... / **Чистый, невинный** образ’; *Рухс кувандсеттгаей хынджылаег каеныц* [16, с. 32] ‘Глумятся над светлыми святилищами’; *Нае дзырдсен уаед аервон тых аема рад* [12, с. 4] ‘Пусть у нашего слова будут небесная сила и честь’; *Ныуаагътой мын сыгъдаг цаесгом бынаен* [12, с. 4] ‘Оставили мне в наследство чистую совесть’, святой сонет(*сыгъдаг* (букв.: чистый) сонет [12, с. 4], *уаз ном* (святое имя) [12, с. 5], *уаз фыстытгае* (святые письма);

изобилие (*Хъаедты, къаедзахты сар рагътыл / Сои каердаг ныддасынц* [12, с. 13] ‘В лесу, на склонах гор / **Жирную** траву выкашивают’; *Уа нын райгуыраен заехх. / уа нын адджын, фалнаейдзаг уаезаг* [13] ‘Чтобы у нас была родимая земля. / был у нас сладкий, изобильный кров’; **физическое состояние** (*Аема цардаен гуырынц хахты / Сагартгаен лаппутгае* [12, с. 14] ‘И рождаются в горах для жизни / **Стройные** мальчики’;

тление, уничтожение (*Сау хъамп — йае гобан, йае баз...* [16, с. 30] ‘Черная солома – его матрас, его подушка’; *Аема та суагъта ихдзагъд хуымгаенд тау* [12, с. 5] ‘И снова зазеленело побитое градом поле’;

исчезновение (*Нае зайы хъугомы хъуыдалы, / Аенцад, аедзаераг у нае хъаеу* [12, с. 24] ‘Не растёт на пашне ячмень / Безлюдно, безмолвно наше село’ *Куы нае стам мах быныскъуыд адаем суктаей, / Уаед арентгаей цаеуыл дзыназы сынт?* [12, с. 33] ‘Если мы не вымерший, подобно сухам, народ, / То почему с наших границ стенает ворон’. Содержание этого предложения связано трагическим событием, когда из-за кровной мести был уничтожен род Суховых);

разрушение (... *немае — заердаехалд фыдбонтгае* [13] ‘... с нами – душераздирающие несчастья’;

пространство (*Уыныс, баерзонд арвил ыстгъалы / Аерттивгае атахт аема малы / Уый фестад судзгаейгае сыгъдон!..* [12, с. 16] ‘Видишь, на высоком небе звезда / Полетела, сверкая, и превратилась, горячая, в луже в пепел’;

величие, особенность (*Ныуаагътой дын наерамон заердае скифтгае, / Аерхастай ма наертон хазнатгаей рифтаг* [12, с. 5] ‘Наделили тебя непокорным сердцем скифы, / Принес из нартовских богатств лишь котомку’;

горение (... *мае судзаг маердгае, / цыдыстут хуысгаейгае* [13, с. 15] ‘... мои горькие (букв.: горящие) покойники, / уходили лежа’; *Тызмагаей артуадзаг аврагъты / Ныгъуылыныц къаедзахтгае даярдадзаф* [12, с. 9] ‘Сурово в горящих облаках / Тонут скалы вдалеке’;

движение (*Цыма аенцаддзу / аенцойзаердае кадаг* [17, с. 30] ‘Будто медленно идущая... поэма’;

унижение (Цæй, хъус мæм ды, не 'фхæрд къæдзæх, / Дæ сагъæс, дæ низ дын ныззарон! [15, с. 59] 'Ну, слушай меня, **униженная** скала, / Твою думу, о твоей болезни спою!'; Сæ **додойаг** цардæй нæ лидзын [15, с. 13] 'Не убегаю от их **горестный** жизни';

морально-нравственные ценности (... **удвидауц** æмæ **рæдау** зондæй [13, с. 27] '... с **красивой** душой (букв.: душа+красота) и **щедрым** умом'; **Æмæ хæсдзысты уæд тæрхон / хæстæндзарæг лæгсырдтæ** 'И **войну разжигают** изверги будут выносить приговор', **гуыбындзæл** сълкытæ 'прожорливые женоподобные', **тугдзых** лæгмартæ 'кровожадные убийцы';

эпитеты, называющие эмоции, чувства (**зæрдæхæлд** адæм (с **убитым сердцем** народ), **удниу** утæхсæн (**душераздирающее** страдание);

тепловые эпитеты (Дæ хуымгæндыл-иу **хъарм** къæвда æрцæуæд [12] 'Пусть на твою пашню польется **теплый** дождь';

звуковые (Дæ **зæлгæ** мидис – кадæг [12, с. 12] 'Твое **звонящее** содержание – поэма', **тæхгæ-наргæ** арварттывд [17, с. 74] 'летающая-звучающая молния';

цветовые (О Цыппурс, **тугахуырт**, мауал у æвæсмон [13, с. 80] 'О Цыппурс, **окровавленный**, не раскаивайся'; Тæлфыдысты **цъæхбарц** уылæнтæ, / цыма сæ мидæг уыд ма зæрдæ [17, с. 28] 'Бушевали **синегривые** волны, будто в них было мое сердце';

световые: **рухс** бæллицтæ 'светлые мечты', **рухс** аргъæуттæ 'светлые сказки', **ирд** цæссыгтæ 'светлые слезы', **ирд** тæмæнтæ 'яркие блестки', **тар** æхсæв 'темная ночь';

эпитеты социального содержания (**Урс нарсткъух** **нард** булкъон, **бирæгъхуыз** тарст къæрных / Фезмæлындæ кæмттæ кæмдæр [15, с. 87] 'С **белой пухлой** рукой **жирный** полковник, **волкоподобный** испуганный вор / Обитают где-то в ущельях'.

Эпитеты часто включаются в состав метафор, олицетворений, сравнений, перифраз, гипербол, что повышает их образную и эстетическую значимость в поэтическом тексте, идет актуализация эмоционально-оценочных свойств эпитетов, существенно расширяется тематический состав определяемых предметов и явлений. Любимая девушка – **æнæныгуылгæ** стъалы (**немеркнущая** звезда) (**Мæ уалдзæджы æнæныгуылгæ** стъалы, / Дæ хуыз ма сæрма разамантæй нал и [12] 'Моей весны **немеркнущая** звезда, / Твоего образа надо мной давно уж нет'; **Мæ удыл сау** дымгæ дзыназта [12, с. 52] 'По душе моей стенает **черный** ветер'; Цæй, цæмæн та æрцыдтæ / **Мæ бæллицты нарæг** фæндагыл? [17, с. 48] (Ну, зачем ты вернулась / По **узкой** тропе моих мечтаний?); **Æрфынаей** рох уæлмæрды дурыл / **Æхсæвы ирд** цæссыгты маей [12, с. 7] 'Заснула на камне забытого кладбища / В **ярких** слезах ночи луна'.

Противоречия, существующие в мире человека и природы, в поэтическом языке ярко выражаются в оксюморонах. Необычно соединяются смыслы логически несовместимых по значению слов: **Нæ хъæуыс мæн гæнах æмæ цыртæн, / Мæхæдæг сау цин** раскъуындзынаен цардæй [12, с. 4] 'Не нужен ты мне ни для крепости, ни для памятника, / Я сам заберу (букв.: вырву) **черную радость** у жизни'; **Æмæ та нын куы байдайа сабырадон** ценоцид [13, с. 77] 'Вдруг опять начнется для нас **тихий геноцид**'.

В осетинском языке цветовые эпитеты: **сау** (**черный**), **урс** (**белый**), **цъæх** (**синий**, **зеленый**, **серый**), **сырх** (**красный**) – являются многозначными. Они имеют положительно- и отрицательно-оценочные значения. «Цветовая лексика является средством создания конкретной и образной картин мира. На основе этой лексики образуются символы, в содержании которых аккумулированы мифологические, морально-нравственные, бытовые, социальные понятия» [11, с. 166].

Ценностная значимость цветовых постоянных эпитетов весьма высока, если они входят в состав мифологических образов, образуют символы. Так, культура использования постоянного эпитета **цъæх** (**синий**, **серый**, **зеленый**) идет из осетинского фольклора: **цъæх арт** (**синий** (**пылающий**) **огонь**) (**арахъ** (**самого**н), **айнаг** (**скала**), **хæраг** (**осел**), **бæх** (**конь**)). В

современной поэзии значение этого эпитета значительно расширилось. Например, в стихотворении Ш. Джикаева *цъæх арт (синий огонь)* символизирует стремление к свободе, святость в контексте сочетания *Амыраны цъæх арт (синий огонь Амрана): Цъæх айнагыл / Ысудз ма уд Амыраны цъæх артæй, / Рæстдзинады пехуымпар ма æскæн!* [12, с. 4] *'На синей скале / Зажги мою душу Амрана синим огнем, / Сделай меня пророком правды!'* Образ взят из одноименной драмы основоположника осетинской драматургии Е.Ц. Бритаева «Амыран», где мифический герой хочет показать земному смертному дорогу к свободе, счастью. В основе «Амырана» лежит осетинский вариант известного мифа о великом похитителе огня – Прометее.

Из осетинских нартовских сказаний известна мифологема *Фыдрохгæнæн цъæх дур (синий камень Забвения)* или *цъæх дойнаг дур (синий камень-валун)* [6, с. 105]. *Фæлæ уæддæр... О, хъусыс мæм? – нæ арын / Уæддæр зæххыл фыдрохгæнæн цъæх дур 'Но все же... О, слушаешь меня? – не нахожу / Все же на земле синий камень забвения'*. «Фыдрохгæнæн цъæх дур» уйд нарты ныхасы: чи йыл сбадтаид, уымæй-иу ферох сты йæ хъыг æмæ йæ сагъæстæ» [8, с. 44]. («Синий камень забвения» лежал на нихасе нартов: кто садился на него, тот забывал свое горе и печали»). *Нихас – «собрание и само место собрания взрослых мужчин»* [7, с. 110]. *Кæм дæ? Æви цъæх бирæгъæн цы бæззы, / Нæй уымæй сау гæбæр куыдзæн бæттæн?* [12, с. 23] *'Где ты? Или то, что подходит для серого волка, / Нельзя этим завязать черную в парше собаку?'* Для понимания значения устойчивого сочетания *цъæх бирæгъ (серый волк)* следует знать осетинский обычай: когда домашняя скотина не приходила к ночи, то для защиты ее от волка обвязывали цепью щипцы для углей с камнем внутри. Были и другие обычаи. Четверостишие является аллегорией. *Сау гæбæр куыдз (черная в парше собака)* – метафорическое наименование врага лирического героя.

Читатель и авторы поэтических текстов находятся в одном языковом и культурном пространстве, поэтому замысел и идеи авторов понимаются правильно.

Традиционным эпитетом в осетинском языке является прилагательное *сау (черный)*. Оно многозначно и определяет в качестве метафоры многие предметы и явления, свойства человека, образует символы с определяемыми словами. В «народно-поэтическом арсенале *сау* "черный" часто употребляется в таких штампах, как *сау калм* "черная змея", *сау зæрдæ* "черное сердце", *сау халон* "черный ворон", *сау сыгъд* (букв. "черное сожжение", т.е. дотла)» [10, с. 160]. *Сау (черным)* бывают *хох (гора)*, *къæдзæх (скала)*, *зæрдæ (сердце)*, *хæст (война)*, *фæндтæ (помыслы)*, *цæргæс (орел)*, *халон (ворона)*, *ком (ущелье)*, *хъæр (крик)*, *цин (радость)*, *туг (кровь)*, *фæнык (зола)*, *лæпту (парень)*, *мигътæ (тучи)*, *сынт (ворон)*, *мæлæт цæстæнгас (взгляд)*, *знаг (враг)*, *бындур (очаг)*, *тымыгъ (буря)* и др.

В новых контекстных условиях происходит расширение семантики этого эпитета: *Æмбæрзы хуссайраг æхсæв / Фæлмæн йæ сау зелдагæй хæхты* [12, с. 9] (*Накрывает южная ночь / Мягко своим черным шелком горы*); *Хъыджы дæттын ма сау нузæнтæ рисæй, / Куывды уæ цины хурдонæй хынцын* [12, с. 12] (*В горе даю черный бокал из боли, / В пиру угощаю вас солнечной радостью*). Этот эпитет может противопоставляться колоративу *цъæх (синий)*: *Кæмæ кувыс? / Кæмæ дзурыс? / Хуыцаумæ? / Кæсыс æм – / сау хохмæ / æви цъæх арвмæ?* [13] (*Кому молишься? / К кому обращаешься? К Богу? / Смотришь на него – на черную гору / или на синее небо?*). В данных строках в противопоставлении *сау хох (черная гора)* и *цъæх арв (голубое небо)* – грань между земным и вечным.

Символом свободы, победы являлось прилагательное *сырх (красный)* в таких сочетаниях: *сырх сæрибар (красная свобода)*, *Сырх Уæлахиз (Красная Победа)* [15, с. 78], *Сырх тырысайы рухсимæ, / Серотæ, Алыксандртæ, / сытадыстут революцимæ?* [13, с. 8] *'Со светом красного знамени встали Серо, Александры за революцию'*.

Колоратив *урс* (белый) «имеет высокую эмоциональную окрашенность, ярко выраженную оценочность: например, *урс уарыккау* – это традиционный для осетинского художественного слова эпитет, передающий образ чего-то юного, возвышенного, чистого, нежного [9, с. 153]. *Урс (белый)* – материнское молоко (*Дæ уарагыл дæ урс риуы æхсырæй / Хæсдзына ды Черментæ 'мæ Къостаты* [12, с. 11] (*На своих коленях молоком из белой груди / Выкормишь ты таких, как Чермен и Коста*). Чермен – народный герой, защитник обездоленных, ставящий свободу превыше всех земных благ. Коста Леванович Хетагуров – основоположник осетинского литературного языка и осетинской художественной литературы.

Эпитеты, в которых дается оценка небожителям и всему, что является атрибутом высших сил, связаны со святостью, чистотой, светом. В этот ряд включаются известные мифологические образы: Бардуаг – божество (*сыгъдаг Бардуаг (святой Бардуаг), рухс Бардуаг (светлый Бардуаг), сыгъдаг хох (святая гора; место, где расположено божество), сыгъдаг зæд (чистый ангел). Уæд, Хуыцау, дæ уаз къæхты бын / Аверын мæ худ! 'Тогда, Бог, к твоим **святым** ногам кладу свою шапку'*. Образ святости, чистоты, любви выражают эпитеты с важными для человека предметами: *рухс къæсар (светлый порог), уаз ном (святое имя)* и др.

Помимо цветowych эпитетов постоянными эпитетами в осетинском языке являются прилагательные *карз (ожесточенный, суровый), рухс (светлый), сыгъдаг (чистый), ирд (яркий), сонт* и др.

Важным понятием в осетинском языке стало слово *нартон* – *нартовский, чудесный превосходный, выдающийся, отважный, геройский, легендарный*. Этим эпитетом определяет свойства многих предметов и явлений: *хъысмæт (судьба), фарн (мир, спокойствие), фæлтæр (поколение), куывд (молитва и пир), Ир (Осетия), ныхас (слово), удыхай (любимая букв.: часть души), лæг (мужчина), фырт (сын), хæзна (богатство), ном (имя), æфсиртæ (колосья)* и др. Слово образовано от существительного *нарт (нарты)*. Это – отважные герои древних эпических сказаний. Женщину называют *нартон (нартовской)*, когда она гостеприимная, щедрая, мудрая: *нартон Сатана (нартовская Сатана)*. Сатана – героиня эпоса (*Сатана хурон у, нартон*) [12, с. 71] (*Сатана солнечная, нартовская*).

Эпитеты могут определять многообразные признаки, свойства одного и того же предмета, явления. Например, *уд (душа): зæрин (золотая), уынгæг (подавленная букв.: тесная) (Дæдæй, мæгуырæг. / йæ уынгæг уд скъуыйдзæн [13, с. 31] 'О, бедный, / его подавленная душа будет разрываться', руыст (страдающая) (Руыст удаен, тыхст удаен мах цъитидон радтæм [15, с. 76] 'Страдающей душе, обеспокоенной душе мы даем ледниковую воду', мæгуыр (бедная), æфхæрд (оскорбленная) [15, с. 88], хъуынахор (Хъуынахор удаен кæрон уыдзæни [15, с. 304] 'Придет конец заплесневелой (букв.: поедющей плесень) душе'; зæрдаæ (сердце): сау (черное), нæрæмон (беспокойное) [12, с. 5], рухс (светлое) [15, с. 95], зыд (жадное), тыхст (обеспокоенное) (Мæ тыхст зæрдаæ / Мæ сау риуы [15, с. 194] 'Мое обеспокоенное сердце / В черной груди', уазал (холодное) (Фæлæ уазал зæрдæйы / æнкъарæнтæй сагъæс ысцæнд и [12, с. 56] 'Но из-за эмоций холодного сердца / беспокойство нагромоздилось' и др.*

Устно-поэтические эпитеты в современной поэзии теряют статус постоянных эпитетов и получают новую значимость. Например, прилагательное *буц (избалованный)* в народной поэзии определяет такие одушевленные и неодушевленные предметы: *хъæбул (дитя), хæринаг (еда), кæстæр (младший)*, а в современной поэзии этим эпитетом оцениваются другие предметы: *цард (жизнь), быдыр (поле), риу (грудь женская), Нарты буц цот (Нартов избалованные дети), Цæдис (Союз), бынаеттæ (места) (Нæ хистæртæ къæрит кæрцыты бадынд, / Нæ буц кæстæртыл бафтыди*

хуыссæг [12, с. 31] 'Наши старшие сидят в старых шубах, / Наши избалованные младшие впали в глубокий сон'.

Традиционными в осетинском языке являются эпитеты:

рухс (светлый, яркий): æнгас (взгляд), уæлмæрд (могила), цинтæ (радости), бæллицтæ (желания), цард (жизнь), хъуыды (мысль), тых (сила), хур (солнце), дзæнæт (рай), дуаг (ангел), фæндаг (путь), тынтæ (лучи), уалдзæг (весна), Дуне (Вселенная), цæстæнгас (взгляд);

сахъ (геройский, бравый): лæг (мужчина), гуырд (рожденный), æмбæлттæ (друзья);

фыд (злой): дуг (эпоха), бирæгъ (волк);

худгæ (смеющийся): былтæ (зубы), хур (солнце);

сонт (взбалмошный): ныхас (речь), ми (поступок), лæппу (парень); **карз (резкий, суровый):** сомы (клятва), фыдгул (враг), тох (борьба), хæст (война), æлгыст (проклятие) и др.

Для каждой эпохи свои устоявшиеся эпитеты. Одни из них со временем забываются, а другие продолжают активно использоваться в речи, особенно в поэтической. В годы Великой Отечественной войны актуальными были эпитеты, в которых достаточно ярко отразился патриотизм советских людей, давалась оценка врагу. Многие из этих эпитетов были и остаются традиционными: **стыр (большой, большая):** Фыдыбæстæ (Родина), тыхдымгæ (буря), цин (радость), **сахъ (геройский, смелый):** фæлтæр (поколение), æмбал (друг), **сонт (взрывной, вспылчивый):** арв (небо), риу (грудь), зæрдæ (сердце), сгуйхт æмхæстонтæ (доблестные сослуживцы), уæззау хæст (тяжелая война), кадджын дивизи (славная дивизия), стигъæг бал (граблящая стая), цъæх пиллон (голубое пламя), сырх туг (красная кровь), фыцгæ туг (кипящая кровь), хæстон зарæг (военная песня), хъарм цæстысыг (теплая слеза), тыхджын хъæлæс (сильный голос) и др.

Развитие эпитетов в осетинском языке шло от простых по структуре, семантике и стилистическим свойствам к сложным. Сложные эпитеты преимущественно бывают индивидуально-авторскими. Многие эпитеты со временем «устаревают». Они остаются в лексическом фонде осетинского языка, но в новых поэтических текстах используются редко. К таким эпитетам можем отнести следующие: сау рæсугъд (черная красавица), сау гуырд (отважный букв.: черный рожденный), сау къæдзæх (черная скала), æвзист суадон (серебряный родник), фæлурс мæй (бледная луна), зæрин хур (золотое солнце), хъызт тымыгъ (морозная метель), рухс тынтæ (светлые лучи), зæлдаг тынтæ (шелковые лучи), рæсугъд фын (красивый сон), хъал зæрдæ (горделивое сердце), сау хъама (черный кинжал), сахъгуырд фæдон (бравый последователь) и др.

Сложные эпитеты в осетинском языке представлены разными структурами:

1) прилагательные с существительными (**урсбазыр дзæнæты райсом (белокрылого рая утро)**); 2) существительные с отглагольными именами (**кардæлвæст фæдисон (с обнаженным мечом глашатай)**, **артуадзæг æврæгътæ (огненные (букв.: испускающие огонь) облака)**); 3) существительные с существительными (**зæрдæныфс цæссыг (рождающая надежду (букв.: сердце+надежда) слеза)**, **удвидауц зонд (букв.: душа+красота ум)**); 4) прилагательное с отглагольным именем (**ноггуырд мит (новорожденный снег)**).

Таким образом, объектом поэтического мировосприятия в осетинской поэзии является человек и все то, что связано с его социальной, культурной жизнью, моралью, этикой и эмоционально-психологическим состоянием.

Заключение. Эпитеты расширяют семантические и стилистические, лингвокультурные возможности осетинского литературного языка. В них – отражение специфики национального мировосприятия и мышления, а также культуры народа. Их

роль незаменима при создании поэтической картины мира, которая заключается в эмоционально-оценочной, экспрессивной характеристике человека и общества. По частотности употребления на первом месте – эпитеты антропоморфной семантики. Индивидуально-авторские эпитеты отличают яркие эмоционально-экспрессивные свойства. Эпитеты могут «устаревать» и переходить в пассивный словарный фонд языка. Плотность использования эпитетов разная у осетинских поэтов, что мы связываем как с особенностями развития образности в осетинском языке, так и с идиостилиями авторов произведений. Для создания целостной языково-стилистической, лингвокультурной концепции эпитета в осетинском языке необходимо дальнейшее исследование данной темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотнова Н.С. Лексическая структура поэтического текста как ключ к постижению его ценностных смыслов / Н.С. Болотнова // Русский язык в школе: научно-методический журнал. – 2019. – № 1. – С. 20–24.
2. Гасанова Г.А. Эпитеты как одно из основных средств создания художественных образов в произведениях Э. Капиева / Г.А. Гасанова // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. Том. 34. Вып. 3. – 2019. – С. 55–63.
3. Глушкова В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С.Н. Есина: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Г. Глушкова. – Белгород, 2000. – 28 с.
4. Голуб И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. – 4-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 448 с.
5. Губанов С.А. Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.А. Губанов. – Самара, 2009. – 24 с.
6. Гуыриаты Т. Цавæр хуыз уыдис Нарты Фыдрохгæнæн... цъæх дуæрæн? / Т. Гуыриаты // Ирон ныхасы культурæ æмæ стилистикæ: наукон уацты æмбырдгонд. – Дзæуджыхъæу, 2001. – Ф. 104–110.
7. Кудзоева А.Ф., Тибилова И.Д., Цопанова Р.Г. Коммуникативное пространство современного осетинского художественного текста: к проблеме идиостилевых доминант: монография / под ред. д. ф. н. Л.Б. Гапаловой. – Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2021. – 217 с.
8. Москвин В.П. Эпитет в художественной речи / В.П. Москвин // Русская речь. – 2001. – № 4. – С. 28–32.
9. Омарова З.С. Эпитеты-прилагательные в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. – Том. 34. Вып. 1. – 2019. – С. 48–54.
10. Фадеева Т.М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства: автореф. дис. ... док. филол. наук / Т.М. Фадеева. – М., 2014. – 24 с.
11. Цопанова Р.Г. Символизация цветowych наименований в осетинском языке / Р.Г. Цопанова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 11. – С. 166–169. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.08.34.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Джыккайтæ Шамил. Намыс: æмдзæвгæтæ, кадджытæ, тæлмацтæ / Джыккайтæ Шамил. – Дзæуджыхъæу: Ир, 2010. – 415 ф.
13. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Дыууæ дуджы астæу: Æмдзæвгæтæ / Хадзы-Мурат Дзуццаты. – Дзæуджыхъæу: Ир, 2000. – 281 ф.
14. Нафи. Зарæг – уарзты хъæлæс: Пьесæтæ / Нафи. – Цхинвал: Южная Алания, 2007. – 360 ф.
15. Нигер. Уацмысты æххæст æмбырдгонд. 1-аг том. Æмдзæвгæтæ / Нигер. – Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстонны чыныгуадзæн, 1966. – 681 ф.
16. Къоста. Ирон фæндыр: Зæрдæйы сагъæстæ, зарджытæ, кадджытæ æмæ æмбисæндтæ. – Орджоникидзе: Ир, 1984. – 176 ф.
17. Хъодзаты Æхсар. Æхсар: Æмдзæвгæтæ / Æхсар Хъодзаты. – Орджоникидзе: Цæгат Ирыстонны чыныгуыты рауагъдæд, 1965. – 86 ф.

REFERENCES

1. Bolotnova N.S. (2019) Leksicheskaya struktura poeticheskogo teksta kak klyuch k postizheniyu ego tsennostnykh smyslov [The lexical structure of a poetic text as the key to understanding its value meanings] in *Russkiy yazyk v shkole: nauchno-metodicheskiy zhurnal* [Russian language at school: scientific and methodological journal], 1, pp. 20–24 (In Russian)
2. Gasanova G.A. (2019) Epitety kak odno iz osnovnykh sredstv sozdaniya khudozhestvennykh obrazov v proizvedeniyakh E. Kapiyeva [Epithets as one of the main means of creating artistic images in the works of

E. Kapiev] Vestnik Dagestanskogo gos. un-ta [Bulletin of Dagestan State University]. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki. Tom. 34. Vyp. 3. pp. 55–63 (In Russian)

3. Glushkova V.G. (2000) Lingvostilisticheskie osobennosti epithetov v khudozhestvennoy proze S.N. Yesina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Linguistic and stylistic features of epithets in S. N. Yesin's fiction: abstract. ... candidate of Philological Sciences.]. Belgorod, (pp.28). (In Russian)

4. Golub I.B. (2002) Stilistika russkogo yazyka. [Stylistics of the Russian language], 448 p., M.: Airispress (In Russian)

5. Gubanov S.A. (2009) Epithet v tvorchestve M.I. Tsvetaevoy: semanticheskiy i strukturnyy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Epithet in the work of M.I. Tsvetaeva: semantic and structural aspects: abstract. ... candidate of Philological Sciences.], Samara, 24 pp. (In Russian)

6. Guriyev T.A. (2001) Kultura osetinskoj rechi i stilistika: sbornik nauchnykh statej. [Culture of Ossetian speech and stylistics: a collection of scientific articles], Vladikavkaz, pp. 104–110 (In Russian)

7. Kudzoeva A.F., Tibilova I.D., Tsopanova R.G. (2021) Kommunikativnoe prostranstvo sovremennogo osetinskogo khudozhestvennogo teksta: k probleme idios tilevykh dominant: monografiya [The communicative space of the modern Ossetian literary text: on the problem of idiostyle dominants: monograph], Vladikavkaz: IPC SOGU, 217 p. (In Russian)

8. Moskvina V.P. (2001) Epithet v khudozhestvennoy rechi [Epithet in artistic speech] in Russkaya rech [Russian speech], 4, pp. 28 (In Russian)

9. Omarova Z.S. (2019) Epitety-prilagatel'nyye v poezii Rasula Gamzatova [Epithets-adjectives in the poetry of Rasul Gamzatov] Vestnik Dagestanskogo gos. un-ta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki. Tom. 34. Vyp. 1. pp. 48–54 (In Russian)

10. Fadeyeva T.M. (2014) Slozhnyy epitets – yadernaya yedinita khudozhestvennogo prostranstva: avtoref. dis. ... dok. filol. nauk [A complex epithet is a nuclear unit of artistic space : author's abstract. diss. ... doctor of philological sciences], M., 24 pp. (In Russian)

11. Tsopanova R.G. (2019) Simvolizatsiya tsvetovykh naimenovaniy v osetinskom yazyke [Symbolization of color names in the Ossetian language] in Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki, [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities] 11, pp. 166–169. DOI 10.37882/2223-2982.2022.08.34 (In Russian)

Поступила в редакцию 03.11.2024 г.

LINGUISTIC FEATURES OF EPITHET IN THE OSSETIAN LANGUAGE

R.G. Tsopanova, A.A. Dzeboeva

The purpose of this article is to study the semantic and figurative-expressive properties of epithets in the Ossetian language, and to determine their connection with the culture of the people. The topic is relevant because the semantic-stylistic and cultural features of the epithet in the Ossetian language have not been studied, its role in the creation of a poetic picture of the world has not been determined. In modern poetry, traditional epithets acquire new imagery and evaluative meaning. The conclusion is made that epithets with anthropomorphic semantics prevail in Ossetian poetry, and denote the moral, ethical, and social values of the people.

Keywords: semantics and stylistics of epithet, linguistic culture, defined word, poetic context.

Цопанова Рита Георгиевна.

Доктор филологических наук, профессор.
Северо-Осетинский государственный университет
имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Российская
Федерация.

Профессор кафедры осетинского языка.

ORCID 0000-0002-2223-0435.

E-mail: tsopanowarita@yandex.ru.

Дзэбоева Аза Ахсарбековна.

Северо-Осетинский государственный университет
имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Российская
Федерация.

Магистрант кафедры осетинского языка.

ORCID 0009-0005-6826-5608.

E-mail: dzeboeva99@mail.ru.

Tsopanova Rita Georgievna.

Doctor of Philology, Professor.
North Ossetian State University named after
K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation.
Professor of Ossetian Language Department.

ORCID 0000-0002-2223-0435.

E-mail: tsopanowarita@yandex.ru.

Dzeboeva Aza Akhsarbekovna.

North Ossetian State University named after
K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation.

Graduate student of of Ossetian Language Department.

ORCID 0009-0005-6826-5608.

E-mail: dzeboeva99@mail.ru.

Научная статья
УДК 811.351.19
DOI: 10.5281/zenodo.14512656

ОТРАСЛЕВАЯ ЛЕКСИКА БЕСПИСЬМЕННОГО ЧАМАЛИНСКОГО ЯЗЫКА: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2024 З.М. Алиева

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт языка, литературы и искусства имени Г.Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)»

ORCID: 0000-0001-8234-5202



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Сохранение и развитие национальной культуры, исторических корней – важнейшая задача, требующая бережного отношения к памятникам истории и культуры, к традиционному народному художественному творчеству. Соответственно, безотлагательной и основной задачей современного дагестановедения является сбор и фиксация ещё не утраченного языкового материала, главным образом малочисленных этносов, сохранивших традиционный общинный уклад жизни, продолжая оставаться бесписьменными, и по которым подобных работ ранее, за исключением нескольких языков, не проводилось. В процессе написания статьи применялись синхронно-описательный и, при необходимости, статистический методы. В статье дается краткий обзор изученности отраслевой лексики в некоторых языках северокавказского региона; проводится анализ состояния исследованности пласта отраслевой лексики одного из бесписьменных аваро-андо-цезских языков – чамалинского: перечислены работы, характеризующие отдельные разделы отраслевой терминологии, представлен план дальнейшего сбора, систематизации и фиксации отраслевой лексики. Данное исследование имеет научное и практическое значение для дальнейшего изучения чамалинского языка. Работа станет предпосылкой создания грамматики языка и сыграет неоценимую роль в развитии сравнительной лексикологии аваро-андо-цезских и, шире, дагестанских языков.

Ключевые слова: исчезающие языки, бесписьменные языки, отраслевая лексика, чамалинский, сбор и фиксация «уходящей» лексики.

Для цитирования: Алиева З.М. Отраслевая лексика бесписьменного чамалинского языка: результаты и перспектива исследования / З.М. Алиева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 53–68. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14512656>.

Введение. Сбор, систематизация и описание отраслевой лексики, в особенности бесписьменных языков малочисленных народов Республики Дагестан, в том числе и чамалинского – задача неотложная.

Лексика – самая неустойчивая система языка, изменения в которой обусловлены, прежде всего, изменениями в сфере обозначаемого: вещь выходит из употребления или замещается другой, и, как показывает практика, перестаёт функционировать и соответствующее слово или его коррелят. Лексический состав языка, подвергающийся изменениям, привлекает особое внимание учёных, так как исследование словарного фонда

может дать ценный материал, который способен пролить свет на становление и развитие конкретного языка, свидетельствовать о связях и контактах как близкородственных, так и неродственных языков. А это, в свою очередь, имеет немаловажное значение для разработки вопросов истории носителей того или иного языка.

Отраслевая терминология – наиболее древний и бесценный пласт словарного состава. Собрать, систематизировать и всесторонне изучить отраслевую лексику – актуальная лингвистическая и этнокультурная проблема, поскольку в ней находит отражение национально-культурная специфика языка. Принятый мировым сообществом понимание языка как бесценной частицы мировой культуры, требующей бережного отношения к себе, независимо от количества её носителей, и делает эту задачу чрезвычайно актуальной.

Материалы и методы исследования. Материалом для написания статьи послужили исследования по отраслевой лексике бесписьменного чамалинского языка и научные разработки по нему; а также работы по отраслевой терминологии отдельных языков Кавказа. Методология исследования конкретизирована гипотетико-дедуктивным, структурно-описательными методами и методиками контекстуального анализа.

Из истории изучения отраслевой лексики. Сбор, классификация и анализ отраслевой лексики необходим для воссоздания картины мира носителей того или иного языка, что в свою очередь откроет основные параметры, характеризующие материальную и духовную культуру этноса.

В кавказоведении целесообразность тщательного и всестороннего исследования отраслевой лексики общепризнана. И тем не менее, в отдельных дагестанских языках еще не выявлен её состав по отраслям и существует минимальное (поверхностное) представление о функционировании данной лексики. Между тем основательный сбор и скрупулёзный анализ отраслевой терминологии в её исторической полноте (многие составляющие относятся к категории «уходящей, исчезающей, умирающей» лексики) является необходимым условием разработки более общих проблем дагестанской лексикологии. Вместе с тем, в связи с интенсивным развитием науки, техники, культуры и миграционными процессами происходят значительные изменения в словарном фонде дагестанских языков, как письменных, так и бесписьменных. Последние функционируют только на бытовом уровне: на них отсутствуют письменные памятники, печатное слово и литературные традиции, школьное обучение на родном языке и родному языку. Надо отметить, что в последние годы преподавание на родных дагестанских литературных языках отменено, а обучение литературному «родному» языку сведено к минимуму!

Впервые проблему исследования отраслевой лексики во второй половине XX века отметил профессор А.С. Чикобава. В статье «Отраслевая лексика и научная актуальность ее изучения» [40, с. 27–36] Арнольд Степанович, обозначая научную ценность разработки отраслевой лексики, отмечал: «Изучая язык в связи с культурой, в первую очередь апеллируют к показаниям лексики. Изучение лексики литературных иберийско-кавказских языков в целом развивается интенсивно: составляются толковые словари, национально-русские, русско-национальные словари. Все это нужно. Но это – макролексика. Изучение микролексики, создание отраслевых словарей, особенно по бесписьменным языкам, равно по диалектам письменных языков – задача неотложной важности, особенно с установок исторического (историко-сравнительного) языкознания» [40, с. 35].

В этом плане особо актуальна проблема изучения отраслевой лексики бесписьменных языков и их многочисленных диалектов и говоров, по которым практически отсутствуют письменные памятники.

Данная статья стала «точкой отсчёта» для многих ученых-кавказоведов: в ней дана схема исследования отраслевой лексики, которая, по сути, стала руководством для ученых-лингвистов в их работе. А.С. Чикобава, перечисляя основные лексико-тематические группы, входящие в терминологическую систему и подчеркивая научное значение исследования соответствующих проблем, определил также сущность отраслевой лексики. И свидетельством вышесказанного являются многочисленные работы на уровне кандидатских и докторских диссертаций, посвящённые исследованию отдельных терминосистем по языкам северокавказских народов.

Как отмечает автор, в исследовании «Лексика, связанная с анатомией и физиологией человека в нахских языках» [29] «впервые дается широкий лингвистический анализ лексического материала по анатомии и физиологии человека в нахских языках. Данная лексика относится к той части языкового фонда, которая считается наиболее древней. Именно ее архаичность и обусловила то многообразие значений слов, которые мы подвергли анализу» [29, с. 2]. В диссертации сделана попытка рассмотреть все значения слов, относящихся к анатомии и физиологии человека в нахских языках, и даже не входящих в обозначенную семантическую группу; определенное внимание уделено становлению данной терминологии и выявлению путей её обогащения; по возможности, дана морфологическая характеристика каждой лексемы. Исследование «ведется в сопоставительном плане, что позволяет разграничить общеберийско-кавказские, общенахско-картвельские, общенахские и заимствованные основы» [29, с. 3].

В диссертации «Первичные термины материальной культуры в адыгских языках» [27] на материале кабардинского и адыгейского языков устанавливается пласт первичных терминов материальной культуры. Выбрав лингвистический аспект для характеристики этнокультурной специфики, исследователь широко привлекает «данные других смежных наук (археологии, этнографии, палеоботаники, палеофауны и др.)» [27, с. 3]. Это первое монографическое исследование культуроведческой лексики в адыгских языках, в котором осуществлён «комплексный подход к изучению исследуемого явления, а также разрабатывается методика выявления и анализа первичных (древнейших) терминов материальной культуры. Опираясь на регулярные фонемные соответствия западнокавказских и восточнокавказских языков, автору, по мере возможности, удалось выявить общие первичные термины материальной культуры данных языков» [27, с. 5].

Исследование «Лексика традиционных промыслов даргинского языка» [39] посвящено сбору, систематизации, тематической характеристике, выявлению путей пополнения и способов терминоположения в отраслевой лексике даргинского языка. В работе впервые «сделана попытка суммарно представить лексику, связанную с более чем десятью промыслами: ювелирным, кузнечным, гончарным, обработкой шерсти, обработкой кожи, обработкой камня и дерева, производством паласов, сукна, войлочных изделий, обуви, шапок, вышиванием платков, чувяков и др.» [39, с. 4]. В диссертации дан анализ значительному пласту отраслевой лексики; определена и выявлена система словообразования и словосложения, используемая при образовании термина (сложение, сочетание слов, метафоризация, субстантивация, метонимия); рассмотрены языковые процессы, связанные с заимствованием, установлены пласты исконной лексики и т.д. Как отмечает автор, «многие термины рассматриваются в тесной связи с этнографией; даются подробные описания технических процессов,

изделий, инструментов и т.д., что позволяет проследить связь с культурой народов, его художественным видением и т.д., а также раскрыть сущность терминов» [39, с. 4].

В работе «Сельскохозяйственная (земледельческая) лексика лезгинского литературного языка» [9] суммарно охвачена и представлена лексика лезгинского языка, относящаяся к земледелию, культурным и травянистым растениям; «проанализирован богатейший пласт сельскохозяйственной лексики по лексико-тематическим группам, определена словообразовательная система, выявлены основные способы деривации (суффиксация, сложение, сочетание слов, обособление); описаны закономерности функционирования и взаимоотношения словарных единиц (омонимия, синонимия, антонимия, неологизмы и архаизмы; выявлены исконный и заимствованный пласты лексики, дана оценка языковым процессам, связанным с заимствованием» [9, с. 6–7]. Термины трактуются в тесной связи с этнографией, детально рассматриваются отдельные сельскохозяйственные процессы и орудия, что, в свою очередь, дает возможность наблюдать связь языка с культурой и историей лезгинского народа.

«Отраслевая лексика лезгинского языка: названия животных и птиц» [42] посвящена анализу ещё не подвергавшихся специальной комплексной интерпретации в лезгинском языкознании названий «домашних и диких животных, птиц, рыб, земноводных, пресмыкающихся, насекомых в лезгинском языке, с учетом различных признаков (масти, возраста, пола, физического и физиологического состояния. В работе также исследуются отдельные понятия, связанные с животноводством: соматические термины, мимео-изобразительные слова, наименования мест содержания скота, названия тавро и меток животных, кормов животных, названия изделий из продуктов животноводства, тотемизм и верования лезгин, связанные с животными, а также некоторые зоонимы в лезгинском языке» [42, с. 3].

В исследовании «Земледельческая лексика восточнолезгинских языков» [14] на общедагестанском фоне проанализирован значительный материал по земледельческой лексике восточнолезгинских языков; проведена хронологическая стратификация, «разграничивающая лексику, которая входит в общедагестанский, пралезгинский и общевосточнолезгинский фонд, а также инновации, проходящие на уровне отдельных языков. При этом делаются отдельные попытки семантической реконструкции того или иного слова, прослеживаются лексические изоглоссы, устанавливается производный или непроизводный характер слова» [14, с. 4], например: *пахать, сеять* (лезг. *цун*, таб. *убзуб*, аг. *узас*, цах. *эзас*, крыз. *визаъдж*, буд. *сузу*, уд. *эз бесун*, арч. *бацас*; дарг. *бацис*, лак. *лссун*, беж. *йизал* и др.), *барбарис* [лезг. *мерт* (гюн.), *мертв* (ахт.) ‘барбарис’; хурр. **амурд-ин* ‘шиповник’], *соха* [лезг. *туьрез* (гюн.), *тураз* (хл.), таб. *дуруц* (канд.), *цуруц* (дуб.), аг. *дуруц*, цах. *веца*, уд. *пенецц*; дарг. *дарацц* (чир.), *дураз* (акущ.), лак. *хъарас*, ав. *пуруц*, хварш. *буруц* и др.], *семя, конопляное семя*, [лезг. *фин* (гюн.), *шун* (ахт.), таб. *архъ* ‘конопляное семя’, арч. *лъльвин* ‘семя’; дарг. *гъви* (урах.), *хъве* (кубач.), *шве* (хайд.), лак. *гъанда*, ав. *хъум* (чадаколоб.), анд. *шен*, чам. *гъуни*, гин. *гъакъу* ‘то же’] и др.» [см.: 14, с. 8].

В работе «Животноводческая лексика хновского говора рутульского языка» [18] впервые на общедагестанском фоне подвергается анализу интересный и важный в синхроническом и диахроническом плане пласт лексики всех диалектов рутульскою языка (борчинско-хновского, мухадского, мюхрекского, ихрекского, шиназского) и ряда языков лезгинской группы. Исследован и распределен по предметно-тематическим группам значительный слой животноводческой лексики, «проведен

структурно-тематический анализ, выявлены исконные и заимствованные пласты лексики, определены способы их словообразования» [18, с. 4].

Исследование «Земледельческая лексика хунзахского диалекта северного наречия аварского языка» [20] «является первым опытом инвентаризации земледельческой лексики хунзахского диалекта северного наречия аварского языка» [20, с. 5]. Впервые определены особенности формирования и развития земледельческой лексики, а также ареальные взаимоотношения исследуемых единиц с выявлением исконных и заимствованных лексем; материал классифицирован и систематизирован по лексико-тематическим группам; проведен сравнительный анализ земледельческой лексики хунзахского диалекта с материалом других говоров северного наречия и литературного аварского языка; выявлены лексико-семантические и структурно-грамматические особенности земледельческой лексики рассматриваемого диалекта.

Докторская диссертация «Названия растений в адыгейском языке» [1] рассматривает фитонимическую лексику «адыгейского языка в синхронно-диахроническом аспекте. В исследовании ставились следующие проблемы: 1. Формирование фитонимической лексики адыгейского языка и ее функционирование. 2. Структурная и словообразовательная характеристика названий растений. 3. Этимологический срез фитонимов» [1, с. 5–6]. В работе определены пути обогащения адыгской терминологии; сделан контрастивный анализ фитонимов, с помощью которого выявлены типологические сходства и различия разносистемных языков; установлен переход свободных сравнительных сочетаний в устойчивые обороты; намечены средства формирования, кодификации и нормализации фитонимов; зафиксированы типовые морфемы, отражающие фитонимами; указан ареал распространения фитолексем и т.д.

В работе «Отраслевая лексика лезгинского языка» [10] с учетом данных большинства диалектов исследована отраслевая лексика лезгинского языка; дана исчерпывающая характеристика «совокупности лексико-тематических групп, образующих отраслевую лексику лезгинского литературного языка и его диалектов» [10, с. 13] с определением междиалектных соответствий; проведены структурный (словообразовательный) и семантический анализ сложных терминов, а также «этимологическое исследование отраслевой лексики лезгинского языка с определением исконных и заимствованных лексем, установление источников заимствования» [10, с. 14].

В диссертации «Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков» [15] проведен лингвистический, прежде всего этимологический, анализ отраслевой лексики в контексте с историей, этнографией и фольклором абхазо-адыгских народов. В том числе: выявлены семантические ряды и древние пласты; определен круг лексем иноязычного происхождения; отраслевая лексика рассмотрена с точки зрения нормализации соответствующего словоупотребления в сфере литературного языка [15, с. 4].

Исследование «Отраслевая лексика даргинского языка» [31] является первым опытом исследования отраслевой лексики даргинского языка в синхронном плане с элементами диахронического подхода. Сопоставление многочисленных диалектных вариантов проливает свет на происхождение некоторых производных и реже непроизводных в современном языке слов. В работе охвачен материал отраслевой лексики хайдакского, муиринского, кубачинского, цудахарского, ицаринского, чирагского, амухского; мугинского диалектов даргинского языка с их говорами. При анализе фауны «к описанию привлекается еще материал мегебского, мекегинского, усишинского и урахинского диалектов ввиду того, что в регионах распространения

этих диалектов развито животноводство и богато представлена соответствующая микролекси́ка» [31, с. 9–10].

В диссертации «Сельскохозяйственная лексика ингушского языка» [29] анализируется сельскохозяйственная лексика, которая «является одним из самых информативных пластов, сохраняющим в себе ценнейшую информацию об истории и географических условиях территории проживания народа, архаических явлениях в области языка, субстратных отложениях, обнаруживаемых в современном состоянии языка и т.д.» [29, с. 3]. В работе дается структурное, лексико-семантическое и этимологическое описание ингушской земледельческой лексики; рассматриваются названия хозяйственных построек и различного инвентаря, свидетельствующее о высоком уровне ведения сельского хозяйства и ценностных качествах материальной культуры ингушей; определены словообразовательные особенности исследуемой лексики и выделены диахронические пласты – общенахский, вайнахский и собственно ингушский; установлены фонетические изменения, которым подвергается анализируемый материал.

Впервые в тюркологии в исследовании «Карачаево-балкарская зоонимия» [41] рассматривается «полный состав зоонимов (исконно карачаево-балкарские, собственно карачаево-балкарские, общетюркские, заимствованные), их социально-функциональная и стилистическая характеристика; выделяются адъективные, глагольные, междометные и звукоподражательные зоонимы, что идет вразрез укоренившемуся мнению, согласно которому зоонимы бывают только субстантивными; обосновывается образование зоонимов и семантическим способом, а также наличие в тюркских языках, помимо лексических, лексико-грамматических и грамматических омонимов-зоонимов» [41, с. 6].

В 80-е годы XX столетия в Институте истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР была начата целенаправленная работа по сбору, систематизации и анализу отраслевой терминологии письменных и бесписьменных языков, ставшей серьезным вкладом в изучение лексики дагестанских языков. «Собран и систематизирован богатейший и уникальный лексический материал по различным отраслям литературных и бесписьменных языков (аварского, даргинского, лакского, лезгинского, кумыкского, хиналугского) и их диалектов. Написаны монографические исследования «Отраслевая лексика аварского языка» (К.И. Гарунова), «Отраслевая лексика даргинского языка» (С.М. Темирбулатова), «Отраслевая лексика лакского языка» (Н.Ц. Маммаева), «Отраслевая лексика лезгинского языка» и «Отраслевая лексика хиналугского языка» (Ф.А. Ганиева), ... «Отраслевая лексика кумыкского языка» (Т.Г. Таймасханова), «Словарь отраслевой лексики кумыкского языка» (Т.Г. Таймасханова), «Отраслевая лексика рутульского языка» (Э.И. Исмаилова). Объектом диссертационного исследования М.Ш. Гусейновой стала отраслевая лексика восточнолезгинских языков (2004)» [38, с. 305].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что к настоящему времени опубликованы монографии по отраслевой лексике лезгинского [10], даргинского [31], бесписьменного хиналугского [11], кумыкского [30] языков. Впервые составлен и издан «Словарь отраслевой лексики кумыкского языка» [47].

В вышеотмеченных работах подробно анализируется отраслевая лексика, связанная с жильём, хозяйством, утварью, земледелием, животноводством, ковроткачеством, растительным и животным миром, гончарным и иными производствами, а также обрядовые и социальные термины, терминология родства и свойства, названия частей тела человека и животных и т.д., в литературных языках с привлечением материалов диалектов и говоров. Иллюстративный материал подвергнут

лексико-тематической классификации, структурно-семантическому и частично этимологическому анализу. Выполненные ранее работы по отраслевой лексике аварского, лакского, табасаранского языков необходимо подготовить к изданию, а в дальнейшем – исследовать терминологическую систему и остальных дагестанских языков, с целью сохранения многих слов и понятий, связанных с данной лексикой, которые бесследно исчезают.

Как было замечено ранее, в этом аспекте чрезвычайно важна проблема исследования отраслевой лексики бесписьменных языков и их диалектов и говоров, по которым практически отсутствуют письменные памятники.

Диссертационные исследования по отраслевой лексике выполнены и по отдельным бесписьменным андо-цезским языкам:

В исследовании «Сельскохозяйственная и животноводческая лексика в бежтинском языке» [2] сделана попытка собрать и систематизировать сельскохозяйственную и животноводческую лексику бежтинского языка; классифицирован и проанализирован большой фактический материал данной лексики по предметно-тематическим группам; проведен структурно-грамматический анализ (способы деривации, закономерности функционирования и взаимоотношения словарных единиц), выявлены исконные и заимствованные пласты лексики. При этом «учитываются данные этнографии бежтинцев, которые, в свою очередь, широко опираются на лингвистические факты» [2, с. 4]. В научный оборот введен ранее неизвестный значительный слой отраслевой лексики бежтинского языка, собранный автором во время полевых экспедиций.

На материале тиндинского, каратинского и ахвахского языков в работе «Фитонимическая и зоонимическая лексика в андийских языках» [32] анализу подвергается вышеназванная лексика. В исследовании систематизированы и классифицированы названия растений и животных по лексико-тематическим группам; проведен сравнительный, лексико-семантический, в отдельных случаях и этимологический анализ лексем данной лексики; выявлены структурно-грамматические и лексико-семантические особенности фитонимической и зоонимической лексики. Рассматривается словообразовательная система и закономерности функционирования и взаимоотношения словарных единиц. Также «проведена аналитическая работа с целью выявления языковых особенностей фитонимической и зоонимической лексики с точки зрения её происхождения. Многие термины рассматриваются в тесной связи с этнографией, историей и культурой, что помогает раскрыть их содержание. ... впервые в научный оборот вводится значительный ранее неизвестный материал по андийским языкам, отражающий результаты полевых исследований» [32, с. 4–5].

В диссертации «Животноводческая лексика ахвахского языка» [3] сделана попытка собрать, систематизировать и проанализировать животноводческую лексику северного и южного диалектов ахвахского языка, образующих микролексику в составе лексического фонда исследуемого языка. Здесь впервые вводится значительный теоретический и практический материал, отражающий результаты полевых исследований [3, с. 5]. В исследовании дана классификация и систематизация животноводческой лексики по тематическим группам; выявлены исконные и заимствованные слои, а также новообразования; проведен структурный, семантический и этимологический анализ; определены лексико-семантические особенности животноводческой лексики.

Впервые в работе «Отраслевая лексика ботлихского языка» [28] проведено специальное исследование по отраслевой лексике ботлихского языка: рассмотрены

общедагестанский, общевароандоцезский, общеандийский, собственно ботлихский пласты; выявлен значительный слой заимствованной лексики, усвоенный из аварского, русского, арабского, иранских и тюркских языков. По мере необходимости привлекаются диалектные материалы, а также соответствующие факты других дагестанских языков. В исследовании рассмотрена «история формирования и становления отраслевой лексики, определены перспективы и основные тенденции ее дальнейшего развития, дана характеристика типологическим и структурным особенностям» [28, с. 5].

Современные исследования по отраслевой лексике чамалинского языка. Вышеперечисленные исследования по языкам народов Кавказа, выполненные в последнее время, подтверждают, что своевременная актуализация научного направления весьма перспективно и чрезвычайно значимо для обеспечения сохранности и развития языкового разнообразия Дагестана, и прежде всего бесписьменного.

При исследовании отраслевой лексики, необходимо акцентировать внимание на следующих направлениях:

- 1) характеристике отраслевой лексики в лингвистическом и историческом аспектах;
- 2) выявлении семантических рядов и древних пластов;
- 3) определении круга лексем иноязычного происхождения;
4. рассмотрении отраслевой лексики дагестанских языков в этимологическом аспекте;
- 5) изучении отраслевой лексики для нормализации соответствующего словоупотребления в сфере литературного языка (для письменных языков) [см.: 4, с. 13].

Что касается отраслевой лексики бесписьменного чамалинского языка, разработанной на сегодняшний день на уровне отдельных статей, надо отметить, что в них в той или иной мере рассмотрены некоторые проблемы отраслевой терминологии. В публикациях П.Т. Магомедовой, в частности, анализируются:

термины родства и свойства в чамалинском, тиндинском и багвалинском языках: *има* ‘отец’, *ила* ‘мать’, *вац* ‘брат’, *йац* ‘сестра’, *къам* ‘племя’, *зурийат* ‘дети, потомство’, *гьекIва* ‘муж’, *гьасIсI* ‘жена’, *мачIи* ‘дети’, *умумали* ‘предки’, *илакъар* ‘свекровь, теща’, *имакъар* ‘свёкор, тесть’ и т.д. [5, с. 20–32];

мимео-изобразительные средства выражения действий животных: *беъе-ъе* ‘блеяние козы’, *мийав* ‘мяу’, *кIутIе-кIутI* ‘кудахтанье кур после снесения яйца’, *гIав-гIав*, *хIап-хIап* ‘лай собаки’, *гъариц-гъариц* ‘поскребывание мышей’, *хъар-хъар* ‘стук копыт по каменистой дороге’ и т.д. [6, с. 56–57];

характеристика наименований частей тела человека и животных: *гъазулI* *вукъ* ‘плечо’ (букв. ‘руки ярмо’), *бекъулIулI* *мукъ* ‘спинной хребет, позвоночник’, *мигъилI* *йакъил* ‘копчик’, *ссимулI* *къочIе* ‘желчный пузырь’, *цIивIлI* *йакъил* ‘ключица’, *джайIлв* ‘шея’ и т.д. [7, с. 49–58];

способы словообразования в животноводческой номенклатуре: *эсиб-зала* ‘ребро’ (*эсиб* ‘бок’ + *зала* ‘прут’), *эрIлв-мисIсI* ‘нижняя челюсть вместе с языком’ (*эрIлв* ‘челюсть’ + *мисIсI* ‘язык’), *булу-ква^нсса* ‘голова и конечности зарезанного животного’ (*бул* ‘череп’ + *ква^нсса* ‘нога’) и т.д. [8, с. 35–39];

термины овцеводства: *босIсIлалI* *игъвалъи* ‘отара мелкого рогатого скота’, *йелье* *босIсI* ‘яловый мелкий рогатый скот’, *хъеди* ‘тощак, худяга (о животном)’, *къинналI* *игъвалъи* ‘отара баранов’, *чIикIви* *босIсI* ‘молодняк’, *цанаб* *босIсI* ‘дойный мелкий рогатый скот’ и т.д. [9, с. 83–93];

характеристика названий травянистых растений и связанных с ними лексических единиц: *бес* ‘молодая зеленая травка’, *гьалъа* ‘астрагал колючий’, *гьванна* ‘вика’, *гьмахва* ‘шалфей мутовчатый’, *йикIкIв* ‘лебеда’, *къагъа* ‘чага (березовый гриб)’, *секIв* ‘гриб’, *дудукъ* ‘ядовитый гриб’, *ххваза* ‘дурман’, *ххеххи* ‘мох’, *тора* ‘дикая редька’, *хахаб* ‘борщевик’ и т.д. [10, с. 83–89].

В рукописном фонде института хранятся полевые экспедиционные материалы по отраслевой лексике П.Т. Магомедовой, вошедшие в «Чамалинско-русский словарь» [44].

В общих чертах чамалинская отраслевая лексика рассматривается в монографии «Словообразование в чамалинском языке» [5] и Фразеологическом и паремиологическом словаре чамалинского языка [43] и статьях З.М. Алиевой, в которых проанализированы отдельные вопросы данного пласта:

зоометафоры-инвективы во фразеологизмах: *насIсI* ‘вошь’ (ничем не примечательный), *залача* ‘глист’ (худой, костлявый), *беча* ‘змея’ (подлый, скверный, отвратительный), *у^нча* ‘курица’ (глупый, тупой, бестолковый), *берекв* ‘петух’ (франт, выпендренник, пижон), *чIута* ‘козел’ (тучный, упитанный, медлительный), *ачиргъа* ‘сорока’ (болтун, трепач), *гьекIвад* ‘мышь’ (нехороший, неприятный), *больо* ‘свинья’ (неопрятный, неряшливый, нечистоплотный), *амах* ‘осёл’ (непослушный, строптивый, упрямый), *амах* ‘ишак’ (ругательство широкой семантики) и т.д. [6, с. 170–174];

терминология выючных животных: *магIарул тIйналI чIатв* ‘лошадь горной породы’ (или *хIалтIдаб* ‘рабочая’); *тIйна гьоб чIатв* ‘породистая лошадь’, *чача* ‘лошадь чеченской породы’; *акуннаб чIатв* ‘верховая лошадь’, *бессдаб чIатв* ‘скаковая лошадь’, *лъарагI чIатв* (букв. ‘кумыкская’) ‘степная, плоскоstopная лошадь’, *гьасIсIатуб чIатв* ‘приземистая порода с толстой шеей и ногами’ и т.д. [8];

лексика материальной культуры: названия кухонной утвари конца XIX – начала XX века: *гьора* ‘поднос’, *гьерекIва* ‘сковородка’, *гарда*, *ссаргъасс* ‘таз’, *ашавусIсIудаб* ‘дуршлаг’, *налбикI* ‘блюдец’, *чIетв* ‘миска’, *зини-цанаб* ‘подойник’, *чад* ‘котел’, *чIора* ‘кружка’, *квэгъ* ‘ковшик, половник’ и др. [7, с. 326–332] и т.д.

В словарном материале, привлекаемом в итоговых исследованиях таких известных учёных-дагестановедов, как Т.Е. Гудава [12; 13]; С.М. Хайдаков [48; 33]; М.Е. Алексеев [4]; А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов [16; 17]; С.Л. Николаев, С.А. Старостин [45], Г.А. Климов, М.Ш. Халилов [35]; Х.М. Магомаева, М.Ш. Халилов [36]; Р.Ш. Халидова [34]; Б. Комри, М.Ш. Халилов [37], а также в коллективном научном исследовании «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков» [46] и др., присутствует и отраслевая лексика чамалинского языка.

На текущий момент запланировано исследование отраслевой лексики чамалинского языка, продиктованное тем, что вопросы исконной, заимствованной и диалектной терминосистемы по существу остались незатронутыми. Все это и обуславливает актуальность её изучения.

Разделы отраслевой лексики чамалинского языка условно поделены на три блока:

- I. 1) отраслевая лексика, связанная с фауной;
- 2) отраслевая лексика, связанная с флорой;
- 3) сельскохозяйственная и животноводческая лексика.
- 4) названия продуктов питания.

Данный раздел, можно сказать, завершён.

- II. 1) Соматическая терминология;
- 2) терминология родства и свойства;
- 3) названия гардероба;
- 4) терминология свадебных и похоронных обрядов.

- III. 1) Названия жилья, вспомогательных построек и имущества;
- 2) строительная терминология;
- 3) ремесленная терминология;
- 4) другие названия, связанные с материальной культурой.

По завершении сбора, фиксации и анализа данного тезауруса предполагается приступить к составлению полного словаря отраслевой лексики чамалинского бесписьменного языка.

Сбор, классификация, фиксация и анализ терминологии имеет весомое научно-практическое значение, особенно в теории и практике изучения чамалинского языка. Её описание в полном объеме составит необходимую предпосылку создания исчерпывающей грамматики языка, сыграет неопенимую роль при разработке сравнительной лексикологии аваро-андо-цезских и шире – дагестанских языков.

Как отмечает М.Ш. Халилов, «... многие диалектные слова и термины, связанные с отраслевой лексикой, с народными промыслами, теряются и исчезают из-за происходящих процессов нивелировки диалектов. Все это должно быть сохранено и спасено для науки, для воссоздания истории языков и народов» [38, с. 306–307].

Заключение. Исследование терминологии чамалинского языка, во-первых, увеличит материальную базу для компаративного анализа аваро-андо-цезских языков. Во-вторых, исследуемый лексический слой – уникальная область языковой структуры, компоненты, которой могут быть классифицированы как богатый источник, показывающий исключительность внутреннего мира, хозяйственного уклада, национального устройства чамалинцев.

Результаты разработки отраслевой лексики в известной мере, способствуют изучению лексикологии как чамалинского, так и других бесписьменных языков; они могут быть задействованы в научных изысканиях по кавказским языкам, внести ясность в отдельные аспекты истории народов Северного Кавказа и их языков в условиях контактирования с участниками языкового общения иной лингвистической принадлежности, а также в ходе подготовки разного рода переводных словарей и составлении этимологических словарей дагестанских языков.

Исследование отраслевой лексики чамалинского языка может быть использовано при: решении различных вопросов синхронической и диахронической лексикологии дагестанских языков; разработке различных вопросов дагестанского языкознания; составлении различного рода лексикографических работ, в частности, при создании двуязычных и многоязычных словарей, словарей синонимов, антонимов и омонимов языка; может служить также базовым источником для историко-этимологических, сравнительных, сравнительно-сопоставительных, диалектологических, толковых и терминологических словарей чамалинского, андийских и дагестанских языков. Отраслевой материал может быть использован при изучении истории, этнографии, духовной культуры аварских народов и в исследовании отдельных сторон общественно-экономического развития Западного Дагестана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрегов А.Н. Названия растений в адыгейском языке (Синхронно-диахронный анализ): специальность 10.02.09: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / А.Н. Абрегов. – Майкоп, 2000. – 134 с.
2. Абдулмеджидова Р.А. Сельскохозяйственная и животноводческая лексика в бежтинском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (бежтинский язык)» / Р.А. Абдулмеджидова. – Махачкала, 2007. – 22 с.

3. Абулайсова Н.А. Животноводческая лексика ахвахского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (ахвахский язык)» / Н.А. Абулайсова. – Махачкала, 2011. – 25 с.
4. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков / М.Е. Алексеев. – М.: Наука, 1988. – 223 с.
5. Алиева З.М. Словообразование в чамалинском языке / З.М. Алиева. – Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. Дагестанский научный центр РАН, 2003. – 152 с.
6. Алиева З.М. Зоометафоры-инвективы во фразеологизмах чамалинского языка / З.М. Алиева // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург: Издательство «ООО "Цифра"», 2022. – № 3-3 (117). – С. 170-174. – DOI 10.23670/IRJ.2022.117.3.107.
7. Алиева З.М. Лексика материальной культуры чамалинцев (названия кухонной утвари конца XIX – начала XX века) / З.М. Алиева // Творчество Расула Гамзатова и актуальные проблемы теории и истории современной художественной культуры: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения народного поэта Дагестана. (Махачкала, 09-11 октября 2023 г.). – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. – С. 326–332. – DOI 10.33580/9785002123384_326.
8. Алиева З.М. Терминология выючных животных в чамалинском языке / З.М. Алиева // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург: Издательство «ООО "Цифра"», 2023. – № 3 (129). – DOI 10.23670/IRJ.2023.129.16.
9. Алиджанов Т.М. Сельскохозяйственная (земледельческая) лексика лезгинского литературного языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (лезгинский язык)» / Т.М. Алиджанов. – Махачкала, 2003. – 21 с.
10. Ганиева Ф.А. Отраслевая лексика лезгинского языка / Ф.А. Ганиева. – Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, 2012. Изд. 2-е, доп. – 359 с.
11. Ганиева Ф.А. Отраслевая лексика хиналугского языка / Ф.А. Ганиева. – Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, 2015. – 450 с.
12. Гудава Т.Е. Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках / Т.Е. Гудава. – Махачкала, 1959. – 236 с.
13. Гудава Т.Е. Консонантизм андийских языков / Т.Е. Гудава. – Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1964. – 221 с.
14. Гусейнова М.Ш. Земледельческая лексика восточнолезгинских языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (восточнолезгинские языки)» / М.Ш. Гусейнова. – Махачкала, 2004. – 21 с.
15. Дзидзария О.П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (абхазско-адыгская языковой семьи)» / О.П. Дзидзария. – М., 2006. – 47 с.
16. Кибрик А.Е. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол / А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов // – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 225 с.
17. Кибрик А.Е. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика / А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 366 с.
18. Кулиева Р.Б. Животноводческая лексика хновского говора рутульского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (хновский говор рутульского языка)» / Р.Б. Кулиева. – М., 2008. – 20 с.
19. Кульбужев М.А. Лексика, связанная с анатомией и физиологией человека в нахских языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (нахские языки)» / М.А. Кульбужев. – Тбилиси, 1997. – 33 с.
20. Магомедова З.А. Земледельческая лексика хунзахского диалекта северного наречия аварского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (аварский язык)» / З.А. Магомедова. – Махачкала, 2019. – 26 с.
21. Магомедова П.Т. Термины родства и родственных отношений в чамалинском, тиндинском и багвалинском языках / П.Т. Магомедова // Отраслевая лексика дагестанских языков. – Махачкала: Типография Дагфилиала АН СССР, 1984. – С. 20–32.
22. Магомедова П.Т. Мимео-изобразительные средства выражения действий животных в чамалинском языке / П.Т. Магомедова // Тезисы докладов научной сессии, посвящённой итогам экспедиционных исследований института ИЯЛ в 1982–1983 гг. – Махачкала: Типография Дагфилиала АН СССР, 1984. – С. 56–57.

23. Магомедова П.Т. К характеристике наименований частей тела человека и животных в чамалинском языке / П.Т. Магомедова // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: соматические термины. – Махачкала: Типография Дагфилиала АН СССР, 1986. – С. 49–58.
24. Магомедова П.Т. Способы словообразования в животноводческой номенклатуре чамалинского языка / П.Т. Магомедова // Вопросы словообразования дагестанских языков. – Махачкала: Типография Дагфилиала АН СССР, 1986. – С. 35–39.
25. Магомедова П.Т. Термины овцеводства в чамалинском языке / П.Т. Магомедова // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины животных и птиц. – Махачкала: Типография Дагфилиала АН СССР, 1988. – С. 83–93.
26. Магомедова П.Т. Характеристика названий травянистых растений и связанных с ними лексических единиц в чамалинском языке / П.Т. Магомедова // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: названия деревьев, трав, кустарников. – Махачкала: Типография Дагфилиала АН СССР, 1989. – С. 83–89.
27. Салбиева В.А. Первичные термины материальной культуры в адыгских языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (адыгские языки)» / В.А. Салбиева. – Махачкала, 1997. – 25 с.
28. Сулейманова Д.И. Отраслевая лексика ботлихского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (ботлихский язык)» / Д.И. Сулейманова. – Махачкала, 2013. – 24 с.
29. Султыгова М.М. Сельскохозяйственная лексика ингушского языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (ингушский язык)» / М.М. Султыгова. – Махачкала, 2012. – 38 с.
30. Таймасханова Т.Г. Отраслевая лексика кумыкского языка / Т.Г. Таймасханова, У.Б. Абдуллабекова. – Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2020. – 332 с.
31. Темирбулатова С.М. Отраслевая лексика даргинского языка / С.М. Темирбулатова. – Махачкала: Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского науч. центра Российской акад. наук. 2012. Изд. 2-е, доп. – 448 с.
32. Умаргаджиева А.Г. Фитонимическая и зоонимическая лексика в андийских языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (андийские языки)» / А.Г. Умаргаджиева. – Махачкала, 2010. – 18 с.
33. Хайдаков С.М. Принципы именной классификации в дагестанских языках / С.М. Хайдаков. – М.: Наука, 1980. – 251 с.
34. Халидова Р.Ш. Аварско-андийские языковые контакты / Р.Ш. Халидова. – Махачкала: Российская академия наук, Дагестанский науч. центр, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы, 2006. – 255 с.
35. Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков: сопоставление основной лексики / М.Ш. Халилов, Г.А. Климов. – М.: Восточная литература, 2003. – 511 с.
36. Халилов М.Ш. Аварские заимствования в некоторых андийских языках / М.Ш. Халилов, Х.М. Магомаева. – Махачкала: Информационно-Полиграфический Центр ДГТУ, 2005. – 193 с.
37. Халилов М.Ш. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа: Сопоставление основной лексики: Языки и диалекты народов Дагестана, Ингушетии, Северной Осетии-Алании и Чечни, а также нахско-дагестанских народов Азербайджана и Грузии / М.Ш. Халилов, Б. Комри. – Лейпциг-Махачкала: Типография АЛЕФ, 2010. – 935 с.
38. Халилов М.Ш. Лексика бежтинского языка / М.Ш. Халилов. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2023. – 362 с. – DOI 10.33580/9785002122523.
39. Чамсаева Б.Т. Лексика традиционных промыслов даргинского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (нахские языки)» / Б.Т. Чамсаева. – Махачкала, 1998. – 16 с.
40. Чикобава А.С. Отраслевая лексика и актуальность ее изучения / А.С. Чикобава // Ежегодник ИКЯ. – Тбилиси: Мецниереба, Типография АН Груз. ССР, 1975. – С. 27–36.
41. Эбзеева Ф.П. Карачаево-балкарская зоонимия: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (карачаево-балкарские языки)» / Ф.П. Эбзеева. – Нальчик, 2013. – 41 с.
42. Эседов А.А. Отраслевая лексика лезгинского языка: названия животных и птиц: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (лезгинский язык)» / А.А. Эседов. – Махачкала, 2003. – 26 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

43. Алиева З.М. Фразеологический и паремиологический словарь чамалинского языка / З.М. Алиева. – Махачкала: Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. – 292 с. – DOI 10.33580/9785002123469.
44. Магомедова П.Т. Чамалинско-русский словарь / П.Т. Магомедова. – Махачкала, 1999. – 438 с.
45. Николаев С.Л., Старостин С.А. A North Caucasian etymological dictionary / S.L. Nikolayev, S.A. Starostin. – Moscow: Asterisk, 1994. – 1406 с.
46. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков / [Отв. ред. и авт. предисл. проф. Г.Б. Муркелинский]; АН СССР. Даг. филиал. Ин-т истории, яз. и литературы им. Г. Цадасы. – М.: Наука, 1971. – 295 с.
47. Таймасханова Т.Г. Словарь отраслевой лексики кумыкского языка / Т.Г. Таймасханова, У.Б. Абдуллабекова. – Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Алеф, 2020. – 236 с.
48. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков / С.М. Хайдаков – М.: Наука, 1973. – 179 с.

REFERENCES

1. Abregov A.N. (2000) Nazvaniya rastenij v adygejskom yazyke (Sinxronno-diaxronnyj analiz) Doct. Diss. [Names of plants in the Adyghe language (Synchronous-diachronic analysis) Doct. Diss.]. Majkop. 134 p. (In Russian).
2. Abdulmedzhidova R.A. (2007) Sel'skoxozyajstvennaya i zhivotnovodcheskaya leksika v bezhtinskom yazyke Doct. Diss. Abstract [Agricultural and livestock vocabulary in the Bezhta language Doct. Diss. Abstract]. Maxachkala. 22 p. (In Russian).
3. Abulajsova N.A. (2011) Zhivotnovodcheskaya leksika axvaxskogo yazyka Doct. Diss. Abstract [Livestock vocabulary of the Akhvakh language. Doct. Diss. Abstract]. Maxachkala. 25 p. (In Russian).
4. Alekseev M.E. (1988) Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya avaro-andijskix yazykov [Comparative historical morphology of the Avar-Andean languages]. Moscow: Nauka. 223 p. (In Russian).
5. Alieva Z.M. (2003) Slovoobrazovanie v chamalinskom yazyke [Word formation in the Chamali language]. Maxachkala: Dagestanskij nauchnyj centr RAN, Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Czadasy. Dagestanskij nauchnyj centr RAN. 152 p. (In Russian).
6. Alieva Z.M. (2022) Zoometaforiy -invektivnyj vo frazeologizmax chamalinskogo yazyka [Zoometaphors-invective in phraseological units of the Chamalin language] in Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Scientific Research Journal]. Ekaterinburg: Publishing house "Zifra LLC", 3-3(117), pp. 170–174. DOI 10.23670/IRJ.2022.117.3.107. (In Russian).
7. Alieva Z.M. (2023) Leksika material'noj kul'tury chamalincev (nazvaniya kuxonnoj utvari koncza XIX - nachala XX veka) [Vocabulary of material culture of the Chamalins (names of kitchen utensils of the late 19th - early 20th centuries)] in Tvorchestvo Rasula Gamzatova i aktual'ny'e problemy teorii i istorii sovremennoj xudozhestvennoj kul'tury [Creativity of Rasul Gamzatov and current problems of the theory and history of modern artistic culture], Materials of the International scientific conference dedicated to 100th anniversary of the birth of the people's poet of Dagestan, Makhachkala, October 9–11. Makhachkala: Limited Liability Company "ALEF Publishing House", pp. 326–332. DOI 10.33580/9785002123384_326. (In Russian).
8. Alieva Z.M. (2023) Terminologiya v'yuchnyx zhivotnyx v chamalinskom yazyke [Terminology of pack animals in the Chamalin language] in Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International scientific research journal]. Ekaterinburg: Publishing house "Zifra LLC". 3(129). DOI 10.23670/IRJ.2023.129.16. (In Russian).
9. Alidzhanov T.M. (2003) Sel'skoxozyajstvennaya (zemledel'cheskaya) leksika lezginского literaturnogo yazyka. Doct. Diss. Abstract [Agricultural (agricultural) vocabulary of the Lezgian literary language. Doct. Diss. Abstract]. Maxachkala. 21 p. (In Russian).
10. Ganieva F.A. (2012) Otraselevaya leksika lezginского yazyka [Branch vocabulary of the Lezgian language]. Maxachkala: Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Czadasy Dagestanskogo nauchnogo centra RAN. Izd. 2-e, dop. 359 p. (In Russian).
11. Ganieva F.A. (2015) Otraselevaya leksika xinalugского yazyka [Branch vocabulary of the Hinalug language]. Maxachkala: Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Czadasy Dagestanskogo nauchnogo centra RAN. 450 p. (In Russian).
12. Gudava T.E. (1959) Sravnitel'nyj analiz glagol'nyx osnov v avarskom i andijskix yazykax [Comparative analysis of verb bases in Avar and Andean languages]. Maxachkala. 236 p. (In Russian).

13. Gudava T.E. (1964) Konsonantizm andijskix yazy'kov [Consonantism of the Andean languages]. Tbilisi: Izd-vo AN Gruzinskoj SSR. 221 p. (In Russian).
14. Gusejnova M.Sh. (2004) Zemledel'cheskaya leksika vostochnolezjginskix yazy'kov. Doct. Diss. Abstract [Agricultural vocabulary of the Eastern Volga languages. Doct. Diss. Abstract]. Maxachkala. 21 p. (In Russian).
15. Dzidzariya O.P. (2006) Istoriko-e'timologicheskij analiz otraslevoj leksiki abxazo-ady'gskix yazy'kov. Doct. Diss. Abstract [Historical and etymological analysis of the branch vocabulary of the Abkhazian-Adyghe languages. Doct. Diss. Abstract]. Moscow. 47 p. (In Russian).
16. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. (1988) Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskix yazy'kov. Glagol [Comparative study of Dagestan languages. Verb]. Moscow: Izd-vo MGU. 225 p. (In Russian).
17. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. (1990) Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskix yazy'kov. Imya. Fonetika [Comparative study of Dagestan languages. Name. Phonetics]. Moscow: Izd-vo MGU. 366 p. (In Russian).
18. Kulieva R.B. (2008) Zhivotnovodcheskaya leksika xnovskogo govora rutul'skogo yazy'ka. Doct. Diss. Abstract [Livestock vocabulary of the Khново dialect of the Rutul language. Doct. Diss. Abstract]. Moscow. 20 p. (In Russian).
19. Kul'buzhev M.A. (1997) Leksika svyazannaya s anatomiej i fiziologiej cheloveka v naxskix yazy'kax. Doct. Diss. Abstract [Vocabulary related to human anatomy and physiology in the Nakh languages. Doct. Diss. Abstract]. Tbilisi. 33 p. (In Russian).
20. Magomedova Z.A. (2019) Zemledel'cheskaya leksika xunzaxskogo dialekta severnogo narechiya avarskogo yazy'ka. Doct. Diss. Abstract [Agricultural vocabulary of the Khunzakh dialect of the northern dialect of the Avar language. Doct. Diss. Abstract]. Maxachkala. 26 p. (In Russian).
21. Magomedova P.T. (1984) Terminy' rodstva i rodstvenny'x otnoshenij v chamalinskom, tindinskom i bagvalinskom yazy'kax [Terms of kinship and kinship relations in the Chamali, Tindin and Bagvalin languages], Branch vocabulary of Dagestan languages. Makhachkala: Printing house of Dagfilial of the USSR Academy of Sciences. pp. 20–32 (In Russian).
22. Magomedova P.T. (1984) Mimeo-izobrazitel'ny'e sredstva vy'razheniya dejstvij zhitovny'x v chamalinskom yazy'ke [Mimeo-pictorial means of expressing animal actions in the Chamali language] in Tezisy' dokladov nauchnoj sessii, posvyashhyonnoj itogam e'kspedicionny'x issledovanij instituta IYAL v 1982–1983 gg. [Abstracts of the scientific session devoted to the results of the expeditionary research of the Institute of IYAL in 1982–1983]. Makhachkala: Printing house of Dagfilial of the USSR Academy of Sciences, pp. 56–57. (In Russian).
23. Magomedova P.T. (1986) K xarakteristike naimenovaniy chastej tela cheloveka i zhitovny'x v chamalinskom yazy'ke [On the characterization of names of human and animal body parts in the Chamali language] in Problemy' otraslevoj leksiki dagestanskix yazy'kov: somaticheskie terminy' [Problems of branch vocabulary of Dagestan languages: somatic terms]. Makhachkala: Printing house of Dagfilial of the USSR Academy of Sciences, pp. 49–58. (In Russian).
24. Magomedova P.T. (1986) Sposoby' slovoobrazovaniya v zhitovnovodcheskoj nomenklature chamalinskogo yazy'ka [Methods of word formation in the livestock nomenclature of the Chamali language] in Voprosy' slovoobrazovaniya dagestanskix yazy'kov [The issues of word formation of Dagestan languages]. Makhachkala: Printing house of Dagfilial of the USSR Academy of Sciences. pp. 35–39. (In Russian).
25. Magomedova P.T. (1988) Terminy' ovcevodstva v chamalinskom yazy'ke [Sheep breeding terms in the chamali language] in Problemy' otraslevoj leksiki dagestanskix yazy'kov: terminy' zhitovny'x i pticz [Problems of branch vocabulary of foreign languages: terms of animals and birds]. Makhachkala: Printing house of Dagfilial of the USSR Academy of Sciences. pp. 83–93. (In Russian).
26. Magomedova P.T. (1989) Xarakteristika nazvanij travyanisty'x rastenij i svyazanny'x s nimi leksicheskix edinicz v chamalinskom yazy'ke [Characteristics of the names of herbaceous plants and related lexical units in the Chamali language] in Problemy' otraslevoj leksiki dagestanskix yazy'kov: nazvaniya derev'ev, trav, kustarnikov [Problems of branch vocabulary of Dagestan languages: names of trees, grasses, shrubs]. Makhachkala: Printing house of Dagfilial of the USSR Academy of Sciences, pp. 83–89. (In Russian).
27. Salbieva V.A. (1997) Pervichny'e terminy' material'noj kul'tury' v ady'gskix yazy'kax. Doc. Diss. Abstract [Primary terms of material culture in the Adyghe languages. Doc. Diss. Abstract]. Maxachkala. 25 p. (In Russian).
28. Sulejmanova D.I. (2013) Otraslevaya leksika botlixskogo yazy'ka. Doc. Diss. Abstract [Branch vocabulary of the Botlikh language. Doc. Diss. Abstract]. Maxachkala. 24 p. (In Russian).
29. Sulty'gova M.M. (2012) Sel'skoxozyajstvennaya leksika ingushskogo yazy'ka. Doc. Diss. Abstract [Agricultural vocabulary of the Ingush language. Doc. Diss. Abstract]. Maxachkala. 38 p. (In Russian).

30. Tajmasxanova T.G., Abdullabekova U.B. (2020) Otrasleyaya leksika kumy'kского yazy'ka [Branch vocabulary of the Kumyk language]. Maxachkala: Institut yazy'ka, literatury' i iskusstva im. G. Czadasy' Dagestanskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra RAN. Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «ALEF». 332 p. (In Russian).
31. Temirbulatova S.M. (2012) Otrasleyaya leksika darginskogo yazy'ka [Branch vocabulary of the Dargin language]. Maxachkala: In-t yaz., lit. i iskusstva im. G. Czadasy' Dagestanskogo nauch. centra Rossijskoj akad. nauk. Izd. 2-e, dop. 448 p. (In Russian).
32. Umargadzhieva A.G. (2010) Fitonimicheskaya i zoonimicheskaya leksika v andijskix yazy'кахю Doc. Diss. Abstract [Phytonymic and zoonymic vocabulary in Andean languagesю Doc. Diss. Abstract]. Maxachkala. 18 p. (In Russian).
33. Khajdakov S.M. (1980) Principy' imennoj klassifikacii v dagestanskix yazy'ках [Principles of nominal classification in Dagestan languages]. Moscow: Nauka. 251 p. (In Russian).
34. Khalidova R.Sh. (2006) Avarsko-andijskie yazy'kovy'e kontakty' [Avar-Andean language contacts]. Maxachkala: Rossijskaya akademiya nauk, Dagestanskij nauch. centr, In-t yaz., lit. i iskusstva im. G. Czadasy'. 255 p. (In Russian).
35. Khalilov M.Sh., Klimov G.A. (2003) Slovar' kavkazskix yazy'kov: sopostavlenie osnovnoj leksiki [Dictionary of Caucasian languages: comparison of basic vocabulary]. Moscow: Vostochnaya literatura. 511 p. (In Russian).
36. Khalilov M.Sh., Magomaeva X.M. (2005) Avarskie zaimstvovaniya v nekotory'x andijskix yazy'ках [Avar borrowings in some Andean languages]. Maxachkala: Informacionno-Poligraficheskij Centr DGTU. 193 p. (In Russian).
37. Khalilov M.Sh., Komri B. (2010) Slovar' yazy'kov i dialektov narodov Severnogo Kavkaza: Sopostavlenie osnovnoj leksiki: Yazy'ki i dialekty' narodov Dagestana, Ingushetii, Severnoj Osetii-Alanii i Chechni, a takzhe naxsko-dagestanskix narodov Azerbajdzhana i Gruzii [Dictionary of languages and dialects of the peoples of the North Caucasus: Comparison of the basic vocabulary: Languages and dialects of the peoples of Dagestan, Ingushetia, North Ossetia-Alania and Chechnya, as well as the Nakho-Dagestan peoples of Azerbaijan and Georgia]. Lejpcig-Maxachkala: Tipografiya ALEF. 935 p. (In Russian).
38. Khalilov M.SH. (2023) Leksika bezhtinskogo yazy'ka [The vocabulary of the Bezhta language]. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University. 362 p. DOI 10.33580/9785002122523. (In Russian).
39. Chamsaeva B.T. (1998) Leksika tradicionny'x promy'slov darginskogo yazy'ka. Doc. Diss. Abstract [Vocabulary of traditional crafts of the Dargin language. Doc. Diss. Abstract]. Maxachkala. 16 p. (In Russian).
40. Chikobava A.S. (1975) Otrasleyaya leksika i aktual'nost' ee izucheniya [Industry vocabulary and the relevance of its study]. Yearbook of the ICJ. Tbilisi: Metsniereba, Printing house of the Academy of Sciences of Georgia. SSR, pp. 27–36 (In Russian).
41. E'bzeeva F.P. (2013). Karachaevo-balkarskaya zoonimiya Doc. Diss. Abstract [Karachay-Balkarian zoonymy. Doc. Diss. Abstract]. Nal'chik, 2013. 41 p. (In Russian).
42. E'sedov A.A. (2003) Otrasleyaya leksika lezginского yazy'ka: nazvaniya zhivotny'x i pticz Doc. Diss. Abstract [Branch vocabulary of the Lezgian language. Doc. Diss. Abstract]. Maxachkala, 26 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 01.10.2024 г.

BRANCH VOCABULARY OF UNWRITTEN CHAMALIN LANGUAGE: RESULTS AND PROSPECTS OF STUDY

Z.M. Alieva

The preservation and development of national culture and historical roots is an important task that requires careful treatment of historical and cultural monuments, traditional folk art. Accordingly, the urgent and main task of modern Dagestani studies is to collect and record the language material that has not yet been lost, mainly small ethnic groups that have preserved the traditional communal way of life, while continuing to remain unwritten, and on which similar work has not been carried out before, with the exception of several languages. In the course of the study, synchronous descriptive, and statistical methods have been applied. The article provides a brief overview of the branch vocabulary studies in some languages of the North Caucasus region. The state of research of the branch vocabulary layer in one of the unwritten Avar-Ando-Caesian languages i.e. Chamalin is analysed. The works characterizing certain sections of branch terminology are enumerated. The plan for further collection, systematization, and fixation of the branch vocabulary is presented. This research is of scientific and practical significance for further study of the Chamalin language. The work will become a prerequisite for

compiling a language grammar, and will play an invaluable role in the development of comparative lexicology of the Avar-Ando-Caesian languages, in particular, and the Dagestan languages, in general.

Key words: endangered languages, unwritten languages, branch vocabulary, Chamalin, collection and fixation of disappearing vocabulary.

Алиева Зайнаб Магомедовна.

Кандидат филологических наук.
Институт языка, литературы искусства им.
Г. Цадасы – обособленное подразделение
Дагестанского федерального исследовательского
центра Российской академии наук, Российская
Федерация, г. Махачкала.
Ведущий научный сотрудник отдела
лексикологии и лексикографии.

Северо-Кавказский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России), Российская
Федерация, г. Махачкала.
Преподаватель русского языка и культуры речи
юридического колледжа.
ORCID 0000-0001-8234-5202.
E-mail: alieva_zm@mail.ru.

Alieva Zainab Magomedovna.

Candidate of Philology.
G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
of the Dagestan Federal Research Centre of the
Russian Academy of Sciences, Russian Federation,
Makhachkala.
Senior Researcher at Department of Lexicology and
Lexicography.

North Caucasus Institute (branch) of All-Russian
State University of Justice (RPA of the Ministry of
Justice of Russia), Makhachkala, Russian Federation.
Teacher of the Russian language and speech culture
at the Law College.

ORCID 0000-0001-8234-5202.
E-mail: alieva_zm@mail.ru.

Научная статья

УДК 070:37

DOI: 10.5281/zenodo.14512719

ОСОБЕННОСТИ МЕДИАВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ НА АМЕРИКАНСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

© 2024 М.В. Будник

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»

ORCID: 0009-0001-4144-8034



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье анализируются модели коммуникационного взаимодействия СМИ с аудиторией, в том числе акцент сделан на такой тип медиавоздействия, как коммуникативная агрессия. Автор представляет выдержки из исследования медиавоздействия на современном американском телевидении на примере телеканала FOX NEWS, где негативное влияние на публичный дискурс превалирует над позитивным воздействием за счет многочисленных манипулятивных способов. В статье рассматриваются такие способы медиавоздействия, как импринтинг, прайминг, сторителлинг, фрейминг, дизайн, показываются стратегии взаимодействия с аудиторией на канале FOX NEWS, используемые одними из самых популярных ведущих в своих программах. Автор также анализирует многогранный подход, включающий геополитические комментарии и методы стратегических коммуникаций в программах Такера Карлсона. Делаются выводы о том, что роль американского телевидения в формировании общественного мнения чрезвычайно велика. Взаимодействие провокационного языка, элементов пропаганды, агрессивных речевых методов, эмоционального воздействия на зрителя формирует дискурс в более широком контексте современной журналистики.

Ключевые слова: телевидение, медиавоздействие, коммуникативная агрессия, Такер Карлсон, Fox News, прайминг, сторителлинг, фрейминг, пропаганда.

Для цитирования: Будник М.В. Особенности медиавоздействия на аудиторию на американском телевидении/ М.В. Будник // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 69–78. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14512719>.

Введение. Современные способы коммуникации между СМИ и аудиторией представляют собой многообразие способов медиавоздействия. Фокус данного исследования опосредован изучением такого типа медиавоздействия как коммуникативная агрессия, под которой мы будем понимать манипулятивные методы влияния контента СМИ на сознание и восприятие зрителей. Она проявляется наиболее ярко в качестве лингвистического феномена в публичном дискурсе. Непосредственно в данной сфере коммуникативные акты агрессии выполняют различные социальные функции и служат разнообразным целям.

Основополагающие принципы и выводы по вопросам медиавоздействия на аудиторию развиты в трудах Д. Андреюк, Е. Махияновой [2], А. Вандышевой, Л. Темниковой [13], А. Сарна [7]. Кроме того, данной проблематике посвящены исследования иностранных специалистов: М. Маклюэна [5], Н. Мерковиты [8], Г. Ритцер [11]. Исследование истории и развития телевидения США основано на работах М. Макеенко [4] и К. Мэйерса [9].

Методика исследования. Учитывая многогранность исследуемой проблематики, мы используем междисциплинарный подход, основанный на концептуальном анализе моделей взаимодействия СМИ и общества, дискурс-анализе и структурно-функциональном анализе политико-культурных процессов, а также элементы case-study для анализа конкретных примеров медиавоздействия.

Основная часть. Модели коммуникационного взаимодействия СМИ с аудиторией. В академическом дискурсе последних лет зачастую фигурирует такой термин, как *медиавоздействие*. Перед тем как начать разговор о типологии моделей коммуникационного взаимодействия СМИ и аудитории, стоит упомянуть в целом об усилении роли медиа как в социальной, так и политической перспективах. Для обозначения проблемного поля вспомним работу Маршалла Маклюэна «Галактика Гутенберга», основной тезис которой заключается в том, что с появлением электронной эры человеческое сознание превращается в закрытую замкнутую систему. Следствием этого становится ситуация, при которой общество превращается ни во что иное, как в «глобальную деревню» [5].

В рамках развития информационных технологий и медиа происходит ликвидация времени и пространства, поскольку любое произошедшее событие благодаря его трансляции происходит одновременно в любой точке мира. Несколько по-другому рассматривает феномен такого изменения роли медиа Дуглас Келлнер: его концепт «медиаспектакля», безусловно, перекликается с перспективой восприятия общества, описанной Маклюэном, однако Келлнер в своих размышлениях по поводу углубления медиадиагностики постулирует, что мы находимся в ситуации, когда «политика и медиа плавно слились в одно целое» [11, с. 391]. Исходя из этого, можно утверждать, что современная медиасреда порождает совершенно новую версию социальной реальности, в которой основная роль принадлежит медиа. Следовательно, изучение взаимодействия между различными медиаканалами и их аудиторией становится особенно важным.

В соответствии с классификацией, основанной на направленности СМИ на диалог с аудиторией, теоретиками принято выделять 4 модели взаимодействия СМИ с аудиторией, а именно: модель пропаганды, модель информационного брокерства, модель социального партнерства, модель информирования аудитории.

Модель пропаганды неразрывно связана с представлением о том, что средства массовой информации, функционируя как социальный институт, основной ролью которого является влияние на общество, особенно подвержены влиянию изменений социально-политических реалий [13]. Пропаганда в данном контексте связана с идеей формирования определенной системы ценностей для данного общества, носящей принудительный характер. Однако методы, используемые для достижения этой цели, не обязательно носят императивный характер.

В формировании системы ценностей личности или социальной группы решающую роль играет психологическое воздействие, использующее инструменты, направленные непосредственно на вмешательство в развитие социальной группы или личности с целью осуществления изменений. Иными словами, психологическое воздействие в этом сценарии представляет собой целенаправленные субъект-объектные отношения, где субъектом являются средства массовой информации, а объектом – аудитория. Здесь предполагается оказание влияния на конкретную систему ценностей с целью достижения заранее запланированного результата.

Модель пропаганды в СМИ обычно включает в себя несколько ключевых элементов: избирательность в информации (избирательное представление фактов, событий или идей с целью создания определенного впечатления или мнения),

эмоциональная манипуляция (приемы для влияния на чувства людей), стереотипирование (использование стереотипов и упрощенных представлений о различных группах людей или идеях с целью создания определенных предрассудков или отношений), повторение и убеждение (техника повторения используется для укрепления определенных убеждений или идей, а также для подавления или ослабления альтернативных точек зрения), использование авторитетного мнения или ссылки на авторитетные источники или экспертов, чтобы придать вес своим утверждениям и убедить аудиторию.

Важно отметить, что пропаганда может использоваться как в положительных, так и в отрицательных целях. Ее цель – повлиять на общественное мнение и сформировать определенные взгляды независимо от того, правдивы они или манипулятивны.

Взаимодействие средств массовой информации и общества в модели информирования разворачивается совершенно иначе, чем в парадигме пропаганды. Норберт Мерковити выделяет несколько определяющих факторов, среди которых присутствует децентрализация в сфере взаимодействия общества и СМИ. Это влечет за собой отход от описанной ранее субъектно-объектной модели, действующей в рамках пропагандистской парадигмы. Также еще одним решающим фактором является участие, опосредованное вышеупомянутой децентрализацией. Здесь аудитория обладает способностью участвовать в дискуссиях, выражать согласие или несогласие и делиться мыслями с другими субъектами посредством различных средств массовой информации [8].

Д.С. Андреев и Е.Б. Махиянова рассматривают роль информационного брокера в качестве социального актора, упоминая данные его качества: «таким образом, настоящий брокер как социальный актор должен обладать: кредитом доверия у обеих сторон переговоров, социальным капиталом, высокими способностями, которые позволяют увидеть возможности там, где другие видят только структурную дыру» [2, с. 28].

Также средства массовой информации используются для передачи общественных настроений и представления интересов конкретных социальных групп в государственных органах [12].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что отношения СМИ и аудитории охватывают целый спектр стилей взаимодействия, которые, безусловно, отличны друг от друга, хотя и имеют некоторые общие черты.

Способы медиавоздействия на аудиторию и коммуникативная агрессия в СМИ. Классифицируя способы медиавоздействия средств массовой информации на аудиторию, мы основываемся на типологии, предложенной в работе А.Я. Сарна: импринтинг, прайминг, сторителлинг, фрейминг, дизайн [7].

Они по-разному влияют на аудиторию, исходя преимущественно из инструментов воздействия. Тем не менее, все они направлены на манипулирование аудиторией, ярким проявлением которого оказывается применение коммуникативной агрессии.

Первый из способов характерен тем, что он направлен на внедрение определенных представлений во взгляды аудитории. Согласно психологии, благодаря импринтингу у человека (в нашем случае зрителя) в памяти сохраняются определенные образы и поведенческие ответы на них в виде индивидуальных реакций, а также формируется систем ценностей. В рамках материалов медиа данный способ приобретает вид создания статичных и ангажированных образов. Формирование образа осуществляется посредством комбинирования информации различных форматов, которые распространяются медиаканалами. Тем не менее, аудитория может воспринимать данные образы по-разному, причинами этого оказываются особенности каждого из членов аудитории, чьи представления об этом образе формируются

посредством его собственных взглядов и предпочтений, в том числе в контексте информационных каналов.

Процесс, при котором информация, воспринятая зрителем, вызывает в его сознании ассоциации, способные повлиять на его отношение к этой информации, называется прайминг. Прайминг относится к технике влияния на бессознательные или слабо осознаваемые психические процессы в сознании реципиента, способствующие его ориентации на определенную деятельность: «Прайминг-эффект связан с активацией конкретных ассоциаций и воспоминаний в памяти с целью повлиять на последующее поведение. Независимо от того, какие стимулы получают наши органы чувств – зрительные образы, запахи, звуки, прикосновения, вкусы – в памяти автоматически активизируются связанные с ними понятия. Активизированные ассоциации или понятия остаются активными некоторое время и могут влиять на последующие эмоции, мысли, реакции, поведение» [3, с. 67].

Процесс подготовки прайминга включает два основных этапа: сначала информация, поступающая через медиа (медиапрайм), активизирует уже известные получателю знания или понятия. Эти активированные знания становятся более доступны, поэтому человек с большей вероятностью будет использовать их при оценке и обработке новой информации. Эффект прайминга возникает на втором этапе, когда реципиент применяет эти «заготовленные» понятия для оценки новой информации. [8]. Иными словами, прайминг как способ медиавоздействия способствует формированию установок в обществе относительно восприятия различных общественно значимых тем, тиражируемых в материалах медиа.

Материалы современных СМИ невозможно представить без такого приема медиавоздействия, как сторителлинг, характерной чертой которого оказывается формат подачи информации – повествование. Такой способ взаимодействия СМИ с аудиторией позволяет медиа выбирать риторику повествования в зависимости от целей материалов.

Содержание сторителлинга оказывается авторской интерпретацией того или иного события, обладающего социальной значимостью. Такая направленность медиавоздействия способствует укреплению среди аудитории определенных символических образов, которые окажутся легко узнаваемыми и «считываемыми» со стороны общества.

Структура сторителлинга соответствует основным элементам, которые есть почти в каждой классической сюжетной структуре: в ней присутствует тема (о чем идет речь и почему), рассказчик (точка зрения автора), герои (участники событий), события (что происходит с героями), время (продолжительность событий), место (где разворачивается действие) и причинно-следственные связи (что логически объединяет все элементы повествования), также присутствует конфликт (драматическая ситуация, в которой оказываются герои), контекст (система обстоятельств), трансформация (прогресс / регресс, перемены в жизни героев) [7, с. 228].

Журналисты и политтехнологи активно используют методы сторителлинга вместе с риторическими приемами, чтобы определять и включать актуальные вопросы в общественную или медийную повестку.

Сторителлинг смещает акцент внимания аудитории с фактической информации на увлекательное и даже развлекательное повествование. Эта технология также может предупреждать, пугать, убеждать в чем-то аудиторию, вызывать как положительные, так и отрицательные эмоции, а также вселять надежду. История в таком случае представляет собой авторскую трактовку реальных или смоделированных событий, выстроенных в причинно-временной последовательности с участием героев, чьи действия обретают смысл в общем контексте сторителлинга. [1, с. 7].

Существуют «инвентарные» истории – каноничные версии наиболее важных событий. Чтобы технология сторителлинга была эффективной, она должна обладать особыми характеристиками нарративной структуры: узнаваемостью (при возможности отклонения от стандартного сюжета), связностью (логичность и последовательность действий героев), соответствием жанру, точностью отражения ценностей «инвентарных» историй, увлекательностью и интригой, способностью вызывать яркие эмоции. [7, с. 228].

Фрейминг также стоит воспринимать как самостоятельную технологию медиавоздействия. Это связано с тем, что, используя манипуляции в рамках понимания текста, журналисты получили возможность значительно трансформировать смысловые границы сообщения, изменяя возможности его трактовки в зависимости от предлагаемого контекста.

Фрейминг имеет однозначное преимущество в контексте разговоров о негативном медиавоздействии СМИ по отношению к аудитории, которым является то, что он позволяет сформировать точку зрения у аудитории относительно отдельно взятого контекста.

Заключительным способом в предложенной типологии оказывается дизайн (или дизайнинг), характерными чертами которого является уделение внимания визуальному, аудиальному и другим способам и формам передачи информации аудитории.

В современных реалиях технология подачи материала в средствах массовой информации стала почти главным элементом репрезентации. Дизайнинг представляет собой использование и комбинирование различных средств выразительности для оформления журналистского материала, который существует в рамках формата и жанра. Формат в данном случае определяет технологические возможности создания журналистского материала и способ его передачи, а жанр медиапродукта во многом влияет на степень воздействия дизайнинга на аудиторию [7, с. 231].

Говоря о способах медиавоздействия на аудиторию, нельзя забывать о методах речевого манипулятивного воздействия.

При манипулировании информацией СМИ часто стараются избежать ответственности за распространение ложных данных и используют для этого так называемую «серую» пропаганду, когда источник информации специально не указывается. Примером могут служить фразы вроде «высокопоставленный чиновник, пожелавший остаться неизвестным» или «источник, близкий к правительственным кругам» [6, с. 61].

Безусловно, приемы и средства языковой манипуляции включают в себя множество категорий и подвидов, в частности, риторические и психологические приемы, и каждый из них играет важную роль в техниках медиавоздействия.

Стратегии взаимодействия с аудиторией на канале FOX NEWS. FOX NEWS основан в 1996 году совместными усилиями Руперта Мердока и Роджера Эйлса. За прошедшие годы этот новостной канал укрепил свои позиции в качестве крупного игрока на американском медиаландшафте, предлагая влиятельным журналистам и комментаторам платформу для формирования общественного дискурса.

FOX NEWS – достаточно известная и влиятельная новостная сеть в США. Программы, предлагаемые FOX NEWS, охватывают широкий спектр тем, включая политику, текущие события, бизнес и развлечения. Канал известен своим динамичным и увлекательным стилем повествования, в котором часто участвуют известные ведущие и комментаторы, выдвигающие на первый план свои уникальные точки зрения. Разнообразие программ позволяет FOX NEWS обслуживать широкую аудиторию, привлекая внимание зрителей с разными интересами и предпочтениями [4].

Неотъемлемым аспектом характеристики FOX NEWS является стратегия взаимодействия с аудиторией. Канал использует различные методы для связи со своими зрителями, включая интерактивные сегменты, живые обсуждения и участие аудитории. Такой проактивный подход не только укрепляет чувство общности, но и улучшает общее впечатление от просмотра, что делает FOX NEWS предпочтительным выбором для людей, ищущих информативный и интересный контент.

Наглядным показателем влияния и зрительского доминирования FOX NEWS является его постоянный статус самого просматриваемого кабельного новостного канала в США, который он сохраняет с 2002 года, по данным Nielsen Media Research [17]. В 2020 году средняя дневная аудитория канала составляла 1,9 миллиона человек, а вечерняя – 3,6 миллиона, что подчеркивает его широкое влияние на американский медиаландшафт.

Среди заметных фигур, участвующих в работе FOX NEWS, выделим Шона Хэннити, ведущего популярной программы «Hannity» по будням в 9 вечера. Хэннити, бессменный сотрудник FOX NEWS с момента его основания в 1996 году, стал одним из самых уважаемых и влиятельных консервативных комментаторов в США. Его программа служит проводником консервативных взглядов, влияя на общественное мнение по целому ряду политических вопросов.

Также стоит упомянуть Криса Уоллеса, ведущего программы «Fox News Sunday», выходящей в эфир по воскресеньям в 14:00. С момента прихода на телеканал в 2003 году Уоллес стал одним из немногих журналистов FOX NEWS, которые задают жесткие вопросы представителям обеих политических партий. Это стремление к непредвзятому расследованию способствует репутации телеканала, который предлагает разнообразные точки зрения и способствует активным дискуссиям.

Знаменитый телеканал FOX NEWS, занимающий ключевую позицию в сфере новостей и политического анализа, имеет широкую зрительскую аудиторию и признание. Канал придерживается консервативных или правых взглядов, занимает смелую, эмоциональную и провокационную позицию, решительно защищая американские ценности и патриотизм.

Использование методов медиавоздействия в программах Такера Карлсона. Такер Карлсон, ведущий программы «Tucker Carlson Tonight» («Такер Карлсон сегодня вечером»), также до недавнего времени занимал ключевую роль в программной линейке FOX NEWS. Будучи постоянным участником канала с 2009 года, Карлсон занял свою нишу, рассматривая и критикуя такие вопросы, как иммиграция, мультикультурализм и либерализм. Его остроумные комментарии придают глубину освещению событий на канале и находят отклик у зрителей, которые ищут тонкие взгляды на современные общественно-политические проблемы.

В апреле 2023 года Карлсон расстался с Fox News, заявив, что телеканал ограничивает его свободу слова и подвергает цензуре его мнения.

Несмотря на это, резонанс его личности сохраняется, главным образом, в рамках его авторской деятельности. «Tucker Carlson Tonight» несомненно внес свое значение в медиаландшафт, став синонимом освещения наиболее актуальных и важных политических событий как в американском дискурсе, так и на мировой арене.

Следует отметить, что актуальность данной передачи заключается в рассмотрении ключевых текущих политических событий в пространстве как американского дискурса, так и мирового. Карлсон обычно посвящал свое шоу двум или трем ключевым событиям и приглашал спикеров для дебатов или обсуждения тем. Такой структурированный подход добавлял программе глубину, повышая ее актуальность и влияние на аудиторию.

Крайне важно признать широкую привлекательность личности Карлсона, выходящую за пределы англоязычной сферы. В последние годы его популярность

вышла за международные границы, найдя резонанс в отечественном, российском информационном пространстве. Площадкой такого глобального охвата является популярный канал на YouTube, который транслирует клипы из программы Такера и представляет их на русском языке. Примечательно, что этот канал может похвастаться значительной аудиторией: по последним доступным данным, у него более 900 тысяч подписчиков [15].

Более того, фрагменты программы Карлсона затрагивали внутренние новости США и политические темы мирового уровня, усиливая его влияние в национальной политике. Пересечение его точек зрения с ключевыми международными событиями, такими как его позиция по подрыву российского газопровода «Северный поток», сыграло ключевую роль в заинтересованности его каналом российской аудитории. Примечательно, что точка зрения Карлсона часто расходится с официальной позицией ведущих деятелей американского истеблишмента [14].

По сути, привлекательность программ Такера Карлсона заключается не только в их информативном содержании, но и в способности стимулировать разнообразные дискуссии и формировать общественный дискурс.

Когда обращаешь внимание на структурные компоненты программы Карлсона, становится очевидным, что она имеет жанровое разнообразие, включает политические комментарии, монологи и ситуационный анализ. Кроме того, программа иногда принимает формат телевизионных интервью, в которых Карлсон привлекает людей с разными политическими взглядами, стратегически задавая наводящие вопросы. Примечательно, что авторская программа разворачивается в режиме реального времени во время эфиров FOX NEWS, обеспечивая динамичную и непосредственную связь со зрителями.

Сам Карлсон характеризует свою программу как шоу, которое является врагом лжи, напыщенности, самодовольства и группового мышления [16]. Этот пронзительный лозунг служит постоянным завершением его ток-шоу и непосредственно оказывает воздействие на аудиторию, вселяя в зрителей чувство уверенности в правдивости представленной информации. Лозунг тоже является своеобразной манипуляцией, поскольку он укрепляет веру в подлинность фактов, изложенных Карлсоном.

Специфика программы Такера Карлсона заключается в применении им провокационного стиля выступления, характеризующегося использованием выразительной речи и иногда агрессивных речевых приемов. Эта напористая манера общения, основанная на психологических принципах, призвана подсознательно воздействовать на зрителя. Согласно психологическим исследованиям, оратор, использующий такой силовой подход, потенциально может подавить волю оппонента, что приведет к молчаливому согласию с точкой зрения говорящего. Однако важно отметить, что использование Карлсоном агрессивных методов направлено не только на влияние средств массовой информации; иногда это совпадает с конфликтами, в которых он участвует с различными сегментами американского общества.

Яркий пример таких конфликтов произошел в 2018 и 2019 годах, когда шоу «Tucker Carlson Tonight» стало объектом широкомасштабного бойкота рекламодателей. Катализатором этого бойкота стало утверждение Карлсона о том, что иммиграция сделала Соединенные Штаты «более бедными, грязными и более разделенными» [18]. Это противоречивое заявление побудило многие компании снять свою рекламу с канала. FOX NEWS сообщил о переносе рекламного контента в другие сегменты сети. К началу 2019 года в отчетах указывалось на потерю как минимум 26 рекламодателей, а к августу 2019 года, по оценкам Media Matters, с декабря 2018 года шоу лишилось более 70 рекламодателей [19].

Одним из характерных приемов повествования Карлсона является использование риторических, а иногда и сардонических вопросов. Предполагая, что зритель будет утвердительно отвечать на вопросы ведущего, этот риторический стиль, подкрепленный убедительной структурой аргументации, приводит к тому, что Карлсон лаконично резюмирует свои собственные мысли в виде сжатого, но всеобъемлющего тезиса. Этот характерный подход распространялся и на заголовки материалов, размещенных на сайте Fox News, и в упомянутой ранее передаче «Tucker Carlson Tonight».

Такер Карлсон ведет свои эфиры преимущественно в формате монолога, когда отсутствует реальный оппонент, в связи с чем аргументация выстраивается с целью повышения собственного статуса в глазах аудитории. Центральным элементом творческого подхода Карлсона является его умение увлечь зрителей провокационными заявлениями, живыми эмоциями и неожиданными поворотами повествования. Используя риторические вопросы, иронию, сарказм и грамотный анализ, он бесстрашно излагает свою точку зрения, даже если она противоречит сложившимся нормам или политкорректности.

Активно прослеживается использование такого способа медиавоздействия, как фрейминг, когда журналист стратегически вовлекает аудиторию, погружая ее в проблемную область, принимая на себя роль активного участника. Этот прием также используется в новостных выпусках, чтобы обеспечить более однозначное рассмотрение обсуждаемых тем и тем самым устранить любые сомнения, которые могут возникнуть в отношении правдивости суждений Карлсона. Пример тому – эпизод под названием «Восстание роботов» от 1 марта 2019 года, где прием используется для подчеркивания пагубных аспектов процесса роботизации. Дискурс намеренно фокусируется исключительно на негативных сторонах этого явления, демонстрируя кадры, которые отображают пессимистичный взгляд на ситуацию. Таким образом, зрителей подталкивают к принятию идеи о том, что весь процесс роботизации по своей сути является негативным якобы из-за отсутствия альтернативных перспектив.

Заключение. Результаты проведенного исследования медиавоздействия на современном американском телевидении показали, что негативное влияние на публичный дискурс превалирует над позитивным воздействием за счет многочисленных манипулятивных способов, а манипуляция, как известно, всегда несет негативный подтекст и является агрессивным способом воздействия на человека.

FOX NEWS оказывает значительное влияние на формирование социальных нарративов и влияние на общественный дискурс. Редакционный выбор, комментарии и стиль репортажей канала способствуют построению повествований, которые находят отклик в более широком социально-политическом ландшафте. Его роль в формировании общественного мнения, особенно в контексте современных событий и проблем, значима и велика.

Точка зрения, представленная в материалах FOX NEWS, часто объединяет различные методы медиавоздействия. В частности, заметен акцент на прайминге и фрейминге как неотъемлемых компонентах инструментария медиавлияния. Помимо них, методы воздействия включают в себя манеру речи ведущего, композицию программы, а также стратегическое включение аудио- и видеоэффектов. Развертывание тактик негативного медиавоздействия, направлено на формирование у аудитории определенных ценностных установок, коррелирующих с тезисами автора, в частности в рамках шоу «Tucker Carlson Tonight».

Анализ программы Такера Карлсона показывает многогранный подход, включающий не только геополитические комментарии, но и методы стратегических коммуникаций. Взаимодействие провокационного языка, агрессивных речевых методов

и конфликтов с сегментами общества способствует сложной динамике медиавлияния Карлсона, формируя дискурс в более широком контексте современной журналистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автаева Н. Жанр «сторителлинг» в современных региональных СМИ: функциональные и тематические особенности публикаций / Н. Автаева, К. Болдина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – №12 (66). Часть 1. – С. 6–8.
2. Андреюк Д. На пути к Homo socialis: информационное брокерство и социальная инженерия / Д. Андреюк, Е. Махиянова // Человек. – 2019. – № 6. – С. 22–32. – doi.org/10.31857/S023620070002341-2
3. Лидвелл У. Универсальные принципы дизайна / У. Лидвелл, К. Холден, Д. Батлер. – СПб.: Питер, 2012. – 272 с.
4. Макеенко М. Радиовещание и телевидение США в новом столетии: структура, экономика, стратегии / М. Макеенко. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – 560 с.
5. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн. – К.: Ника-Центр, 2004. – 432 с.
6. Мандель Б. PR: методы работы со средствами массовой информации / Б. Мандель. – М: Инфра-М, 2016. – 203 с.
7. Сарна А. Технологии воздействия на аудиторию в современном медиaprостранстве / А. Сарна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 218–235. – doi.org/10.21638/spbu12.2020.207
8. Merkovity N. Public dialogue model of political communication in the information era / N. Merkovity // Acta Universitatis Szegediensis forum: publicationes doctorandorum juridicorum. – 2017. – Vol. 6. – pp. 93–106.
9. Meyers Ch. Partisan News, the Myth of Objectivity, and the Standards of Responsible Journalism / Ch. Meyers // Journal of Media Ethics. – 2020. – 35 (3). – pp. 180–194.
10. Moy P. Agenda-Setting, Priming, and Framing / P. Moy, E.M. Rinke, D. Tewksbury // The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy. John Wiley & Sons, Inc., 2016.
11. Ritzer G. The Blackwell companion to globalization. Blackwell Publishing Ltd., 2017.
12. Rogachev M. Social Partnership as an Effective Form of Public-Social Interaction / M. Rogachev, L. Rogacheva, V. Pishchulin, O. Fadeeva // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Vol. 9, Is.16. – pp. 1–5.
13. Temnikova L.B. Propaganda and complaining in the media: Forms of impact on mass consciousness / L.B. Temnikova, A.V. Vandysheva // Russian studies without borders. – 2022. – pp. 29–34.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Ведущий Fox News Такер Карлсон составил рейтинг мифов и выдумок за 2022 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ltv.ru/news/2022-12-25/444141-veduschiy_fox_news_taker_karlson_sostavil_reyting_mifov_i_vydumok_za_2022_god (дата обращения: 10.10.2024)
15. КарлсонТВ // YouTube [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/@karlsonstv/featured> (дата обращения: 10.10.2024)
16. Oliver Darcy Fox News host Tucker Carlson's on-air war with elitism // Business Insider [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.businessinsider.com/tucker-carlson-tonight-show-fox-news-2016-12> (дата обращения: 10.10.2024)
17. This Is the Cable News Ratings Report for 2023 // Adweek [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adweek.com/tvnewser/this-is-the-cable-network-ratings-report-for-2023/> (дата обращения: 10.10.2024)
18. Tucker Carlson's Show Bled 70 Advertisers in Less Than a Year BY LUKE DARBY August 20, 2019 // GQ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gq.com/story/tucker-carlson-boycotts-working> (дата обращения: 10.10.2024)
19. 20-Plus Brands Have Stopped Advertising on Tucker Carlson Tonight After Immigration Comments by A.J. Katz DECEMBER 20, 2018 // Adweek [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adweek.com/convergent-tv/20-plus-brands-have-stopped-advertising-on-tucker-carlson-tonight-after-immigration-comments/> (дата обращения: 10.10.2024)

REFERENCES

1. Avtaeva N., Boldina K. (2017). Zhanr "storitelling" v sovremennyh regionalnyh SMI: funktsionalnye i tematicheskie osobennosti publikacii. [The Genre of "Storytelling" in Modern Regional Media: Functional and

Thematic Features of Publications] in *Mezhdunarodny`j nauchno-issledovatel`skij zhurnal [The International Scientific Research Journal]*. 12 (66) (1), pp. 6–8 (In Russian).

2. Andreyuk D., Makhyanova E. (2019). Na puti k Homo socialis: Informacionnoe brokerstvo I socialnaya inzheneriya [Towards Homo Socialis: Information Brokering and Social Engineering] in *Chelovek [Human]*, 6, pp. 22–32 – doi.org/10.31857/S023620070002341-2 (In Russian).

3. Lidvell W., Holden K., Betler D. (2012). *Universalniye principy dizaina [Universal Design Principles]*. St Petersburg: Piter (In Russian).

4. Makeenko M. (2010). Radioveshanie i televidenie Soedinennyh Shtatov Ameriki v novom stoletii: struktura, ekonomika, strategii. [US Radio and Television in the New Century: Structure, Economics, Strategies]. Moscow: Moscow University Publishing House. (In Russian).

5. McLuhan M. (2004). *Galaktika Gutenberga: sotvorenie cheloveka pechatnoi kultury [The Gutenberg Galaxy]*. Kiev: Nika-Center. (In Russian).

6. Mandel B. (2016) PR: metody raboty so sredstvami massovoi informacii [PR: Methods of Working with the Media]. Moscow: Infra-M (In Russian).

7. Sarna A. (2020). Technologii vozdeistviya na auditoriyu v sovremennom mediaprostranstve [Technologies of influencing the audience in the modern media space] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Sociologiya [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]*. 13 (2), pp. 218–235 (In Russian).

8. Merkovity N. (2017). Public dialogue model of political communication in the information era. *Acta Universitatis Szegediensis forum: publicationes doctorandorum juridicorum*, 6, 93-106. (In English).

9. Meyers Ch. (2020). Partisan News, the Myth of Objectivity, and the Standards of Responsible Journalism in *Journal of Media Ethics*, 35 (3), pp. 180–194 (In English).

10. Moy P., Rinke E.M., Tewksbury D. (2016). Agenda-Setting, Priming, and Framing in *The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy*. John Wiley & Sons, Inc. (In English).

11. Ritzer G. (2017). *The Blackwell companion to globalization*. Blackwell Publishing Ltd. (In English).

12. Rogachev M., Rogacheva L., Pishchulin V., Fadeeva O. (2016) Social Partnership as an Effective Form of Public-Social Interaction. *Indian Journal of Science and Technology*, 9 (16), pp. 1–5 (In English).

13. Temnikova L., Vandysheva A. (2022). Propaganda and complaining in the media: Forms of impact on mass consciousness in Russian studies without borders, pp. 29–34 (In English).

Поступила в редакцию 13.10.2024 г.

FEATURES OF MEDIA IMPACT ON THE AUDIENCE ON AMERICAN TELEVISION

M.V. Budnick

The article focuses on the models of communication interaction between the media and the audience, with a special emphasis being made on such type of media impact as communicative aggression. The author presents a study of media impact on modern American television, using the example of the FOX NEWS TV-channel, where the negative impact on public discourse prevails over the positive impact due to numerous manipulative methods. The author examines such methods of media impact as imprinting, priming, storytelling, framing, design, shows the strategies of interaction with the audience on the FOX NEWS channel, used by some of the most popular hosts in their programs. The author also analyzes a multifaceted approach, including geopolitical commentary, and strategic communications methods in Tucker Carlson's programs. The conclusion is made that the role of American television in shaping public opinion is extremely large. The interaction of provocative language, elements of propaganda, aggressive speech methods, emotional impact on the viewer forms the discourse in the broader context of modern journalism.

Keywords: television, media influence, communicative aggression, Tucker Carlson, Fox News, priming, storytelling, framing, propaganda.

Будник Марианна Владимировна.

Кандидат филологических наук.

Российский государственный гуманитарный университет.

Доцент кафедры журналистики.

Заместитель декана по учебной работе.

ORCID 0009-0001-4144-8034.

E-mail: bmvggu@mail.ru.

Budnick Marianna Vladimirovna.

Candidate of Philology.

Russian State University for the Humanities.

Associate Professor of Department of Journalism.

Deputy Dean for Academic Affairs.

ORCID 0009-0001-4144-8034.

E-mail: bmvggu@mail.ru.

Научная статья

УДК 81.42

DOI: 10.5281/zenodo.14513039

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ БРЕНДНЕЙМИНГА (ПОРТРЕТНЫЕ И ИКОНИЧЕСКИЕ ИМЕНА)

© 2024 А.В. Бутова.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

ORCID 0000-0002-8357-6069



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В настоящее время в области лингвистики, в частности, в ономастике, происходят значительные изменения. Возросший интерес со стороны потребителей привёл к появлению новых языковых единиц в ономастическом пространстве, среди которых можно выделить коммерческие наименования. Бренд индивидуализирует продукт, отделяя его от других вещей и придавая ему как социальную, так и экономическую значимость. Имя не только неотъемлемо от продукта, но является отправной точкой при создании его имиджа. Сегодня термин *бренд* используется не только для обозначения конкретной линейки продуктов или компании, которая их производит. Он является составной частью социального имиджа, который компания хочет создать, позиционируя себя и свои продукты на рынке. Удачное имя бренда позволяет наделить товар или услугу отличительным характером, выделить его, придать ему индивидуальность. Актуальность данного исследования заключается в том, что имя бренда рассматривается как особая категория онимов. Автор уделяет особое внимание семантической структуре портретных и иконических названий, а именно их коннотативному аспекту. Цель исследования – описать лингвистические стратегии бренднейминга иконических и портретных имен.

Ключевые слова: бренд, бренднейминг, портретное имя, иконическое имя, лингвистическая стратегия, семантика, коннотация, ономастическая система языка

Для цитирования: Бутова А.В. Лингвистические стратегии бренднейминга (портретные и иконические имена) / А.В. Бутова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 79–88. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14513039>.

Введение. Название бренда играет важнейшую роль в маркетинговых стратегиях, так как именно от него зависит успешное продвижение продукта или услуги на рынке. «Бренд – это не просто набор составляющих – имя, слоган, логотип, фирменный стиль, рекламный персонаж, бренд-бук, этикетка и упаковка, представительская продукция и пр. Бренд (brend) обладает силой влияния на рынок» [3, с. 33].

В нашем исследовании мы будем придерживаться точки зрения Я.А. Куминской и Е.О. Криворотко, которые описывают нейминг бренда как неотъемлемую составляющую процесса формирования бренда, которая представляет собой синтез культурных, психологических, лингвистических и маркетинговых аспектов, способствующих пробуждению интереса потребителей. Авторы также постулируют, что семантическое поле бренда, формирующееся в сознании целевой аудитории, укрепляется благодаря названию бренда. В результате создаётся образ бренда, отражающий индивидуальное восприятие продукта, услуги или компании [6]. Нейминг выступает в качестве одного из

ключевых инструментов брендинга, способствующего долгосрочному успеху бренда. Лингвистические аспекты нейминга придают названию новый смысл.

Имянаречение бренда – это процесс создания характеристик товаров и услуг для привлечения потребителя. Так, некоторые исследователи выделяют такие критерии успешности бренда, как:

- наличие положительных коннотаций;
- наличие в названии актуальности продукта;
- наличие морфологических, фонетических или грамматических условий, с

помощью которых бренд будет легко запоминающимся [12].

По мнению Л.А. Гидаевой успешность бренда заключается в достижении условий, когда бренд становится для потребителя отдельным продуктом. В такой ситуации потребитель настолько чётко ассоциирует бренд с определённым товаром, что уже не может сравнить его с другими продуктами [1]. Для того чтобы сделать бренд успешным, необходимо учитывать различные аспекты, важнейшим из которых является лингвистический. Лингвистическая основа бренднейминга напрямую влияет на функционирование имени бренда как на рынке, так и в ономастической системе языка. При выборе названия бренда необходимо учитывать фонологические, морфологические и семантические аспекты [9; 11]. При выборе названия для бренда необходимо учитывать значение слов и их восприятие целевой аудиторией. Некоторые слова могут вызывать положительные или отрицательные ассоциации, влияя на восприятие качества продукта или услуги.

С.Н. Куликова придерживается мнения о том, что при создании бренда следует тщательно изучить названия фирм, товаров и услуг, уже существующих на рынке и имеющих спрос у потребителя. Именно этот анализ позволит придать привлекательность и популярность новому товару или услуге [5].

В работе «Лингвистические стратегии дескриптивного и фамильного бренднейминга» авторы придерживаются мнения о том, что «создание узнаваемого, привлекательного, притягательного, популярного и т.д. бренда невозможно без тщательного изучения названий фирм, товаров, услуг и т.д., уже имеющихся на рынке и пользующихся спросом со стороны потребителей» [3, с. 46]. Лингвистические характеристики названий брендов могут различаться в зависимости от языка, на котором они написаны, так, например, китайские названия значительно отличаются от европейских из-за разной типологии между китайским и европейским языками и различий в системах письма. Более того, культурные и социальные ценности, которые сильно различаются в разных обществах, также оказывают существенное влияние на восприятие брендов.

Бренднейминг – это двуаспектный процесс: лингвистический и маркетинговый. С одной стороны, такие характеристики, как благозвучность, удобство воспроизведения как в письменной, так и в устной форме, яркость имени с высокими положительными коннотациями, относятся к лингвистическому аспекту бренднейминга. С другой стороны, отличие от зарегистрированных аналогов, современность, уникальность являются маркетинговыми составляющими бренда. При рассмотрении нейминга бренда в рамках антропоцентрической модели основная роль отводится создателю. «Именно его лингвистическими компетенциями ограничен процесс и результат креативного речетворчества» [5; с. 43].

Интересной является классификация С.Н. Куликовой, которая в своей работе «Этика нейминга: нужна ли брендам лингвистическая экспертиза?» предлагает такие лингвокреативные техники:

- «Прямые номинации (предметные, случайные) – использование известных общеупотребимых слов по названию товара/услуги (РА «Рекламные технологии»),

перенос слов из других сфер («Apple»);

- «Отфамильные» номинации – использование фамилии/имя основателя/ей («Форд», «Мария Ра»);

- Описательные номинации – использование лексических форм, прямо или косвенно характеризующих товар/услугу («Арбат», «Цезарь», «Союз»);

- Ассоциативные номинации – использование различных групп ассоциаций («Арбат», «Цезарь», «Союз»);

- Иностранные заимствования («ГудАрт», «Сити», «Веерка»);

- Аббревиатуры и словообразовательные конструкции («БФК», «Стройвест», «Сибирия»);

- Языковая игра, фигуры, умышленные ошибки («Солнечный друг», «Вамакно»);

- Неологизмы («Сникерс», «Билайн»)) [5, с. 43].

Автор также уточняет, что данные техники можно расширить как новыми лексическими конструкциями, так и общеупотребительными словами, и словосочетаниями. Причем данные методы могут использоваться как самостоятельно, так и комплексно [4]. Стоит отметить, что зачастую маркетологи предлагают новаторские варианты, что значительно повышает значение различительной функции нового имени, продукта или услуги не только с точки зрения лингвистики, но и увеличивает охраноспособность и рекламоспособность бренда [8; 11].

Материалы и методы исследования. Эмпирическим материалом послужили полученные методом сплошной выборки название 150 брендов из немецкого, английского и русского языков. Основное внимание уделялось портретным и иконическим именам. Основными методами исследования являются: описание, систематизация, классификация.

Основная часть. При создании и выборе имени бренда маркетологи руководствуются прагматическими целями, основными функциями которых являются эстетическая и функция воздействия. По результатам мониторинга предложений по созданию брендинговых агентств и креативных бюро (<https://www.renderforest.com/ru/business-name-suggestions>, <https://play-name.com/>) можно выделить критерии, которым, согласно потребностям рынка, должно соответствовать создаваемое имя. Так, С.Н. Куликова, ссылаясь на патентное бюро USPTO (United States Patent and Trademark Office), приводит следующую классификацию, основанием которой является степень охраноспособности бренда:

- Родовое наименование товара (Generic name: *Milk, Dog's Food*);

- Описательное имя, указывающее на состав, свойство, качество товара (Descriptive name: *Quick-Print*);

- Суггестивное название, в основе лежат метафоры или аналогии (Suggestive name: *Stronghold Nails*);

- Произвольное имя (Arbitrary name: *Shell, Apple*);

- Фантазийная номинация (Fanciful name: *Kodak, Xerox*) [5].

При выборе имени бренда основными критериями выступают охраноспособность и рекламоспособность. *Рекламоспособность* рассматривается как способность имени:

- привлекать внимание,

- выделять товар из ряда подобных,

- легко произноситься (быть благозвучным),

- быстро запоминаться.

Основными лингвистическими целями рекламоспособности бренда являются:

- удобство и легкость чтения и правильность произношения (отсутствие

вариантов ударения, разночтения иностранных букв и слов),

- благозвучность (отсутствие «негативных» рифм).

Рекламospособность бренда в маркетинге определяется как:

- соответствие рынку (наличие связи с рынком или товарной категорией),
- соответствие ценовой категории и потребительскому уровню.

Охраноспособность бренда – это возможность быть зарегистрированным в качестве торговой марки.

Экстралингвистические характеристики бренднейминга находят отражение в лингвистических стратегиях. Марсель Денези выделяет такие категории, как:

- вымышленные имена (портретные имена);
- имена-символы;
- знаковые имена (иконическое имя) [12].

Товары, названные в честь вымышленного персонажа (*Mr. Clean*, *Barbie*), предполагают определенные качества (такие как чистоплотность или идеализированные портреты женственности), представленные самим персонажем, поэтому данная категория может быть названа **портретными** именами. *Mr. Clean* (моющее средство) – это, в частности, имя мультяшного персонажа. Другой подтип портретного имени – это человеческое изображение (настоящее или вымышленное). Некоторые, казалось бы, вымышленные портретные имена основаны на именах реальных людей. Например, на продукте шоколада «Аленка» изображена реальная девочка. Этот бренд советского шоколада фабрики «Красный Октябрь» получил свое имя в честь дочери Валентины Терешковой – Елены, а портрет принадлежит тоже Елене, но дочери Александра Геринаса, которая выиграла фотоконкурс (рис. 1).



Рисунок 1

Персонаж *Венди* (рис.2) является визитной карточкой сети ресторанов *Wendy's*. Дэйв Томас, основатель сети, использовал прозвище своей дочери (Венди), хотя изображение на логотипе – это не портрет его дочери, а скорее стилизованная версия молодой девушки.



Рисунок 2

Некоторые вымышленные имена персонажей действительно знаковые с социальной точки зрения, то есть они превратились в знак определенной социальной категории. Так, например, имя и портрет *Бетти Крокер* были изобретены в 1921 году компанией *Gold Medal Flour* в качестве логотипа компании. В 1936 году образ Бетти Крокер появился, когда компания выпустила ее первый «портрет». Ее портрет представлял собой идеальный образ домоседки – искусного повара, друга и дружелюбной матери. К середине 1940-х годов Бетти Крокер была второй по популярности женщиной в Америке после Элеоноры Рузвельт. Ее даже изображали разные актрисы на радио и телевидении. Через двадцать лет после этого новый портрет породил новый образ уже повзрослевшей женщины. На сегодняшний день портрет Бетти Крокер полностью видоизменился. По изменениям этого бренда можно наблюдать как изменялись образы женщин (рис. 3).

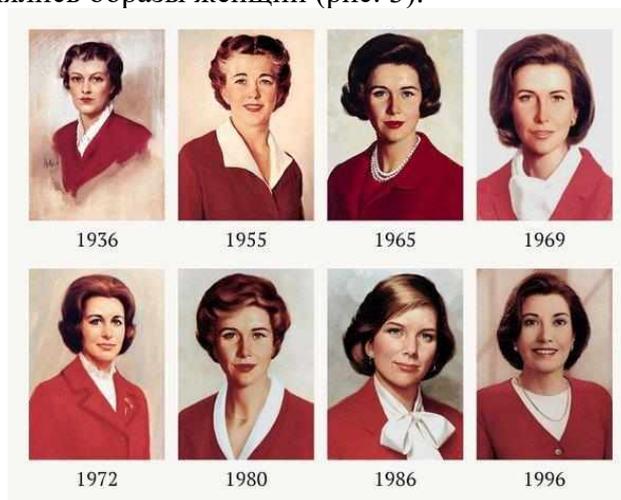


Рисунок 3

В наши дни тенденция называть что-либо в честь кого-либо пошла на спад. Маркетологи предпочитают оригинальничать, давая своим творениям подчас совершенно необычные названия, кажущиеся на первый взгляд совершенной бессмыслицей.

Мода называть бренды своими именами сохранилась только лишь в мире моды. «Название брендов одежды и обуви, а также сами имена дизайнеров вызывают у потребителя ассоциации с предметами искусства. Нью-йоркский дизайнер *Ральф Лифшиц* сменил имя на *Ральф Лорен (Ralph Lauren)*, по той причине, что оно звучало более приятно. Точно так же дизайнер *Пьетро Кардино* изменил свое имя на *Пьер Карден (Pierre Cardin)*, чтобы придать ему более подходящее "французское звучание"» [7, с. 48].

Одна из продуктивных лингвистических стратегий – это **иконические** имена брендов, которые, в свою очередь, является подкатегорией суггестивных имен. Между этими ономастическими категориями существует значительное совпадение. На наш взгляд, иконические имена требуют более детального рассмотрения, так как они являются лидирующим классом ономов в процессе бренднейминга.

По мнению Ч. Пирса, который признан основателем семиотики, иконический знак (знак-икона) имеет «три главных типа знаков на основе отношений с референтами:

- иконические знаки, характеризующиеся фактическим сходством со свойствами денотата;
- индексы, отмечающие смежность или физическую связь с референтным объектом;
- символы, оперирующие установленной и усвоенной смежностью, где связь с денотатом осуществляется на основе произвольного правила, которое интерпретатор

знака должен знать, чтобы уметь его декодировать (наиболее типичный пример – большинство лингвистических знаков)» [14].

К первому типу знаков можно отнести название всем известного бренда *Apple Computer*. Логотип является примером визуальной иконки, потому что он визуально изображает референта (*яблоко*) (рис 4.).



Рисунок 4

Первым символом компании Apple была не та привычная нам иллюстрация яблока, а изображение, на котором Исаак Ньютон сидит под деревом, а рядом с ним находится яблоко, готовое вот-вот упасть. С тех пор символ был значительно упрощён и усовершенствован. В 1977 году Роб Джанофф, работая в рекламном и PR-агентстве Regis McKenna, разработал новый символ. Он начал с изображения яблока, но заметил, что при уменьшении символа оно становится похожим на вишню. Добавление надкушенного яблока, казалось, решило эту проблему, позволяя понять, что это яблоко любого размера. Это было разумное решение, особенно учитывая разнообразие размеров экранов и продуктов Apple. Первоначально символ был очень ярким и постепенно превратился в одноцветный символ, который мы видим повсеместно. Глядя на продукцию Apple, легко заметить, что дизайн символа отражает элегантный и минималистичный стиль бренда, начиная от iPhone и заканчивая MacBook [10].

Второй тип представлен аллитеративными названиями: *Naf-Naf*, *KitKat*, *Tic-Tac*, *M&M's*, *Chupa-Chups*, «Дочки-Сыночки», «Крошка-Картошка». Аллитерация используется в стихосложении. Ярким примером могут стать скороговорки: *На дворе трава, на траве дрова, не руби дрова на траве двора*. Этот прием основан на сочетании рифмы и ритма, где есть повторение одного или нескольких звуков. В процессе брендинга данный принцип используется при сочетании голосовых символов, имитирующих звуки, например, хруста чипсов: *Frosted Flakes*. Так, Марсель Денези приводит пример названия бренда *Ritz Crackers*. Сочетание звуков в данном имени придает продукту культовую звучность, имитирующую звуки, которые издают крекеры во время их употребления [14]. В русском языковом пространстве ярким примером данной группы может служить название бренда детского питания «Агуша», которое напоминает первые звуки, издаваемые малышом. Название одного из самых известных сервисов по поиску попутчиков называется *Bla Bla Car*, в котором *бла-бла* – это синоним выражения «разговор ни о чём», а в сочетании со словом *Car* потребитель интуитивно понимает смысл. М. Ноймайер приводит классический пример из истории маркетинга, связанный с названием джема *Smuckers*. Этот базовый тип фонетической иконичности может быть величайшим достоянием бренда, который сначала кажется плохим названием, но на самом деле является высокоэффективным методом создания названия. Слоган компании ловко играет на этом первоначальном восприятии: *A name like Smuckers, it has to be good* (Такое имя, как Смакерс, должно быть хорошим). Название действительно хорошее, потому что, как метко выразился М. Ноймайер оно «отличительное, короткое, легко произносимое,

симпатичное». Автор также уточняет, что данное название является звукоподражательным. Оно звучит как причмокивание губами, что является довербальным свидетельством «вкусного варенья» [14]. Звукоподражание в бренднейминге это прогрессивный прием для создания яркого, запоминающегося и узнаваемого названия. Это один из инструментов бренднейминга, который может быть использован для создания запоминающегося и уникального названия бренда. Звукоподражательные названия могут быть более запоминающимися, чем обычные слова. Однако, бренды в названии которых присутствуют подобные слова и выражения могут иметь ограничения в использовании. Например, они могут быть трудными для произношения или понимания. Это нужно учитывать при выборе названия бренда.

Ко второму типу иконических знаков можно отнести группу названий брендов, основанных на подражании личным именам известных личностей или же на их фонетической имитации. Примером может служить название *Drakkar Noir*, выбранный Ги Ларошем для одного из своих одеколонов. Темная бутылка передает образы «страха», «запретного» и «неизвестного» [17]. Запрещенное происходит под покровом ночи, отсюда и название *Noir* (по-французски ‘черный’). Часть *Drakkar*, очевидно, наводит на мысль о Дракуле, смертоносном вампире, который загипнотизировал свою добычу простым взглядом в нуаре ночи (рис. 5).



Рисунок 5

Еще одна иконическая стратегия – соответствие дизайна продукта или его логотипа, эмблемы или упаковки какому-либо свойству продукта. Ф. Нюссель, описывая бренды напитков, уточняет, что разработка внешнего вида продукта связана с предпочтениями потенциальных потребителей. Внешний вид должен быть привлекательным для целевой группы покупателей с точки зрения цветов, изображений и дизайна упаковки [16]. Можно найти упаковки продуктов, названия которых описательны, как, например, банка напитка *Jolt Battery Bottle* выполнена в виде батарейки.



Рисунок 6

К третьей группе следует отнести одно из самых известных из всех знаковых названий брендов — это, конечно же, *McDonald's*, написанное таким образом, что начальная буква напоминает арки (рис.7). Еще одним классическим примером такого культового названия является *Coca-Cola* (рис. 8). В этом случае название написано в характерном стиле (шрифт и цвет). На сегодняшний день это, пожалуй, самый узнаваемый визуальный символ во всем мире.



Рисунок 7



Рисунок 8

Подобные названия относятся к чисто ономастической категории брендов. В них нет экстралингвистической составляющей, как например, у портретных имен.

Заключение. Ключевая задача брендинга — это создание образа продукта или услуги в сознании целевой аудитории. Ассоциации, связанные с товаром, основываются как на вербальных, так и невербальных составляющих. Лингвистические стратегии бренднейминга следует использовать как основной инструмент при создании и продвижении продукта или услуги на рынке. Различные языковые средства, используемые маркетологами, должны отвечать как потребностям социума, так и потребностям современного потребительского рынка. При создании имени бренда в процессе имятворчества следует комплексно разрабатывать название, основываясь как на лингвистических, так и на маркетинговых законах. Лингвистические стратегии бренднейминга носят междисциплинарный характер, а потребитель является решающим элементом данного процесса. Бренд формирует восприятие и образ, который потребители приписывают компании. Название продукта или услуги является основным показателем бренда. Тщательный выбор фирменного имени может передавать различные характеристики продукта или услуги. Бренды, содержащие в своем названии портретные и иконические имена, являются самыми эффективными, поскольку оно затрагивает две формы памяти – вербальную и эйдетическую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гидаева Л. А. Сущность и технология брендинга / Л.А. Гидаева // Наука и современность. – 2012. – № 17. – С. 258–262.
2. Карманов М.В. Теоретические вопросы оценки нейминга / М.В. Карманов, О.А. Золотарева // Статистика и экономика. – 2013. – №4. – С. 138–140.
3. Кисель О.В. Лингвистические стратегии дескриптивного и фамильного бренднейминга / О.В. Кисель, К.С. Бутов // Гуманитарные исследования. – 2024. – № 1 (89). – С. 46–52.
4. Кошенова Б.Е. Современные технологии брендинга / Б.Е. Кошенова // Вестник КАЗЭУ. – 2012. – № 2 (86). – С. 31–36.
5. Куликова С.Н. Этика нейминга: нужна ли брендам лингвистическая экспертиза? / С.Н. Куликова // РРИМПА [Электронный ресурс]. – 2017. – № 16. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-neyminga-nuzhna-li-brendam-lingvisticheskaya-ekspertiza> (дата обращения: 02.10.2024).
6. Куминская Я.А. Особенности нейминга в формировании бренда компании / Я.А. Куминская, Е.О. Криворотько // Молодой ученый. – 2014. – № 21 (80). – С. 360–363.

7. Лингвистический ИКонизм: Международный научный интернет-проект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://liconism.com/laboratoriya-dictionaries/terminologicheskaya-laboratoriya/580-ikonicheskij-znak.html> (дата обращения: 02.10.2024).
8. Язык виртуального пространства: тенденции и перспективы исследования / Л.И. Антропова, А.В. Бутова, Е.А. Гасаненко [и др.]. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, –2022. – 163 с.
9. Armstrong G., Kotler P., Michael H. & Ross B. Marketing: An Introduction / A. Gary, P. Kotler, Michael Harker and Ross Brennan. 4th Edition. – Pearson, 2019. – 673 p.
10. Hayoun K. Iconic Logos and Why They Work So Well [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://top-logodesigns.com/articles/iconic-logos-work-well/> (дата обращения 19.11.2024) (In English).
11. Chan Allan K.K.; Huang Yue Yuan. Chinese Brand Naming: A Linguistic Analysis of the Names of Ten Product Categories / Chan Allan K.K.; Huang Yue Yuan // Journal of Product and Brand Management. – 10 (2). – pp. 103–119.
12. Danesi Marcel. Why It Sells: Decoding the Meanings of Brand Names, Logos, Ads, and Other Marketing and Advertising Ploys. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2008. – pp. 220.
13. Kohli Chiranjeev, LaBahn Douglas W. Creating Effective Brand Names: A Study of the Naming Process. / C. Kohli, D.W LaBahn // Journal of Advertising Research. – 1997. – 37 (1). – pp. 67–75.
14. Marcel D. What's in a Brand Name? A Note on the Onomastics of Brand Naming / D. Marcel // Names. – 2011. – Vol. 59, No. 3. September. – pp. 175–185.
15. Marty N. The Brand Gap / N. Marty. – Berkeley: New Riders, 2006. – 173 p.
16. Nuessel F. A Note on Names for Energy Drink Brands and Products / F. Nuessel // Names – 2010 – №58 – pp.102–110.
17. Sait S. The linguistic analysis of brand names with the analytic hierarchy process and an application / S. Sait // Innovative Marketing. – 2011. – № 7. – pp. 108–114.

REFERENCES

1. Gidaeva L.A. (2012) Sushhnost' i tehnologija brendinga [The essence and technology of branding] in Nauka i sovremennost' [Science and modernity], № 17, pp. 258–262 (In Russian)
2. Karmanov M.V., Zolotareva O.A. (2013) Teoreticheskie voprosy ocenki nejminga [Theoretical issues of naming estimation] in Statistika i jekonomika [Statistics and economics], Vol.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-voprosy-otsenki-nejminga> (In Russian)
3. Kisel O.V., Butov K.S. (2024) Lingvisticheskie strategii deskriptivnogo i famil'nogo brendnejminga [Linguistic strategies for descriptive and familial brand naming] in Gumanitarnyye issledovaniya [Humanitarian Researches]. 1(89), pp. 46–52 (In Russian)
4. Koshenova B.E (2012) Sovremennyye tehnologii brendinga [Modern branding technologies] in Vestnik KAZJeU [KAZEU Bulletin], 2 (86), pp. 31–36 (In Russian)
5. Kulikova S.N. (2017) Jetika nejminga: nuzhna li brendam lingvisticheskaja jekspertiza? [Naming Ethics: Do brands need linguistic expertise?] PRIMRA, 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-nejminga-nuzhna-li-brendam-lingvisticheskaya-ekspertiza> (In Russian)
6. Kuminskaja Ja.A. (2014) Osobennosti nejminga v formirovanii brenda kompanii [Features of naming in the formation of the company's brand] in Molodoj uchenyj [Young Scientist], № 21 (80), pp. 360–363. URL: <https://moluch.ru/archive/80/14479/> (In Russian)
7. Lingvisticheskij ИКонизм: Mezhdunarodnyj nauchnyj internet-proekt [Linguistic IConism International scientific Internet project]. URL: <https://liconism.com/laboratoriya-dictionaries/terminologicheskaya-laboratoriya/580-ikonicheskij-znak.html> (In Russian)
8. Antropova L.I., Butova A.V., Hasanenko E.A. (2022) Jazyk virtual'nogo prostranstva: tendencii i perspektivy issledovaniya [The language of virtual space: trends and prospects of research], Magnitogorsk: Magnitogorskij gosudarstvennyj tehniceskij universitet im. G.I. Nosova, 163 p. (In Russian)
9. Armstrong G., Philip K., Michael H. & Ross B. (1997). Marketing: An Introduction.
10. Hayoun K. (2018) Iconic Logos and Why They Work So Well. URL: <https://top-logodesigns.com/articles/iconic-logos-work-well/> (In English).
11. Chan Allan K.K.; Huang Y.Y. (2001). Chinese Brand Naming: A Linguistic Analysis of the Names of Ten Product Categories in Journal of Product and Brand Management, 10 (2), pp. 103–119 (In English).
12. Danesi M. (2008). Why It Sells: Decoding the Meanings of Brand Names, Logos, Ads, and Other Marketing and Advertising Ploys. Lanham: Rowman & Littlefield (In English).

13. Kohli C.; LaBahn, Douglas W. (1997). Creating Effective Brand Names: A Study of the Naming Process in *Journal of Advertising Research*, 37 (1), pp. 67–75 (In English).
14. Marcel Danesi (2011) What's in a Brand Name? A Note on the Onomastics of Brand Naming, *Names*, Vol. 59 No. 3, September, pp. 175–185 (In English).
15. Neumeier M. (2006). *The Brand Gap*. Berkeley: New Riders (In English).
16. Nuessel, Frank. (2010). A Note on Names for Energy Drink Brands and Products. *Names* 58, pp. 102–110 (In English).
17. Sait S. (2011) The linguistic analysis of brand names with the analytic hierarchy process and an application *Innovative Marketing*, №7, pp. 108–114 (In English).

Поступила в редакцию 07.11.2024

BRAND NAMING LINGUISTIC STRATEGIES (PORTRAIT AND ICONIC NAMES)

A.V. Butova

Currently, significant changes are taking place in linguistics, and in onomastics, in particular. Increasing consumer interest has led to the emergence of new linguistic units in the onomastic space, among which commercial names can be distinguished. A brand individualizes a product, separating it from other things and giving it both social and economic significance. The name is not only integral to the product, but is the starting point in creating its image. Today, the term *brand* is used not only to designate a specific product line or the company that produces them. It is a crucial part of the social image that a company wants to create by positioning itself and its products on the market. A successful brand name allows you to give a product or service a distinctive character, highlight it, and give it individuality. The relevance of the study lies in the fact that a brand name is considered as a special onym category. The author pays a special attention to the semantic structure of portrait and iconic names, especially their connotative aspect. The study objective is to describe the linguistic strategies in brand nomination of iconic and portrait names.

Key words: brand, brand naming, portrait name, iconic name, linguistic strategy, semantics, connotation, onomastic language system

Бутова Анна Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация.
Доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям.
ORCID 0000-0002-8357-6069.
E-mail: annb79@mail.ru.

Butova Anna Vladimirovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation.
Associate Professor of Foreign Languages in Engineering Department.
ORCID 0000-0002-8357-6069.
E-mail: annb79@mail.ru.

Научная статья

УДК 81'44

DOI: 10.5281/zenodo.14513185

ПУШКИН И АБАЙ: ПОРТРЕТЫ КЛАССИКОВ В РУССКОМ ДИСКУРСЕ

© 2024 М.Б. Казачкова¹, М.В. Ширинян²

¹Одинцовский филиал Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

²Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации» (Сеченовский Университет), Акционерное общество «Издательство "Просвещение"»

ORCID¹: 0000-0002-0357-3010

ORCID²: 0000-0001-7912-5487



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье речь идет об исследовании способов наименований и обращений к создателю русского литературного языка А.С. Пушкину и основоположнику казахской письменной литературы Абаю Кунанбаеву. Исследование осуществлялось на материале двух подкорпусов: текстов о Пушкине и Абае. Общий объем корпуса составил 79 текстов (89 286 слов). Жанровый состав корпуса многообразен и включает статьи, эссе, письма, тексты социальных сетей, стихи, интервью, лекции, записки. Выявлено, что многочисленные наименования и обращения к А. Пушкину и Абаю, выраженные художественными средствами, говорят о славе и любви народа к поэтам, показывают разнообразие отношений и восприятия к Пушкину и Абаю, помогают понять, в каком контексте и с каким оттенком упоминались их имена, подчеркивая различные аспекты их личности и наследия.

Ключевые слова: корпус, образ, поэт, народность, наименования, обращения, наследие, художественные средства

Для цитирования: Казачкова М.Б. Пушкин и Абай: портреты классиков в русском дискурсе / М.Б. Казачкова, М.В. Ширинян // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 89–99. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14513185>.

Введение. «Пушкин – наше все» – это одна из составляющих пушкинского образа. Это представление о поэте его современников, людей последующих поколений и последующего времени возникает тогда, когда возникает необходимость в самоидентификации [8].

Н.В. Цветкова отмечает, что «...осмысление поэта начинается еще при его жизни. Появляются критические статьи, которые позволяют современникам проследить эволюцию творчества Александра Сергеевича. В этом очень преуспели любомудры Д.В. Веневитинов, С.П. Шевырев. Они пытались осмыслить, как развивается Пушкин, говорили о народности Пушкина [10]. Народность – это критерий, который стал определяющим в восприятии Пушкина – творца, его личности. Самые интересные восприятия касаются проблемы народности» [7, с. 157].

В статье «Несколько слов о Пушкине» Н.В. Гоголь размышляет, в чем народность и национальность Александра Пушкина. Он говорит о том, что поэт был национален потому, что «...истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами» [2].

После смерти поэта к творчеству Пушкина и его роли в российском обществе обращался В.Г. Белинский. В его высказываниях звучит очень важная и глубокая мысль: каждая эпоха оставляет свой образ Пушкина, свое восприятие его творчества. Это желание связано с особой личностью и тайной Пушкина [1].

На языке любви к родной земле, к своему народу писал один из ведущих казахских культурных деятелей XIX века Абай Кунанбаев – яркий, оригинальный, лирический поэт, символ духовности и культуры казахов. Писатель Аслан Жаксылыков отмечает, что именно Абай оказал наибольшее воздействие на формирование казахской национальной идентичности [3].

Мухтар Ауезов в романе «Путь Абая» через образ знаменитого поэта показал казахскую историю XIX века, которая наполнена драматизма и противоречий народной жизни, передал широту и красоту вольнолюбивой души казахского народа, его мечты о лучшем, его надежды и чаяния, его своеобразный духовный уклад, национальный характер [10].

Несмотря на то, что каждое литературное произведение, каждый факт из жизни Пушкина и Абая исследуется, они все равно остаются загадкой, тайной [4].

Материалы и методы исследования. Представленное исследование имеет **целью** выявление способов наименований и обращений к (1) создателю русского литературного языка А.С. Пушкину и (2) основоположнику казахской письменной литературы Абаю (Ибрагиму) Кунанбаеву.

Исследование осуществлялось на материале двух подкорпусов: текстов о Пушкине и Абае. В качестве источников использовались электронные ресурсы, содержащие статьи, лекции, интервью, эссе, тексты стихотворений, тексты социальных сетей, писем и записок. Общий объем корпуса текстов составил 79 текстов, содержащих 89 286 слов. Жанровый состав корпуса весьма многообразен (см таблицы 1–3) [5].

Таблица 1. Подкорпус текстов о А.С. Пушкине

| Статьи | | |
|----------|--|-------------------|
| № | Автор, текст | словоупотреблений |
| 1 | Т. Ревунова «Почему юного Пушкина прозвали тигром, и как он бойкотировал правила лицея» | 498 |
| 2 | Д.С. Лихачев «Он высший критерий для наших душ» | 743 |
| 3 | Н.В. Гурева «Роль А.С. Пушкина в русской литературе» | 1174 |
| 4 | Super User «Три обращения к Пушкину (Маяковский, Блок, Есенин)» | 1069 |
| 5 | Е. Калихова «Александр Сергеевич Пушкин: жизнь русского человека» | 1269 |
| 6 | Н. Чиженкова «А.С. Пушкин после Лицея 1817–1820 г.г. Ссылка на ЮГ 1820–1824 г.г.» | 2854 |
| 7 | М. Мовсесов «Для меня А.С. Пушкин – это Россия» | 1401 |
| Лекция | | |
| 8 | А. Зорин «Пушкин и феномен национального гения» | 2204 |
| Интервью | | |
| 9 | Интервью А. Митрофановой с А.Н. Варламовым, ректором Литературного института имени А.М. Горького | 7647 |

| Эссе | | |
|-------------------------|---|------|
| 10 | Т.С. Рыжова «Что сказать Пушкину? (эссе со стихотворными вставками)» | 1348 |
| 11 | Н. Ватаман, А. Колоскова «Письмо А.С. Пушкину» | 247 |
| 12 | Г. Борисов «Письмо А.С. Пушкину "Россия 200 лет спустя"» | 450 |
| 13 | А. Колоскова «Письмо А.С. Пушкину» | 106 |
| 14 | Ю. Ганчина «Письмо Пушкину» | 288 |
| 15 | В. Журжин «Письмо Пушкину» | 276 |
| 16 | М. Волынская «Письмо А.С. Пушкину» | 608 |
| 17 | Нейросеть онлайн «Сочинение "Письмо к Александру Сергеевичу Пушкину", 5 класс» | 266 |
| 18 | А. Сокулин. Сочинение-письмо А.С. Пушкину «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие» | 689 |
| Тексты стихотворений | | |
| 19 | В. Кашковарова «Обращения к Пушкину» | 207 |
| 20 | А. Калиновский «Обращение к Пушкину» | 95 |
| 21 | Н.И. Иванов «Обращение к Пушкину» | 144 |
| 22 | В. Калашникова «Обращение к Пушкину» | 185 |
| 23 | Л. Постолюк «Не отрицая того, что Пушкин – наше все» | 83 |
| Тексты социальных сетей | | |
| 24 | Опрос «Какие прозвища были у друзей А.С. Пушкина в лицее?» | 276 |
| 25 | Викторина «Загадки псевдонимов писателей и поэтов»: Александр Сергеевич Пушкин» на сайте «Одноклассники» | 223 |
| 26 | Отзывы «Писатель Александр Пушкин» | 49 |
| 27 | Опрос «Что вы думаете о творчестве А.С. Пушкина?» | 38 |
| 28 | Опрос «Что для нас означает Пушкин» | 27 |
| 29 | Опрос «Словарный запас У. Шекспира и А. Пушкина – сравним Шекспира и Пушкина» | 489 |
| 30 | Опрос «Что значит для Вас А.С. Пушкин?» | 97 |
| Письма | | |
| 31 | Письмо Н.И. Гончаровой | 225 |
| 32 | Письмо графа Риччи (1) | 360 |
| 33 | Письмо графа Риччи (2) | 169 |
| 34 | Письмо В. Галицына | 93 |
| 35 | Письмо Л. Герасимовского | 236 |
| 36 | Письмо Н.И. Хмельницкого | 112 |
| 37 | Письмо А.Х. Кнерцера | 467 |
| 38 | Письмо А.П. Плещеева | 152 |
| 39 | Письмо А.И. Хмельницкого | 219 |
| 40 | Письмо М.Т. Лебедева | 734 |
| 41 | Письмо Д.Н. Арсеньева | 101 |
| 42 | Письмо И.Т. Калашникова | 65 |
| 43 | Письмо князя П.И. Шаликова | 157 |
| Записки | | |
| 44 | Записка Н.Н. Раевского к Пушкину | 48 |
| 45 | Записка Д.И. Хвостова | 43 |

Таблица 2. Подкорпус текстов об Абае Кунанбаеве

| № | Автор, текст | словоупотреблений |
|--------|---|-------------------|
| Статьи | | |
| 1 | Касым-Жомарт Токаев «Абай – духовный реформатор» | 818 |
| 2 | Касым-Жомарт Токаев «Абай – духовный реформатор» | 448 |
| 3 | Г. Жанзакова «История трех фотографий: в Казахстане отмечают День Абая» | |
| 4 | С. Абдрахманов «Как сказал Абай» | 5381 |

| | | |
|-------------------------|---|-------|
| 5 | А. Сулейменов «Абай – мудрость народа» | 677 |
| 6 | О. Гольник «Абай Кунанбаев» | 1909 |
| 7 | Р. Кайрыев «Абай глазами молодежи» | 201 |
| 8 | У. Калижанов «Абай покоряет мир» | 2277 |
| 9 | А. Машакова «Зарубежная рецепция творчества Абая Кунанбаева» | |
| 10 | С. Ананьева «Художественный перевод поэзии Абая: генезис и традиции» | 15337 |
| 11 | И. Какильбаева «Абай и его интерпретации пушкинских мотивов и сюжетов» | |
| 12 | KZLG (соцсеть) «Абай» | 2424 |
| 13 | «Загадка АБАЯ: величайший неизвестный поэт Казахстана». Газета «Истоки» | 1698 |
| 14 | «Заповеди Абая – к реалиям дня сегодняшнего». «Кызылординские вести» от 10.08.2021 | 2944 |
| 15 | Н.А. Назарбаев «Слово об Абае» | 647 |
| 16 | А. Довголенко «Великий сын казахского народа» | 1366 |
| Интервью | | |
| 17 | Интервью Лейли Ваисова с заслуженным деятелем Казахстана Муратом Ауэзовым «Человек, соединивший эпохи» | 2157 |
| 18 | Ассамблея народа Казахстана «Наследием Абая все больше интересуется молодежь» | 736 |
| Эссе | | |
| 19 | С. Берекебаев «Письмо великому просветителю казахского народа Абаю Кунанбаеву» | 454 |
| 20 | Д. Нефедова, Е. Скакуновская «Письмо к Абаю». | 269 |
| 21 | В. Бегимова «Письмо Абаю» | 92 |
| 22 | Рысдаулет Акерке «Мир Абая» | 503 |
| 23 | Л.Ф. Василенко «Поэт и просветитель – Абай Кунанбаев» | 307 |
| 24 | Н.А. Назарбаев, эссе об Абае Кунанбаеве | 647 |
| Тексты стихотворений | | |
| 25 | М. Минкевич. «Зрячее сердце» | 96 |
| 26 | Ю. Мустафина «Абаю посвящается. Абайды арнау. К 150-летию акына | 175 |
| 27 | А. Турашкызы «Прозаик о поэте (М.Ауэзов об Абае)» | 198 |
| 28 | Байтурсынова «Сеятель человечности» | 90 |
| 29 | Ю. Левагин «К юбилею Абая Кунанбаева» | 173 |
| 30 | С. Да «Вдохновитель Абай Ата» | 70 |
| Тексты социальных сетей | | |
| 31 | Д. Абаев «Об Абае» | 222 |
| 32 | К. Горожанкин «Мой Абай или 10 фактов об Абае в моей интерпретации» | 538 |
| 33 | Сеть Instagram ¹ областной библиотеки имени Абая «Учение Абая глазами молодежи: прямой эфир» | 532 |
| 34 | RedYurt «Ко дню Абая» | 629 |

Таблица 3. Жанровый состав и объем корпуса

| № | | А.С. Пушкин | Абай | Итого |
|---|-------------------------|-------------|------|-------|
| | Количество текстов | 45 | 34 | 79 |
| 1 | статьи | 7 | 16 | 23 |
| 2 | лекции | 1 | 0 | 1 |
| 3 | эссе | 9 | 6 | 15 |
| 4 | интервью | 1 | 2 | 3 |
| 5 | стихи | 5 | 6 | 11 |
| 6 | тексты социальных сетей | 7 | 4 | 11 |
| 7 | письма | 13 | - | 13 |

¹ Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

| | | | | |
|---|-----------------|-------|-------|-------|
| 8 | записки | 2 | - | 2 |
| | Количество слов | 28231 | 61055 | 89286 |

Основная часть. Выявленные в составе корпуса наименования А.С. Пушкина включают:

1. Формальные обращения: *А.С. Пушкин, Александр Пушкин, Александр Сергеевич Пушкин, Александр Сергееч.* Например, «Здравствуйте, **Александр Сергеевич!** Я так люблю ваши стихи! И даже знаю наизусть отрывок из «Евгения Онегина»! Хотите, я прочитаю его Вам?» [26]. «Здравствуйте, **Александр Сергеевич!** А я тоже поэт! Вы не против, если я почитаю Вам свои стихи?» [26]. «Здравствуйте, **Александр Сергеевич!** Зачем только Вы связались с этим проходимцем Дантесом! Сколько бы еще стихов написали!» [26]. «Здравствуйте, **Александр Сергеевич!** А вы уже побывали в Михайловском? Как Вам музей понравился?» [26]. «Здравствуйте, Александр Сергеевич Пушкин! Пишу я Вам потому, что я очень люблю ваши сказки, стихи и повести. Моё самое любимое произведение, написанное вами, – это «Сказка о золотом петушке». У вас есть ещё много великолепных сказок: «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане...». Отрывок из поэмы «Руслан и Людмила» «У лукоморья дуб зелёный» слышит каждый ребёнок ещё в детстве, в школьном возрасте эти строки заучивают наизусть, а будучи взрослыми, держат их в своём сердце всю жизнь!» [14]. «Здравствуйте, **уважаемый Александр Сергеевич!** Мы с Вами очень хорошо знакомы, хотя и не виделись ни разу. Я даже был у Вас в гостях, на Вашей петербургской квартире, и, должен сказать, мне понравился тихий уют кабинета, ставшего местом рождения произведений, которые я знаю и люблю» [27].

2. Общепринятые и неформальные упоминания: *Пушкин* – обращение по фамилии – форма дружеского обращения, носит слегка ироничный тон: «**А Пушкин — Пушкин.** Заалело утро, / И солнце пролилось из-под гардин. / О непоседа, удалой и мудрый, / Ты у России-матери один!» [30]. **Пушкин, Пушкин,** вернись в наше время / От досады той старой уйди. / Ты взойди, как проросшее семя / В век двадцатый к нам в гости приди [21]. *Сергееч* – сокращённая, или урезанная, форма отчества *Сергеевич*, которая используется только в разговорной речи в кругу знакомых, близких друзей: *При вашем гении, Сергееч, и при летах / Вы разобрались бы со стихотворной вонью. / Но жаль вас нет, и некому перчатку / Кривлякам в ноги обронить с презрением* [18]. *О, Александр!* – обращается С. Есенин к А. Пушкину, проявляя вежливость, которая заставляет внимательно слушать его слова, верить им и принимать во внимание: *Блондинистый, почти белесый, / В легендах ставший как туман, / О Александр! Ты был повеса, / Как я сегодня хулиган* [17]. Есенин старается найти общие черты в своем поведении и поведении Пушкина, надеясь на то, что как Пушкину слава повесы не помешала быть великим поэтом, так и его, Есенина, дурная слава не может затмить его поэтического дара. А. С. Пушкин – постоянный адресат поэтических посланий современников [9]: **О Александр!** Вам оду пропою, / Слова рисуя на цветках сирени. / Прославленный в веках кудрявый Гений, / Очаровавший Родину мою [27].

3. Ласковые и уважительные обращения, выражающее уважение и привязанность: *Любезнейший Пушкин! Почтеннейший Александр Сергеевич! Ваше Высочорodie! Милостивый Государь, Александр Сергеевич! Александр Сергееч, друг мой милый! Дорогой Александр Сергеевич! Уважаемый и любимый сердцем Александр Сергеевич! Любезный господин Пушкин! «Милостивый государь, Александр Сергеевич! Искренне надеюсь на Ваше снисхождение к трудам нашим. Не откажите в любезности прочесть сие послание, от души и сердца написанное. Вообразите себе, как невероятно сложно постичь все премудрости стиля письма века девятнадцатого, по праву*

названного «золотым веком» русской литературы, нам, живущим в веке двадцать первом», «... Извините, наш **бесценный Александр Сергеевич**, мы немного увлеклись болтовней. Простите ради бога, что осмелились беспокоить Вас. Искренне надеемся на Ваше снисхождение к нашему письму, ибо мы еще не в совершенстве владеем сим прекрасным умением» [13]; «**Дорогой Александр Сергеевич!** С огромной признательностью обращается к Вам из XXI века почитатель Вашего великого таланта – Ганчина Юлия» [16]. «Здравствуйте, **дорогой Александр Сергеевич!** Завтра, Шестого июня, День Вашего рождения! Вам бы исполнилось... Да какая разница, сколько бы Вам исполнилось, для нас, и тех, кто будет после нас, Вы навсегда останетесь молодым тридцатисемилетним мужчиной с чёрными кудрявыми волосами, доставшимися в наследство от прадеда Абрама Ганнибала, и пронзительно синими глазами, глазами ...России! И навсегда останетесь – Солнцем русской поэзии!» [15].

4. Самоироничные и эмоциональные выражения: «**Ай да Пушкин, ай да сукин сын!**» – самоироничное выражение, используемое самим Пушкиным; *обезьяна* – сам Пушкин осознавал свое сходство с этим подвижным зверьком, в стихотворении «Мой портрет» поэт написал: *Суций бес в проказах, / Суцая обезьяна лицом, / Много, слишком много ветрености / – Вот каков Пушкин.*; *повеса* – поэт, осознавая свою некрасивость, гремучую смесь соединения горячей африканской крови Ганнибалов и легкомысленно-поэтического характера Пушкиных, писал: *А я, повеса вечно праздный, / Потомок негров безобразный, / Взращённый в дикой простоте / Любви не ведая страданий, / Я нравлюсь юной красоте / Бесстыдным беженством желаний* [25].

5. Ироничные названия: *дел дуэльных мастер тонкий, мудрый секундант* – иронические обращения, указывающие на его участие в дуэлях; *коновод, / воевода русской литературы* – свидетельствовали о главенствующей роли поэта среди многочисленных сподвижников.

6. Метафорические названия: *Солнце русской поэзии* – метафора, подчеркивающая его значимость для русской поэзии; *наше всё, народное достояние, сокровище русской литературы, отец современной русской литературы, светоч* – метафоры, указывающие на его всестороннее значение для русской культуры и литературы; *пророк* подчёркивает его видение и влияние; «*Еще со школьных лет мы читали произведения и заучивали наизусть стихотворения «русского Шекспира», «Солнца русской поэзии», самого известного поэта России и, возможно, Европы»* [19].; *русский Шекспир, новый Оссиан* определяют вклад Пушкина в русскую культуру, не меньшую, чем Шекспира в английскую или Оссиана, легендарного кельтского барда III века, в шотландскую; *наш великий поэт, первый поэт России, блистательная звезда первой величины, песнопевец Кавказа, Полтавы и побед Паскевича и Ермолова, любимец муз* определяют за поэтом центральное положение в культуре, выражают общее стремление к созданию национального кумира; *тигр* – метафора, указывающая на быстроту ума и тела, и беспощадность стихов поэта, которую хоть раз испытал на себе каждый из его товарищей; *егоза* говорит о подвижности, активности, неусидчивости поэта; *француз* ссылается на любовь поэта к французскому языку; *повеса* демонстрирует страстное увлечение поэта женским полом, каждое из которых он принимал за истинную любовь, горел, страдал, посвящал ей лирические строки, а затем иногда мгновенно, а иногда медленно угасал; *гуляка* – метафора, напоминающая, что Пушкин был не только человеком, способным долго и усердно работать над текстом, – и при этом гулякой, любителем вечеринок, неспособным устоять перед женщиной; *африканец* – метафора, указывающая на происхождение поэта «*Я люблю вас, но живого, а не мумию. / Навели хрестоматийный глянец. / Вы по-моему при жизни – думаю – тоже бушевали. / Африканец!*» [23]; *протей в словесности*

подчеркивает разносторонность поэтического таланта Пушкина; *вельможа русской словесности* говорит о всенародной славе поэта и принадлежности его к высшему слою литературной знати.

7. Буквальное значение: *реформатор* – преобразователь, стремящийся к проведению реформ в общественной или государственной жизни, т.е. А.С. Пушкин – реформатор русского литературного языка.

Эти обращения и названия показывают разнообразие отношений и восприятия Пушкина среди исследователей, современников, друзей и членов семьи. Эти категории помогают понять, в каком контексте и с каким оттенком упоминались имена Пушкина.

Казахского поэта Абая Кунанбаева в научной и публицистической литературе именуют различными эпитетами и обращениями, подчеркивающими его значимость и вклад в культуру. Вот некоторые из них:

1. Формальные и полные имена: *Абай (Ибрагiм) Кунанбаев* – полное имя; *Абай Кунанбайулы* – полное имя с указанием отчества, что характерно для казахской традиции.

2. Общепринятые и неформальные упоминания: *Абай, дедушка Абай* – выражает обращение к почитаемому, умудренному жизнью человеку: «*Дорогой дедушка Абай! Пишет Вам ученица 8 «А» класса Бегимова Венера из города Усть-Каменогорск Восточно-Казахстанской области. Наш город находится недалеко от города Семей, уроженцем которого Вы являетесь*» [24].

3. Уважительные и почетные обращения: *Глубокоуважаемый, великий наш земляк, Абай Кунанбайулы! великий казахский поэт* – обращения, которые подчеркивают его значимость как поэта: «*Здравствуйте, глубокоуважаемый, великий наш земляк, Абай Кунанбайулы! Пишет Вам ученик восьмого класса КГУ «Средняя школа №46» города Усть-Каменогорска Берекебаев Султан!*» [12]; *величайшее светило казахской литературы и поэзии* – указывает на его выдающийся вклад в литературу; *национальная гордость всего казахского народа* – эпитет, указывающий на его значение для всей нации; *отец казахской литературы* – говорит о его основополагающей роли в развитии казахской литературы.

4. Самоироничное и эмоциональное выражение *полузнайка* (т.е. ‘человек, который плохо осознает свое дело, свой предмет, не имеет основательных знаний или имеет поверхностные знания’), используемое самим Абаем: *Бестолково учась, я жизнь прозевал / Спихватился, да поздно. Вот он, привал! / Полузнайка – я мнил себя мудрецом / И заносчиво ждал наград и похвал. / Остальных мечтал за собою вести. / А они меня сами сбили с пути* [22].

5. Метафорические и поэтические названия: *зеркало и душа народа* – метафора, подчеркивающая его отражение духа и культуры казахского народа; *пророк гуманизма* – указывает на его гуманистические идеалы и учения; *влага в почве казахского народа* – метафорическое выражение, подчеркивающее его жизненно важное значение для культуры и духа народа: «*Вопрос сохранения нации, независимости Казахстана неоднократно вставал в истории народа. Абай – это влага в почве казахского народа, которая не дает ему умереть*» [6]; *гордость казахского народа* – подчеркивает его важность и вклад в национальную идентичность; *единство и мудрость казахского народа* указывает на его роль в объединении и просвещении народа; *казахский Гете* – метафора, определяющая вклад Абая в казахскую культуру, известно, что Абай перевел «Ночную песнь странника» Иоганна Вольфганга Гёте на казахский язык. Известный немецкий литературовед Лео Кошут в своей книге «Volk und Welt. Autobiographisches Zeugnisvoneinemlegendaren Verlag» написал: «*Абая, именем которого названа улица в Берлине, иногда называют «казахским Гёте»*» [6]; *душа казахского народа, достояние*

всего человечества, спаситель казахского народа, светило, символ духовности и культуры казахов – метафоры, указывающие на его всестороннее значение для казахской культуры и литературы: «*Великий Абай – символ духовности и культуры казахов. Его учение тесно связано с духовным возрождением народа, а мудрость находит отклик и по сей день в душе каждого казаха*» [29]; «*Абай Кунанбаев — великий гуманист, общественный деятель, просветитель, талантливый поэт и мыслитель — человек, заложивший основы национальной литературы. Этот славный сын Степи был представителем интеллектуальной аристократии казахского народа XIX века*» [31]. *Славный сын степи* – указывает на то, что казахи – тюркский народ, который много веков вел кочевой образ жизни, бережно храня традиции и обычаев, которые помогали им выживать в сложных условиях; *лекарем человеческих душ* называет Абая узбекский ученый Абдулла Рустамов: «*В стихотворных строках можно найти ответы на вопросы, можно залечить раненое сердце, можно обрести новую мечту, обрести крылья надежды, да и просто — можно растеряться от праведных его слов*» [6]. Эта метафора доказывает, что поэзия Абая лечит душу человека, утешает, убеждает, вдохновляет, помогает достичь внутренней гармонии; *духовный отец* – метафора разъясняющая, что Абай хорошо понимает и чувствует свой народ, независимо от возраста и чина. Поэт не только сопереживает своему народу, но, возможно, в какой-то момент может и осадить, сказав: «А ты не прав!»; Абай – *путеводная звезда* – ориентир движения мыслей, чувств, эмоций в правильном направлении для решения, достижения жизненно-важных задач «*Если мы хотим модернизировать наше национальное сознание и развиваться как конкурентоспособная нация, то должны внимательно изучать и осмысливать произведения Абая... Абай, прославивший не только свою эпоху, но и приоткрывший миру лицо современного общества, является **путеводной звездой** национальной мечты*» [29]; *вершина не только национальной, но и мировой поэтической культуры* – определяет личность и творчество Абая, которые рожают последователей этой личности и этого творчества.

6. Буквальное значение: *реформатор* – Абай – реформатор казахского языка и основоположник казахской письменной литературы: «*Мы должны представить миру Абая как гения, жившего в XIX веке, но говорившего категориями XXI века. ... мы обязаны пропагандировать его как духовного **реформатора**, оказавшего огромное влияние на возрождение национального самосознания казахского народа*» [20].

Эти обращения и названия помогают понять, как Абая воспринимают и чувствуют в научной и публицистической литературе, подчеркивая различные аспекты его личности и наследия.

Заключение. В изучаемом Корпусе в номинациях А.С. Пушкина и Абая использованы такие художественные средства, как метафора (А.С. Пушкин – 27, Абай – 17), метонимия (А.С. Пушкин – 4, Абай – 3), эпитеты (А.С. Пушкин – 10, Абай – 6), перифраз (А.С. Пушкин – 1), гипербола (А.С. Пушкин – 3, Абай – 2), ирония (А.С. Пушкин – 1), антифразис (А.С. Пушкин – 1), гиперболический перифраз (А.С. Пушкин – 1).

Многочисленные наименования и обращения к А.С. Пушкину и Абаю Кунанбаеву говорят о славе и любви народа к двум титанам из разных эпох, представителям русского и казахского народов, поэтов, основоположников родного языка. Их творчество отражает любовь к человеку, стремление к истине и красоте. Созвучность душ, единство мыслей побудили глубокую любовь Абая к А.С. Пушкину, а народность – необычайный успех его произведений в степи. Благодаря переводам Абая казахский народ впервые познакомился с творениями Пушкина.

Подводя итог, отмечаем, что каждая эпоха в развитии русской или казахской культуры чувствует потребность в разгадке не только пушкинской тайны, но и собственной души, собственных поступков и желаний.

Читая произведения двух титанов, люди постоянно открывают своего нового Пушкина, своего нового Абая, а через них открывают и в себе нечто новое. Поэтому неслучайно спустя века творчество Пушкина и Абая притягивает и волнует, заставляя обращаться к нему вновь и вновь.

Еще не одно поколение людей и наша культура будут разгадывать пушкинскую тайну, а значит, будет твориться миф и появляться разные крылатые выражения, которые часто связаны с гением русской литературы Александром Пушкиным и Абаем – первым среди казахов, который познакомил и навсегда породнил свой народ с Пушкиным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений / В.Г. Белинский. Собрание сочинений в 13 томах. Том I. Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829–1835. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – 574 с.
2. Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине / Н.В. Гоголь // Викитека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Несколько_слов_о_Пушкине_\(Гоголь\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Несколько_слов_о_Пушкине_(Гоголь)) (дата обращения: 12.04.2024).
3. Жаксылыков А.Ж. Поэтика и эстетика Абая [Электронный ресурс] / А.Ж. Жаксылыков. – Режим доступа: <https://abai.kaznu.kz/rus/?p=132> (дата обращения: 30.04.2024).
4. Загидуллина М. В. Пушкинский миф в конце XX века / М.В. Загидуллина. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2001. – 243 с. – doi.org/10.2139/ssrn.3982427
5. Казачкова М.Б., Галимова Х.Н. Создание лингвистического корпуса учебников английского языка / М.Б. Казачкова, Х.Н. Галимова // Иностранные языки в школе. – 2022. – №2. – С. 32–38.
6. Калижанов У.К. Абай Кунанбаев в мировом литературоведении : Коллективная монография / У.К. Калижанов. – Алматы: Ғылым ордасы, 2017. – 205 с.
7. Кудряшов И.В. Еще раз к вопросу о титуле А.С. Пушкина «солнце русской поэзии» / И.В. Кудряшов // Научный диалог. – 2019. – № 11. – С. 155–163. – DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-155-163
8. Кудряшов И.В. Об источниках образного определения А.С. Пушкина как "Солнца поэзии" / И.В. Кудряшов // Проблемы исторической поэтики. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 67–85. – DOI 10.15393/j9.art.2019.5961
9. Тарасова И.А. Имя и образ Пушкина в поэтическом дискурсе / И.А. Тарасова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2019. – Т. 19, Вып. 2. – С. 128–133. – DOI: doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-128-133.
10. Цветкова Н.В. Каждая эпоха оставляет свой миф о Пушкине: преподаватель ПсковГУ рассказала, откуда пришло выражение «Пушкин – наше всё» / Н.В. Цветкова // Псковский государственный университет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pskgu.ru/page/295ba6b5-2d70-4ef6-ad5e-44a9371f84b7?print&ysclid=lxmwmcdm342592934> (дата обращения: 12.04.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Абай все равно остается загадкой // Литературный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adebiportal.kz/ru/news/view/abai-vse-ravno-ostaetsia-zagadkoi_19277 (дата обращения: 16.05.2024).
12. Берекебаев С. Письмо великому просветителю казахского народа Абаю Кунанбаеву / С. Берекебаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://46-oskemen.mektebi.kz/abaj-175/abajahat/202-pismo-velikomu-prosvetitelju-kazahskogo-naroda-abaju-kunanbaevu.html?ysclid=lvo45x52ht171510416> (дата обращения: 22.05.2024).
13. Боброва Е.В. Письмо А.С. Пушкину / Е.В. Боброва // Алые паруса. Проект для одаренных детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2019/04/30/pismo-a-s-pushkinu> (дата обращения: 14.05.2024).
14. Ватаман Н. Письмо А.С. Пушкину / Н. Ватаман, А. Колосова // Алые паруса. Проект для одаренных детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2019/02/14/pismo-a-s-pushkinu> (дата обращения: 20.05.2024).

15. Волынская М. Письмо А.С. Пушкину / М. Волынская // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2014/06/05/669?ysclid=m3oic77yry151139489> (дата обращения: 10.05.2024).
16. Ганчина Ю.К. Письмо Пушкину [Электронный ресурс] / Ю.К. Ганчина // Урок. Педагогическое сообщество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://urok.pf/library_kids/pismo_pushkinu_165307.html?ysclid=m3oia5pj12710589506 (дата обращения: 14.05.2024).
17. Есенин С. Пушкину / С. Есенин // Культура.РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/43687/pushkinu?ysclid=m3mqrga8te945023127> (дата обращения: 14.05.2024).
18. Иванов Н.И. Обращение к Пушкину / Н.И. Иванов // Стихи.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2023/02/22/4884?ysclid=m3ohf72j55122663607> (дата обращения: 03.05.2024).
19. Калихова Е. Александр Сергеевич Пушкин: жизнь русского человека / Е. Калихова // Просвещение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prosv.ru/articles/aleksandr-sergeevich-pushkin-zhizn-russkogo-cheloveka/?ysclid=m3ogs4qvkml45918307&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 10.05.2024).
20. Касым-Жомарт Токаев: Абай-духовный реформатор // НУР-СУЛТАН. КАЗИНФОРМ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-abay-duhovnyy-reformator_a3681541?ysclid=lvo36du5p4212754001 (дата обращения: 10.05.2024).
21. Кашковарова В. Обращения к Пушкину / В. Кашковарова // Parnasse.ru [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://parnasse.ru/poetry/free/white/obraschenija-k-pushkinu.html?ysclid=m3ohcco4pd390505497> (дата обращения: 03.05.2024).
22. Кунанбаев А. Разочарование / А. Кунанбаев // Livejournal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kv-85c.livejournal.com/104323.html?ysclid=m3opezhxie24638469> (дата обращения: 16.05.2024).
23. Маяковский В. Юбилейное / В. Маяковский // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Юбилейное_\(Маяковский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Юбилейное_(Маяковский)) (дата обращения: 18.11.2024).
24. Нефедова Д. Письмо к Абаю / Д. Нефедов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://30-oskemen.mektebi.kz/ru.php?query=meroprijatija-prazdniki%2F165-pismo-k-abaju.html> (дата обращения: 10.05.2024).
25. Пушкин А.С. Юрьеву / А.С. Пушкин // Культура.РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/4563/yurevu?ysclid=m3ohrstko2157211780> (дата обращения: 20.05.2024).
26. Рыжова Т.С. Что сказать Пушкину? (эссе со стихотворными вставками) / Т.С. Рыжова // Международный библиотечный центр. ГБУК «Псковская областная универсальная научная библиотека им. В.Я. Курбатова» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inter.pskovlib.ru/pushkin180/moe-slovo-o-pushkine/272-chto-skazat-pushkinu-esse-so-stikhotvornymi-vstavkami?ysclid=m3os60ailv102936507> (дата обращения: 18.11.2024).
27. Сокулин А.А. Сочинение-письмо А.С. Пушкину / А.А. Сокулин // Академия педагогических проектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pedпроект.рф/сокулин-александр-сочинение/?ysclid=m3oh8qtmdm517733933> (дата обращения: 03.05.2024).
28. Соловьева А. О Александр! / А. Соловьев // Стихи.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2013/11/11/931?ysclid=m3ohi9wu35640288594> (дата обращения: 20.05.2024).
29. Сулейменов А. Абай – мудрость народа / А. Сулейманов // Qazaqstan tarihu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-history.kz/ru/news/show/31865> (дата обращения: 20.05.2024).
30. Сычева Л. Кому, когда и зачем в современной России бывает нужен Пушкин / Л. Сычева // Новостной портал – Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/culture/2024/06/05/komu-kogda-i-zachem-v-sovremennoy-rossii-byvaet-nuzhen-pushkin.html> (дата обращения: 18.11.2024).
31. Феттер С. Абай Кунанбаев / С. Феттер // Проза.ру [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://proza.ru/diary/fetter/2020-04-15?ysclid=m3on2nrzpn919786842> (дата обращения: 18.11.2024).

REFERENCES

1. Belinskij V.G. (1953). Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works] in Belinskij V.G. Sobranie sochinenij v trinadtsati tomakh [Collected works in thirteen volumes] (p. 574) (In Russian).
2. Gogol' N.V. Neskol'ko slov o Pushkine [A few words about Pushkin]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Neskol'ko_slov_o_Pushkine_\(Gogol'\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Neskol'ko_slov_o_Pushkine_(Gogol')) (In Russian)
3. Zhaksylykov A.ZH. Poehtika i ehstetika Abaya [Abay's poetics and aesthetics]. URL: <https://abai.kaznu.kz/rus/?p=132> (In Russian).
4. Zagidullina M.V. (2001). Pushkinskij mif v konce XX veka [The Pushkin myth at the end of the twentieth century] (p. 243) Chelyabinsk : Chelyab. gos. un-t. (In Russian)

5. Kazachkova M.B., Galimova K.H.N. (2022). Sozdanie lingvisticheskogo korpusa uchebnikov anglijskogo yazyka [Creation of the linguistic corpus of english language textbooks] in Inostrannyje jazyki v shkole [Foreign languages in school]. 2, 32–38. dx.doi.org/10.2139/ssrn.3982427 (In Russian)
6. Kalizhanov U.K. (2017) Abaj Kunanbaev v mirovom literaturovedenii : Kollektivnaya monografiya [Abai Kunanbayev in world literary studies] (p. 205) (In Russian)
7. Kudriashov I.V. (2019). Eshche raz k voprosu o titule A.S. Pushkina "Solntse russkoi poezi" [Once again on the issue of A.S. Pushkin's title "The sun of Russian poetry"] in Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue], 11, 155–163. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-155-163 (In Russian)
8. Kudryashov I.V. (2019). Ob istochnikakh obraznogo opredeleniya A.S. Pushkina kak "Solnca poehzil". [About the sources of the figurative definition of A.S. Pushkin as "The sun of Poetry"] in Problemy istoricheskoy poehtiki [Problems of historical poetics], 17 (2), 67–85. DOI 10.15393/j9.art.2019.5961 (In Russian)
9. Tarasova I.A. (2019). Imya i obraz Pushkina v poehticheskom diskurse [The Name and Image of Pushkin in Poetic Discourse]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism]. 19 (2). 128–133. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-128-133> (In Russian).
10. Cvetkova N.V. Kazhdaya epoha ostavlyayet svoj mif o Pushkine [Each era leaves its own myth about Pushkin]. URL: <https://pskgu.ru/page/295ba6b5-2d70-4ef6-ad5e-44a9371f84b7?print&ysclid=lxmwmdcmv342592934> (In Russian).

Поступила в редакцию 15.10.2024 г.

PUSHKIN AND ABAI: PORTRAITS OF CLASSICS IN RUSSIAN DISCOURSE

M.B. Kazachkova, M.V. Shirinyan

The article deals with the study of the methods of naming and addressing the creator of the Russian literary language A.S. Pushkin and the founder of Kazakh written literature Abai Kunanbayev. The study was carried out on the material of two subcorpora: texts about Pushkin and Abai. The total volume of the corpus was 79 texts (89,286 words). The genre composition of the corpus is diverse and includes articles, essays, letters, social network texts, poems, interviews, lectures, notes. It is pointed out that numerous names and addresses to A. Pushkin and Abai, expressed by artistic means, reveal the glory and love of the people for the poets, show the diversity of attitudes to and perceptions of Pushkin and Abai, help to understand in what context and with what connotation their names were mentioned, emphasizing various aspects of their personality and heritage.

Key words: corpus, image, poet, nationality, names, addresses, heritage, artistic device.

Казачкова Мария Борисовна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Одинцовский филиал Московского
государственного института международных
отношений (университет), г. Одинцово, Российская
Федерация.

Доцент кафедры английского языка.

ORCID: 0000-0002-0357-3010.

E-mail: m.kazachkova@odin.mgimo.ru.

Ширинян Марине Витальевна.

Первый Московский государственный
медицинский университет им. И.М. Сеченова
Минздрава России, г. Москва, Российская
Федерация.

Старший преподаватель Института лингвистики и
межкультурной коммуникации.

Педагогический дизайнер Центра

лингвистического образования

АО «Издательство "Просвещение"», г. Москва,
Российская Федерация.

ORCID: 0000-0001-7912-5487.

E-mail: marina1810@mail.ru.

Kazachkova Mariia Borisovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Moscow State Institute of International Relations (the
Odintsovo Branch), Moscow, Russian Federation.

Associate Professor, PhD in Philology.

ORCID: 0000-0002-0357-3010.

E-mail: m.kazachkova@odin.mgimo.ru.

Shirinyan Marine Vitalyevna.

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University,
Moscow, Russian Federation.

Assistant Professor *of* Institute of Linguistics and
Intercultural Communication.

Educational Designer at the Centre of Linguistic
Education at JSC "Prosveshcheniye" Publishers,
Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-7912-5487.

E-mail: marina1810@mail.ru.

Научная статья
УДК 82.091:82-1
DOI: 10.5281/zenodo.14513574

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ О СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

© 2024 *О.Н. Проваторова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»
ORCID 0009-0006-2251-7109



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются христианские мотивы в современной военной поэзии о специальной военной операции, с одной стороны продолжающей традиции военной поэзии и в то же время являющейся новаторским явлением в рамках современного литературного процесса. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время в литературоведении наблюдается интерес к изучению русской литературы в контексте православной духовной традиции. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка лексем для анализа, литературоведческий, культурологический, религиоведческий комментарий. Христианские мотивы, найденные и интерпретированные автором, систематизированы и проанализированы в соответствии с частотностью употребления в стихотворных текстах. Особое внимание уделено наиболее частотным мотивоформирующим образам – Бог, Крест, ангел, Мария (Богородица), Христос, Каин и Авель, диавол (антихрист, сатана, зверь) и др. и связанным с ними мотивам. Сделаны выводы о специфике христианских мотивов в стихотворениях сборников Великий блокпост. Антология донбасской поэзии 2014 – 2022 гг. 2-е изд. – СПб.: Издательство Лира, 2023 и Поэзия русского лета. – Москва: Эксмо, 2023.

Ключевые слова: мотив, христианские мотивы, образ, современная военная поэзия, православие, духовность, Бог, Крест, ангел, Мария (Богородица), Христос.

Для цитирования: Проваторова О.Н. Христианские мотивы в современной военной поэзии о специальной военной операции / О.Н. Проваторова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 100–113. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14513574>.

Важнейшие события в жизни страны всегда находят отражение в литературе. Специальная военная операция – судьбоносный для России исторический период. Русские писатели и поэты всегда отождествляли себя с родиной, переживали за нее и страдали вместе с ней, поэтому традиции русской военной прозы и поэзии имеют продолжение сейчас – в прозе и поэзии о специальной военной операции на Украине и сражающемся Донбассе, событиях на внешних и внутренних фронтах. Мы считаем, что можно говорить о продолжении славной традиции русской литературы – военной поэзии, всегда первой откликающейся на военные события и их отражение в жизни и душе человека. Целью данной статьи является исследование христианских мотивов и образов, специфики их художественного воплощения в современной военной поэзии о СВО.

С конца XX века в литературоведении наблюдается интерес к изучению русской литературы в контексте православной духовной традиции, а в настоящее время – современной русской прозы и современной русской поэзии о специальной военной операции. Исследователи отмечают, что «в произведениях (об СВО) указывается

основной мотив войны в Донбассе 2014-2022 гг. и специальной военной операции – сохранение Русского мира, его духовных основ и традиционных ценностей вообще» [Образы войны в поэтическом сборнике «Поэзия русского лета [11, с. 62]. И. А. Есаулов в своей книге «Русская классика. Новое понимание» проводит мысль о том, что «осмысление в художественном творчестве христианской сущности человека и христианской картины мира, имеющее трансоисторический характер, свидетельствует о собственно христианской традиции», и «вполне правомерно рассматривать поэтику русской литературы в контексте православной культуры» [4, с. 19, с. 20]. В. Н. Захаров в статье «Русская литература и христианство» обосновывает мысль о том, что русская литература всегда была христианской [5, с. 5]. А. М. Любомудров свои работы посвящает исследованию проблемы соотношения христианства и литературы [7].

Изучение русской современной русской поэзии о специальной военной операции в контексте православной духовной традиции только начинается, например, этой теме посвящены исследования В. М. Мокиенко [10].

Представляется необходимым определиться с понятием мотива в литературоведении. «Сюжет – это тема, в которой снуют разные положения – мотивы», писал А.Н. Веселовский [1, с. 500]. Б. М. Гаспаров считает, что в роли мотива может выступать любое смысловое пятно – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т.д.; единственное, что определяет мотив – это его репродукция в тексте [3, с. 34]. В. М. Маркович отмечает, что любые мотивы начинают звучать символически, лишь вступая в смысловые взаимоотношения с другими. В итоге формируется мерцающий лирический подтекст, сообщающий «особое, изнутри исходящее смысловое напряжение и некоторое дополнительное содержание» [8, с. 283]. И. В. Силантьев, говоря о мотиве в лирике, указывает на слияние лирического мотива и темы, важным является и указание исследователя на интертекстуальность мотива как эстетически значимой единицы [12, с. 96]. В. Е. Хализев определяет мотив как компонент произведений, отличающихся повышенной значимостью и семантической насыщенностью [13, с. 302]. Исследователи также говорят о знаковости мотива – как в его повторяемости от текста к тексту, так и внутри одного текста [6, с. 245]. Нам представляется важным понимать, говоря о христианских мотивах – мотивах, связанных с Христом, с православной верой – в лирических текстах и интерпретируя их, что именно мотив как повторяющийся образ в лирическом произведении имеет особое значение для понимания авторской позиции, авторского замысла, отражает концепцию мира автора, метафорически концентрируя в себе иносказательные сверхсмыслы. Мы считаем, что возможно говорить о связи образа и мотива в поэтике художественного текста. Ведь «образ получает в мотиве возможность для развития, пополнения, возможность сохранить множество смыслов при сохранении определенного единства» [6, с. 245]; «в художественном образе общее выступает в своем индивидуальном своеобразии и неповторимости»² [19, с. 244]. В связи с вышесказанным нами была предпринята попытка анализа ключевых образов, составляющих христианские мотивы в стихотворениях анализируемых сборников.

Русское книжное слово возникло как слово христианское. Это было слово Библии, литургии, жития, слово Отцов Церкви и святителей. Религиозные темы, образы, мотивы были частью русской литературы со времени ее возникновения, связь русского искусства в целом и литературы в частности с христианством, обращение к сюжетам Священного Писания можно проследить на протяжении всей истории.

² Мясников А. Образ // Словарь литературоведческих терминов / Под ред. Л.И.Тимофеева и С.В.Тураева. – М.: 1974. – С. 244.

Русской литературе свойственны поиски истины и Добра, она ориентирована на высшие, абсолютные, христианские ценности.

Культура России формировалась под воздействием Православия, в современной России в связи с переломным сложным периодом возрождается интерес к православной культуре, духовно-нравственным ценностям, основанными на ней. Особенно ярко это проявляется в военной поэзии о специальной военной операции на Украине, ведь в настоящее время как никогда актуальны вопросы о жизни и смерти, душе и духе, а без обращения к православию не найти ответы на них.

Связанные с христианством образы, сюжеты, имена исследователями принято называть библеизмами³.

Прежде чем перейти к литературоведческой интерпретации христианских мотивов в стихотворениях рассматриваемых сборников, считаем необходимым проанализировать тексты на уровне лексики, в особенности рассмотреть частотность употребления некоторых лексем, представляющих христианские мотивы. Таким образом мы сможем определить ведущие образы, образующие христианские мотивы.

За основу классификации мотивов мы взяли словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы под ред. Е.К. Ромодановской [20, с. 11 – 63], в котором представлены и систематизированы библейские мотивы, расширив ее представленными в стихотворных текстах мотивами.

Материалом исследования послужили стихотворения сборников Великий блокпост. Антология донбасской поэзии 2014–2022 гг. 2-е изд. – СПб.: Издательство Лира, 2023. – 432 с. (234 стихотворения) [14]; Поэзия русского лета. – Москва: Эксмо, 2023. – 408 с. (322 стихотворения) [15].

В текстах сборников христианские мотивы и образы встречаются достаточно часто. Всего мы выявили 61 реализацию в сборнике «Великий блокпост. Антология донбасской поэзии» из 234 стихотворений (были взяты тексты 2019 – 2022) и 74 реализации в сборнике «Поэзия русского лета» (из 322 стихотворений). Наиболее частотной является лексема *Бог (Господи, Господь, Боже)* – 29 употреблений (сборник «Поэзия русского лета»), 12 употреблений («Великий блокпост. Антология донбасской поэзии»); *ангел (ангелы)* – 6 и 7; *крест и производные* – 8 и 10; *Мария (Богородица)* – 15 и 2, *молитва* – 10 и 5; *Христос, Иисус, Спаситель, Мессия* – 8 и 7; *бесы, нечистый дух, черт* – 10 и 1; *диавол, антихрист, сатана, зверь* – 5 и 2; *Каин и Авель* – 6 и 1; *воскресение* – 5 и 3, *ад* – 2 и 6; *Страшный суд* – 3 и 2. Ряд лексем – *Рождество, Пасха, Троица, архангел, небеса, рай, икона, Сын (Младенец), апостол (апостолы), Лазарь, Иуда, грех, Хам, Анна, Левиафан, святые, ладан, Серафим, потоп, Ной, ковчег, Вифлеем, Адам и Ева* – встречаются от одного до трех раз.

Проанализируем наиболее частотные мотивоформирующие образы. Одним из таких является образ **Бога** (встречаются также лексемы *Господи, Боже, Господь*). Мы считаем мотив обращения к Богу, надежды на его защиту, упование на него одним из доминирующих мотивов в стихотворениях анализируемых сборников, подтверждением чему является самое большое количество лексем *Бог, Господь, Боже* и примыкающей к ним лексемы *молитва* (обращение к Богу) – в общей сложности – 17 и 39.

Русский солдат обращается к Богу с надеждой на помощь, ведь дело его правое и других надежд не осталось: «С поддержкой огневой в пыли святых дорог / вы будете со мной, и с нами – русский *Бог*» [15, с. 17]; «Говорят, что не может пять лет болеть, / Говорят, *Господь* с вами, какая боль» [15, с. 32]; «Говорят, не можешь, а всё живешь, /

³ Чаше этот термин используется в лингвистических исследованиях, мы будем использовать термин «христианские, библейские мотивы».

Говорят, не веришь – вложи персты. / А узнаешь правду – поймешь, где ложь. / Вот и Бог с тобой или с Богом ты» [15, с. 33]; «Из пепла встаёшь, к небесам взываешь: / нам прибавилось силы, приросло, открылось, / Русское вона где сохранилось! Вона где уберегли, что всего дороже! / Какие они тут красивые люди, *боже!*» [15, с. 49]; «Взял клинок убитый Авель в скорбех: / – Как же мне тебя теперь возлюбить? / Как о мире вострубить? / Разве хлеба нарубить, / Чтобы досыта хватало на всех. / Чтобы *Господа* хватало на всех» [15, с. 57]; «И Серёга приходит в рай – а куда ещё? / Тень с земли силуэт у него чернит. / И говорит он: «*Господи*, у тебя тут течёт, / кровавый дождь отсюда течёт, / давай попробую починить» [15, с. 91]; «Я проснулась и вспомнить никак не могла, / Что там был за город, где среди предсмертного полумрака / Я нашла тебя, *Господи*, я тебя наконец нашла, / И стали мы одинаковы» [14, с. 100]; «А я? А как же я? Скажите? / Мне остаётся груз моей вины / И память, как небесный Вседержитель, / И эти сны [15, с. 118]; «Пусть живыми останутся, *Господи Боже Ты мой!* / Пуля мимо пройдет, и осколок шальной отклонится. / Дай им, *Господи Боже*, живыми вернутся домой» [15, с. 145]; «Кровь России течёт. Я прошу – дай нам, *Господи*, силы / Стать единой семьёй в нашей будущей общей судьбе» [15, с. 147]; «Мы приникли к июльской мяте. / И любовь изо рта течёт. / Нам *Господь* говорит: «Стреляйте!» / «Не стреляйте», – смеётся чёрт» [15, с. 160]; «Бог с гвоздями / в руках / для Запада – / первый враг» [15, с. 168]; «Вбей, малыш, / в переводчик Яндексa / Стих простой: / Я вернусь. / Человеке, / радуйся! / Бог с тобой» [15, с. 169]; «И бирюза небес над степью окрасит глаз, / и канет в Лету лихолетье, и Бог воздаст» [15, с. 280]; «Мы священные, мы убогие, / мы у *Боженки* в рукаве. / И глаза Его слишком строгие. И следы Его на траве» [15, с. 283]; «*Господи Иисусе*, как же страшно, / стало минное поле, была пашня. Небо черно от дыма, глаза режет. *Господи*, мы одержимы, мы – нежить» [15, с. 291]; «выжженная земля – / это я. это я. / Господи прости: / не могу цвести» [14, с. 266]; «Незамеченный никем, незримый, / вёл *Господь* свой маленький отряд. / Ещё долго сладкий привкус мира / оставался на губах солдат» [14, с. 328]; «Горит мой город, дождь идёт как будто / свеча горит, и это видит *Бог*» [14, с. 336].

Молитва показана в Писании важнейшей стороной отношений между Богом и людьми. Она служит отличительным признаком Божьего народа, и в ней выражаются человеческие нужды, а также Божья любовь и Его обеспечение. В Библии молитвы связываются, в первую очередь, с просьбой о помощи. «Иисус напоминает нам, что она может совершать удивительные вещи: «Если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: «исторгнись и пересадись в море», то она послушалась бы вас» [18, с. 629].

Русские люди в молитве в самые страшные минуты обращаются к Богу, просят защитить своих родных и близких, просят защиты для себя, мы видим это в анализируемых стихотворениях: «Я твоя русская девочка: / Красный крест, белый бинт, чистый спирт... / В мясорубке расчеловечивания / Будет щит тебе / Из моих *молитв*» [15, с. 110]; «Поле дикое, цель опознана, / от винтовки саднит плечо. / *Помолитесь*, религиозные, / будет страшно и горячо» [15, с. 289]; «но где-то посреди великой битвы / я слышу зов: вверху, на небесах / поют живые нам свои *молитвы*...» [14, с. 333]; «твоя *молитва*, мама, будто щит» [14, с. 400]; благодарят Господа: «По чужому стрелять, своего прикрывать, что есть силы, / повторять: «Слава Богу!» Живой! Слава Богу! Живой!» [15, с. 278].

Таким образом, наиболее частотные образы в стихотворениях анализируемых сборников – *Бог, Господи, Боже, Господь, молитва* и производные образуют мотив общения человека с Господом, неразрывной связи с ним, мотив защиты, мотив надежды на спасение, на то, что вера в Бога может победить страх смерти, при всех

физических и нравственных страданиях, в условиях нечеловеческого существования не потерять человеческого лица, остаться человеком, образом Божиим на земле.

Следующая часто встречающаяся лексема и мотивоформирующий образ – **ангел** (ангелы). В словаре библейских образов отмечается, что «Ангелы служили и продолжают служить Божьими представителями при осуществлении Его суда. Это одна из основных функций ангелов, показанных в Апокалипсисе (откровение Иоанна Богослова). Семь ангелов трубят в семь труб Божьего суда, семь ангелов несут семь последних язв, четыре ангела, связанных при Евфрате, освобождаются, чтобы умертвить третью часть человечества. Эта ужасная и разрушительная работа ангелов по излиянию Божьего гнева проявлялась также в некоторых событиях Ветхого Завета» [18, с. 39].

Следовательно, ангелы, в первую очередь, – сверхъестественные существа, тесно связанные с деятельностью Самого Бога. Они окружены божественной аурой. Встреча человека с ангелом – в определенном смысле, встреча с Божеством. Ангелы известны нам не как личности с выраженными индивидуальными чертами, а как посредники. Главные их функции – прославление Бога на небе, возвешение и донесение Божьих посланий до людей, обеспечение водительства и защиты в жизни человека и приведение в исполнение Божьего суда.

Каким же образом служат ангелы Господу? Об их служении многократно сообщает Ветхий Завет. Само слово *ангел* в переводе с греческого означает ‘вестник’: ангелы возвешают людям волю Творца. Именно ангел останавливает руку Авраама, готового принести в жертву сына Исаака, Архангел Михаил является Иисусу Навину под неприступными стенами Иерихона и предвещает победу. В Книге Судей ангел является Гедеону и посылает его спасать Израиль от поработителей. Ангел избавляет трех отроков от сожжения в печи огненной.

У ангелов есть еще одна миссия – воспевать и славить Творца. По сути, это означает пребывать в том состоянии, в котором и должно пребывать созданное Богом существо. И мы, люди, подхватываем за ангелами их песни: «Свят, свят, свят Господь Саваоф...», потому что тоже рождены для того, чтобы пребывать в Боге, радоваться Ему и славить Его.

Наше духовное родство с ангелами очевидно: ведь мы дети одного Отца, одного Создателя, и причина создания – как ангельского мира, так и нашего – тоже едина: Божия любовь, благодать, стремящаяся к тому, «чтобы благо разливалось, шло далее и далее, чтобы число благодетельствованных было как можно большее» – так пишет святой Григорий Богослов. У нас со светлыми духами общая история, общее служение – «Ныне силы небесные с нами невидимо служат...» – и общее торжество: «Да веселятся небесная, да радуются земная, яко сотвори державу мышцею Своею Господь, попра смертью смерть...» [2].

В ряде текстов авторское понимание образа ангела отчасти соотносится с его религиозным пониманием как *исполнителя воли Божией*, как *вестника* и как *защитника*: «Ты же мой русский мальчик: / Война, ополчение, умереть за Отечество... / Ничего не меняется, / Ничего не меняется, / Бесы скачут, / Ангелы ждут на пороге вечности» [15, с. 110]; «Господи, присмотри за мной, установи слезку, / приставь ангела, чтобы рука не дрогнула <...> [15, с. 291]; «Есть кто живой здесь? Отвори! / И выйдет ангел мне навстречу. / И скажет ангел: / – Говори. / И я ему за всё отвечу» [15, с. 400]; «Я живу под крылом у Ангела, смотрю вокруг и уже не плачу» [14, с. 374].

Но в большинстве случаев образ ангела не сохраняет библейского содержания в полной мере, а отражает бытовое мифологизированное его восприятие – ангелами становятся невинно убиенные люди, ангел – чистый, невинный человек: «Воронки,

воронье, война... / Мария – дочь степи донецкой, / несчастный *ангел* бытия, / лишенный *ангельского* детства» [15, с. 285]; «Я убила столько, что мне приснилось, / как отец спустился с небес к ставочку / белолицым *ангелом* – Божья милость – /и сказал мне: "Машенька, хватит, дочка!"» [15, с. 298]; «Прозвенит будильник полупьяный, / подмигнет автобусная касса/и водитель, *ангел* неустанный, / снова двинет в сторону Донбасса. / Он не знает, живы ли родные, /он звонил с утра – не достучаться. / Он забыл, что делал здесь, в России. / Может, он погиб под Лисичанском. / На зеленом краешке столицы он беззвучно дрыхнет до побудки, / и ему не могут дозвониться /золотые девочки-погодки. / *Ангел*, опаливший оперенье/в рейсе под стальными небесами, / прибывает ровно в воскресенье, / у него такое расписание» [14, с. 315]; «Первого сентября / они входят в райские классы / и садятся за райские парты. / Белые. / *Ангелы*. / Донбасса» [15, с. 331].

Показательно и то, что эти образы не имеют характерных признаков – труб для извещения о Страшном суде, белых одежд (кроме отдельных случаев «белые ангелы Донбасса»), огненных мечей и т.д.

Таким образом, несмотря на то что образ ангела встречается в стихотворениях анализируемых сборников достаточно часто, тем не менее, он не насыщен библейским содержанием, образуя *мотив невинно убиенных людей, чистых и невинных*.

Образ **Креста** встречается в анализируемых текстах в качестве мотивообразующего достаточно часто. Святой Крест – религиозный символ Христианства, свидетельство искупительной Жертвы Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, Спасителя мира, претерпевшего мученическую смерть за грехи всего человечества через распятие на Кресте. «В Евангелии от Иоанна понятие "вознесения" как части процесса прославления связано с распятием Иисуса. Здесь крест символизирует победу. В образ креста Павел привнес богословский смысл, его интересовало прежде всего спасительное значение креста как символа искупления (воссоединения), а не историческая реконструкция события. Страдание и смирение Иисуса на кресте Павел рассматривал как проявление послушания, благодаря которому было достигнуто искупление (избавление). Мысли Павла о кресте, в частности о распятии Мессии, не соответствовали общепринятым представлениям о спасении в греко-римской и иудейской религиях. Это, скорее, было выражением божественной мудрости. Крест стал связываться не только со смертью Иисуса, но и, что более важно, со всеми составляющими христианского спасения. В образе креста раскрываются сила и мудрость Бога. Крест – яркий символ всеохватывающего примирения: он устранил разрыв между человеком и Богом, разрушил преграды между иудеями и язычниками и восстановил все мироздание» [18, с. 561].

Образ креста образует мотивы защиты, человек ждет защиты от Бога, крест как символ Бога: «Вчерашняя школьница с чертами иконописными, / неумело *крестясь*, / закроет собой колыбель» [15, с. 158]; «Её платьице – бедность мрачная, / её *крестик* – металл да нить» [15, с. 270]; «Да это же бес в маскировке: плоть, синие жилы, / всё как у всех – комар на лице простом.../ На цепь его посадить, под требник Петра Могилы / склонить с заклинательными молитвами и *крестом!*» [15, с. 243]; «Пальцы мои бесколечные / *крестят* небо над городом. / А за кровавою речкою – вороны, вороны...» [15, с. 290]; «За спиною две сотни жизней, / на груди православный *крест*» [15, с. 295]; «С нами *крестная сила* и сила дедов и отцов, / перемолотых бойней и временем верных бойцов, / беспокойных, обиженных наших живых мертвецов / с чёрно-белым лицом» [14, с. 331], а также *мотивы мученической смерти, пути страдания, по которому идут воины и все, кого коснулась война* (мученическая смерть и путь страдания соотносимы со смертью Христа на кресте): «Он один как перст, Он несёт свой *крест* /и будет на нём

распят [15, с. 212]; «А мы войны святые дети, / а мы войны священный *крест* / несём и, в общем-то не ропщем» [15, с. 285]; «Иверский монастырь. / Смятый прилётом *крест*. / Смерть после смерти: ты / умер, но не воскрес, смертью смерть не поправ» [14, с. 289]; «Торчат, чернея дымоходы, / как в небо перст. / День ото дня и год от года / неси свой *крест*» [14, с. 296].

В период Великой Отечественной войны в стихотворных текстах после долгого периода атеизма и космополитизма появился символ Креста как первый и главный для русского православного человека. Мы видим этот образ в военных стихотворениях К. Симонова «Как будто за каждой русской околицей, / *Крестом* своих рук ограждая живых, / Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся / За в Бога не верящих внуков своих. // Ты знаешь, наверное, все-таки Родина – / Не дом городской, где я празднично жил, / А эти проселки, что дедами пройдены, / С простыми *крестами* их русских могил» [17, с. 120].

Вера русского народа во всё её величии проявилась в Великую Отечественную войну, именно она сделала русского солдата освободителем от фашизма и защитником. Ведь именно крест – «Крест, хранитель всея вселенныя, крест, красота Церкви: крест, царей держава: крест, верных утверждение: крест, ангелов слава, и демонов язва» (Светилен Кресту) – с русским солдатом, с русским народом на его страдальческом пути: «Свое израненное тело / Уже я нес в огонь атак. / Тебе Россия петь велела? / Я ей не изменю и так. // Скажи ей про меня: не станет / Солдат напрасно отдыхать, / Как только раны чуть затянет, / Пойдет солдат на бой опять. // Скажи ей: не ища покоя, / Пройдет солдат свой *крестный* путь. / Ну, и сыграй еще такое, / Чтоб мог я сердцем отдохнуть...» (К. Симонов «Слепец», [17, с. 143]). Здесь мы видим общность мотивов поэзии Великой Отечественной войны и современной военной поэзии о специальной военной операции, объединенных образом Креста – русский солдат отдаёт свою жизнь за свой народ, проходя мученический путь, принося себя в жертву.

В стихотворениях сборников интересным образом модифицируется образ **Марии**. Сохраняя ценностно-смысловую организацию, он наполняется современным содержанием. Используется именно имя – Мария, а не Богородица, чтобы максимально приземлить образ, соотнести его с образом простой женщины. Этому способствуют и бытовые детали, например: «С холма открывается город *Марии*: / приморские липы в начале тепла. / Мы только недавно с тобой говорили / про город, откуда *Мария* ушла. / *Мария* ушла до начала обстрела, / схватила детей, повязала платок. / Она, получается, чудом успела, уборку и борщ отложив на потом» [15, с. 122]; «И *Мария*, шахтёрская дочь, / словно маленький загнанный зверь, / всё стоит и стоит у окна, / а в окне пустота, краснота. / И надломлены руки её, / и не снять уже ими бельё. / И предчувствие скорой беды, / словно запах гниющей воды» [15, с. 282].

Как отмечается в Словаре «Образы, чаще всего ассоциирующиеся с Марией, относятся к разным сторонам Её жизни: ангел, явившийся Ей при благовестии; послушание, выразившееся в заявлении: «Да будет Мне по слову твоему»; девственность; жених и муж Иосиф; тот факт, что Она родила в сарае и положила новорожденного в ясли; бегство в Египет на осле и страдания у креста. Предание, возвышающее Марию как единственного Человека над всем обычным человечеством и даже человечеством как таковым, упускает из виду главное. Согласно новозаветным рассказам, Мария отнюдь не выделяется из числа обычных женщин. Она не Царица Неба, не женский символ в Троице и не богиня. Она не служит олицетворением матриархальных отношений или плодородия. У Нее нет никаких титулов или особой власти на небе. Она простая женщина, ответившая с верой на уникальное в своем роде

призвание. На самом деле именно обычность делает Ее столь необычной. Нам следует помнить о Ней как о «благословенной между женами», олицетворяющей добродетели, которые, если не считать рождения Спасителя мира, доступны любой женщине. В Своем качестве Обычной Женщины Она исполняет множество ролей – смиренной Служительницы Бога, идеальной девственницы, образцово преданной матери, ученика Христа, соучастницы страданий Христа» [18, с. 601].

Мария олицетворяет собой образ скорбящей Матери, находившейся рядом с Сыном, когда Он подвергался мучениям и страданиям на кресте. Именно этот образ Обычной Женщины, Обычной Матери в анализируемых нами стихотворениях формирует *мотив материнской любви, мотив материнской скорби по страдающему сыну, мотив матери, потерявшей сына*: «Цветное фото; «не рыдай Мене, Мати, / Зрящи во гробе»: смерть была прежде» [15, с. 79]; «Имя горькое твоё – *Мария*, / имя твоё *убийственное*» [15, с. 290]; «Сержант Смирнов / смотрел на это дело / И удивлённо / презирал печаль, / А рядом с ним / *Мария* песню пела, качаясь как солдатская медаль» [15, с. 173]; «Кто читает эти чёртовы сводки? / Налей мне водки, промой мои раны, / мы с тобой в подвале сидим, как в подводной лодке, / имени русой *Марии*, имени плачущей *Анны*» [15, с. 269]; «Эта девочка – достоверная, / как война, что в моём окне. / На ладонях кресты да линии, на глазах пелена дождя, / эту девочку звать *Марию*. / И она на две трети я» [15, с. 270]; «Приносили его на щите, / и *Мария* губами к щеке / припадала, и плакала мать: «Положите его на кровать!» / Он был хладен, безмолвен и сер, / и был день – беспросветный четверг» [15, с. 284]; «Воронки, вороньё, война... / *Мария* – дочь степи донецкой, / несчастный ангел бытия, / лишённый ангельского детства» [15, с. 285]; «Лицом сурова, черна глазами, / стоит *Мария* под образами, / в руке просвира – и голос сверху: «Оставь печали при входе в церковь!» / Крестись истошно, молись о мёртвых, / целебен воздух церковно спёртый. / Не плачь, *Мария*, молись, *Мария*, / молитва – та же анестезия» [15, с. 286]; «В степь *Мария* вырастает нервами, / в них одна на двоих душа. / Точным выстрелом – пулей глупую. / Смерть *Марии* теперь как мать. / Поле выстлано будет трупами, / ночью станут их собирать [15, с. 289]; «И моя *Мария* – доченька Николаева – полушёпотом молится Богородице» [15, с. 292]; «Глаз *Марии* предельно зоркий, / музыкален девичий слух. / За спиною две сотни жизней, / на груди православный крест» [15, с. 295]; «А с неба не снег, а серые лепестки пепла. / *Мария* лежит, и горы над ней огромны, / но *Мария* не видит горы – она ослепла, / вращая хребтом в донецкие чернозёмы. / Она захлебнулась огнём, прикрывалась дымом, / ползла, а после бежала к густой зелёнке, / держала винтовку крепко, так держат сына, / младенца, завёрнутого в пеленки» [15, с. 300]; «А в Донецке цветёт магнолия / медовая бесконечная. / Много ль знаю о боли я, / много ль знаю о смерти я? / На бульваре торгует ландышами – / цветами из Красной книги – / просто женщина ненакрашенная. / Приглядишься – глаза *Марии*» [14, с. 350]; «Мы отходили. Медленно и больно. / И скорбный образ горловской *мадонны* / над нами плыл» [14, с. 329].

Следующая доминирующая лексема и мотивоформирующий образ – **Иисус, Спаситель (Спаситель на кресте)**.

В евангельских рассказах о крестных муках Иисуса били, от Него отвернулись и никто не вступился за Него; над Ним издевались и глумились, и в конце концов Он подвергся позору публичной казни в обнаженном виде. Он предстает Тем, Кто испытал самую мрачную и трагическую сторону жестокости, не проявляя при этом психологического настроения «жертвы». Он страдал, демонстрируя верность и негибимость, но понимал, что совершается насилие, и тем самым служил образцом надежды, что есть Бог, Которого глубоко волнуют страдания, несправедливость и боль.

Он сопереживает нашим страданиям. Смерть Спасителя на римском кресте послужила парадоксальным Божьим средством осуществления спасения путем принятия на Себя скорбей Израиля и мира. Образ Иисуса как Спасителя настолько тесно связан с Богом, что в Послании к Титу два образа сливаются в единый образ «великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа». В распятии и воскресении Иисуса библейская история спасения достигла кульминационной точки. Возвращение Спасителя во славе есть «блаженное упование» церкви. Это будет моментом восстановления Спасителем всего сущего» [18, с. 424].

Образ Иисуса Христа реализует мотив мученической смерти, страдания, через которые проходят войны, поэтому в основном используется образ Спасителя, распятого на кресте, Христа с венцом, Христа во гробе: «И здесь плавится сталь, а живое убить непросто вот: / В каждом раненом дереве тень *Спасителя на кресте*» [15, с. 30]; «Жаркая молитва / образу *Христа?* / Наша с ними битва / будет непроста» [15, с. 129]; «А кому и эти слова / мои нипочём, / Пусть закроют / глаза и увидят *Христа* с бичом» [15, с. 166]; «Арамейский глагол / По-пушкински / Жжёт сердца. / Пётр с Андреем / *Иисуса* слушают / Без конца» [15, с. 169]; «Тот, по чьей молитве Лазарь воскрес – верь не верь, но так говорят, – Он один как перст, Он несет свой крест / и *будет на нём распят*» [15, с. 212]; «Две тысячи лет *Он* один ходил, / а сегодня ведёт десант» [15, с. 212]; «И Георгий вознёс копьё, / и разящее остриё / отливает огнём и дымом. / Где венец не снимал *Христос* / из осколков кованых роз / и земля ходуном ходила, / все, кто рос на войне, – герой. / Все, кто пали, пополняют строй / ополчения Михаила» [15, с. 396]; «За Донбасс! На иконе там / у рыдающего *Христа* / на щеках высыхают слёзы» [15, с. 396]; «Эх, Родина, уснут в твоей утробе / смиренные, яко *Христос* во гробе, / солдаты, погибавшие за нас» [14, с. 329]; «И, значит, сегодня *я буду распят*» [14, с. 378]; «Трофей надвину на глаза: «*Христос* меня храни!»» [14, с. 416].

Таким образом, несмотря на то что образ Иисуса Христа многогранен, в анализируемых текстах представлена только одна из его ипостасей – Христос как мученик за веру, Христос Спаситель, при этом реализуется мотив мученической смерти. Образ война соотносится с образом Христа.

В стихотворениях сборников встречаются образы Каина и Авеля. О Каине в Ветхом завете сказано следующее. Однажды **Каин и Авель** принесли жертву Богу. Каин принес в жертву плоды земли, а Авель – первородного овна из своего стада. Но Авель приносил жертву с верою в обещанного Спасителя и с молитвой о помиловании, а Каин приносил ее без веры и смотрел на нее, как на свою заслугу перед Богом. Поэтому жертва Авеля была принята Богом, а жертва Каина – отвергнута. Увидев предпочтение, оказанное брату, и видя в нем явное обличение своих «злых дел», Каин сильно огорчился, и омраченное лицо его поникло. На нем появились зловещие черты. Но милосердный Бог, желая, чтобы Каин исправился, предостерег его от злого дела. Каин не послушался Божьего призыва и отворил греху дверь своего сердца. Зазвав своего доверчивого брата в поле, он убил его, – совершив невиданное еще землею злодеяние. Страшное преступление, которое впервые внесло в порядок природы смерть и разрушение, не могло остаться без наказания.

«Где Авель, брат твой?» – спросил Господь Каина. «Не знаю, разве я сторож брату моему?» – с дерзостью отвечал убийца. В этом ответе можно видеть, какой страшный шаг вперед сделало зло со времени падения прародителей. Эта дерзость, это бесстыдное отрицание не допускали возможности дальнейшего испытания Каина, и Господь произносит ему приговор: «...Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» [16].

Имя Каина навсегда и неразрывно связано с братоубийством, необузданным гневом, образом проклятого скитальца. Авель веками остается символом послушания и праведности по вере. Он символизирует тех, кто погиб за праведные дела, невинных мучеников, пострадавших за свою преданность Богу.

Эти смыслы воплощены поэтами в ряде стихотворений сборников, в них представлен библейский мотив убийства Авеля братом его Каином, где образ Каина формирует мотив предательства: «Только б не было поздно, на чашу весов небесных / Не легло бы предательство *каиновой печатью*, / И не стало б в земле от могил свежeverытых тесно» [15, с. 27]; «Помнишь, *Каин*, я спросил, где твой брат? / Ты расстреливал как раз тот парад, / Где фильтрованный «Азов» / После каялся с азов, / Только не было дороги назад» [15, с. 56]; «В дни мира приулягутся под спудом, / в дни смуты зачинают новый рух: / предательства, братоубийства, блуда – / един в трёх лицах – *Каин*, Хам, Иуда, / тень Святополка и Нечистый дух» [15, с. 229]; *мотив братоубийственной войны*: «Где мать – вдовица, а дочь – сиротка, / где *брат* *вгрызается брату* в глотку» [15, с. 286]; «А я живой, у меня жена и сын, / и мечта о мире, в котором *Каин Авеля* не убил» [14, с. 229]; «Ну подсаживайтесь, что ли ко мне: / *Каин* слева, *Авель* справа – под бок, – / Говорил на небе Бог, / Говорил усталый Бог, – / Перетрём о восьмилетней войне» [15, с. 56]; образ Авеля – *мотив противостояния силам зла*: «*Авель* помнит, что всюду *Каины*, / только высунешься – убьют» [15, с. 283]; *мотив погибающих за праведные дела, невинных мучеников*: «*Каин* финку на поднос, / *Авель* хлебушка принёс» [15, с. 56]; «Взял клинок убитый *Авель* в скорбех: / Как же мне тебя теперь возлюбить? / Как о мире вострубить? / Разве хлеба нарубить? / Чтобы досыта хватало на всех. / Чтобы Господа хватало на всех» [15, с. 57].

Таким образом, образы Каина и Авеля, воплощающие в мировой культуре в первую очередь образ предательства, более подлого и жестокого от того, что брат убивает брата, формируют и в стихотворениях *мотив предательства*, *мотив братоубийственной войны*, *мотив противостояния силам зла (Авель)*, *мотив погибающих за праведные дела, невинных мучеников (Авель)*, реализуя в полной мере традиционный библейский мотив. Как отмечает Ю. В. Матвеева в статье «Поэзия Донбасса как документ и свидетельство» мотив братоубийства стал одним из постоянных в донбасской поэзии, «обращенной одновременно и к архетипическим, и к этническим, и к социально-историческим ее корням» [10, с. 17].

Образ **дьявола** также становится мотивообразующим в ряде стихотворений сборников. Дьявол это – падший ангел, восставший, по причине гордости, против Бога и в результате утративший своё высокое ангельское достоинство; сатана, глава падших духов. Злая деятельность дьявола, направленная на искушение людей, попускается Богом, в том числе, ради определения их свободной воли к добру. Дьявол всегда желает человеку только зла, его цель – гибель человека.

По свидетельству Св. Писания, начало греха идет от дьявола. «Кто делает грех, тот от дьявола, потому что сначала дьявол согрешил». «Падение для ангелов то же, что смерть для людей. Ибо после падения для них нет покаяния, как и для людей оно невозможно после смерти», пишет преп. Иоанн Дамаскин. «Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его» [18, с. 1024].

Дьявол становится «князем мира сего» через свою власть над людьми, отпавшими от Бога. Человек не может существовать автономно в духовном плане, либо он исполняет благую волю Бога, либо отдаёт себя во власть дьявола [16]. В Новом Завете мы видим множество образов и имен сатаны как главного врага Бога. Именно это представление реализуется в стихотворениях сборников, воплощая *мотив праведной*

войны против вселенского Зла, воплощенного в образе Сатаны, дьявола, поднимая военно-политическое противостояние на другой, духовный, уровень, придавая всему происходящему сакральный смысл: «Раздралась завеса, и тьма окрест, / и камень гробов разъят. / Но Иуда выдаст, а дьявол съест, / и Он отправится в ад» [15, с. 212]; «Когда исчадий Сатаны / оскал кровавый, / и что ни день кошмар войны / приходит в яви» [14, с. 319]; «Всем ховаться в погреб / и читать Псалтырь, / вон идёт их подлый / главный их упырь» [15, с. 128]; «С чьей помощью готовил Сатана / её паденье и её закланье?» [15, с. 230]; «Только я всё равно не забуду, не имею права, / как приходил к нам дьявол. / Переодетый. / Как однажды с нами случилось не Божье лето, / а Страшный суд» [15, с. 316].

В связи с этим интересен и мотивоформирующий образ **Страшного суда**, возникающий в ряде стихотворений. Поскольку Страшный Суд – последний, всеобщий Суд Божий над миром, который состоится при втором Пришествии Господа Иисуса Христа (при этом все мертвые люди воскреснут, а живущие изменятся и каждому будет определена вечная участь по его делам, словам и помышлениям в восприятии воюющих людей он уже наступил или вот-вот наступит, ведь то, что происходит сейчас на земле – это уже суд, и мы предстали перед Иисусом Христом, где будем судимы сообразно с делами своими. Страшный суд – это завершающий этап земной истории, которую творит человечество в целом и каждый человек в отдельности. Этот мотив, на наш взгляд, и реализуется через образ Страшного суда – *война как движение к концу земного существования*: «Частоколы да бурелом, / заминированы окраины, / человеческий Страшный суд» [15, с. 283]; «Только я всё равно не забуду, не имею права, / как приходил к нам дьявол. / Переодетый. / Как однажды с нами случилось не Божье лето, / а Страшный суд» [15, с. 316]; «Так снизойдёт ли благодатный? / Нет, гибельный – на Страшный суд / они придут, верша расплату: / и те, ко был убит когда-то, / и те, кого ещё сожгут» [15, с. 394]; «мать, сыра-земля, / не выдавай меня, / верная до последнего вздоха, / и после него верна: / примешь всегда / и сына, и дочь, / всё, чем могла помочь, – / принять, спрятать-схоронить / до Страшного суда» [14, с. 285].

Таким образом, в сборниках «Великий блокпост. Антология донбасской поэзии 2014 – 2022 гг.» и «Поэзия русского лета» нами были проанализированы наиболее частотные мотивоформирующие образы – Бог, Крест, ангел, Мария (Богородица), Христос, Каин и Авель, диавол (антихрист, сатана, зверь) и др. и выявлены связанные с ними мотивы.

Наиболее частотные образы в стихотворениях анализируемых сборников – *Бог, Господи, Боже, Господь, молитва* и производные – образуют мотив общения человека с Господом, неразрывной связи с ним, мотив защиты, мотив надежды на спасение, на то, что вера в Бога может победить страх смерти, при всех физических и нравственных страданиях, в условиях нечеловеческого существования не потерять человеческого лица, остаться человеком, образом Божиим на земле. Образ *ангела* встречается в стихотворениях анализируемых сборников достаточно часто, тем не менее он не насыщен библейским содержанием, образуя мотив невинно убиенных людей, чистых и невинных. Святой Крест – религиозный символ Христианства, свидетельство искупительной Жертвы Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, Спасителя мира, претерпевшего мученическую смерть за грехи всего человечества через распятие на Кресте. Образ *креста* образует мотивы защиты – человек ждет защиты от Бога, крест как символ Бога. Обнаруживается общность мотивов поэзии Великой Отечественной войны и современной военной поэзии о СВО, объединенных образом Креста – *русский солдат отдаёт свою жизнь за свой народ, проходя мученический путь, принося себя в жертву*.

В стихотворениях сборников интересным образом модифицируется образ *Марии*. Сохраняя ценностно-смысловую организацию, он наполняется современным содержанием. Используется именно имя – Мария, а не Богородица, чтобы максимально

приземлить образ, соотнести его с образом простой женщины. Мария олицетворяет собой образ скорбящей Матери, находившейся рядом с Сыном, когда Он подвергался мучениям и страданиям на кресте. Именно этот образ Обычной Женщины, Обычной Матери в анализируемых нами стихотворениях формирует мотив материнской любви, мотив материнской скорби по страдающему сыну, мотив матери, потерявшей сына. Образ Иисуса Христа реализует мотив мученической смерти, страдания, через которые проходят воины, поэтому в основном используется образ Спасителя, распятого на кресте, Христа с венцом, Христа во гробе. Несмотря на то, что образ Иисуса Христа многогранен, в анализируемых текстах представлена только одна из его ипостасей – Христос как мученик за веру, Христос Спаситель, при этом реализуется мотив мученической смерти. Образ воина соотносится с образом Христа.

Образы Каина и Авеля, воплощающие в мировой культуре в первую очередь образ предательства, более подлого и жестокого от того, что брат убивает брата, формируют и в стихотворениях мотив предательства, мотив братоубийственной войны, мотив противостояния силам зла (Авель), мотив погибающих за праведные дела, невинных мучеников (Авель), реализуя в полной мере традиционный библейский мотив.

Дьявол становится «князем мира сего» через свою власть над людьми, отпавшими от Бога. Человек не может существовать автономно в духовном плане, либо он исполняет благую волю Бога, либо отдаёт себя во власть дьявола. В Новом Завете мы видим множество образов и имен сатаны как главного врага Бога. Именно это представление реализуется в стихотворениях сборников, воплощая мотив праведной войны против вселенского зла, воплощенного в образе Сатаны, дьявола, поднимая военно-политическое противостояние на другой, духовный, уровень, придавая всему происходящему сакральный смысл. В связи с этим интересен и мотивоформирующий образ Страшного суда, возникающий в ряде стихотворений – война как движение к концу земного существования.

Не меньший интерес представляют и другие образы – Рождество, Пасха, Троица, архангел, небеса, рай, икона, Сын (Младенец), апостол (апостолы), Лазарь, Иуда, грех, Хам, Анна, Левиафан, святые, ладан, Серафим, потоп, Ной, ковчег, Вифлеем, Адам и Ева – не менее интересны, поэтому исследование современной поэзии о специальной военной операции в данном аспекте представляется перспективным.

Христианские мотивы в проанализированных стихотворных текстах при всех своих модификациях обращены к традиционной христианской основе, узнаваемы и важны для любого русского человека. Насыщенность христианскими мотивами современной военной поэзии о специальной военной операции поднимает поэзию на другой уровень, поднимая и развивая христианские идеи, кроме того, наличие в текстах основополагающих христианских образов говорит о понимании авторами справедливости и праведности войны против вселенского Зла, воплощенного в образе Сатаны, дьявола, что поднимает военно-политическое противостояние на другой, духовный, уровень, придавая всему происходящему сакральный смысл.

Христианские мотивы в современной военной поэзии о СВО позволяют увидеть происходящее сегодня в контексте вечности, полнее выразить трагичность происходящего с Россией и надежду на ее духовное возрождение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Веселовский А.Н. Историческая поэтика [Текст] / Ред., вступит. статья Ист. поэтика А.Н. Веселовского и прим. В.М. Журмунского; Ин-т лит. Акад. наук СССР. – Ленинград : Гослитиздат, 1940. – 648 с.

2 Православная вера. – 2022. – № 21 (713), ноябрь. – С. 2.

- 3 Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века / Б. М. Гаспаров. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 304 с.
- 4 Есаулов, И. А. Русская классика. Новое понимание [Текст] / И. А. Есаулов ; М-во образования и науки Российской Федерации, Российский православный ун-т, Центр литературоведческих исслед. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2012. – 448 с.
- 5 Захаров, В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX вв. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Петрозаводск, 1994. – С. 5 – 12.
- 6 Краснова, Н. А. К проблематике анализа системы мотивов художественного произведения // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. №6-1. – С.245 – 250.
- 7 Любомудров, А. М. Церковность как критерий культуры // Христианство и русская литература. Сб. 4. – СПб: Наука, 2002. – С. 87 – 109.
- 8 Маркович, В. М. О лирико-символическом начале в романе Лермонтова «Герой нашего времени» / В. М. Маркович // Известия АН СССР. Серия литература и язык. 1981. – Т.40. – №4. – С. 291 – 302.
- 9 Матвеева Ю. В. Поэзия Донбасса как документ и свидетельство // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 5 – 20.
- 10 Мокиенко В. М. Библейские мотивы в современной поэзии Донбасса / В.М. Мокиенко // Quaestio Rossica. – 2017. – Т. 5, № 2. – С. 552 – 566.
- 11 Потапчук Е. Ю., Потапчук В. В. Образы войны в поэтическом сборнике «Поэзия русского лета» // Язык как структура и дискурсивная практика. – 2024. – №1 (4). – С.59 – 66.
- 12 Силантьев, И. В. Поэтика мотива / И.В. Силантьев ; отв. ред. Е.К. Ромодановская. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 294 с.
13. Хализев, В. Е. Теория литературы / В.Е.Хализев. – 3. изд., испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 2002. – 436 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 14 Великий Блокпост: антология донбасской поэзии 2014 – 2022 гг. / Сост. Анна Ревякина. – СПб.: Питер, 2023. – 432 с.
- 15 Поэзия русского лета. – Москва : Эксмо, 2023. – 408 с.
- 16 Православная энциклопедия «Азбука веры» <https://azbyka.ru/dictionary> (дата обращения 26.08.2024)
- 17 Симонов, К. М. Стихотворения и поэмы. - Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отделение, 1982. – 622 с.
- 18 Словарь библейских образов: [Справочник] / Под общ. ред. Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Тремпера Лонгмана III ; ред.-консультанты: Колин Дюриес, Дуглас Пенни, Дэниел Рейд ; [пер.: Скороходов Б.А., Рыбакова О.А.]. - Санкт-Петербург : Библия для всех, 2005. - 1423 с.
- 19 Словарь литературоведческих терминов / Под ред. Л.И.Тимофеева и С.В.Тураева. – М.: 1974. – 514 с.
- 20 Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / под ред. Е. К. Ромодановской. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003. – С. 11 – 63.

REFERENCES

1. Veselovsky, A. N. (1940). Istoricheskaya poetika. [Historical poetics] (pp. 3-37). Leningrad : Goslitizdat. (In Russian)
2. Gazeta Pravoslav'naya vera. (2022). [The newspaper Orthodox Faith], 21 (713), November. (In Russian)
3. Gasparov, B.M. (1993). Literaturnye leitmotivy. Oчерки po russkoj literature XX veka. [Literary leitmotives. Essays on Russian literature of the XX century] (pp. 28 – 83). Moscow: Nauka. Publishing company "Oriental Literature". (In Russian)
4. Yesaulov, I. A. (2012). Russkaya klassika. Novoe ponimanie. [Russian classics. A new understanding] (pp. 4 – 446). St. Petersburg : Alethea. (In Russian)
5. Zakharov, V. N. (1994). Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII – XX vv. Citata, reminiscenciya, motiv, syuzhet, zhanr. [The Gospel text in Russian literature of the XVIII – XX centuries. Quote, reminiscence, motive, plot, genre] (pp. 5 – 12). Petrozavodsk. (In Russian)

6. Krasnova, N. A. (2008). K problematike analiza sistemy` motivov xudozhestvennogo proizvedeniya. [On the problems of analyzing the system of motives of an artistic work] (pp. 245 – 250). Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. №6 – 1. (In Russian)
7. Lyubomudrov, A. M. (2002). Xristianstvo i russkaya literature [Christianity and Russian literature] (pp. 87 – 109). St. Petersburg: Nauka. (In Russian)
8. Markovich, V.M. (1981). O liriko-simvolicheskom nachale v romane Lermontova «Geroj nashego vremeni». [About the lyrical and symbolic beginning in Lermontov's novel "The Hero of Our Time"]. Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language series, 4, 291 – 302. (In Russian)
9. Matveeva, Yu. V. (2023). Poe`ziya Donbassa kak dokument i svidetel'stvo. [Poetry of Donbass as a document and evidence]. Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture, 2, 5 – 20. (In Russian)
10. Mokienko, V. M. (2017). Biblejskie motivy v sovremennoj poezii Donbassa. [Biblical motifs in modern poetry of Donbass]. Quaestio Rossica, 2, 552 – 566. (In Russian)
11. Potapchuk E. Yu., Potapchuk V. V. (2024). Obrazy` vojny` v poe`ticheskom sbornike «Poe`ziya russkogo leta. [Images of war in the poetry collection "Poetry of the Russian Summer"] (pp. 59 – 66). Language as a structure and discursive practice. – №1 (4). (In Russian)
12. Silant'ev, I. V. (2004). Poe`tika motiva. [The poetics of the motif]. (pp. 4 – 292). – M.: Yaz. Slavyan. Culture. (In Russian)
13. Xalizev, V. E. (2002). Teoriya literatury`. [Theory of literature]. (pp. 4 – 436). Moscow: Higher School. (In Russian)

Поступила в редакцию 20.10.2024 г.

CHRISTIAN MOTIVES IN MODERN MILITARY POETRY ABOUT SPECIAL MILITARY OPERATION

O.N. Provatorova

The article examines Christian motives in modern war poetry about the special military operation, which, on the one hand, continues the traditions of war poetry and, at the same time, is an innovative phenomenon within the framework of the modern literary process. The relevance of the study is due to the fact that at present, literary criticism is interested in studying Russian literature in the context of the Orthodox spiritual tradition. In the process of the texts analysis, various methods and techniques have been applied, among them are analysis and synthesis, a continuous sample of lexemes for analysis, literary, cultural, and religious commentary. Christian motives found and interpreted by the author have been systematized and analyzed in accordance with the frequency of use in poetic texts. A special attention is paid to the most frequent motive-forming images, i.e. God, Cross, angel, Mary (Mother of God), Christ, Cain and Abel, the devil (antichrist, Satan, beast), etc. and the related motives. Conclusions have been made about the specifics of Christian motives in the poems of the collections The Great Checkpoint. An Anthology of Donbass Poetry 2014-2022. 2nd ed. - St. Petersburg: Lira Publishing House, 2023 and PoeZiya russkogo leta. - Moscow: Eksmo, 2023.

Key words: motive, Christian motives, image, modern war poetry, Orthodoxy, spirituality, God, Cross, angel, Mary (Mother of God), Christ.

Проваторова Ольга Николаевна.

Кандидат филологических наук.

Оренбургский государственный университет,
Российская Федерация, г. Оренбург.

Доцент кафедры русской филологии и методики
преподавания русского языка.

ORCID 0009-0006-2251-7109.

E-mail: olgaprovatorova@yandex.ru.

Provatorova Olga Nikolaevna.

Candidate of Philology.

Orenburg State University, Russian Federation,
Orenburg.

Associate Professor at Russian Philology Department.

ORCID 0009-0006-2251-7109.

E-mail: olgaprovatorova@yandex.ru.

Научная статья

УДК 81'373.2

DOI: 10.5281/zenodo.14513920

ПОЭТОНИМЫ-ПОСВЯЩЕНИЯ В ЛИРИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ А. БЛОКА

© 2024 А.А. Шульдишова

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ORCID: 0000-0002-9603-8411



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Широкий спектр методологических подходов, методов, приемов и способов исследования идиостиля А. Блока, использованных в огромном количестве публикаций, по-прежнему оставляет множество иногда противоречивых оценок, различий в интерпретации результатов и просто лагун в изучении языка и стиля поэта. Автором статьи представлены размышления о посвящениях и их роли в поэтике трёх циклов стихотворений («Снежная маска», «Кармен», «Через двенадцать лет»), сыгравших важную роль в становлении идиостиля поэта. Криптони́мы-посвящения в творчестве А. Блока были, с одной стороны, средством организации лирических циклов, с другой – традиционным в целом приёмом экспонирования автобиографических обстоятельств в отдельных стихотворениях, раскрывали нюансы взаимоотношений поэта с обстоятельствами литературного быта и культурной жизни, формировали специфическую тональность мировосприятия и некоторые особенности идиостиля поэта.

Ключевые слова: Блок, биографический контекст, идиолект, посвящение-криптоним.

Для цитирования: Шульдишова А.А. Поэтонимы-посвящения в лирической трилогии А. Блока / А.А. Шульдишова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 114-124. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14513920>.

Введение

Несмотря на то, что сама по себе проблема посвящений, в том числе «сформулированных» с использованием в них собственных имён, входящая в широкий круг исследований адресной функции художественных произведений, имеет большое историко-культурное, литературоведческое и теоретико-литературное значение, анализ литературы вопроса обнаруживает явно недостаточный интерес к ней. Хотя внимание к предмету, оказавшемуся в зоне разысканий, особенно в части выявления роли поэтонимов всё-таки оставляет желать большего, справедливости ради следует отметить ряд безусловно интересных публикаций: О.А. Бердникова «Поэтика адресованных жанров в творчестве И. А. Бунина» [1, с. 503–526]; А.В. Гик «Стихотворения-посвящения как зеркало поэтики М. Кузмина» [3, с. 19–22]; Т.С. Круглова «Специфика адресации в книге стихов Андрея Белого «Золото в лазури»» [6, с. 132–139]; А.Ю. Леонтьева, В.С. Ускова «Символика крыльев в лирическом портрете О.Э. Мандельштама: на материале поэтических посвящений М. И. Цветаевой» [7, с. 268–272] и др.

Цель и задачи работы. Целью нашей работы было изучение посвящений в языке А. Блока, в первую очередь, выявление их специфических особенностей. Поставленная цель предполагала решение задач отбора из корпуса текстов А. Блока искомым единицам, анализа свойств поэтонимии и специфических проявлений семантики и, в художественных текстах, поэтики, реализованной в текстах поэта.

В ряде поэтических произведений А.А. Блока собственные имена-обращения встречаются в заголовках текстов. Они называют реальных обладателей имен, о которых так или иначе идет речь в поэтических текстах. Таковы, например, следующие, указанные в качестве заглавия адресаты: *М.А. Олениной д'Альгейм* («Темная, бледно-зеленая...» [12, т. 1, с. 301]), *С. Левицкой* («Когда-нибудь, не скоро, Вас я встречу...» [12, т. 1, с. 373]), *А.М. Ремизову* («БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ» [12, т. 2, с. 10]), *Сергею Городецкому* («СОЛЬВЕЙГ» [12, т. 2, с. 98]), *Ангелине Александровне Блок* («ЯМБЫ» [12, т. 3, с. 85]), *З.Н. Гиппиус* («Рожденные в года глухие...» [12, т. 3, с. 278]) и др.

Основная часть

В лирической трилогии А. Блока (именно ею ограничена область данного отчёта о результатах исследования) отмечены два типа реализации адресной функции. При этом в каждом из них обнаруживаются разновидности. 1. В посвящениях, представляющих собой заголовок произведения или входящих в состав заголовка, отчётливо просматриваются две разновидности: а) эксплицированные (содержащие указание конкретного адресата) и б) имплицитные (апеллятивные или дескриптивные). 2. Предтекстовые посвящения, отличающиеся от первых местом в архитектонике произведения и разновидностями антропоформул, с помощью которых представлены адресаты. Им будет посвящена основная часть публикации.

Представим первый тип адресации стихотворений лирической трилогии без сопровождения необходимыми литературоведческими и поэтономологическими комментариями⁴.

1) В составе заголовков произведений (эксплицированная разновидность):

А.М. Добролюбов («Из городского тумана...») [12, т. 1, с. 275], **На вечере в честь Л. Толстого** («В толпе, родной по вдохновенью...») [12, т. 1, с. 334], **Памяти А.А. Фета** («Шепчутся тихие волны...») [12, т. 1, с. 395], **Дельвигу** («Ты, Дельвиг, говоришь: минута – вдохновенье...») [12, т. 1, с. 401], **Е.А. Баратынскому** («Тебе, поэт, в вечерней тишине...») [12, т. 1, с. 463], **<Андрею Белому>** («Опрокинут, канул в бездну...») [12, т. 1, с. 553], **Шуточные стихи: 1) Л.В. Ходскому** («Ты негодуешь справедливо...») [12, т. 1, с. 555], **2) Н.И. Кауфману** («...Но в тумане улицы длинной...») [12, т. 1, с. 555], **3) К. Бальмонту** («Он у окна съедал свои котлеты...») [12, т. 1, с. 555]; **Андрею Белому** («Ты открывал окно. Туман...») [12, т. 2, с. 313], **Юрию Верховскому** («Дождь мелкий, разговор неспешный...») [12, т. 3, с. 138], **Валерию Брюсову** («И вновь, и вновь твой дух таинственный...») [12, т. 3, с. 139], **Владимиру Бестужеву** («Да, знаю я: пронзили ночь от века...») [12, т. 3, с. 140], **Вячеславу Иванову** («Был скрипок вой в разгаре бала...») [12, т. 3, с. 141], **Анне Ахматовой** («"Красота страшна" – вам кажут...») [12, т. 3, с. 143].

2) В составе заголовков произведений (имплицитная разновидность).

Друзьям («Друг другу мы тайно враждебны...») [12, т. 3, с. 125], **Встречной** («Я только рыцарь и поэт...») [12, т. 3, с. 164], **Испанке** («Не лукавь же, себе признаваясь...») [12, т. 3, с. 204], **Пушкинскому Дому** («Имя Пушкинского Дома...») [12, т. 3, с. 376], **Моей матери** («Друг, посмотри, как в равнине небесной...») [12, т. 1, с. 7], **Моей матери** («Чем большей душе мятежной...») [12, т. 1, с. 83], **Двойнику** («Ты совершил над нею подвиг трудный...») [12, т. 1, с. 152], **Моей матери** («Помнишь думы? Они улетели...») [12, т. 2, с. 57], **Моей матери** («Тихо. И будет все тише...») [12, т. 2, с. 72], **Девушке** («Ты перед ним – что стебель гибкий...») [12, т. 2, с. 133], **Деве-Революции** («Опрокинут, канул в бездну...») [12, т. 2, с. 324], **Случайному** («Ты мне

⁴ Отчёт об этой работе планируется разместить во второй статье нашего "миницикла".

явился, темнокудрый...») [12, т. 1, с. 360], **Поэту** («Я встретил вновь тебя, поэт...») [12, т. 1, с. 413], **Отшедшим** («Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду...») [12, т. 1, с. 526].

Перейдём к рассмотрению поэтики предтекстовых посвящений, содержащих в своём составе имя адресата в той или иной разновидности антропоформулы.

В архитектонике художественного произведения особое место занимает так называемый заголовочный комплекс, который в лирической трилогии А. Блока иногда представлен «в полном объёме» – названием произведения, посвящением и эпитафией. В ряде поэтических произведений поэта в заголовочном комплексе текстов встречаются собственные имена. У поэтонома, естественно, возникает требующий обоснованного ответа вопрос: являются ли эти, по сути, «предтекстовые» средства поэтонами? Они в различной форме называют реальных лиц, обладателей имён, о которых так или иначе идёт речь в поэтических текстах. Оба названных свойства: «встроенность» посвящений в архитектуру произведения и тесная связь реальных или зашифрованных адресатов «посланий»⁵ с именами адресатов осложняют ситуацию.

Посвящение в статье рассматривается как компонент заголовочного комплекса. Оно может быть выражено строкой над текстом, может быть внутри него, может быть обозначено собственным именем или быть эквивалентным обращению. Например, посвящение *А. Белому* – воспроизведение общеизвестного литературного псевдонима (с А. Белым – поэтом и прозаиком – А.А. Блока связывали как обстоятельства личного характера, так и события, относящиеся к литературному быту эпохи). О представляющем несомненный интерес посвящении *Автору Князя Серебряного* – непрямым (перифрастическое) именование А.К. Толстого – ниже будет рассказано подробнее.

Блоковские посвящения – микротексты-сигналы, дающие начальную информацию о лирическом герое или адресате стихотворения, играют роль «увертюры», вводящей в поэтическое произведение, определяют в самом стихотворении чувства автора, демонстрируют «фабульное» развитие отношений. Посвящение, как важный аккорд, устанавливает «тональность» стихотворения, является важным закодированным материалом и первым изложением «темы», подготавливающим, предвосхищающим основной поэтический текст.

Вся информация о личности (образе) адресата – факты биографии, отношений (событийно-смысловые элементы), внутренний мир героя / героев (образы-характеры), полная, развернутая «панорама» реконструируется исследователем на основе и из совокупности важных элементов, в том числе, нехудожественных текстов (дневниковых записей, переписки, воспоминаний и прочих документов). Блоковскими «акцентами» в текстах задается автобиографический индивидуальный контекст, образ, смысловая направленность стихотворения.

Круг лиц, удостоившихся посвящений в лирической трилогии А. Блока был не так уж широк. 44 посвящения предназначались всего 19 личностям. Некоторые при этом получали стихи в дар от поэта по несколько раз. Наибольшее количество – шесть стихотворений – А. Блок посвятил К. М. С. Аналогичной разновидностью антропоформулы-аббревиатуры обозначены ещё три адресата: Н. Н. В (два посвящения), Л. А. Д. (одно посвящение, но это посвящение целого цикла произведений) и А. С. Ф. (одно посвящение). Пять адресовались Андрею Белому

⁵ Понятие «послание» использовано не в строго терминологическом значении (жанр монологической поэзии или эпистолярный публицистический жанр), а, в определённом смысле, шире, поскольку предполагает наличие в значении слова ещё и смысла «посвящение, подношение». А форма криптонима предполагает, что подаренный текст будет выражать чувства к адресату, который, возможно, только один в состоянии понять аллюзии и недомолвки.

антропоформулой *имя + фамилия*, Такой же антропоформулой обозначил поэт посвящения в трёх стихотворениях, адресованных Борису Садовскому, Сергею Городецкому и Фёдору Смородскому. Её вариантом можно считать антропоформулу *инициал (начальный фрагмент) имени + фамилия*. Таких посвящений удостоились Евг. Иванов (4 произведения), трижды упоминались в посвящениях Г. Чулков, С. Соловьёв. По одному произведению Блок посвятил Вл. Пясту, Г. Гюнтеру, Л. Семёнову, С. Левицкой. Довольно часто (8 случаев; все адресаты поименованы по одному разу) поэт в посвящениях использовал антропоформулу *инициал имени + инициал отчества + фамилия*: С. М. Соловьёву, З. Н. Гиппиус, М. А. Олениной д'Альгейм, В. А. Зергенфрею, А. М. Ремизову, Е. П. Иванову, И. Д. Менделееву, О. М. Соловьёвой. Знаком особого уважения к адресату представляются посвящения, в которых использована полная русская антропоформула *имя + отчество + фамилия*. Таких посвящений в лирической трилогии А. Блока два: Марии Павловне Ивановой и Ангелине Александровне Блок.

В выборе антропоформул для посвящений А. Блок придерживался традиций, сложившихся в русской литературе. Все типы антропоформул широко использовались в кругу русских литераторов.

Посвящение *Автору «Князя Серебряного»* нуждается в специальном комментарии. Последнее, с точки зрения поэтонимологии, представляет собой перифразу с онимным компонентом (идеонимом), названием художественного произведения. Автор, писатель Алексей Константинович Толстой, умер в 1875 году за пять лет до рождения А. Блока. Его исторический роман «Князь Серебряный. Повесть времён Ивана Грозного» об опричнине был опубликован за восемнадцать лет до рождения А. Блока, в 1862 году в нескольких номерах «Русского вестника» (№№ 8–10). Потому и вызывает интерес это несколько запоздалая благодарность поэта. Как представляется, объяснение этому «парадоксу» имеется в трудах блоковедов.

Н.В. Колосова в статье «Блок и А.К. Толстой», характеризуя литературные влияния на Блока, не только отметила опосредованное, через В.С. Соловьёва, воздействие творчества А.К. Толстого, его отношения к *Вечно Женственному*, на мировосприятие юного поэта, но и описала путь, по которому это воздействие шло: «Выросший в традиционной, интеллигентной семье Бекетовых, где "господствовали <...> старинные понятия о литературных ценностях и идеалах" – исследователи даже ввели в научный оборот термин "бекетовская культура", – Блок, естественно, с детства воспитывался на лучших образцах русской и мировой литературы. В результате отбора, обусловленного внутренней близостью, общностью душевной природы, способностью заставлять звучать те же струны, круг русских поэтов XIX в., оказавших особое влияние на Блока, впоследствии выявился отчетливо. Это – Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Баратынский, Фет, Ап. Григорьев, Некрасов, Полонский, Тютчев, Вл. Соловьёв. <...> Однако, изучая "корневую систему" творчества Блока, как и любого художника, не следует пренебрегать возможными катализаторами процесса воплощения идей в систему. Степень их влияния установить, естественно, невозможно, но нельзя не признать очевидным то, что атмосфера дома Толстого, обусловленная его творчеством и мировоззрением, способствовала созданию учения Соловьёва о Софии и параллельно ему – поэзии, воспевающей Вечно Женственное, которым "дерзнул восхититься" Блок, и что, следовательно, создание "Стихов о Прекрасной Даме" оказывается в какой-то мере связанным с именем А.К. Толстого» [5, с. 47, с. 49].

Аналогичное мнение высказано Д.М. Магомедовой в монографии «Автобиографический миф в творчестве А. Блока», ссылающейся, кроме прочего на

ряд мнений, изложенных П.П. Громовым, А.П. Авраменко, С.Н. Бройтманом и другими исследователями: «Влияние Фета, Полонского, *А.К. Толстого* на стихи юного Блока действительно огромно и неоспоримо, что неоднократно отмечалось не только мемуаристами, но и авторами специальных исследований» [8, с. 10].

Среди учёных-гуманитариев, распространено неофициальное мнение, касающееся исключений из правил (Если нет исключений из правил, значит, мы имеем дело с законом). В определённом смысле, к исключениям из правил, пожалуй, можно отнести стихотворение **Посвящение** («*Встали надежды пророка...*»), предназначенное Прекрасной Даме – Любови Дмитриевне Блок:

Встали надежды пророка –
 Близки лазурные дни.
 Пусть лучезарность востока
 Скрыта в неясной тени.
 Но за туманами сладко
 Чувется близкий рассвет.
 Мне – мировая разгадка
 Этот безбрежный поэт.
 Здесь – голубыми мечтами
 Светлый возвысился храм.
 Всё голубое – за Вами
 И лучезарное – к Вам

[11, т. 1, с. 478].

В поэтических произведениях А. Блока поэтонимы-адресаты являются «главными действующими лицами». Таковы, например, зашифрованные имена возлюбленных поэта Любови Александровны Андреевой-Дельмас (Л. А. Д.), Натальи Николаевны Волоховой (Н. Н. В.), Ксении Михайловны Садовской (К. М. С.). С обладательницами этих имен Блока связывали определенные отношения. Их знание способствует экспликации информации о подлинной жизни Блока, которая не «озвучена» поэтом, но находится в затексте. Поэтому для правильного понимания такого адресного поэтического произведения требуются «фоновые» знания, информация, сопряженная с текстом стихотворения. По мнению В.М. Калинин, «соответствие ... адресатов и собственных имен важно как для понимания художественного текста, так и для уяснения его связей с литературным бытом и конкретной обстановкой, окружавшей автора» [4, с. 88] Безусловно, текст не может быть рассмотрен без учета мотивационной базы произведения. Межтекстовые связи и взаимоотношения восстанавливают общий контекст событий периода создания поэтического произведения и обогащают его сюжет.

Остановимся подробнее на нескольких блоковских поэтонимах-посвящениях.

Цикл стихотворений «Кармен» посвящен *Л. А. Д.* По аббревиатуре прочитывается имя оперной певицы Любови Александровны Дельмас.

Немаловажное замечание. Криптопоэтоним *Л. А. Д.* осознанно «неточен»: он скрывает личное имя, отчество и двойную фамилию адресата: Любовь Александровна Андреева-Дельмас (1884–1969 гг.). Её реальная «антропонимическая история» такова: Девичья фамилия – *Тыщинская* или *Тещинская*. *Андреевой* она стала в браке с П.З. Андреевым – оперным певцом (бас-баритон) и с 1939 г. народным артистом СССР. На сцене выступала под псевдонимом Дельмас (французская фамилия), девичьей фамилией матери.

Поэтический цикл «Кармен» сложился не только под влиянием музыкальных источников (одноимённая опера Ж. Бизе), но и под воздействием непосредственных

впечатлений Блока-слушателя, прежде всего о роли Кармен, исполняемой Л.А. Андреевой-Дельмас. В круге мотивов, предопределивших структуру и свойства цикла, важное место занимает романтический момент – влюбленность поэта в оперную певицу. Эксплицированным знаком возникших близких отношений является посвящение (Л. А. Д) [10, с. 73].

Впервые увидев Л. А. Андрееву-Дельмас в роли Кармен, Блок написал первое стихотворение, посвящённое певице «Как океан меняет цвет...» [12, т. 3, с. 227]. Это стихотворение, открывающее поэтический цикл, содержит свёрнутую цитату из одноимённой оперы Ж. Бизе (*Карменсита*). Употреблённая в поэтическом произведении цитата коррелирует с образом исполнительницы роли Кармен. Практически каждое стихотворение цикла «Кармен» включает в себе биографические свидетельства⁶.

Еще один адресат поэзии Блока, обозначенный в посвящении аббревиатурой – Н. Н. В. Знакомство Натальи Николаевны Волоховой с поэтом состоялось в 1906 году. Сама Наталья Николаевна вспоминала, что книжечка стихов «Снежная маска», подаренная ей поэтом, имел посвящение:

*Посвящаю
эти стихи
Тебе,
высокая женщина в черном,
с глазами крылатыми
и влюбленными
в огни и мглу
моего снежного города.*

Актриса Валентина Петровна Виригина вспоминала собрание, состоявшееся 6 июля 1906 года, на котором читалась пьеса Блока «Незнакомка», где Н.Н. Волохова была в роли Незнакомки, а А. Блок – в роли Голубого: «*Этот вечер можно считать началом тесной дружбы Александра Блока с небольшой группой актеров, которая впоследствии принимала участие в его "снежных хороводах": Н.Н. Волохова, Е.М. Мунт, В.В. Иванова, В.П. Веригина, В.Э. Мейерхольд, Б.К. Пронин, позднее А.А. Голубев. Случилось это, вероятно, потому, что мы больше всех других хотели постоянно соприкасаться с миром Блока, относились ко всему, что было связано с ним, с наибольшим азартом*» [2, с. 313].

«*Всякий действительный факт преобразуется в его творчестве*» [2, с. 313]. Блок художественно переосмысливал реальность в своих стихах. Веригина писала, что почти во всех стихах «Снежной маски» отражены настоящие разговоры и события тех дней. Например, в стихах «Насмешница» («*Подвела мне брови красным, / Поглядела и сказала: / "Я не знала: / Тоже можешь быть прекрасным, / Тёмный рыцарь, ты..."*» [12, т. 2, с. 244]) и др.

А. Блок очень тесно сотрудничал с группой кружковцев, сторонников символизма. Члены театрального кружка В.Ф. Комиссаржевской нередко гостили в квартире А. Блока (Л.Д. Блок, Н.Н. Волохова, Е.М. Мунт, В.В. Иванова, В.П. Веригина, В.Э. Мейерхольд и др.). Именно в это время поэт познакомился с Н.Н. Волоховой. Стихотворения А. Блока этого периода воспроизводят атмосферу собраний театрализованного мира артистического кружка актеров и литераторов того времени.

⁶ Подробно история отношений поэта с адресатом лирического цикла «Кармен» изложена в: Шульдишова А.А. А. Блок: жизненные и литературно-музыкальные реминисценции как мотиваторы поэтического цикла «Кармен» / А.А. Шульдишова // Филологические исследования : Сборник научных трудов. – К. : Издательский Дом Дмитрия Бугаго, 2016. – Вып. 15. – С. 129–153.

Веригина в мемуарах вспоминала слова Блока Наталье Николаевне: «Я только что увидел это в ваших глазах, только сейчас осознал, что это именно они и ничто другое заставляют меня приходить в театр». 1 января поэт прислал своей «музе» вместе с букетом роз стихотворение «Я в дольний мир вошла, как в ложу...» [12, т. 2, с. 257]. Стихотворение посвящено Н. Н. В. – Наталье Николаевне Волоховой. Стихотворение созвучно тому событию, а именно вечеру Масок. Н.Н. Волохова в лиловой маске окончательно покорила поэта на «Вечере бумажных дам». Блок написал о *Бумажной даме*:

*Из очей ее крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкруг чела.
Золотистый уголь в сердце
Мне возгла!* [11, т. 2, с. 228].

Трехвенечной тиарой Блок назвал диадему, которую Волохова надела на вечер Масок. «После постановки "Балаганчика", с вечера "Бумажных дам", мы вступили в волшебный круг игры, в котором закружилась наша юность. Центром этого круга была блоковская Снежная дева, она жила не только в Н.Н. Волоховой, но в такой же мере и во всех нас» [2, с. 325–326].

Снежная дева заставила полюбить, увлечься... Поэт иносказательно описал пробуждение этого чувства в цикле «Снежная маска»: *оглушила серебром веселий, закружила на воздушной карусели, пряжей спутанной кудели обвила, напоила лёгкой брагой снежных хмелей* [12, т. 2, с. 220], *возгла золотистый уголь в сердце* [12, т. 2, с. 228], *ум метелью замела* [12, т. 2, с. 245], *завела в очарованный круг, серебром своих вьюг занавесила* [12, т. 2, с. 250], *сердце вьюгой закрутила* [12, т. 2, с. 251], *увлекла в поля* [12, т. 2, с. 254] и т.д.

Волохову Блок называл *девой чародейной* [12, т. 2, с. 221], *птицей вьюги темнокрылой* [12, т. 2, с. 225], *северной дочерью вихрей* [12, т. 2, с. 228], *девой пучины звёздной* [12, т. 2, с. 233], *ветром встречным* [12, т. 2, с. 233], *богиней* [12, т. 2, с. 235], *госпожой* [12, т. 2, с. 239], *Темноокой, Незнакомой, Роком* [12, т. 2, с. 250], *черноокой* [12, т. 2, с. 262], *светлой звездой* [12, т. 2, с. 264], *Снежной Девой* [12, т. 2, с. 267], *непостижимой* [12, т. 2, с. 267], *Девой Снежной* [12, т. 2, с. 282] и пр.

Снежная дева – это тонкое имя, живое имя для Блока [12, т. 2, с. 278, с. 282]. Тонкое, иными словами – изысканное, утонченное, изящное; живое – полное жизненных сил, жизнерадостное, легкое, подлинное, необходимое.

Актриса В.П. Виригина вспоминала, что слова последних шести строк стихотворения «Сквозь винный хрусталь» были сказаны поэтом Волоховой в действительности [2, с. 328]:

*Нет печальной покрывала,
Тоньше стана нет...
– Вы любезней, чем я знала,
Господин поэт!
– Вы не знаете по-русски,
Госпожа моя...*

[12, 2.239].

В «Записке о "Двенадцати"» А. Блок писал: «... в январе 1918 года я последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914» [10]. Как известно, март 1914 г. – влюбленность поэта в Л.А. Дельмас, январь 1907 г. – романтические отношения между А. Блоком и Н. Н. Волоховой.

Авторы комментариев утверждают, что «Снежная маска» была написана «под свежим впечатлением встречи и знакомства с актрисой драматического театра В. Ф. Коммисаржевской – Натальей Николаевной Волоховой, которой и посвящен этот цикл. "Снежная маска" была опубликована отдельной книжкой, которая открывалась следующим посвящением: "Посвящаю эти стихи *Тебе*, высокая женщина в черном, с глазами крылатыми и влюбленными в огни и мглу моего снежного города". В стихах, составивших этот цикл, отразились впечатления костюмированного вечера, устроенного актрисами театра В.Ф. Коммисаржевской – так называемого "бумажного бала", на котором дамы были в маскарадных костюмах, сделанных из бумаги» [12, т. 2, с. 427].

В стихотворении «Снежная вязь» в первоначальном тексте вместо стихов «*И когда со мной встречаются / Неизбежные глаза, – / Глуби снежные вскрываются, / Приближаются уста*» в рукописи были следующие: «*И когда со мной встречаются / Эти черные глаза / Неизбежные глаза, – / Глуби снежные вскрываются, / Открываются уста, / Приближаются уста*». Помимо этого, в рукописи были еще два стиха: «*Ты звезды гасишь... / Поцелуй третишь...*» [12, т. 2, с. 427]. В стихотворении «Крылья» также в рукописном варианте были две строчки: «*И вверху смежает очи / лишь одна*» [12, т. 2, с. 428].

В стихотворении «Здесь и там» последний стих звучал: «*Были тайно влюблены*» [12, т. 2, с. 428].

Поэт вводит в цикл реалии того времени: конкретные события, факты, ситуации, связанные с артистическим кружком. К примеру, в стихотворении «Под масками» упоминается старинный книжный шкаф поэта с резными амурами:

*А в шкапу дремали книги
Там – к резной старинной дверце
Прилепился голый мальчик
На одном крыле* [12, т. 2, с. 236].

За лирическими героинями стихотворений А. Блока всегда стоит реальное лицо, прообраз, послуживший источником создания образа поэтического. Адресатом цитируемых ниже стихов была также реальная женщина (К. М. С): «*Синеокая, бог тебя создал такой. / Гений первой любви надо мной*» [12, т. 3, с. 183]. Прообразом цикла «Через двенадцать лет» послужила Ксения Михайловна Садовская. В поэтическом цикле нашли отражение её черты.

Импульсом создания цикла стало воспоминание о событиях двенадцатилетней давности. Через годы, прошедшие после первой встречи с пленившей его дамой, поэт в 1909 году вернется в курортный городок Бад-Наугейм и напишет там цикл «Через двенадцать лет» [12, т. 3, с. 182]. Цикл стихов посвящён первой любви А. Блока, замужней даме, жене статского советника. Поэтические строки позволяют представить чувства Блока в период написания стихов, как отклик на первую страсть, первое любовное чувство.

Знаки присутствия его «музы» обнаруживаются на протяжении всего цикла: *профиль важный, голос вкрадчиво-протяжный, синеокая, гений первой любви, тонкие руки, гортанные звуки, глубокая глаз синева, синий, синий плен очей, хохлушка, гортанные слова, раздушенный платок*.

Героиня цикла – Ксения Михайловна Садовская – первая любовь А. Блока. В 1897 году Блоку 17, ей – 32, они встретились на курорте Бад-Наугейм. Под влиянием сильного чувства были написаны поэтические произведения.

Кроме цикла ей посвящён ряд других стихотворений. Первое автобиографическое стихотворение: «*Ночь на землю сошла. Мы с тобою одни...*». Незримо присутствует

образ Садовской и в именных стихотворениях-посвящениях «Луна проснулась. Город шумный...» [12, т. 1, с. 13], «Помнишь ли город тревожный...» [12, т. 1, с. 26], «Ты не обманешь, призрак бледный...» [12, т. 1, с. 72], «Сердито волновались нивы...» [12, т. 1, с. 367], «Аметист» [12, т. 1, с. 459]. Все эти произведения содержат посвящение-криптоним *К. М. С.*, «тайность» которого не в последнюю очередь предопределялась социальными обстоятельствами и возрастными различиями между Поэтом и его Музой.

Поэтонимы-посвящения являются средством обращения к возлюбленным, подтверждением нежных чувств, определяют доминанту душевного состояния лирического героя.

Заключение

В заключение сформулируем важное, по нашему мнению, теоретическое положение. Оба описанных в статье свойства криптонимов (адресатов лирики): их несомненная роль компонента архитектоники произведения и тесная связь действительных или зашифрованных адресатов «посланий» с реальной антропонимией не препятствует включению этих качеств текстов в дискурс (широкий контекст, контекст как принцип), даёт достаточно оснований и предоставляет право относить собственные имена посвящений, в какой бы форме они ни применялись, к поэтонимии художественного произведения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Употребления посвящений в творчестве А.А. Блока [Данные приведены по собранию сочинений в 8-и т. – М.-Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1960–1963].

| | Посвящение | Произведение, адрес |
|-----|-----------------------------------|---|
| 1. | <i>К. М. С.</i> | «Луна проснулась. Город шумный...», 1.13 |
| 2. | <i>К. М. С.</i> | «Помнишь ли город тревожный...», 1.26 |
| 3. | <i>О.М. Соловьевой</i> | «Ищу спасенья...», 1.68 |
| 4. | <i>К. М. С.</i> | «Ты не обманешь, призрак бледный...», 1.72 |
| 5. | <i>О.М. Соловьевой</i> | «Ночью сумрачной и дикой...», 1.85 |
| 6. | <i>С. Соловьеву</i> | «Она росла за дальними горами...», 1.103 |
| 7. | <i>С. Соловьеву</i> | «Бегут неверные дневные тени...», 1.156 |
| 8. | <i>А. С. Ф.</i> | СТАРИК, 1.223 |
| 9. | <i>Андрею Белому</i> | «Я смотрел на слепое людское строение...», 1.248 |
| 10. | <i>Андрею Белому</i> | «Целый год не дрожало окно...», 1.258 |
| 11. | <i>С. Соловьеву</i> | «У забытых могил пробивалась трава...», 1.274 |
| 12. | <i>Андрею Белому</i> | «Я бежал и спотыкался...», 1.293 |
| 13. | <i>Андрею Белому</i> | «Так. Я знал. И ты задул...», 1.297 |
| 14. | <i>М.А. Олениной д'Альгейм</i> | «Темная, бледно-зеленая...», 1.301 |
| 15. | <i>Е.П. Иванову</i> | «Плачет ребенок. Под лунным сераом...» 1.306 |
| 16. | <i>К. М. С.</i> | «Сердито волновались нивы...», 1.367 |
| 17. | <i>С. Левицкой</i> | «Когда-нибудь, не скоро, Вас я встречу...», 1.373 |
| 18. | <i>Автору «Князя Серебряного»</i> | «Однако боярин подъехал к воде...», 1.417» |
| 19. | <i>К. М. С.</i> | АМЕТИСТ, 1.459 |
| 20. | <i>С.М. Соловьеву</i> | ОТВЕТ, 1.537 |
| 21. | <i>И.Д. Менделееву</i> | ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПОРА, 1.538 |
| 22. | <i>А.М. Ремизову</i> | БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ, 2.10 |
| 23. | <i>Григорию Е.</i> | СТАРУШКА И ЧЕРТЕНЯТА, 2.20 |
| 24. | <i>Л. Семенову</i> | «Жду я смерти близ денницы...», 2.35 |
| 25. | <i>Федору Смородскому</i> | «Нежный! У ласковой речки...», 2.45 |
| 26. | <i>Г. Чулкову</i> | «Не строй жилищ у речных излучин...», 2.65 |
| 27. | <i>Сергею Городецкому</i> | СОЛЬВЕЙГ, 2.98 |
| 28. | <i>Г. Гюнтеру</i> | «Ты был осыпан звездным цветом...», 2.100 |
| 29. | <i>Евг. Иванову</i> | ПЕТР, 2.141 |
| 30. | <i>Г. Чулкову</i> | ПОВЕСТЬ, 2.163 |
| 31. | <i>Н. Н. В.</i> | СНЕЖНАЯ МАСКА, 2.211 |

| | | |
|-----|------------------------------------|---|
| 32. | <i>Н. Н. В.</i> | «Я в дольний мир вошла, как в ложу...», 2.257 |
| 33. | <i>Г. Чулкову</i> | ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ, 2.293 |
| 34. | <i>Евг. Иванову</i> | «Когда, вступая в мир огромный...», 3.73 |
| 35. | <i>В.А. Зергенфрею</i> | ШАГИ КОМАНДРОРА, 3.80 |
| 36. | <i>Ангелине Александровне Блок</i> | ЯМБЫ, 3.85 |
| 37. | <i>Евг. Иванову</i> | «Холодный ветер от лагуны...», 3.102 |
| 38. | <i>Вл. Пясту</i> | «Май жестокий с белыми ночами!», 3.161 |
| 39. | <i>К. М. С.</i> | ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ, 3.182 |
| 40. | <i>Евг. Иванову</i> | ГОЛОСА СКРИПОК, 3.192 |
| 41. | <i>Борису Садовскому</i> | «Шар раскаленный, золотой...», 3.200 |
| 42. | <i>Л. А. Д.</i> | КАРМЕН, 3.227 |
| 43. | <i>Марии Павловне Ивановой</i> | НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ, 3.260 |
| 44. | <i>З.Н. Гиппиус</i> | «Рожденные в года глухие...», 3.278 |

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердникова О.А. Поэтика адресованных жанров в творчестве И.А. Бунина / О.А. Бердникова // Филология как призвание. Сборник статей к юбилею профессора Владимира Николаевича Захарова. Петрозаводск. – 2019. – С. 503–526.
2. Веригина В.П. Воспоминания об Александре Блоке / В.П. Веригина // Труды по русской и славянской филологии. – Тарту, 1961. – 328 с.
3. Гик А.В. Стихотворения-посвящения как зеркало поэтики М. Кузмина / А.В. Гик // Вестник Новгородского государственного университета. – 2010. – № 56. – С. 19–22.
4. Калинин В.М. Функции собственных имен как выразительного средства поэтики К.Ф. Рыльева / В.М. Калинин // Восточноукраинский лингвистический сборник, вып.15, сборник научных трудов, редколлегия: Е.С. Отин (отв.ред.) и др. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2014. – 360 с.
5. Колосова Н.В. Блок и А.К.Толстой / Н.В. Колосов // Литературное наследство. Том девяносто второй в пяти книгах. – Книга четвёртая. Александр Блок. Новые материалы и исследования. – М.: Издательство «Наука», 1987. – С. 47–56.
6. Круглова Т.С. Специфика адресации в книге стихов Андрея Белого «Золото в лазури» / Т.С. Круглова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 132–139.
7. Леонтьева А.Ю. Символика крыльев в лирическом портрете О.Э. Мандельштама: на материале поэтических посвящений М.И. Цветаевой / А.Ю. Леонтьева, В.С. Ускова // Евразийское Научное Объединение. – 2021. – № 10–4 (80). – С. 268–272.
8. Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока / Д.М. Магомедова. – М.: Мартин, 1997. – 224 с.
9. Шульдишова А.А. А. Блок: жизненные и литературно-музыкальные реминисценции как мотиваторы поэтического цикла «Кармен» / А.А. Шульдишова // Филологические исследования: Сборник научных трудов. – К.: Издательский Дом Дмитрия Бурого, 2016. – Вып. 15. – С. 129–153.
10. Шульдишова А.А. «Сердце в плену у Кармен»: литературно-музыкальный анализ поэтического цикла А. Блока // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Т. 2. – Вып. 4 (8). – С. 73–83.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 / А.А. Блок. – М.: Художественная литература, 1965. – 663 с.
12. Блок А.А. Собрание сочинений : в 8 т. / А.А. Блок ; под общ. Ред. В.Н. Орлова. – М.–Л.: Гослитиздат, 1960–1963.
13. Литературная газета, 28.11.1990 – 16 с.

REFERENCES

1. Berdnikova O.A. (2019). Poe'tika adresovanny'x zhanrov v tvorchestve I.A. Bunina [The poetics of addressed genres in the works of I.A. Bunin] in Filologiya kak prizvanie [Philology as a vocation], pp. 503–526. Petrozavodsk (In Russian)
2. Verigina V.P. (1961). Vospominaniya ob Aleksandre Bloke [Memories of Alexander Blok]. In Trudy' po russkoi i slavyanskoj filologii [Works on Russian and Slavic philology], (p. 328). Tartu (In Russian)

3. Gik A.V. (2010). Stixotvoreniya-posvyashheniya kak zerkalo poe`tiki M. Kuzmina [Dedication poems as a mirror of M. Kuzmin's poetics] in Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Novgorod State University], pp. 19–22 (In Russian)
4. Kalinkin V.M. (2014). Funkcii sobstvenny`x imen kak vy`razitel`nogo sredstva poe`tiki K.F. Ry`leeva [The functions of proper names as an expressive means of K.F. Ryleev's poetics] in Vostochnoukrainskij lingvisticheskij sbornik [East Ukrainian Linguistic collection], 360 p. Kyiv: Izdatel`skij dom Dmitriya Burago (In Russian)
5. Kolosova I.V. (1987). Blok i A.K. Tolstoj [Blok and A.K. Tolstoy] in Literaturnoe nasledstvo [Literary legacy], pp. 47–56. Moskow. (In Russian)
6. Kruglova T.S. (2013). Specifika adresacii v knige stixov Andreya Belogo «Zoloto v lazuri» [The specifics of addressing in Andrei Bely's book of poetry "Gold in Azure"] in Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij [News of higher educational institutions], pp. 132–139 (In Russian)
7. Leont`eva A.Yu., Uskova V.S. (2021). Simvolika kry`l`ev v liricheskom portrete O.E` Mandel`shtama: na materiale poe`ticheskix posvyashhenij M.I. Czvetajevoj [The symbolism of wings in the lyrical portrait of O.E. Mandelstam: based on the material of the poetic dedications of M.I. Tsvetaeva] in Evrazijskoe Nauchnoe Ob`edinenie [Eurasian Scientific Association], pp. 268–272. (In Russian)
8. Magomedova D.M. (1997). Avtobiograficheskij mif v tvorcestve Aleksandra Bloka [An autobiographical myth in the work of Alexander Blok], 224 p., Moskow. (In Russian)
9. Shul`dishova A.A. (2016). A. Blok: zhiznenny`e i literaturno-muzy`kal`ny`e reminiscencii kak motivatory` poe`ticheskogo cikla «Karmen» [A. Blok: life and literary-musical reminiscences as motivators of the poetic cycle "Carmen"] in Filologicheskie issledovaniya [Philological research], vol. 15, pp. 129–153. Kyiv: Izdatel`skij dom Dmitriya Burago (In Russian)
10. Shul`dishova A.A. (2016). "Serdce v plenu u Karmen": literaturno-muzy`kal`ny`j analiz poe`ticheskogo cikla A. Bloka ["The Heart is in captivity of Carmen": literary and musical analysis of the poetic cycle of A. Blok] in Vestnik Tambovskogo universiteta [Bulletin of the Tambov University], vol. 2, pp. 73–83. Tambov. (In Russian)

Поступила в редакцию 27.11.2024 г.

POETONYMS-DEDICATIONS IN LYRICAL TRILOGY BY A. BLOK

A.A. Shuldishova

A wide range of methodological approaches, methods, techniques, and ways of studying the idiosyncrasy of A. Blok, used in a huge number of publications, still leaves many sometimes contradictory assessments, differences in the results interpretation, as well as gaps in the study of the poet's language and style. The author presents reflections on initiations and their role in the poetics of three cycles of poems ("Snow Mask", "Carmen", "Twelve Years Later"), which played an important role in the formation of the poet's idiosyncrasy. Cryptonyms-dedications in the works by A. Blok were, on the one hand, a means of organizing lyrical cycles, and, on the other hand, a generally traditional method of exposing autobiographical circumstances in individual poems, revealed the nuances of the poet's relationship with the circumstances of literary life and cultural life, formed a specific tonality of world perception, and some features of the poet's idiosyncrasy.

Keywords: Blok, biographical context, idiolect, dedication-cryptonym.

Шульдишова Алина Анатольевна.

Кандидат филологических наук.
Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы.
г. Москва, Российская Федерация.

Доцент кафедры русского языка № 5 Института
русского языка.
ORCID: 0000-0002-9603-8411.
E-mail: shuld_a@mail.ru.

Shuldishova Alina Anatolevna.

Candidate of Philology.
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of
Russia.
Moscow, Russian Federation.

Associate Professor of the Russian Language
Department № 5 at the Institute of the Russian
Language.
ORCID: 0000-0002-9603-8411.
E-mail: shuld_a@mail.ru.

Научная статья
УДК 811.111.161.1'373.7:179.9
DOI: 10.5281/zenodo.14514130

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ ЧЕСТНОСТЬ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНАХ МИРА

© 2024 Д.А. Гармаш

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0000-0001-5724-1989



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются сходства и отличия фразеологической репрезентации понятия *честность* в картинах мира англоязычного и русскоязычного лингвокультурных сообществ. Актуальность данной работы обусловлена лингвокультурологическим и сопоставительным подходами к изучению семантических особенностей фразеологизмов, репрезентирующих понятие *честность* в таких разноструктурных языках, как английский и русский. Общими признаками в значении фразеологизмов являются честность как качество человека; честное отношение к чему-н., честное поведение; заверение в честности. Отличием является то, что в английском языке наибольшей номинативной плотностью характеризуется признак прямота, прямодушие, правдивость, искренность, а в русском – правда и правдивость. Признак щедрость, великодушие, гостеприимность реализован только в значении английских фразеологизмов. В русском языке в отличие от английского зафиксировано большее количество фразеологических антонимов.

Ключевые слова: ценность, честность, семантический объем, семантический признак, фразеологизм, код культуры, стереотип, эталон.

Для цитирования: Гармаш Д.А. Фразеологическая репрезентация понятия *честность* в англоязычной и русскоязычной картинах мира / Д.А. Гармаш // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 125–135. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14514130>.

Введение. Статья посвящена описанию сходств и отличий фразеологической вербализации понятия *честность* в картинах мира англоязычного и русскоязычного сообществ.

Понятие *честность* носит междисциплинарный характер, потому как является предметом исследования философии [1], психологии [6], а также выступает социально-психологической категорией [2]. Ценностное понятие *честность* изучается как на материале английского [3; 10], немецкого [8] языков, так и в работах сопоставительного характера на материале русского и английского [7], русского и китайского [9] языков.

Честность – понятие морального сознания и этики, нравственное качество личности, норма поведения, условие социального и личного блага [5, с. 673]. В этике под *честностью* понимают моральное качество, отражающее одно из важнейших требований нравственности [4, с. 396].

Актуальность данной работы обусловлена лингвокультурологическим и сопоставительным подходами к изучению семантических особенностей

фразеологизмов, репрезентирующих понятие *честность* в таких разноструктурных языках, как английский и русский.

В ходе анализа лексикографических источников было установлено, что семантический объем английского понятия *honesty* ‘честность’ представлен пятью признаками. Ядерным является признаком **the quality of being honest** ‘честность как качество человека’ [21; 22; 25]. Периферийными являются признаки: 1) **appropriateness, decency, decorum** ‘уместность, благопристойность, подобающее поведение’; 2) **moral excellence** ‘моральное совершенство’; 3) **generosity, liberality, hospitality** ‘щедрость, великодушие, гостеприимность’; 4) **integrity, uprightness, truthfulness, sincerity** ‘прямота, прямодушие, правдивость, искренность’ [25].

Семантический объем понятия *честность* состоит из двух признаков. Ядерным признаком является **честный** (1) правдивый, прямой и добросовестный, свободный от всякого лукавства; 2) заслуживающий уважения, безупречный; 3) добросовестный, усердный) [13; 15; 17], а периферийным признаком – **честное отношение к чему-л., поведение** [17].

Объектом данного исследования является понятие *честность*, репрезентированное фразеологическими средствами в английском и русском языках. **Предметом** исследования выступают семантические и лингвокультурологические особенности анализируемых фразеологизмов. **Целью** работы является описание сходств и отличий вербализации исследуемого понятия в английской и русской фразеологических картинах мира.

Материалы и методы исследования. Материал исследования составили 140 английских и 116 русских фразеологических единиц (ФЕ), репрезентирующих понятие *честность*, отобранных из современных фразеологических и толковых словарей.

В корпус языкового материала вошли фразеологизмы, в значении которых актуализируются:

1) ядерные и периферийные признаки, составляющие семантический объем понятия, например, англ. *good faith* – the intention to be honest and helpful ‘честность, честные намерения’, рус. *с чистой совестью* ‘1) (человек) абсолютно честный, не совершивший дурного поступка’;

2) в материал включены ФЕ не только со структурой словосочетания, но и со структурой предложения, являющиеся пословицами и поговорками, например, англ. *Honesty is the best policy* ‘Честность – лучшая политика’, рус. *Глаза открываются (открылись)* ‘кто-л. освобождается от заблуждений, узнает истинный смысл чего-л.’;

3) рассмотрения также заслуживают языковые единицы, являющиеся фразеологическими антонимами, вербализующими отрицательный полюс оппозиции ценность / антиценность. Такими единицами являются, например, англ. *by fair means or foul* ‘всеми правдами и неправдами’ – if someone tries to achieve something by fair means or foul they are prepared to use any possible method to achieve it, and they do not care if their behaviour is dishonest or unfair / *fair dinkum* ‘воздавать должное, оценить кого-л. по справедливости’ – 1) genuine or true; 2) (of behaviour) acceptable; рус. *кривить душой* ‘быть неискренним, лицемерить, намеренно говорить неправду’ / *душа нараспашку* ‘чистосердечный, прямодушный, откровенный’.

В ходе исследования были использованы: метод фразеологической идентификации для выявления фразеологичности того или иного устойчивого словесного комплекса; сопоставительный метод для установления общих и отличительных семантических черт фразеологизмов в анализируемых языках; контекстуальный анализ для изучения функционирования ФЕ в контекстах;

лингвокультурологический анализ, применяющийся для определения влияния национально-культурных факторов на формирование целостного значения ФЕ и для описания специфики английской и русской ценностной картины мира.

Основная часть. Семантические особенности ФЕ, объективирующие понятие *честность*, представлены в таблице следующим образом:

- ядерные и периферийные признаки понятия, реализуемые в значении анализируемых ФЕ;
- признаки, отсутствующие в семантическом объеме понятия, однако реализуемые в значении ФЕ и, таким образом, расширяющие объем исследуемого понятия;
- признаки фразеологических антонимов.

Таблица. Семантические особенности фразеологической репрезентации понятий *honesty* 'честность' и *честность*

| № | Тип семантического признака | Наименование признака | | Кол-во ФЕ | |
|----|--|---|---|-----------|----------|
| | | англ. яз. | рус. яз. | англ. яз. | рус. яз. |
| 1. | Ядерный признак понятия <i>honesty</i> / <i>честность</i> , реализуемый в значении ФЕ | the quality of being honest 'честность как качество человека' | честный: 1.1 черта характера; 1.2 не способный украсть или смошенничать; не допускающий обмана, мошенничества; основанный на таком способе приобретения чего-л. | 19 (13%) | 6 (5%) |
| | | | | | 1 (1%) |
| 2. | Периферийный признак понятия <i>honesty</i> / <i>честность</i> , реализуемый в значении ФЕ | appropriateness, decency, decorum 'уместность, благопристойность, подобающее поведение' | честное отношение к чему-н., честное поведение | 29 (21%) | 6 (5%) |
| | | integrity, uprightness, truthfulness, sincerity 'прямота, прямотушие, правдивость, искренность' | | 46 (33%) | |
| | | generosity, liberality, hospitality 'щедрость, великодушие, гостеприимность' | | 8 (6%) | |
| 3. | Дополнительные признаки (т.е. отсутствующие в семантическом объеме понятия, однако реализуемые в значении ФЕ и, таким образом, расширяющий | assurance of honesty 'заверение в честности' | заверение в честности | 6 (4%) | 13 (11%) |
| | | | откровенность, искренность | | 26 (22%) |

| | | | | | |
|--------------|-------------------------------------|---|---------------------|-------------------|-------------------|
| | объем понятия) | | правда, правдивость | | 30 (26%) |
| 4. | Признаки фразеологических антонимов | + | + | 32 (23%) | 34 (30%) |
| Всего | | | | 140 (100%) | 116 (100%) |

Фразеологическая репрезентация понятия *honesty* ‘честность’ в английском языке.

Анализ семантического объема понятия *honesty* ‘честность’ позволяет классифицировать корпус материала согласно выявленным признакам.

1) Ядерный признак **the quality of being honest** ‘честность как качество человека’ обнаружен в значении 19 ФЕ (13%). Например, ФЕ *straight arrow (straight as an arrow)* ‘честный, добропорядочный’ дефинируется как ‘a person who is very honest or who never does anything exciting or different’ [22]; an honest, ethical person who makes good decisions [24]. Примером реализации данного признака выступает контекст: *Kristen was often mocked by her peers for being a straight arrow who always followed the rules and stayed out of trouble* [24]. Фразеологизм выполняет экспрессивно-образную функцию. Образ ФЕ построен на сравнении, уподобляющем полет стрелы с прямой линией, и датируется средневековыми временами. У Джеффри Чосера в «Рассказе мельника» был другой вариант данной ФЕ: «*Long as a mast, and right as a bolt*», *bolt* – короткая, тяжелая стрела, используемая с арбалетом [23]. В середине XX века в колледжах так называли студента, который не употреблял алкоголь и наркотики. Компонент *arrow* ‘стрела’ соотносится с предметно-вещевым кодом культуры, компонент *straight* ‘прямой’ обозначает честного человека. Таким образом, ФЕ содержит стереотипное представление о морально правильном человеке, следующему правилам.

2) Периферийный признак **appropriateness, decency, decorum** ‘уместность, благопристойность, подобающее поведение’ объективирован в значении 29 ФЕ (21%). Например, ФЕ *whiter than white* ‘белее белого’ дефинируется как ‘1) If someone is whiter than white, their actions are always completely honest and moral’ [21]; ‘2) morally beyond reproach’ [24]. Примером реализации данного признака выступает контекст: *He is an elected member of parliament and must be seen to be whiter than white* [21]. Фразеологизм выполняет экспрессивно-образную функцию. Компонент *white* ‘белый’ и его сравнительная степень *whiter* ‘белее’ соотносятся с цветовым кодом культуры и символизируют чистоту, честность, неподкупность. Повторное использование прилагательного с его сравнительной степенью направлено на усиление и подчеркивания данного качества. ФЕ является эталоном безупречного, честного поведения человека и его поступков.

3) Периферийный признак **integrity, uprightness, truthfulness, sincerity** ‘прямота, прямотуше, правдивость, искренность’ реализуется в значении 46 ФЕ (33%). Например, ФЕ *gospel truth* ‘чистая правда, непреложная истина’ дефинируется как ‘the unquestionable truth’ [20]; ‘something that is unquestionably true’ [23]. Примером реализации данного признака выступает контекст: *He added: ‘I think Esther Rantzen does a tremendous amount of good work, but she is a media star and I would hope that she will realise that people accept what she says as gospel truth’* [The Guardian, electronic edition of

1989-12-08: Home news pages⁷]. Фразеологизм выполняет экспрессивно-образную функцию. Лексема *gospel*, которая происходит от древнеанглийского *god spel* ‘благая весть’, используется для описания того, что считается таким же верным, как библейское евангелие (бесспорно верным) с XIII века [23]. В Христианстве Евангелие – это четыре библейские книги, описывающие жизнь и учения Иисуса Христа [21]. Компонент *gospel* ‘евангельский’ соотносится с духовно-нравственным кодом культуры и обозначает что-либо истинное. В целом ФЕ содержит стереотипное представление о прописной истине, правде.

4) Периферийный признак **generosity, liberality, hospitality** ‘щедрость, великодушие, гостеприимность’ зафиксирован в значении 8 ФЕ (6%). Фразеологизм *to give someone the shirt off one’s back* ‘широкая душа’ дефинируется как ‘to act in a very generous and selfless manner’ [24]; ‘to give one’s all; the ultimate in generosity’ [23]. Примером реализации данного признака выступает контекст: *I’m not surprised that Tammy loaned you money – she would give anyone the shirt off her back* [24]. Фразеологизм выполняет результативную функцию. Элинор Уайли использовала ФЕ в своём ироничном стихотворении «Portrait in Black Paint»: ‘*She’d give the shirt from off her back except that she doesn’t wear a shirt*’. Компонент *back* ‘спина’ соотносится с соматическим кодом культуры. Компонент *shirt* ‘рубашка’ ассоциируется с предметно-вещевым кодом культуры и символизирует материальные блага человека. Таким образом, ФЕ содержит стереотипное представление о великодушии, щедрости человека, готового поделиться последним с ближним.

5) Также в эмпирическом материале был зафиксирован дополнительный признак, не входящий в семантический объем понятия – **assurance of honesty** ‘заверение в честности’ (6 ФЕ, 4%). Фразеологизм *honest to goodness/God/Pete/ honest Injun* ‘честное слово, ей-Богу!’ трактуется как ‘1) express. truly; I swear this is true’; ‘2) adj. genuine; actual’ [23]. Примером реализации данного признака выступает контекст: *Honest to goodness, how are we supposed to finish this project on time with half of our staff laid off?* [24]. Фразеологизм выполняет эмоционально-экспрессивную функцию. Фразеологизм и его варианты, обозначающие заверение в правдивости и достоверности слов, датируются примерно 1900 годом. Первым вариантом был *honest to God*, который появился в романе «Лунная долина» Джека Лондона (1913). Лексемы *goodness* и *Pete*, вероятно, являются эвфемизмами лексеме *God*, которые некоторые могли бы считать богохульными. Другим эквивалентом, в наше время считающийся оскорбительным, является *honest Injun* (or *Indian*), датируемый второй половиной 1800-х годов и популяризированный Марком Твенном в «Приключениях Гекльберри Финна» и «Приключениях Тома Сойера». Компонент *God* ‘Бог’ соотносится с духовно-нравственным кодом культуры. ФЕ содержит стереотипное представление об обещании и заверении кого-л. в честности своих слов.

Отдельного изучения заслуживают фразеологические антонимы (32 ФЕ, 23%), которые являются членами оппозиции ценность / антиценность, так как их противопоставление подчеркивает важность ценностей. В их значении зафиксированы такие признаки: **нечестное отношение, поступок** (27 ФЕ, 19% – *to get your hands dirty* ‘замарать руки чем-л.’); **неискренность, притворство** (4 ФЕ, 3% – *to shed crocodile tears* ‘лить крокодиловы слезы’); **чересчур щедрый человек** (1 ФЕ, 1% – *generous to a fault* ‘широкая душа’).

⁷ Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc>

Фразеологическая репрезентация понятия *честность* в русском языке.

В результате анализа семантического объема понятия *честность* корпус материала был классифицирован согласно выявленным признакам.

1) Ядерный признак **честный** реализован в значении фразеологизмов, обозначающих:

1.1) **черту характера** (отличающийся неспособностью врать, открытостью, прямоотой) 6 ФЕ (5%). Например, ФЕ *душа нараспашку* дефинируется как ‘чистосердечный, прямодушный, откровенный’ [12]. Примером реализации данного признака является контекст: *В автомобиле Тимерьяна Ражапова я оказалась вместе с энергичной, деловитой, прямой Розой Исламовой (ветеран боевых действий, она служила в медико-санитарном батальоне в Афганистане и в Чечне, много раз ездила в ЛНР с гуманитарным конвоем), интеллигентной, уравновешенной Илюзой Гайнуллиной – председателем совета ветеранов 112-й Башкавдивизии и искренней, открытой – душа нараспашку!* [Светлана Беллендир. Уфа – Луганск. Дорога дружбы // «Бельские просторы», 2018⁸]. Фразеологизм выполняет резюмирующую функцию. Также были обнаружены контексты, в которых ФЕ приобретает дополнительные значения: 1) щедрый: *Это было худой приметой. – Зимой брюхо скажет, сколько гусей-уток с озера пришло. Весной птицу только дураки да жадные считают. А у меня душа нараспашку – бери, коли есть...* [Евгений Пермяк. Бабушкины кружева (1955-1965)]; 2) доверчивый: *Вы скажете: революционер всегда лжет, эта ложь праведна. Конечно, лжет и, конечно, праведна... А все-таки ложь. И особенно – вы заметили? – трудно лгать вот такому Стрелову: хоть он и пьяница и каналья, но у него душа нараспашку, и он каждой басне поверит...* [Б.В. Савинков (В. Ропшин). То, чего не было (1918)]; 3) ненадежный, безответственный: *Тарас хозяйственный, все тащил домой, Герасим безалаберный, душа нараспашку, мало беспокоился о семье, детях, жена вела хозяйство* [Лариса Наумова. Последняя книга писателя // «Дальний Восток», 2019]; 4) открытый (о помещении, мебели): *Вместе с Реомюром поднимались все обитатели нашей квартирки. Буфет стоял – душа нараспашку. Он был гол и пуст, хоть в кегли играй, то есть хоть шаром покати. Мы ели пресную кашу из тыквы и пили арбузный чай с сахарином* [Л.А. Кассиль. Кондуит и Швамбрания (1928-1931)]. Компонент *душа* соотносится с духовно-нравственным кодом культуры и обозначает духовную составляющую человека, которая, по мнению наших предков, находится в «ямочке на шее, над грудной костью, под кадыком» [11]. Когда человек распахивал ворот рубахи, демонстрируя эту ямочку, он показывал своему собеседнику открытость своих намерений, отсутствие тайных умыслов. Образ ФЕ строится путем метонимического переноса – открытая душа отождествляется с прямодушным и откровенным человеком. ФЕ выступает эталоном чистосердечного, прямого человека.

1.2) **не способный украсть или смошенничать; не допускающий обмана, мошенничества; основанный на таком способе приобретения чего-л.** (1 ФЕ (1%). ФЕ *кровные деньги* (прост., экспрес.) обозначает ‘достаток; деньги, заработанные честным тяжёлым трудом фразеологизм’ [18]. Примером реализации данного признака выступает контекст: *Представьте себе чувства верующих, которые на свои **кровные деньги** пытаются восстановить этот уникальный исторический и религиозный памятник* [Лада Юрьева. Адвокатура и гражданское общество: мы только в начале пути (2004) // «Адвокат», 01.12.2004]. ФЕ выполняет экспрессивно-образную функцию. Компонент *кровь* соотносится с соматическим кодом культуры и символизирует

⁸ Здесь и далее примеры взяты из <https://ruscorpora.ru>.

жизненную энергию человека, затраченную на усилия, направленные на результат какой-либо деятельности. Фразеологизм выступает эталоном честного заработка.

2) Периферийный признак **честное отношение к чему-н., честное поведение** реализован в значении 6 ФЕ (5%). Например, ФЕ *идти прямой дорогой (путем)* означает ‘жить честно, действовать без уловок и обмана для достижения чего-л.’ [16]. Примером реализации данного признака является контекст: *Позже появились и четверостишия гвардии капитана П. Барышева в их честь: К высокому знай верный путь, / Иди прямой дорогой к свету. / Как рыцарь безупречным будь / И верен данному обету. / В дни юности и дни седин / Будь Родины своей достоин. / И твёрдо помни, что один / И тот на ратном поле – Воин!* [А.Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)]. Фразеологизм выполняет директивную функцию. Данный фразеологизм также упомянут в Священном Писании: 1) *Кто идет прямой дорогой, тот спокоен, а кто петляет – тот и попадетсЯ. 2) Праведность и непорочность ведут прямой дорогой, а нечестивец падет в своем злодействе.* Образ фразеологизма построен при помощи компонента *прямой*, который соотносится с пространственным кодом культуры. В основе образа фразеологизма лежит оппозиция «прямой/окольный», в этом противопоставлении компонент *прямой* соответствует представлениям о хорошем, правильном, честном, а компонент *окольный* ‘связан с уловками, хитростями в достижении чего-л.’ [13]. Компонент *дорога* является метафорическим переосмыслением жизни. 6ФЕ содержит стереотипное представление о честной жизни.

3) В эмпирическом материале также был обнаружен дополнительный признак **заверение в честности** (13 ФЕ, 11%), не входящий в семантический объем понятия. Например, ФЕ *отсохни (у меня) язык* (прост., экспрес.) дефинируется как ‘клятвенно заверяю, что сказанное мною – правда’ [18]. Примером реализации данного признака является контекст: – *Да нет же, мастер, не украл, ей-Богу. Чтоб мне на этом месте провалиться, отсохни язык мой, если я в кости не выиграл!* [Д.С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи (1901)]. Фразеологизм выполняет волюнтаривную функцию. Компонент *язык*, соотносимый с соматическим кодом культуры, обозначает орган речи, участвующий в образовании звуков речи и тем самым в словесном воспроизведении мыслей [13]. Компонент *отсохнуть* означает перестать функционировать. Таким образом, человек, имеет в виду, что в случае неправдивости своего высказывания, готов лишиться дара речи. ФЕ содержит стереотипное представление о клятвенном заверении в честности и правдивости своих слов.

4) Еще одним дополнительным признаком, нашедшим отображение в значении фразеологизмов (26 ФЕ, 22%), является **откровенность, искренность**. ФЕ *изливать душу кому-л., перед кем-л.* означает ‘откровенно рассказывать кому-л. о том, что волнует, что наболело’ [12]. Примером реализации данного признака является контекст: *Но ведь и ей требовалось **изливать душу**, искать с кем-то вместе ответы на волнующие ее вопросы, и, быть может, Алексей показался ей наиболее развитым из ее поклонников* [Н.И. Ильина. Дороги и судьбы (1957-1985)]. Фразеологизм выполняет экспрессивно-образную функцию. Источником происхождения фразеологизма является Ветхий Завет, в котором фразеологизм использовался в значении ‘обращаться к Господу с молитвами’. В русском языке происхождение ФЕ также связывают с таинством исповеди, когда верующий каялся в грехах и изливал душу перед священником. Компонент *душа* соотносится с религиозно-нравственным кодом культуры и является сосредоточием как хороших, так и дурных (грешных) помыслов

человека. ФЕ содержит стереотипное представление об откровенном высказывании своих чувств.

5) Наиболее номинативно плотным признаком является **правда, правдивость** (30 ФЕ, 26%). ФЕ *великая (сермяжная) правда* (шутл.) ‘безыскусственная, идущая от самого существа чего-н.’ [13]; (ирон.) 1) истина; правда; настоящие мотивы действий, истинная подоплека событий и пр.; 2) прописная истина, выдаваемая за глубокую народную мудрость (ирон.) [18]. Примером реализации данного признака является контекст: *В словах следователя была, увы, сермяжная правда: работать Гена Колосенцев умел очень хорошо, но не любил* [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)]. Источником происхождения ФЕ является роман «Золотой теленок» (1931) советских писателей И. Ильфа и Е. Петрова: *Может быть, так надо! Может быть, именно в этом великая сермяжная правда! – Сермяжная? – задумчиво повторил Бендер. – Она же посконная, домотканая и кондовая? Так, так. В общем, скажите, из какого класса гимназии вас вытурили за неуспешность? Из шестого?* [Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок (1931)]. Фразеологизм выполняет текстообразующую функцию. Компонент *сермяга* (устар.) обозначает грубое некрашеное сукно, а также кафтан из такого сукна [13] и соотносится с предметно-вещевым кодом культуры. Простая и неприукрашенная правда сравнивается с грубой, незатейливой, некрашеной одеждой крестьян дореволюционной России. ФЕ выступает эталоном неприукрашенной правды.

В русском языке также были зафиксированы фразеологические антонимы (34 ФЕ, 30%), в значении которых отмечены следующие признаки: **нечестное отношение, поступок, обман** (16 ФЕ, % – *фиговый листок* ‘лицемерная, плохо скрытая маскировка подлинных намерений, нечестных, предосудительных’); **способный к мошенничеству** (1 ФЕ, %) – *нечист на руку* ‘склонен к мошенничеству, к всевозможным нечестным приемам, к воровству’); **иронично о человеке** (1 ФЕ, % – *ходячая добродетель* (ирон.) ‘человек, выставляющий напоказ свою добропорядочность’); **нечестный заработок** (6 ФЕ, %) – *на обухе рожь молотить* ‘обогащаться нечестным путём, делать всё, чтобы разбогатеть’); **не сдержат данное слово** (2 ФЕ, % – *нарушат (нарушить) (свое) слово* ‘не выполнять обещанное’); **врать** (6 ФЕ, % – *насыпать с три короба* ‘наврать, наплести, наобещать и т.д.’); **лицемерие, неискренность** (1 ФЕ, % – *лить крокодиловы слезы* ‘лицемерно жаловаться, притворно, неискренне сожалеть’); **небылица** (1 ФЕ, % – *развесистая клюква* ‘небылица, выдумка; что-либо лишённое правдоподобия’).

Заключение. Сопоставительный анализ семантического объема лексем *honesty* ‘честность’ и *честность* показывает, что эти лексеммы имеют различный семантический потенциал. Семантический объем лексеммы *honesty* ‘честность’ состоит из пяти признаков, а в семантический объем лексеммы *честность* входят два признака. Общими признаками в значении фразеологизмов являются: **честность как качество человека; честное отношение к чему-н., честное поведение; заверение в честности.** Универсальные черты, зафиксированные при сопоставительном анализе семантики английских и русских фразеологизмов, обусловлены общезначимым характером ценности *честность*. Еще одна общая черта фразеологической вербализации заключается в том, что во фразеологизмах обоих языках объективированы ядерные, периферийные и дополнительные признаки понятия *честность*.

Отличием является то, что в английском языке наибольшей номинативной плотностью характеризуется признак **прямота, прямодушие, правдивость, искренность**, а в русском – **правда и правдивость.** Признак **щедрость, великодушие,**

гостеприимность реализован только в значении английских фразеологизмов. В русском языке в отличие от английского зафиксировано большее количество фразеологических антонимов (30% и 23% соответственно). В обеих лингвокультурах порицается **нечестное отношение, поступок; неискренность, притворство, лицемерие**. В английском языке также была отмечена ФЕ, называющая **чересчур щедрого человека**, а в русском – **способного к мошенничеству; нечестный заработок; не сдержат данное слово; небылицу**.

В результате анализа текстовых примеров, иллюстрирующих функционирования фразеологизмов, репрезентирующих понятие *честность* установлено, что основными функциями ФЕ в английских примерах являются экспрессивно-образная, результативная и эмоционально-образная. В русском языке были установлены резюмирующая, экспрессивно-образная, директивная, волюнтаристическая, а также текстообразующая функции. Еще одним отличием является то, что в русской фразеологической единице *душа нараспашку* приобретает дополнительные значения в текстовых примерах.

Изучение компонентного состава фразеологизмов, вербализующих понятие *честность*, позволило установить, что фразеологизмы с разным компонентом составом отличаются культурным своеобразием. Отдельного изучения заслуживают художественные произведения, обычаи, повлиявшие на происхождение фразеологизмов. Например, происхождение проанализированных английских единиц связано с произведениями Джека Лондона и Марка Твена, с добропорядочными студентами XX века. Изучение фразеологизмов русского языка позволило проследить связь происхождения и компонентного состава фразеологизмов со Священным писанием, а также романом «Золотой теленок». Отличительная особенность кодирования исследуемых фразеологизмов заключается в том, что в английском языке был выделен цветовой код культуры, а в русском – соматический и пространственно-временной.

Выделенные в образах ФЕ коды культуры позволили установить, что английские фразеологизмы содержат стереотипные представления о морально правильном человеке; истине, великодушии; об обещании. Стереотипы, отображенные в русских фразеологизмах, называют честную жизнь; заверение в честности; откровенное высказывание своих чувств. Также в образах ФЕ были выявлены эталоны: эталон честного поведения в английском языке и эталон честного заработка; честного человека; правды в русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аронсон Д.О. Честность с прагматической точки зрения / Д.О. Аронсон // Человек. – 2021. – Т. 32. № 3. – С. 97–106. DOI: 10.31857/S023620070015648-9
2. Белобрыкина О.А. Категория «честность» как социально-психологический феномен: краткий очерк историогенеза научных и общественных представлений о содержании понятия (сообщение 2) / О.А. Белобрыкина // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2018. – №3. – С. 43–63.
3. Вабищевич Т.А. Репрезентация честности в пословицах и поговорках английского языка / Т.А. Вабищевич, А.Б. Яковлев, Н.А. Арбузова // Наука в современном обществе: закономерности и тенденции развития : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Тюмень, 12 июля 2022 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2022. – С. 110–113.
4. Гусейнов А.А. Словарь по этике / Под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. – 6-е изд. – М.: 1989. – 396 с.
5. Кузнецов В.Г. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 731 с.

6. Оконешикова Н.Л. Исследование ценности «честность» у представителей народа саха (Якутия) / Н.Л. Оконешикова, В.С. Лукина // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. – 2022. – № 3. – С. 87–101.
7. Омарова П.М. Репрезентация моральной ценности «честность» в английском и русском языках на материале паремий и афоризмов / П.М. Омарова, М.И. Минкаилова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2020. – №2. – С. 68–74.
8. Хлопова А.И. Трансформация содержания базовой ценности Ehrlichkeit (честность) в немецкой лингвокультуре / А.И. Хлопова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 49–57.
9. Цзян Цзыюэ. Лингвокультурологический анализ паремий, вербализующих концепт «честность» (на примере русского и китайского языков) / Цзыюэ Цзян // Молодой ученый. – 2024. – № 12 (511). – С. 129–131.
10. Byessonova O.L. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community / O.L. Byessonova // The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries [Collective monograph] / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová. – Skopje : Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. – Pp. 259–284.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
12. Жуков В.П. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А. И. Фёдоров. – 5-е изд., стер. – СПб.: Вариант, 1994. – 543 с.
13. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 23.10.2024).
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. – М.: Издательство «Мир и Образование»; Издательство «ОНИКС-ЛИТ», 2024. – 1360 с.
16. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, И.В. Зыкова, С.В. Кабакова, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, В.Н. Телия. – М.: Ридерз Дайджест, 2012. – 781 с.
17. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: «Аделант», 2014. – 800 с.
18. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
19. British National Corpus. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc> (accessed 23.10.2024).
20. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. – Glasgow: HarperCollinsPublishers, 2003. – 1712 p.
21. Collins Cobuild Dictionary of Idioms. – London: HarperCollins Publishers Ltd., 2002. – 496 p.
22. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 1796 p.
23. The American Heritage Dictionary of Idioms / Ammer Ch. – Boston.: American Heritage, 1997. – 190 p.
24. The Farlex Idioms and Slang Dictionary. – Farlex International, 2017. – 472 p.
25. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / Brown L. – Michigan: Clarendon Press, 1993. – 3801 p.

REFERENCES

1. Aronson D.O. (2021). Chestnost s pragmatischey tochki zreniya [Fairness from a Pragmatic Point of View]. In Chelovek [Person] (pp. 97–106). (In Russian) DOI: 10.31857/S023620070015648-9
2. Belobrykina O.A. (2018). Kategoriya "chestnost" kak socialno-psikhologicheskiy fenomen: kratkiy ocherk istoriogeneza nauchnykh i obshchestvennykh predstavleniy o sodержanii ponyatiya (soobshhenie 2) [The category "honesty" as a socio-psychological phenomenon: a brief outline of the historiogenesis of scientific and public ideas about the content of the concept (message 2)]. In Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoy Sibiri. [Bulletin on pedagogy and psychology of Southern Siberia]. pp. 43–63. (In Russian)

3. Vabishchevich T.A. (2022). Reprerentaciya chestnosti v poslovicakh i pogovorkakh angliyskogo yazyka [Representation of honesty in proverbs and sayings of English]. In *Nauka v sovremennom obshchestve: zakonomernosti i tendencii razvitiya* [Science in modern society: patterns and trends]. (pp. 110–113). Ufa: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu "OMEGA SAJNS". (In Russian)
4. Guseynov A.A. (1989). Slovar po etike [Ethics Dictionary]. Moscow. (In Russian)
5. Kuznetsov V.G. (2005). Slovar filosofskikh terminov [Dictionary of philosophical terms]. (In Russian)
6. Okoneshnikova N.L., Lukina V.S. (2022). Issledovanie cennosti "chestnost" u predstaviteley naroda sakha (yakutiya) [Research on the value of "honesty" among representatives of the Sakha (Yakutia) people]. In *Vestnik MGPU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology] (pp. 87–101). (In Russian)
7. Omarova P.M. (2020). Reprerentaciya moralnoy cennosti "chestnost" v angliyskom i rusском yazykakh na materiale paremiy i aforizmov [Representation of the moral value of "honesty" in English and Russian on the material of paremiyas and maxims]. In *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Dagestan State University] (pp. 68–74). (In Russian)
8. Khlopova A.I. (2023). Transformaciya sodержaniya bazovoy cennosti Ehrlichkeit (chestnost) v nemeckoy lingvokulture [Transformation of Ehrlichkeit (Honesty) Core Value Content in German Linguoculture]. In *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Human Science: Humanities Research] (pp. 49–57). (In Russian)
9. Czryan Czzyyue (2024). Lingvokulturologicheskiy analiz paremiy, verbalizuyushchikh koncept «chestnost» (na primere russkogo i kitayskogo yazykov) [Linguoculturological analysis of paremiyas verbalizing the concept of "honesty" (using the example of Russian and Chinese)]. In *Molodoy uchenyy* [Young scientist] (pp. 129–131). (In Russian)
10. Byessonova O.L. (2021). Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community. In: *The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries* [Collective monograph] / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová. – Skopje : Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University. (pp. 259–284). (In English)

Поступила в редакцию 13.12.2024 г.

PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF *HONESTY* IN ENGLISH AND RUSSIAN WORLDVIEWS

D.A. Garmash

The article addresses similarities and differences of phraseological verbalization of the notion *honesty* in English and Russian. The topicality of the study can be accounted for by linguocultural and comparative approaches to the analysis of the semantic features of phraseological units representing the notion *honesty* in English and Russian. The convergences manifest themselves in such semantic features as “honesty regarded as a quality of a person”, “honest attitude to something, honest behavior”, “assurance of integrity”. The divergences concern the fact that different semantic features are characterized by the highest degree of nominative density. In English it is the semantic feature “directness, straightforwardness, truthfulness, sincerity”, and in Russian it is the semantic feature “truth and truthfulness”. The semantic feature “generosity, hospitality” is observed only in the meaning of English phraseological units. In Russian, unlike English, phraseological antonyms turn out to be more numerous.

Key words: value, honesty, semantic volume, phraseological unit, cultural code, standard, stereotype.

Гармаш Дарья Алексеевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк. Российская Федерация,
Преподаватель кафедры английской филологии.
ORCID: 0000-0001-5724-1989.
E-mail: daria.garmash@list.ru.

Garmash Daria Alekseevna.

Donetsk State University, Donetsk,
Russian Federation.
Lecturer of English Philology Department.
ORCID: 0000-0001-5724-1989.
E-mail: daria.garmash@list.ru.

Научная статья

УДК 81-139

DOI: 10.5281/zenodo.14515118

ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧЕВОГО ДОМИНИРОВАНИЯ СУДЕЙ НА СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ В ЗЕРКАЛЕ КОНВЕРС-АНАЛИЗА

© 2024 О.Е. Зайкина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID 0009-0007-0028-0072



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Аннотация. Вопросно-ответное взаимодействие относится к способу проявления власти в разговоре и инструментам речевого контроля. С точки зрения конверсационного анализа перебивы и наложения речи делают возможным проявлять власть по отношению к участникам взаимодействия, что позволяет считать их признаками речевого доминирования. В настоящей статье приведены результаты исследования вопросительных реплик судей на заседаниях, а также реплик с наложениями речи и перебивами, инициированными судьями. Количественный анализ данных транскриптов 20 видеозаписей судебных заседаний длительностью 9 ч. показал, что судьи чаще других участников задают вопросы, а также склонны инициировать наложения речи и перебивы. Метод конверсационного анализа, применённый при проведении настоящего исследования, выявил, что вопросы в речи судьи являлись универсальным инструментом при регулировании речевого взаимодействия в суде. Например, они не только структурировали судебное заседание, но и использовались для выявления дополнительных необходимых фактов. Перебивы и наложения речи, инициированные судьями, также позволяли контролировать тематику разговора. Исходя из этого, можно предположить, что исследуемые явления позволяют судьям добиваться институциональных целей заседания.

Ключевые слова: судебный дискурс, институциональные роли, речевое доминирование, конверсационный анализ, вопросы, перебивы, наложения речи.

Для цитирования: Зайкина О.Е. Характеристики речевого доминирования судей на судебном заседании в зеркале конверс-анализа / О.Е. Зайкина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 136–153. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14515118>.

Введение. Судебное заседание имеет специфическую форму, включающую в себя вопросно-ответное взаимодействие по очереди. Подобное свойство позволяет управлять ситуацией, когда участников много, и определять, кто и в какой момент может выступать в разговор. Очереди контролируются судьёй, что налагает ограничения на участников и придаёт взаимодействию формализованную структуру [9]. Кроме того, взаимодействие судьи и представителей сторон включает в себя наличие наложений речи (*overlaps*), возникающих в случаях одновременного говорения двух участников взаимодействия, а также перебивов (*interruptions*).

Взаимодействие на судебном заседании изучается при помощи различных подходов, одним из которых является конверсационный анализ (далее – СА). Данная методика возникла вслед за изучением повседневного взаимодействия как системы рутинных действий, которые упорядочены и воспроизводимы в определённых контекстах (в т.ч. в суде). Повторяющиеся действия, направленные на то, чтобы воспроизвести ситуацию суда и регулировать её ход, составляют «форму», которую

И. Гофман называет «фрейм» [15]. Отличительной чертой СА является использование натуральных (так называемых «сырых») эмпирических данных, позволяющих наиболее полно отобразить речевые события [31; 23, с. 13]

Материалом исследования послужили транскрипты 20 видеозаписей судебных заседаний общей длительностью порядка 9 ч., размещённых на You-tube канале судов общей юрисдикции г. Москвы, примерные даты которых 2018-2020 гг. Транскрибирование видеозаписей осуществлялось с учётом детальной фиксации паралингвистических явлений, которые могут оказать возможное влияние на структуру и ход разговора, например, пауз, просодии, громкости, скорости и т.д. [4, с. 127]. В Приложении приведён список использованных помет, при помощи которых размечались характеристики речи на судебных заседаниях.

Транскрипт позволяет проследить за тем, как разговор проходит в реальном времени, и исследовать его структуру, которая будет поддерживаться участниками взаимодействия. Несмотря на это, транскрипт не заменяет оригинальную запись разговоров, а является инструментом, используемым для анализа структуры разговора [22], [34], [10].

Целью настоящей статьи является анализ проявлений речевого доминирования в зале суда, а именно вопросов судьи к представителям сторон судебного процесса, а также наложений речи и перебивов, инициированных судьёй. В частности, предполагается проанализировать **ситуации** возникновения проявлений доминирования, а также то, как при помощи маркеров речевого доминирования **регулируется взаимодействие** в рамках существующих ожиданий от судебного заседания.

Краткая характеристика речевого взаимодействия в ситуации суда.

Ведущая роль на судебном заседании принадлежит судье, который контролирует порядок его проведения [2, с. 54]. Одна из функций судьи – воспроизведение структуры взаимодействия, регламентированной Кодексами (ср., например, такие реплики, как *Судебное заседание объявляется открытым, Судебное заседание окончено* и пр.).

Наличие подобных реплик позволяет говорить о том, что судебный дискурс подчинён определённому порядку. Например, начало каждого этапа характеризуется употреблением судьёй особых речевых актов (декларативов), служащих различным коммуникативным целям, например объявлению новых этапов судебного заседания, ср. примеры (1), (2), (3):

(1) *% Тверским районным судом города Москвы э в судебном заседании подлежит рассмотрению ... жалоба , поданная .. Вренёвой Анастасией Александровной .. на постановление и на решение э-э органов по делу об административном правонарушении .*

(2) *+суд переходит к судебным прениям+ .*

Декларативные речевые акты также включают в себя объяснение участникам заседания их прав (ср. пример 3):

(3) *... <1,0> проясняю права , предусмотренные статьями +четыре , тринадцать тридцать пять , тридцать девять , пятьдесят шесть+ УПК РФ .*

Кроме того, декларативные речевые акты используются при изложении сущности правонарушения, отражённой в процессуальных документах, присутствующих различным делам, ср. примеры (4), (5), (6):

(4) *докладывается исковое заявление и встречный иск .*

(5) *рассматривается гражданское дело по иску ,*

(6) *если никаких других ходатайств нет ,*

... докладываю .

Профессиональные участники заседания обладают правом вести судебное заседание и специальными знаниями, необходимыми для воспроизведения его структуры. В том, что судьи на этапе открытия заседания, рассмотрения дела по существу и перехода к судебным прениям используют специальные фразы, можно разглядеть элемент ритуализированности, в то время как прения сторон могут до определённого момента принимать соревновательный характер, что также контролируется судьёй. Элементы судебного заседания позволяют говорить о том, что они соответствуют определённым «формулам трансформации», т.е., ключам (например церемониалу, соревнованию), выделенным И. Гофманом и составляющим суть теории Фреймов [15; см. также 3, с. 105].

Судье требуется обращать внимание на то, как представители сторон на судебном заседании о совершённом правонарушении. Стороны (истец и ответчик) излагают свою версию событий. Таким образом, основная функция судьи на судебном заседании – это осуществление контроля [2, с. 54]. Контроль в зале суда представляет собой способность судьи управлять действиями участников заседания, не прибегая к физическому принуждению [33, с. 92]. Одна из причин, по которой должен осуществляться контроль в зале суда, – это поддержание правовой реальности, необходимой для того, чтобы не нарушалась состоятельность судебного процесса [33, с. 92].

Одним из способов контролировать заседание судьёй является **вопросно-ответная форма взаимодействия**. Возможный переход к каждому новому этапу при рассмотрении дела характеризуется вопросами судьи к представителям сторон процесса, а также к сторонам защиты и обвинения о возможности перехода к следующей фазе судебного заседания и рассмотрения тех или иных материалов дела.

Использованию вопросов участниками судебного заседания, которые выполняют в нём ведущую роль (юристами), посвящена обширная литература. В частности, в более ранних работах [11; 36] была отмечена прямая зависимость между формой вопроса и степенью контроля над ответами обвиняемых. Например, предполагалось, что вопросы, начинающиеся с вопросительных местоимений, могли побуждать к повествованию, в то время как альтернативные вопросы, подразумевающие ответ *да/нет*, ограничивали объём и смысл последующей реплики обвиняемого. При помощи вопросов судьи могут запрашивать и уточнять информацию, а также инициировать процесс дачи пояснений обвиняемым [20; 28]. Использование чётко сформулированных вопросов позволяет судье исключить лишнюю информацию о совершённом правонарушении в нарративе допрашиваемого и выстроить свою версию событий. Формат вопрос–ответ назначает фиксированные роли – того, кто спрашивает, и того, кто отвечает, вследствие чего создаёт организацию последовательности очередей говорящих (*turn-taking organization*). Это позволяет передать управление тематической организацией тому, кто задаёт вопрос [27]. В свою очередь, мы, вслед за К. Хеффером, будем понимать под тематическим контролем контроль за ходом повествования участника судебного заседания [20, с. 207].

Речевое взаимодействие можно охарактеризовать как последовательную смену реплик говорящих, организованную по очереди [5, с. 151]. Однако в естественной речи говорящие не всегда придерживаются правила, при котором возможен один говорящий за раз. Например, в повседневной речи наблюдаются ситуации одновременного говорения, которые указывают на то, что переход от одной очереди к другой не осуществляется по предполагаемому сценарию. Среди них можно выделить перебивы (*interruptions*), а также наложения речи (*overlaps*) [38]. В то же время обмен репликами при институциональном общении будет отличаться от повседневного, т.к. в нём

существуют неписанные правила ведения разговора, в т.ч. подразумевающие то, кому и когда говорить [1, с. 31].

Вышеперечисленное позволяет говорить о **речевом доминировании** на судебном заседании, которое затрагивает такие параметры взаимодействия, как контроль темы в разговоре, использование вопросов, объём речи и коммуникативный регистр [17, с. 1860]. На формирование речевого доминирования одного говорящего над другим влияют такие показатели, как асимметрия и наличие контроля. Под **асимметрией** будет пониматься дисбаланс в распределении прав на участие в разговоре, который проявляется, например, в том, что один говорящий говорит, пока другой слушает. Асимметрия также заключается в том, что один говорящий контролирует вклад другого во взаимодействие в момент коммуникации между ними. П. Линелл и Т. Лакманн выделяют различные измерения асимметрии, охватывающие объём и тему высказывания, распределение очередей и наиболее важный вклад говорящих в ход разговора [27, с. 9].

При взаимодействии с непрофессионалами (с истцами и ответчиками) судьи выясняют, что произошло на самом деле. Несмотря на то, что судья даёт возможность представить обвиняемому свою версию событий, нарратив обвиняемого ограничивается необходимостью представлять информацию по существу, и общий формат судебного разбирательства принимает достаточно жёсткий характер [6, с. 340]. Более того, достаточно часто обвиняемому не предоставляется возможности рассказать историю о совершенном правонарушении целиком, так, как она могла бы быть изложена первоначально, вместо этого судьи могут прибегнуть к тому, чтобы контролировать содержание излагаемой информации [6, с. 340]. Судьи следят за тем, как строится структура фаз на судебном заседании, как распределяются роли участников судебного заседания и их функции, а также то, какие темы важны в определённый момент рассмотрения дела. По ходу рассмотрения дела судьи также контролируют смысл полученных ответов, давая оценочные комментарии и утверждения того, что является подтвержденными фактами. Кроме того, судьи могут вмешиваться в ход объяснений как обвиняемых, так и свидетелей, представляя различные переформулировки и переосмысления того, что они сказали [6, с. 340].

Судебное заседание как коммуникативное событие.

В ходе судебного заседания можно выделить несколько **фаз**, для каждой из которых характерны свои виды речевой активности (актуализация судьёй прав участников заседания, задавание вопросов, доклад судьи о рассматриваемом деле, рассказ представителей сторон о факте совершённого правонарушения). Очереди говорения на суде распределяются заранее [12].

В уголовном процессе, несмотря на то что обвиняемый имеет право давать показания в ходе всего рассматриваемого дела, судья акцентирует внимание на самом факте дачи показаний, делая это при помощи метакоммуникативных средств, например, вопросов по приобщению ходатайств дела, которые задаются адвокату и прокурору *защитник поддерживает ..% ходатайство ? государственный обвинитель ?* После того как получен утвердительный ответ, судья актуализирует факт принятия во внимание деталей по делу: *выслушав мнение участников процесса , суд полагает возможным удовлетворить заявленное... подсудимым ходатайство и приобщить его к материалам дела.* Фазы судебного заседания регламентированы кодексами, однако проведение заседания по уголовным и гражданским делам будет проходить с некоторыми отличиями. Так, для уголовного процесса Дж. Эртейдж и С. Клайман выделяют следующие основные стадии:

- 1) допрос обвиняемого и свидетелей;

2) этап обсуждения результатов заседания [23, с. 173].

В то время как для исков по гражданским делам (различные мелкие тяжбы, досудебные сделки о признании вины, а также процедуры посредничества) выделяются такие фазы, как:

- 1) рассказ о случившемся (*storytelling*)
- 2) переговоры (*negotiations*) [23, с. 173].

Такое различие обусловлено тем, что в уголовном иске прокурор и адвокат выясняют детали совершённого правонарушения и все задачи распределяются между ними, в то время как при рассмотрении гражданских исков на судье будет лежать задача помочь спорящим и затем вынести решение.

Методика исследования.

Внутри конверс-анализа существуют две исследовательские традиции, одна из которых изучает повседневное общение, а другая – институциональное. Общение в институциональном контексте предусматривает ряд ограничений, которые отличают его от повседневного разговора. Прежде всего, это направленность участников на достижение общих целей, связанных с их профессиональными идентичностями. Подобное взаимодействие налагает специальные ограничения на вклад участника во взаимодействие, поскольку оно связано с определёнными процедурами, характерными для конкретных институциональных условий [23, с. 34]. Взаимодействие участников судебного заседания носит особый характер, т.к. в ходе него требуется установить, виновен обвиняемый или нет. В этой связи требуется не только принимать во внимание те нормы и правила, которым обязаны следовать участники судебного заседания, но и учитывать то, как они выстраивают свои коммуникативные действия, достигая определённых целей [23, с. 173]. Перебивы сигнализируют о том, что нормальный ход передачи очереди нарушается, при этом они довольно часто встречаются и неравномерно распределены в разных вариантах межличностного общения [5]. Первоначально эти явления рассматривались как нормативный компонент разговора, созданный собеседниками, а не как организующий принцип [32]. В некоторых контекстах речи перебивы воспринимаются как проявление власти [16], хотя сложно разработать единый критерий, который бы однозначно определил перебив как маркер доминирования и исключал бы другие возможные наложения речи [35]. Если говорить о повседневной речи, то при анализе перебивов требуется изучить намерения говорящих и того, как ими воспринимаются перебивы [24; 14, с. 175]. Совсем по-другому обстоят дела при общении на рабочем месте, а также при взаимодействии, которое носит формальный характер. В таком контексте наложения речи в конфликтных ситуациях с высоким напряжением, воспринимаются как проявление силы, даже если они направлены на поддержание контакта [37; 14, с. 175].

Количественный анализ. В ходе исследования осуществлялся количественный анализ вопросов, наложений речи и перебивов. На этапе подсчётов становится понятным, что судьи активно прибегают к использованию своих властных полномочий. На рисунках 1, 2, 3 приведены подсчёты характеристик речевого доминирования судей.

Вопросы в речи судей были наиболее частотны. Они позволяли осуществлять различные намерения при взаимодействии с основными участниками судебного заседания. Например, вопросы позволяли структурировать судебное заседание, уточнять детали совершённого правонарушения, выяснять те или иные факты, влияющие на установление вины обвиняемых.

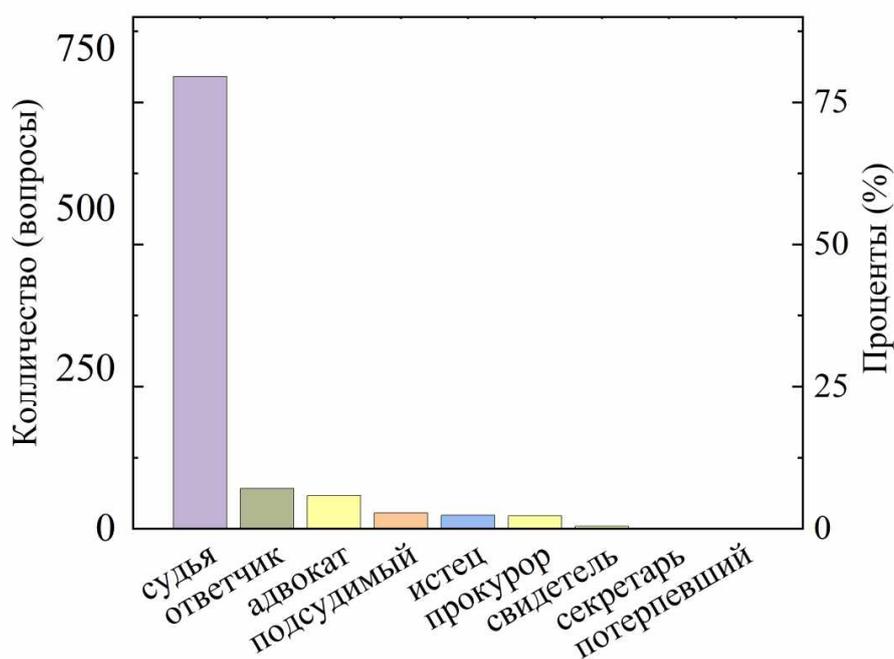


Рисунок 1. Количество вопросов на судебном заседании

Наложения речи распространены в меньшей степени, чем вопросы. Их характер различен, поскольку существовали ситуации одновременного говорения, не связанные с проявлением доминирования на суде. Под **наложениями речи** подразумеваются ситуации одновременного говорения, где говорящий продолжал свою очередь, несмотря на то, что его собеседник не закончил говорить [26]. Некоторые из наложений речи, инициированных участниками заседания, позволяли фиксировать информацию и контролировать общую направленность разговора и взаимодействие между участниками, если это было необходимо.

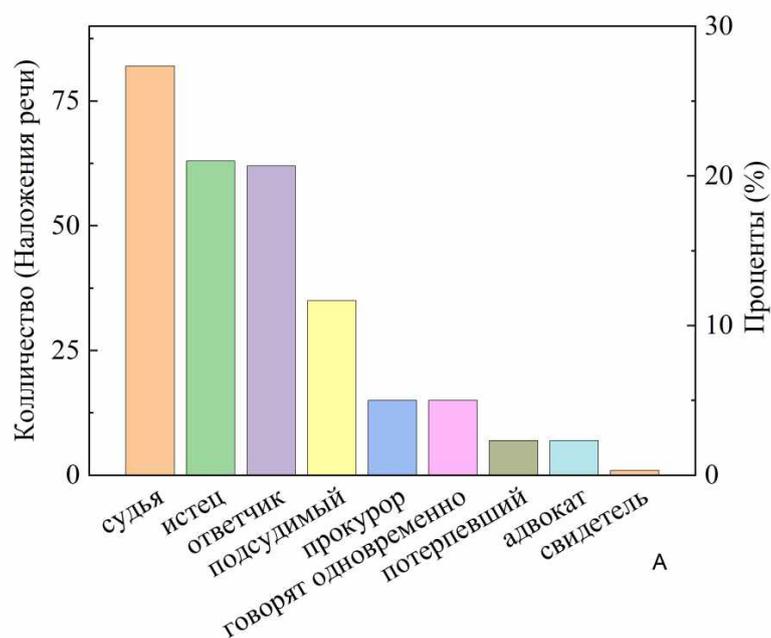


Рисунок 2. Наложения речи основных участников заседаний

Перебивы, инициируемые судьёй, позволяли осуществлять захват очереди собеседника с какой-либо целью, например для того, чтобы сменить тему на более актуальную для судьи или «проконтролировать» качество информации, представленную истцом или ответчиком, подсудимым или потерпевшим (в зависимости от характера заседания). Они позволяли судье сию минуту «помочь» истцу или ответчику подобрать нужное слово или навести на его след, так и тотчас же заставить отказаться от того, что кажется формальным, ненужным и скрывает истинный смысл того, что произошло на самом деле.

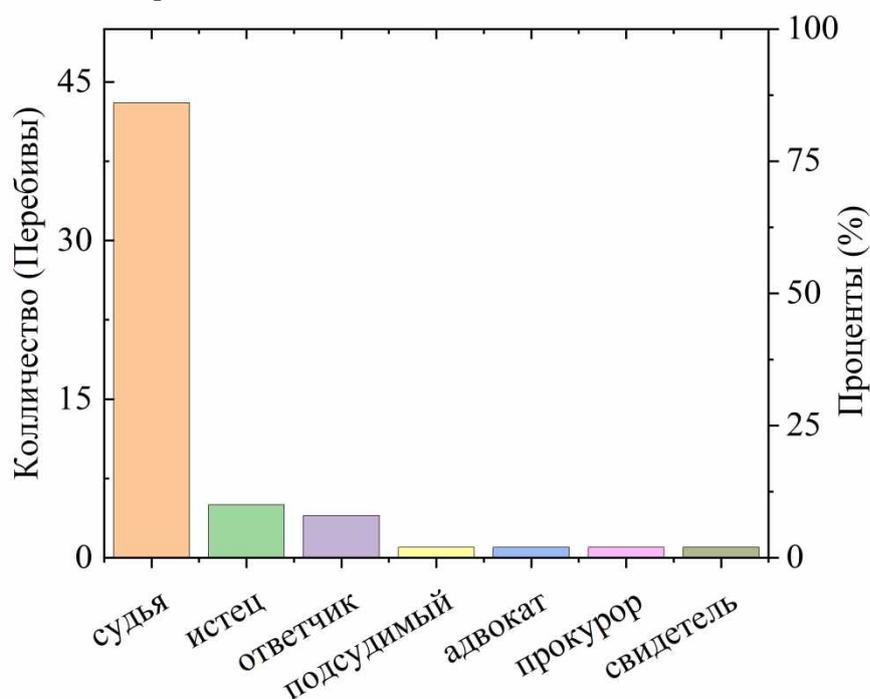


Рисунок 3. Перебивы в речи основных участников заседаний

Интересно, что следующими за судьёй по количеству инициированных наложений речи и перебивов стали представители противоборствующих сторон (в частности, истец и ответчик на гражданских заседаниях). Вероятно, более детальный анализ позволит выявить, что эксплицируют подобные явления и как в эти моменты регулируется взаимодействие судьёй.

Вопросы на судебном заседании. Речевая инициатива при допросе участников судебного заседания, а также при переходе от одного участника к другому принадлежала судье. После разъяснения прав с целью перехода к следующей фазе судья использовал полярные вопросы. Реплики судьи во время задавания вопросов длиннее реплик подсудимого – в среднем на 6–7 слов судьи приходится только 1–2 слова подсудимого. В примерах (7–8) судье требуется установить, понятны ли права подсудимого и согласен ли он с проведением судебного заседания. В реплике (7) судьёй используется обращение к подсудимому и вежливая просьба *скажите, пожалуйста*. Формальный регистр в репликах (7–8) подчёркивается судьёй при помощи кратких прилагательных *понятны, согласны*, в то время как подсудимый повторяет конец реплик судьи:

(7) [Судья] *Денис Юрьевич, скажите, пожалуйста, разъяснённые права вам понятны?*

[Подсудимый]... *понятны.*

(8) [Судья] *на представление интересов присутствующего адвоката согласны ?*
[Подсудимый]... *согласен .*

Судье также требовалось уточнить дополнительные детали, которые могли быть приняты во внимание при рассмотрении дела:

(9) [Судья] *соглашение , с кем-либо из защитников по договору , за денежные средства либо вами , вашими родственниками заключалось ?*

[Подсудимый] *не заключалось .*

Сам факт готовности подсудимого судья уточняет, выделяя при помощи громкости последний элемент реплики (10). Выяснив всё, что необходимо для проведения судебного заседания и что нет каких-либо препятствий для него, судья завершает сессию вопросов и ответов просьбой присаживаться (11):

(10) [Судья] *к проведению судебного заседания вы ^готовы^ ?*

[Подсудимый] *готов .*

(11) [Судья] *присаживайтесь .*

В данном эпизоде, предворяющем рассмотрение уголовного дела, целью допроса подсудимого является информирование всех участников судебного заседания о возможности проведения судебного заседания. Допрос подсудимого – это инструмент контроля на суде. Одним из способов вести допрос, по мнению П. Дрю и М. Аткинсона, является употребление вопросов представителей обвинения и судей на допросе к обвиняемому без использования подтверждающих реплик (*receipt tokens*) – например, *ага* и *угу*, сигнализирующих о том, что информация была принята к сведению [12, с. 108–109]. Как пишут Дж. Эритейдж и С. Клайман, этот приём используется для того, чтобы проинформировать всех присутствующих о том, что было совершено обвиняемым, поскольку адвокаты хорошо осведомлены в том, как свидетель может ответить на тот или иной вопрос [23, с. 174].

Инициатива перехода от одного этапа судебного заседания к другому также проявлялась судьёй, причём это было возможно только после получения однозначного ответа от всех представителей сторон. Тем не менее в приведённом диалоге осуждённый нарушает это требование:

(12) [Судья] ...<2,8> *по организации процесса , у сторон будут ходатайства ?*

можем ли мы рассмотреть при данной ^явке^

... апелляционную жалобу адвоката ?

... уважаемый адвокат ,

[Адвокат] *возражений нет .*

согласно ходатайству процессуального характера , нет .

[Судья] *осуждённый , вы как считаете ?*

[Осуждённый]...<1,0> *н-нет .*

[Судья]... *что нет ?*

можем ли мы ,

[Судья, Осуждённый]... *[в судебной форме ##### модель апелляционной жалобы ?]*

... [можно .]

[Осуждённый]... *да .*

В примере (12) судья использует форму вопроса для того, чтобы уточнить, есть ли наличие или отсутствие возможных дополнений или препятствий к рассмотрению жалобы, выделяя громкостью последний элемент в реплике *можем ли мы рассмотреть при данной ^явке^*. Следующая пауза (0.3 с) предворяет начало вопросно-ответного взаимодействия с непосредственным вопросом к адвокату как

инициатору этой жалобы. Адвокат отвечает на вопрос однозначно, дополняя свой ответ тем, что он не возражает против процесса рассмотрения жалобы. В то же время осуждённый в ответ на вопрос судьи после паузы говорит абстрактное *н-нет*, растягивая первый звук. Такой ответ повторяет форму ответа адвоката, но он не даёт судье возможности перейти к следующей фазе. Поэтому судья и переспрашивает осуждённого, повторяя форму вопроса, в которой кратко описано, что будет выполняться в следующем этапе. Осуждённый понимает суть вопроса и не дожидается его завершения, говоря *можно*. Финалом в его очереди становится утвердительная частица *да*, произнесённая в ИК-1, свидетельствующая о конце реплики и возможности задать тот же вопрос следующему участнику судебного заседания.

Вопросы могли также использоваться с целью конкретизации необходимых сведений о совершённом правонарушении. В этом случае судьям использовались соответствующие имена существительные, употреблённые для выявления ключевых моментов в той версии события, которая была представлена истцом или ответчиком. Исходя из представленных сведений, судья мог варьировать вопросы, и их содержание касалось выяснения того, что конкретно было совершено участниками заседания. Например, судья мог обращаться к истцу или ответчику для выяснения деталей совершённого правонарушения. В качестве примера приведём диалог из судебного заседания по гражданскому делу, в котором судебное разбирательство происходило между представителем банка и женщиной, пострадавшей от бездействия сотрудников банка. Женщина выступила в качестве истца. У истицы украли кредитную карту и списали с неё значительную денежную сумму. Несмотря на то, что вор был найден и осуждён, а деньги вернули, за перевод был начислен комиссионный сбор вместе с процентами на украденную сумму:

(13) [Судья] *так , и вы просите-е*

э ... прекратить взимание ^комиссии^ и процентов именно с ^этой^ суммы ?

[Истец] *да-а ... у меня были украдены-ы э-э так же со Сбербанка средства , но э-э*

[Судья] *давайте остановимся на конкретном деле по карте , принадлежащей*

[Истец]... *а да .*

[Судья] *Тинькофф .*

В приведённом примере судья уточняет тот факт, что истица просит прекратить взимание процентов с украденной суммы, поскольку несмотря на то, что деньги вернули, проценты продолжают начисляться на неё. Для того чтобы ответчику и всем участникам судебного заседания было понятно, что конкретно будет рассматриваться в этом деле, судья произносит уточняющий вопрос, выделяя основные элементы при помощи громкости (*комиссии*) и указывая на референт (*эта сумма*). Следующие реплики судьи ограничивают желание истицы рассказать о правонарушении, совершённом человеком, который её ограбил. Далее судья заставляет истицу сосредоточиться на том, что размер денежных средств, начисляемых Тинькофф-банком, мог быть упущен истицей из виду, на что указывает обращение к истице и выбор слова (*знаете*). При этом судья актуализирует период, который необходим для того, чтобы понимать, сколько конкретно средств было украдено у истицы:

(14) [Истец] ... *+просто имею в виду+* ,

[Судья] *вы сами-то ^знаете^ размер этих начислений на сегодняшний день ?*

[Истец] *очень сложно было установить эти начисления .*

Исследуемый материал предоставил и более объёмные вопросительные реплики, выявленные в речи судьи. Обычно они могли встречаться при взаимодействии на судебных заседаниях по уголовным делам, поскольку важно было учесть каждую деталь при таком типе разбирательства. В следующем примере представлен диалог

судьи и свидетеля во время разбирательства по делу о сбыте подсудимым наркотических средств в крупном размере. На суде подсудимый не признавался в том, откуда у него были наркотические вещества, и не связывал себя с этой противоправной деятельностью. Интересно, что о действиях подсудимого органам следствия сообщил некто Черношенцев, которого также задержали за сбыт наркотических веществ. Однако, чтобы оставаться свидетелем по этому делу, ему пришлось рассказать о том, кто является более главным звеном в этой цепочке. В свою очередь, судья уточняет, как инициировалось задержание и было ли давление на этого гражданина:

(15) [Судья, Свидетель] ... [подскажите , пожалуйста , свидетель , Максим Викторович ,]

[слушаю вас ,]

[Судья] а-а в связи с тем то что вы сейчас на вопрос защитника

... ответили то , что-о , значит ,

Черношенцев был ... ^ранее^ задержан ,

а подскажите , пожалуйста , сотрудниками полиции ,

на него какое-либо ... воздействие ^оказывалось^ ,

которое могло бы способствовать

а-а причиной ... обращения в правоохранительные органы с заявлением

#производилось относительно

противоправной деятельности Голенкова ?

[Свидетель] нет , ваша честь .

[Свидетель] а-а абсолютно нет

Судья не задаёт вопрос сразу, а предваряет его довольно длинным монологом. Этот монолог начинается с вежливой просьбы и ссылки на тот факт, что адвокат ранее спросил о факте задержания полицией осведомителя Черношенцева. Судья строит свой вопрос, включая в него не только сведения о событиях, но и предположение того, что действия Черношенцева в отношении подсудимого могли совершаться под давлением. Приведённый монолог, который заканчивается вопросом, иллюстрирует то, как постепенно, не упуская ни одной значимой детали, судья выясняет необходимую информацию для того, чтобы выполнить свой круг задач. Таким образом, допрос обвиняемых и свидетелей – это не только метод контроля на суде, но и способ, при помощи которого профессиональные участники заседания, в том числе судья, могут эффективно решать задачи в рамках своей институциональной роли.

Наложения речи. Наложения речи (*overlaps*) имеют комплексную природу. С одной стороны, их появление противоречит известному утверждению Х. Сакса о том, что механизм чередования в повседневном разговоре исключает возникновения так называемых пробелов и наложений речи (*no gap, no overlap*) [5]. Тем не менее в разговоре они могут возникать достаточно часто. Несмотря на это, анализ, приведённый в [26] показал, что говорящим нужно обращать внимание на возможные дополнения, которые влияют на понимание смысла. Таким образом, наложения речи создают некоторые проблемы, поскольку вступление другого говорящего не связано с завершением предыдущей очереди. Как пишет А. Лиддикот, «проблемы, связанные со сменой говорящего, не являются исключениями из механизма чередования. Напротив, они могут быть его примерами» [26, с. 123]. Под наложениями речи нами будут пониматься «речевые фрагменты, произносимые одним говорящим в тот момент, когда предыдущий говорящий ещё не закончил говорить» [21, с. 556]. В этой связи представляет интерес то, с какой целью судьёй инициировано наложение речи. Так, при рассмотрении административного дела о разрыве муфты автозаправочного устройства ответчик пытается убедить судью в том, что его вина минимальна:

(16) [Ответчик] ну я так понимаю что это же не относится к материальному ущербу ?

[Судья] как не относится если ' сломана колонка ?

[Ответчик, Судья] [ну-у] [^u^]

[Судья]и э-э ...<0,9> *заправляться там ^нельзя^*,

Хотя ответчик инициирует наложение речи, судья продолжает свою очередь, даже тогда, когда ответчик начинает говорить. Таким образом, судья принимает попытку убедить ответчика в негативных последствиях его действий, которые тот отрицает. При попытке ответчика отрицать ущерб от своих действий и ссылаться на недостаток знаний, судья так же инициирует наложение речи:

(17) [Судья] *вы знаете э-э что ^на месте^ поправить там вставить пистолет , ^и^ дальше там заправляются люди .*

[Ответчик] да .

[Ответчик , Судья] [#.] [а вы знали !]

[Судья]... *намер- преднамеренно что э-э колонка эта не э-э-э<0,7>подлежит ремонту .*

В тот момент, когда ответчик пытается продолжить свою очередь, судья начинает свою. При этом женщина пытается внушить ответчику, что не может тот человек, который работал на АЗС, не знать того, что заправочный пистолет нужно возвращать на место. На протяжении всего дела судья инициирует наложения речи, что позволяет ей осуществлять тематический контроль.

Перебивы. Точка зрения на функции перебива в научной литературе варьируется. Изначально считалось, что перебивы в качестве маркеров речевого доминирования служат для того, чтобы говорящий смог обрести немедленный контроль над очередью. Подобное могло осуществляться путём оказания давления на своего собеседника, например за счёт смены темы. Таким образом предполагалось, что «перебивы являются стратегиями проявления и открытой демонстрации власти или контроля как над дискурсом, так и над его участниками» [30; 31; см. также 16, с. 884]. Можно считать, что «перебив – это маленькая битва за господство» [29, с. 392]. Тем не менее в зависимости от характера человеческих взаимоотношений, перебивы могут возникать в самых разных коммуникативных ситуациях. Например, когда требовалось поддержать темы, вводимые собеседником, или, наоборот, в те моменты, когда у одного коммуниканта возникало желание поддержать то, о чём говорит другой [16, с. 885].

Более детальный анализ позволил выявить, что функции перебивов зависят от того, насколько связана предыдущая реплика связана с репликой текущего говорящего, который перебивает в момент речи [16]. Возникновение перебивов в речи основано на желании говорящего быть выслушанным и при этом заинтересовать собеседника [16, с. 890]. При анализе перебивов на судебном заседании нами будет использоваться классификация Дж. А. Голдберг [16], выделяющей три вида перебивов, исходя из их функций:

- нейтральный перебив (*neutral interruption*);
- перебив власти (*power interruption*);
- поддерживающий перебив (*rapport interruption*).

При нейтральном перебиве говорящий случайно прерывает первого, тем самым инициируя незначительные исправления. После этой очереди разговор возвращается к исходной точке до момента перебива [18; см. также 16, с. 889]. Возникновение такого перебива не мотивировано желанием говорящего заставить собеседника отказаться от своих прав на очередь [16, с. 889]. Такой перебив в актуальной выборке в речи судей обнаружить не удалось, а значит, далее мы будем говорить о тех типах перебива, которые позволяют осуществлять контроль и власть на суде.

Перебив власти позволяет судье не только управлять содержанием того, что было сказано, но и перейти к другому участнику взаимодействия:

(18) [Судья]... *до-о начала судебного заседания какие-либо ходатайства будут с вашей стороны ,*

[представитель истца ?]

[Истец] *[мы всё ,]*

мы всё уже приобщили к письменном-

[Судья] *не имеется .*

с вашей стороны

[ответчик ,]

[+у нас дополнение+ по возражению будет .]

В этом примере судья как будто заявляет о том, что власть на судебном заседании может принадлежать только ему. Истец инициирует наложение речи, связанное с его готовностью предъявить письменные доказательства по этому делу, но не заканчивает свою очередь, пытаясь построить новую, сделав её более информативной. Судья прерывает его в тот момент, когда истец должен был завершить свою очередь, т.к. для того, чтобы понять смысл высказывания, нужен его логический костяк – *мы всё приобщили*. Как раз в этот момент судья констатирует факт, что, если ходатайств нет у истца, значит, нужно инициировать переход к ответчику. Со стороны вышестоящего этот шаг можно считать отображением иерархических отношений.

Интересно, что при исследовании транскрипта этого дела удалось обнаружить пример, сочетающий в себе черты наложения речи и перебива власти. В тот момент, когда ответчик решается начать конфликт с истцом по поводу того, что тот не предоставлял льготы по оплате коммунальных услуг, истец пытается хоть как-то восстановить своё положение:

(19) [Ответчик] *теперь такой вопрос .*

... вы так и не ответили ,

...<3,0> на каком основании вы считаете , что ^СНИЛС^ я или кто-то другой обязан представлять их для льгот ?

вот ваше письмо .

[Истец , Ответчик] *...<0,8> [ваша честь , ну мы же уже разобрались со льготами .]*

[^нет^ , это мы не разобрались .]

Ответчик требует от истца, который является представителем управляющей компании, прокомментировать, зачем нужны документы для предоставления льгот, хотя они уже должны были учитываться. Ответчику нужно, чтобы истец ответил напрямую, почему этого было не сделано. Пауза длительностью 3.0 с предваряет длинный вопрос, в котором ключевое слово *СНИЛС* выделено громкостью. При этом фраза ответчика *я или кто-то другой* указывает на то, что ответчик принадлежит к определённой группе лиц, которая может пострадать от неправомерных действий учреждения. Ответчик указывает на наличие письма, и это позволяет говорить о том, что он как будто давит на истца. Истец пытается уйти от конфликта, но даже в следующем диалоге, ответчик пытается разжечь этот конфликт:

(20) [Истец] *почему каждый раз просто тратим на это время ?*

[Ответчик] *я ^хочу^ ещё , я вас*

[Истец] *[все ^льготы^ учли , СНИЛС учли .]*

[Судья] *уже все поняли , что были ^неправы^ , Тетерев ,*

^были^ непра-авы ООО Квартал .

...<1,1> ну-у что уже .

Интересно, что истец пытается соответствовать своей профессиональной идентичности – образу сотрудника управляющей компании, на что указывает его упоминание факта учёта предоставленных льгот и документов, а также вопрос, который он задаёт судье, – *почему каждый раз тратим на это время?* Можно предположить, что ответчик хочет, чтобы истец извинился. Судья при этом начинает говорить на фоне реплик истца и ответчика, что было зафиксировано как наложение речи. При этом судья указывает на вину истца как представителя компании, произнеся громче слово *неправы*, после чего обе стороны процесса (истец и ответчик) перестают говорить. Это можно трактовать как перебив. Пауза и частица *ну* при отсутствии смыслового глагола указывают на желание судьи прекратить спор между сторонами.

Поддерживающий перебив (*rapport interruption*) позволяет предыдущему говорящему продолжить свою тему. В зависимости от тональности общения Дж.А. Голдберг выделяет два вида таких перебивов – кооперативные перебивы и соревновательные. **Кооперативные перебивы** включают в себя желание слушателя вносить вклад в диалог, основываясь на прослушанном. Они позволяют разделить между коммуникантами темы, задачи и цели, которые иницируются говорящим. Такие перебивы были достаточно частотны, в качестве примера приведём контексты из предыдущего судебного разбирательства. В обоих примерах видно, как, перебивая, судья не дожидается завершения реплик и формирует свою очередь, снабжая её релевантной информацией, необходимой для дальнейшего ведения дела:

(21) [Ответчик] *да , есть решение суда э-э-*

[Судья] *^Савёловского^ , да ?*

[Ответчик] *Савёловского , да*

(22) [Истец] *^взыскивали^ за коммунальные услуги , мы их , соответственно , уже из расчёта за-*

[Судья] *горячее , холодное водоотведение и отопление .*

Следующий пример был взят из ранее представленного гражданского дела, представлявшего собой судебное разбирательство между женщиной-истцом, пострадавшей от бездействия Тинькофф-банка и представителем банка, который выступил ответчиком по делу. Интересно, что истица, когда судья спрашивает её о том, как она осуществляет оплату комиссий и процентов, предоставляет информацию, содержащую формальные сведения о том, как это можно сделать:

(23) [Истец] *+номер договора+ . у меня смс-^оповещение^ там , номер договора . карта не видна , но по номеру я могу а че-*

[Судья] *+ну вы ^технически^ как это осуществляете , поясните , пожалуйста+ .*

Судья перебивает истицу в тот момент, когда информация ей кажется недостаточной. Карту истица не восстанавливала, и было непонятно, как она оплачивала свои задолженности. В следующих репликах истицы содержится информация о том, что для того, чтобы оплатить долги по этой карте, ей нужно пользоваться услугами другого банка:

(24) [Истец] *... <1,0>через Московский кредитный ^банк^ .*

[Истец , Судья] *[то есть ввожу поиск , нахожу Тинькофф , там , оплатить кредит по-о номеру договора .][а .]*

[Истец , Судья] *[там есть по номеру карты , по номеру договора .][угу .]*

[Истец] *... я нажимаю по номеру договора , ### который у меня есть и-и вносила таким образом средства .*

... на эту карту .

Пограничное положение в классификации Дж.А. Голдберг занимает **соревновательный перебив**. Как поддерживающий перебив он позволяет и дальше придерживаться темы, но в нём сохраняются и черты перебива силы. Перебивая,

говорящие как будто соревнуются друг с другом за то, чтобы убедить собеседника в важности своего опыта:

(25) [Адвокат] *Олег Алексеевич скажите пожалуйста вот .. поясните что такое вот эта отрывная муфта ?*

э-э для чего она предназначена ?

"<0,8>ск- сколькократно её можно использовать ?

[Судья] *[это муфта которая соединяет пистолет.. и сам шланг] [# ### # #].*

[Адвокат] *если позволите пусть он да ответит ,*

коль уж если он был сотрудником АЗС ,

... и-и-и вот всё что связано .. с ^восстановлением^ работоспособности рукава пистолета на автозаправочной станции .

В приведённом примере адвокат и судья участвуют в рассмотрении административного дела о разрыве муфты автозаправочного устройства. Они пытаются выяснить, для чего предназначена эта муфта. Судье кажется, что у него больше знаний и, перебивая, она прямо высказывается об этом, соревнуясь с адвокатом. В свою очередь, адвокат, пытается перебить судью и назначить ответчика следующим говорящим с целью выяснить детали, необходимые для рассмотрения дела. Это необходимо, поскольку решение по делу будет основываться на сведениях ответчика о правонарушении и их однозначной интерпретации. Таким образом, можно предположить, что соревнование на суде возможно до того момента, пока оно позволяет добиться говорящими профессиональных целей.

Заключение. Несмотря на то, что взаимодействие на суде регламентировано кодексами, профессиональным участникам (судьям) требуется использовать элементы контроля. Для судей контроль является не только способом регуляции хода заседания, но и методом воздействия на непрофессиональных участников с различными целями. Судьи прибегали к контролю в самых разных ситуациях. Это могли быть как организационные моменты, так и способы «следить» за тем, что непрофессиональные участники говорят на суде. В качестве способов контроля были исследованы вопросительные реплики судей, а также их наложения и перебивы.

Приведённый анализ показал, что вопросы в речи судей позволяли выполнять самые разные задачи в рамках их институциональных ролей. Так, вопросы использовались для выяснения того, понимают или нет стороны (истцы и ответчики) процедурные моменты заседания, а также для уточнения возможности перехода от одного этапа заседания к другому. Вопросы на суде различались по своей структуре, также включая и более объёмные реплики, использовавшиеся с целью уточнения важных для судей деталей.

Наложения речи и перебивы, инициированные судьями, позволяли говорить не только об установлении иерархических отношений с участниками заседания, но и о возможности судьи выполнять определённые действия в рамках своих институциональных ролей. Чаще всего эти действия давали судьям возможность заключить какие-либо выводы о том, что было совершено, и добиться однозначной информации от представителей сторон.

Таким образом, инструменты доминирования и контроля позволяют не только достичь корректного хода события, но и добиться выполнения институциональных целей профессиональными участниками события (в частности, судьями).

Приложение 1. Транскрибирование видеозаписей производилось в стандартной орфографии.

Ниже приведён список помет для обозначения супraseгментных характеристик речи.

| | |
|-----|--|
| .. | Короткая пауза (до 0,2 сек. включительно) без вокализации (две точки). |
| ... | Средняя (0,3-0,6 сек.) пауза без вокализации. |

| | |
|--|---|
| ...<4,2> | Длинная пауза (0,7 сек. и более) без вокализации с указанием длительности. |
| э | Короткая пауза (до 0,2 сек. включительно) со шва. |
| э-э | Средняя (0,3-0,6 сек.) пауза со шва. |
| э-э-э<4,2> | Длинная пауза (0,7 сек. и более) со шва. |
| м | Короткая пауза (до 0,2 сек. включительно) с назальным звуковым сегментом. |
| м-м | Средняя пауза (0,3-0,6 сек.) с назальным звуковым сегментом. |
| м-м-м<4,2> | Длинная пауза (0,7 сек. и более) с назальным звуковым сегментом. |
| ' | Короткая пауза (до 0,2 сек. включительно) с глоттальным скрипом. |
| '' | Средняя пауза (0,3-0,6 сек.) с глоттальным скрипом. |
| '''<4,2> | Длинная пауза (0,7 сек. и более) с глоттальным скрипом. |
| эм | Короткая смешанная пауза (до 0,2 сек. включительно). |
| э-эм | Средняя смешанная пауза (до 0,3-0,6 включительно). |
| э-э-эм<4,2> | Длинная смешанная пауза (0,7 сек. и более). |
| @ | Смех отдельно от слов. |
| @@@ | Смех отдельно от слов (три «слога»). |
| @слово | Слово, произнесённое со смехом (без пробела). |
| % | Вздых (пробелы с двух сторон). |
| , | Интонационный контур продолжения (интонация незавершённости). |
| . | Нисходящий интонационный контур (интонация завершённости) |
| ? | Вопрос. |
| ! | Восклицание. |
| н-у-у, н-н-у | Удлинение звука в слове. |
| +как-то так+ | Произносится быстрее, чем окружение (без пробела с двух сторон). |
| *как-то так* | Произносится медленнее, чем окружение (без пробела). |
| ^заложили^ | Просодическое выделение и громкость. |
| дума- | Обрыв слова, после дефиса — пробел. |
| [они не получали письма !][какие письма?] | Одновременное говорение. |
| ### | Неразборчивая речь. Если это неразборчивое слово, то число решёток # совпадает с числом слогов (ср. пример для трёх слов подряд ## #### #####). Если число слогов не разобрать, следует писать #. |

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинова О.В. Разговор доктора и пациента как лингвистический объект / О.В. Блинова // Социо- и психолингвистические исследования. – Пермь: Пермский гос. Национальный исследовательский ун-т. – 2016. – №4. – С. 29–34.
2. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) / Т.В. Дубровская. – М.: Издательство Академии МНЭПУ, 2010. – 351 с.
3. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов / В.С. Вахштайн. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 334 с.
4. Корбут А.М. Нетехническое введение в разговорный анализ / А.М. Корбут // Социологическое обозрение. – М.: Изд-во Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, 2015. – Т. 14. – №1. – С. 120–140.
5. Сакс Х. Простейшая систематика организации очередности в разговоре / Х. Сакс, А.Э. Щеглофф, Г. Джефферсон // Социологическое обозрение. – М.: Изд-во Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, 2015. – Т. 14. – №1. – С. 142–201.
6. Adelsward V. The unequal distribution of interactional space: dominance and control in courtroom interaction / V. Adelsward, K. Aronsson, L. Jönsson, P. Linell // Text. – Vol. 7(4). Mouton de Gruyter, 1987. – P. 313–346.
7. Agar M. Institutional discourse / M. Agar // Text. – Vol. 5 (3). Mouton de Gruyter, 1985. – P. 147–168.
8. Atkinson J.M. Structures of social action: Studies in conversation analysis / J.M. Atkinson, J. Heritage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 446 p.
9. Atkinson J.M. Understanding formality: notes on the categorization and production of "formal" interaction / J.M. Atkinson // British Journal of Sociology. – 1982. – № 33. – P. 86–117.

10. Ayaß R. Doing data: The status of transcripts in conversation analysis / R. Ayaß // *Discourse studies*. – London, Sage Publications. – 2015. – Vol. 17 (5). – P. 505–528.
11. Danet B. Courtroom questioning: a sociolinguistic perspective / B. Danet, N.C. Kermish // *Psychology and Persuasion in Advocacy*. Washington, 1978. – P. 413–441.
12. Drew P. Order in court: the organization of verbal interaction in judicial setting / P. Drew, J.M. Atkinson. – New Jersey, 1979. – 275 p.
13. Drew P. Talk at work: interaction in institutional settings / P. Drew, J. Heritage. – Cambridge University Press, 1992. – 580 p.
14. Feldman A. Power dynamics in supreme court oral arguments: the relationship between gender and justice-to-justice interruptions / A. Feldman, R. Gill // *Justice System Journal*. – 2019. – № 40 (3). – P. 173–195.
15. Goffman I. Frame analysis. An essay on the organization of experience / I. Goffman. – Northeastern University, 1986. – 600 p.
16. Goldberg J.A. Interrupting the discourse on interruptions: an analysis in terms of relationally neutral, power- and rapport-oriented acts / J.A. Goldberg // *Journal of pragmatics*. – Amsterdam, Netherlands: Elsevier. – 1990. – № 14 (6). – P. 883–903.
17. Itakura H. Describing conversational dominance / H. Itakura // *Journal of pragmatics*. – Amsterdam, Netherlands: Elsevier. – 2001. – № 33. – P. 1859–1880.
18. Jefferson G. Side sequences / G. Jefferson // *Studies in social interaction*. – New York/London: Macmillan, 1972. – P. 294–388.
19. Heffer C. The language of jury trial: a corpus-aided analysis of legal–laydiscourse / C. Heffer. – Basingstoke/New York. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005. – 253 p.
20. Heffer C. Narrative in the trial. Constructing crime stories in court / C. Heffer // *Handbook of forensic linguistics* / M. Coulthard, A. Johnson. – 2010. – P. 198–217.
21. Heldner M. Pauses, gaps and overlaps in conversations / M. Heldner, J. Edlund // *Journal of Phonetics*. – 2010. – № 38. – P. 555–568.
22. Heritage, J. Garfinkle and ethnomethodology / J. Heritage. – Cambridge; New York, N.Y.: Polity Press, 1984. – 336 p.
23. Heritage J. Talk in Action. Interactions, Identities, and Institutions / J. Heritage, S. Clayman. – Wiley-Blackwell publ. Hoboken, New Jersey USA, 2010. – 320 p.
24. Konakahara M. An analysis of overlapping questions in casual ELF conversation: cooperative or competitive contribution / M. Konakahara // *Journal of Pragmatics*. – Amsterdam, Netherlands: Elsevier. – 2015. – № 84. – P. 37–53.
25. Levinson S. Activity types and language / S. Levinson // *Talk at Work: interaction in institutional settings*. – Cambridge University Press, 1992. – P. 66–100.
26. Liddicoat A.J. Introduction to a conversational analysis / A.J. Liddicoat. – 3-d edition. New York. NY: Bloomsbury Academic, 2021. – 442 p.
27. Linell P. Asymmetries in dialogue: some conceptual preliminaries / P. Linell, T. Luckmann // *Asymmetries in dialogue*. – Hemel Hempstead, Harvester Wheatsheaf, 1991. – P. 1–20.
28. Maley Y. Presenting the evidence: constructions of reality in court. *International* / Y. Maley, R. Fahey // *International journal for the Semiotics of Law*. – 1991. – Vol. 4. № 10. – P. 3–17.
29. Meltzer L. Interruption outcomes and vocal amplitude: Explorations in social psychophysics / L. Meltzer, W.N. Morris, D. Hayes // *Journal of Personality and Social Psychology* / Kitayama S., Leach C.W., Lucas R.E. (eds.). – American Psychological Association. – 1971. – № 18(3). – P. 392–402.
30. Orcutt J.D. Deviance, rule-breaking and male dominance in conversation / J.D. Orcutt, L.K. Harvey // *Symbolic Interaction* / van den Scott Lisa-Jo K. (ed.). – Hoboken, New Jersey USA: Wiley-Blackwell. – 1985. – № 8. – P. 15–32.
31. Sacs H. On doing "being ordinary" / H. Sacs // *Structures of social action* / J.M. Atkinson, J. Heritage (eds.). – Cambridge, 1984. – P. 413–429.
32. Schegloff E.A., Sacks H. Opening up Closings / E.A. Schegloff, H. Sacks // *Semiotica* / ed. T. Sebeok. – Germany: Mouton de Gruyter publ. – 1973. – № 8 (4). – P. 289–327.
33. Philips S. Ideology in the language of judges: how judges practice law, politics and courtroom control / S. Philips. – New York, Oxford. – 1998. – 224 p.
34. Psathas G. The practices of transcriptions in conversation analysis / G. Psathas, T. Anderson // *Semiotica*. – Germany: Mouton de Gruyter publ. – 1990. – № 78 (1–2). – P. 75–99.
35. Tannen D. The Relativity of Linguistic Strategies: Rethinking Power and Solidarity in Gender and Dominance / D. Tannen // *Oxford Studies in Sociolinguistics: Gender and Conversational Interaction*. – New York: Oxford University Press. 1993. – P. 165–188.

36. Woodbury H. The strategic use of questions in court / H. Woodbury // *Semiotica*. – Germany: Mouton de Gruyter publ.– 1984. – № 48(3/4). – P. 197–228.
37. Wolfartsberger A. ELF Business/Business ELF: Form and Function in Simultaneous Speech / A. Wolfartsberger // *Latest Trends in ELF Research*. – Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2011. – P. 163–183.
38. Zimmerman D. Sex roles, interruptions and silences in conversation / D. Zimmerman, C. West // *Language and Sex: Difference and Dominance*. – Newbury House, Rowley, MA, 1975. – P. 105–129.

REFERENCES

1. Blinova O.V. (2016) Razgovor doktora i pacienta kak lingvisticheskij ob"ekt. [Talk of doctor and patient like linguistic object] in *Socio- i psiholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies], №4, pp. 29–34 (in Russian).
2. Dubrovskaya T.V. (2010) Sudebnyj diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [Judicial discourse: the speech behavior of a judge (on the material of the Russian and English languages)]. Moscow: MNEPU Academy publ. 351 p. (in Russian)
3. Vahstajin V.S. (2011) Sociologiya povsednevnosti i teoriya frejmov [Sociology of everydaylife and the theory of frames]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2011. 334 p. (in Russian)
4. Korbust A.M. (2015) Netekhnicheskoe vvedenie v konversacionnyj analiz [A non-technical introduction to conversational analysis] in *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 14, №1, pp. 120–140 (in Russian).
5. Saks H., Shegloff A.E., Jefferson G. (2015) Prostejshaya sistematika organizacii ocheryodnosti v razgovore. *Sociologicheskoe obozrenie* [A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation]. Vol. 14, №1, pp. 142–201 (in Russian).
6. Adelsward V., Aronsson K., Jönsson L., Linell P. (1987) The unequal distribution of interactional space: dominance and control in courtroom interaction. In *Text*, Vol. 7(4). *Mouton de Gruyter*. pp. 313–346 (in English).
7. Agar M. (1985) Institutional discourse. In *Text*, Vol. 5(3). *MoutondeGruyter*. pp. 147–168 (in English).
8. Atkinson J.M., Heritage J. (1984) Structures of socialaction: Studies in conversation analysis (446 p.). Cambridge: Cambridge University Press (in English).
9. Atkinson J.M. (1982) Understanding formality: notes on the categorization and production of “formal” interaction. In *British Journal of Sociology*, 33, pp. 86–117 (in English).
10. Ayaß R. (2015) Doing data: The status of transcripts in conversation analysis. In *Discourse studies*. London, Sage Publications. Vol. 17 (5), pp. 505–528 (in English).
11. Danet B., Kermish N.C. (1978) Courtroom questioning: a sociolinguistic perspective. In *Psychology and Persuasion in Advocacy*. Washington. pp. 413–441 (in English).
12. Drew P., Atkinson J.M. (1979) Order in court: the organization of verbal interaction in judicial setting. New Jersey. 275 p. (in English)
13. Drew P., Heritage J. (1992) Talk at work: interaction in institutional settings. Cambridge University Press. 580 p. (in English).
14. Feldman A., Gill R. (2019) Power dynamics in supreme court oral arguments: the relationship between gender and justice-to-justice interruptions in *Justice System Journal* № 40 (3). pp. 173-195 (in English).
15. Goffman I. (1986) Frame analysis. An essay on the organization of experience. Northeastern University. 600 p. (in English).
16. Goldberg J.A. (1990) Interrupting the discourse on interruptions: an analysis in terms of relationally neutral, power- and rapport-oriented acts in *Journal of pragmatics*. № 14 (6). pp. 883–903 (in English).
17. Itakura H. (2001) Describing conversational dominance in *Journal of pragmatics*. № 33, pp. 1859–1880 (in English).
18. Jefferson G. (1972) Side sequences in *Studies in social interaction*. New York/London: Macmillan. pp. 294–388 (in English).
19. Heffer C. (2005) The language of jury trial: a corpus-aided analysis of legal–lay discourse. Basingstoke/New York N.Y.: Palgrave Macmillan. 253 p. (in English)
20. Heffer C. (2010) Narrative in the trial. Constructing crime stories in court in *Handbook of forensic linguistics*. pp. 198-217 (in English).
21. Heldner M., Edlund J. (2010) Pauses, gaps and overlaps in conversations in *Journal of Phonetics*. №38. pp. 555–568 (in English).
22. Heritage J. (1984) *Garfinkle and ethnomethodology*. Cambridge; New York, N.Y. :Polity Press. 336 p. (in English).
23. Heritage J., Clayman S. (2010) *Talk in Action. Interactions, Identities, and Institutions*. Hoboken, New Jersey USA: Wiley-Blackwell publ., 320 p. (in English)
24. Konakahara M. (2015) An analysis of overlapping questions in casual ELF conversation: cooperative or competitive contribution. In *Journal of Pragmatics*, № 84. pp. 37–53 (in English).

25. Levinson S. (1992) Activity types and language in Talk at Work: interaction in institutional settings. P. Drew, J. Heritage (eds.). Cambridge University Press. pp. 66–100 (in English).
26. Liddicoat A.J. (2021) Introduction to a conversational analysis. 3-d edition. NewYork. NY: BloomsburyAcademic, 442 p. (in English).
27. Linell P., Luckmann T. (1991) Asymmetries in dialogue: some conceptual preliminaries in Asymmetries in dialogue. Marková I., Foppa K. (eds). Hemel Hempstead, Harvester Wheatsheaf. pp. 1–20 (in English).
28. Maley Y., Fahey R. (1991) Presenting the evidence: constructions of reality in court in International journal for the Semiotics of Law. Vol. 4. № 10. pp. 3–17 (in English).
29. Meltzer L. Morris W.N., Hayes D. (1971) Interruption outcomes and vocal amplitude: Explorations in social psychophysics in Journal of Personality and Social Psychology.18(3). pp. 392–402 (in English).
30. Orcutt J.D., Harvey L.K. (1985) Deviance, rule-breaking and male dominance in conversation. in Symbolic Interaction. №8. pp. 15–32 (in English).
31. Sacs H. (1984) On doing «being ordinary» in Structures of social action. J.M. Atkinson, J. Heritage (eds.). Cambridge. pp. 413–429 (in English).
32. Schegloff E.A., Sacks H. (1973) Opening up Closings in Semiotica. № 8 (4). pp. 289–327 (in English).
33. Philips S. (1998) Ideology in the language of judges: how judges practice law, politics and courtroom control. New York. Oxford. 224 p. (in English).
34. Psathas G., Anderson T. (1990) The practices of transcriptions in conversation analysis in Semiotica. №78 (1–2). pp. 75–99 (in English).
35. Tannen D. (1993) The Relativity of Linguistic Strategies: Rethinking Power and Solidarity in Gender and Dominance in Oxford Studies in Sociolinguistics: Gender and Conversational Interaction (ed. Tannen D.). New York: Oxford University Press. pp. 165–188 (in English).
36. Woodbury H. (1984) The strategic use of questions in court in Semiotica. № 48 (3/4). pp. 197–228 (in English).
37. Wolfartsberger A. (2011) ELF Business/Business ELF: Form and Function in Simultaneous Speech in Latest Trend sin ELF Research. Alasdair A., Cogo A. Jenkins J (eds.). Newcastle upon Tyne,UK: Cambridge Scholars Publishing. pp. 163–183 (in English).
38. Zimmerman D., West C. (1975) Sexroles, interruptions and silences in conversation in Language and Sex: Difference and Dominance. Newbury House, Rowley, MA. pp. 105–129 (in English).

Поступила в редакцию: 27.11.2024 г.

CHARACTERISTICS OF SPEECH DOMINANCE OF JUDGES AT COURT HEARING IN TERMS OF CONVERSATION ANALYSIS

O.E. Zaikina

Question-and-answer interaction refers to the way of exercising power in conversation and is a tool of speech control. In terms of conversation analysis, interruptions and speech overlapping make it possible to exercise power in relation to the participants of the interaction, which allows us to consider them as signs of speech dominance. This article presents the results of a study of judges' interrogative reactions at hearings, as well as judges' responses with speech overlapping and interruptions initiated by them. The quantitative analysis of 20 video recordings transcripts of court hearings lasting 9 hours showed that judges ask questions more often than other participants, and are also inclined to initiate speech overlapping and interruptions. The method of conversation analysis revealed that questions in the judge's speech were a universal tool for regulating speech interaction in court. They do not only shape the court hearing, but are also used to identify additional important facts. Interruptions and speech overlapping initiated by judges also made it possible to exercise the topic control. As a result it can be assumed that the phenomena under study enable judges to achieve the session institutional goals.

Key words: judicial discourse, institutional roles, speech dominance, conversation analysis, questions, interruptions, speech overlapping.

Зайкина Ольга Евгеньевна.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Аспирант.

ORCID: 0009-0007-0028-0072.

E-mail: zaykinaolga1@yandex.ru.

Zaikina Olga Evgenievna,

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

Post-graduate student.

ORCID: 0009-0007-0028-0072.

E-mail: zaykinaolga1@yandex.ru.

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.14515281

МОТИВ ДОРОГИ В СБОРНИКЕ В.Ф. МАСЛОВА «МОИ ДОРОГИ ЧЕРЕЗ ВОЙНУ»

© 2024 *Н.В. Пазина*

Государственное образовательное учреждение «Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко»

ORCID: 0009-0005-5914-0774



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается мотив дороги как один из ключевых в творчестве писателей-фронтовиков. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью целостного изучения, анализа и осмысления поэтического творчества приднестровского автора Василия Федотовича Маслова, поскольку его произведения содержат богатый фактический материал о войне. Материалом исследования послужил его лирический сборник «Мои дороги через войну», изданный в 2010 году к юбилею Великой Победы. В процессе исследования художественных текстов В.Ф. Маслова применялись возможности биографического, повествовательного, описательного и сравнительно-исторического методов анализа художественного текста. Дорога интерпретируется как трудный жизненный путь солдата на войне, стремительное наступление на вражеские силы противника, пути отступления, иногда через родные края, а также счастливое возвращение домой. Сделаны выводы об особенностях репрезентации мотива дороги в творчестве В.Ф. Маслова. Мотив дороги – один из центральных в сборнике приднестровского поэта, содержит как положительную, так и отрицательную семантику.

Ключевые слова: возвращение домой, дорога, жизненный путь, В.Ф. Маслов, «Мои дороги через войну», мотив, путь наступления, путь отступления.

Для цитирования: Пазина Н.В. Мотив дороги в сборнике В.Ф. Маслова «Мои дороги через войну» / Н.В. Пазина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 154–164. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14515281>.

Введение. В творчестве писателей-фронтовиков особое значение приобретает мотив дороги. Это дороги борьбы с врагом, дороги стремительного наступления на врага, тяжелые дороги отступлений и счастливые дороги возвращения домой. Согласно Толковому словарю С.И. Ожегова, *дорога* – ‘1) полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения; 2) место, по которому надо пройти или проехать, путь следования; 3) путешествие, пребывание в пути; 4) образ действий, направление деятельности’ [17, с. 179]. Это общеславянское слово, неожиданно родственное таким словам, как *дерево*, или *дерн*, поскольку образовано от той же основы, что и *дор* ‘расчищенное место’, а восходит к глаголу *дърати* ‘драть’. Поскольку первоначальное значение существительного *дерево*, то, что выдирается, вычищается, то наши далекие предки смотрели на дерево с чисто практической стороны – выдери его из земли и пользуйся, как тебе нужно. В словаре А.Г. Преображенского по поводу данного слова объяснения расходятся. Первое значение относят к *дергать* в смысле ‘тащить, прокладывать след или вырывать, расчищать’. Второе значение восходит к др.-исл. *draga*, др.-анг. *dragan*, англ. *to draw* ‘тащить’, гот. *dragan*, др.-нем. *tragan* ‘нести (усил. тащить)’ [19, с. 191]. Таким образом, можно отметить, что дорога – не просто

физическая инфраструктура, а символ жизненного пути и перемещения к цели. Она представляет маршрут, который мы выбираем, чтобы достичь определенных мест или этапов в жизни. Каждая дорога имеет свои особенности: повороты, уклоны, препятствия, что отражает сложности, с которыми мы сталкиваемся на своем жизненном пути. Дорога олицетворяет процесс самопознания и внутреннего роста. Каждый выбор, сделанный на таком жизненном пути, формирует наш опыт и приводит к новым возможностям. Следовательно, понимание дороги помогает осознать значимость каждого шага, принимаемого на этом пути, и ценность его как такового.

Мотив дороги не раз поднимался в работах А.М. Архангельской, А.И. Гребенюк, Н.В. Шестеркиной, В.И. Рогачева и других. По А.М. Архангельской, «путешествие по дороге – перемещение в пространстве – отражает представление о земной жизни человека, а смерть – переход из реального мира в мир загробный» [1, с. 6].

В работах В.Е. Хализева можно встретить следующее определение понятия *мотив* – «это компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью). Он активно причастен к теме и концепции (идее) произведения, но им не тождественен» [14, с. 280].

Творчество наших земляков очень разнородно как по характеру и масштабам дарования, так и по уровню творческой зрелости и мастерства, остается изученным крайне мало, что связано с проблемой исследования литературы родного края в широком смысле и литературы Приднестровья – в узком, поэтому многие аспекты творчества приднестровских авторов остаются неисследованными. Многие приднестровские писатели и журналисты были сами участниками Великой Отечественной войны. Это фронтовики Б.Д. Челышев, И.М. Федоров, И.Р. Ильин, П.М. Илюхин, Н.С. Фридман, П.Х. Данич. Среди них и приднестровский поэт-фронтвик В.Ф. Маслов.

На вопрос, кто первым употребил термин *фронтвик*, однозначный ответ дать сложно. Еще в эпоху Отечественной войны, во время вторжения Наполеона, часто можно было встретить оборот «в 1812 году он ушел на фронт». Слово *фронт* использовалось в тактике для обозначения «обращенной к противнику стороны боевого расположения войск, линии, по которой развернуты боевые передовые подразделения» [17, с. 858]. Слово *фронт*, чаще в варианте *фрунт* использовалось и в другом, хотя и близком значении – для наименования построения подразделения или части. Соответственно этому, фрунтовой (или фронтвой) службой называлась служба в строю, в отличие от штабной, адъютантской или административной, а фрунтовиками, или фронтвиками, в те годы называли активных сторонников строевой муштры. Согласно Толковому словарю, «фронтвик – человек, который сражается или сражался в действующих частях на фронте» [18, с. 858]. Термин же *писатель-фронтвик* родился в годы Великой Отечественной войны и служил для обозначения категории молодых советских писателей, которые оказались на фронте, по воле судьбы и своей воле писали стихи, в которых была отражена жестокая реальность военных дней. Что же касается происхождения термина, то он стал популярным в послевоенный период, когда литературная критика и публикации начали выделять группу авторов, которые писали о своем фронтном опыте. Это направление литературы получило особую значимость в контексте культурной памяти о войне и ее последствиях для общества.

Василий Федотович Маслов (10.01.1924 – 12.11.2013 гг.) – приднестровский поэт, ветеран Великой Отечественной войны, член Союза писателей Приднестровья и Международного сообщества писательских союзов. Родился в селе Глазуновка Челябинской области. Образование – техническое и художественное училища. С 1942

по 1949 гг. служил в Советской армии. После демобилизации работал на Уральском автозаводе художником-оформителем. Сменив место жительства, в этом же качестве работал в Доме политпросвещения Хмельницкого обкома партии. Впоследствии жил и работал в Приднестровье, в городе Бендеры. Его поэтическая проба пера состоялась в 1948 году. Названием книге «Абрикосовые дали» послужило одно из стихотворений, проникнутое любовью к Приднестровью, с которым он, уроженец Урала, связал свою судьбу. В данном сборнике, который вышел в 2007 году, содержатся разделы «Через расстрелянные ветры» (фронтовая тематика), «Как песни юности далекой», «Здесь Россия с нами рядом...», «Если мне напишешь песню...», «Не дубовый мой язык...», «Ночного костра упоение». Именно специфика социально-политического развития и поликультурность нашего региона выступают факторами, определяющими выделение особенностей нашего исследования. Классик советской русской литературы О.Н. Шестинский отмечал: «Литература Приднестровья поистине уникальна... она братская, потому что впитала в себя корневую систему русского, украинского, молдавского и даже болгарского мышления. Она как новое явление одарена творческими, фольклорными особенностями других словесностей» [15, с. 3–4].

Рассмотрим особенности воплощения мотива дороги в поэтическом сборнике В.Ф. Маслова «Мои дороги через войну», который был выпущен к юбилею Великой Отечественной войны – 65-летию Великой Победы в 2010 году. В нем заявлены разделы «Мои дороги» (фронтовая тематика), «Белые березы», «Бендеры», «Стремление». Сборник «Отпечатки прошлого», изданный в 2011 году, также содержит фронтовую тематику, где автор пишет о Приднестровье, о любимом городе Бендеры, о своем детстве, о военных годах, о любви, о родной природе.

Естественно, у многих читателей заглавие книги или какого-либо отдельного произведения на герменевтическом уровне вызывает вопрос: о чем эта книга? Почему такое название? Герменевтика (от др.-гр. глагола *разъясняю*) – это искусство и теория истолкования текстов [14, с. 127]. Г.-Г. Гадамер утверждал, что повсюду, где устраняется незнание и незнакомство, совершается герменевтический процесс собирания мира в слово и общее сознание [2, с. 262]. Как нам видится, символическое название сборника «Мои дороги через войну» говорит о трудном пути фронтовика на протяжении четырех долгих военных лет, прохождении жестоких испытаний на длинной и трудной дороге войны. «В исторической памяти народа Великая Отечественная война интерпретируется как источник горя и страданий, неподдельного мужества. Это была не только огромная трагедия советского народа, но и проявление человеческого духа и патриотизма. Литература стала тем феноменом, который давал надежду людям, давал силы бороться дальше и идти до конца. Чем дальше уходят от нас события военных дней и меньше остается живых свидетелей – ветеранов, тем ценнее становятся художественные произведения – свидетельства страниц истории» [10, с. 743].

Бессмертный героизм нашего народа в Великой Отечественной войне, память о жертвах фашизма заставляют писателей вновь и вновь обращаться к военной теме, стремясь правдиво и художественно убедительно показать, как выстоял советский воин в это тяжелое время, как и почему он одержал победу. Еще одной немаловажной причиной постоянного внимания художников слова к теме Великой Отечественной войны – ее предельная актуальность и значимость. Л.А. Трубина в своей работе «Некоторые тенденции развития литературы о Великой Отечественной войне» подчеркивает важность этого этапа в истории литературы, поскольку это «время наибольшего за весь советский период раскрепощения духа, освобождения от

идеологических догм... Литература о войне сильна не только художественным отображением военного быта. Она значима, прежде всего, обращением к проблемам жизни духа, бытия человека на войне, в пограничной ситуации, на пределе сил и возможностей в условиях выбора на грани жизни и смерти» [13, с. 7].

О первоначальной семантике дороги писал А.А. Потехня: «У всех славян распространено сближение пути со смертью... В русском причитании ждут покойного с "пути-дороженьки". Отсюда областное *удорожить*, побоями довести до тяжкой болезни, убить. Но мертвому тяжело на том свете, если на этом долго за ним убиваются: каждая слеза, канувшая на мертвого, жжет его огнем» [11, с. 20]. В сборнике В.Ф. Маслова находим описательное выражение «уйти в последний путь» вместо знакомого нам «провести в последний путь»: *«Слезка скатилась мне на грудь – / Моя слезка большого горя: / Ты от меня в последний путь / Ушла, не плача и не споря. // Тебя, по трауру земли, / Тебя, в обойму гроба взяту, / Подняв на плечи, унесли / Туда, откуда нет возврата»* [16, с. 37]. Данное выражение можно объяснить тем, что все мужчины были заняты на фронте и провести родного человека в последний путь не всегда представлялось возможным.

Автор реализует одно из метафорических значений дороги – жизненный путь солдата. «Изображаемые при помощи линий траектории могут на семантическом уровне интерпретироваться как «путь человека», «событие» и, следовательно, отражать то, что в пределах данного текста культуры считается «событием». Так, например, смерть человека, приобретение или утрата богатства, женитьба будут «событием» с точки зрения одной системы, а с другой точки зрения не будут событием» [8, с. 483]: *«На нём вины его немного, / И нет на ней её вины, / Моя солдатская дорога / Большой рискованной длины. // Пускай живут они в едином / Достатке лучшего всего, / А мне – дорога до Берлина, / Да и дойду ль я до него?»* [16, с. 18]. Проблема смысла жизни смыкается с проблемой смерти. В философской литературе разнится интерпретация данного понятия. Например, Толстой писал: «Нельзя понять смысл жизни, без осмысления смерти». Хайдеггер дает онтологическую характеристику человеческого бытия: «Жизнь – есть бытие, направленное к смерти». У Эпикура смерть – это «абсолютная анестезия» (бесчувствие). Смерть – это естественное и необратимое прекращение жизнедеятельности биологической системы. С точки зрения современной биологии смерть – это смерть сознания» [4, с. 172]. По С. Кьеркегору, смерть – это вовсе не что-то «вообще», но настоящее действие [7, с. 189]. К сожалению, мы к смерти относимся как к чему-то отвлеченному. И естественно, что многие ее боятся, что бы и как бы о ней, о смерти, ни говорили.

Но надежда вернуться живым домой никогда не покидает солдат: *«Крепись и жди. Потом втройне / Всплакнешь от счастья на виду, / Когда придёт конец войне / И я живым с войны приду»* [16, с. 4]; *«Прекрасен подарок природы, / Но лучше б на жизненный путь / Убитые пулею годы / Сегодня поэту вернуть»* [16, с. 151]. Мотив надежды, как ожидания чего-либо, связан с мотивом веры в Победу. В таком случае вера характеризуется как то, что дает начало надежде. Оба эти понятия содержат в себе положительный эмоциональный отклик, обращены к счастливому будущему и имеют положительную семантику. Вера мыслится как источник надежды, ведь по мнению апостола Павла, вера и надежда стоят с любовью в одном ряду высших христианских добродетелей.

Мотив дороги тесно переплетается с мотивом веры в Победу как фактора счастливого будущего: *«Длинные земные километры, / Ещё длинней они лежат – / Через расстрелянные ветры, / Через фугасный гром и чад. // А нам, войны дорогой*

этой, / Идти вперёд из боя в бой, / Идти и верить, что с Победой / Вернёмся мы в наш край родной» [16, с. 12], ведь за А.М. Двойниным, вера и будущее тесно взаимосвязаны: «Психологической продукцией веры выступает не представленность образа будущего в сознании, а переживание будущего в настоящем» [3, с. 101].

Как отмечает Т.А. Тимошевская, «анализ сочетаемости лексемы "вера" показывает, что ее семантике присуще наличие объектов, которые для носителей русской культуры могут быть реальными, земными и трансцендентными... Сверхъестественные объекты четко разделяются между двумя полюсами – Добра (вера в Бога, вера в ангелов и т.д.) и Зла (вера в гадание, вера в дьявола). Реальные объекты в подавляющем большинстве относятся к полюсу Добра и делятся на абстрактные и конкретные. К числу абстрактных объектов относятся: вера в светлое будущее, вера в победу, вера в справедливость, вера в любовь, вера в счастье, вера в национальный идеал (Святая Русь, СССР, Россия и т.д.). К конкретным – вера в себя, вера в людей, вера в человека, вера в народ и т. д.» [12, с. 13]. Таким образом, вера в Победу относится к полюсу Добра, в котором выражается нравственная оценка поведения людей. Мотив веры в Победу напрямую связан со счастливым будущим, поскольку, по нашему мнению, молодежь должна знать, кому она обязана жизнью. От этого зависит наше счастливое будущее. Будущее, по философскому словарю, – форма проявления времени. Оно определяется относительно настоящего. Будущее – это то, что может стать настоящим, но еще им не является. Будущее мыслится как заполненное событиями, которые могут когда-нибудь стать настоящими [21, с. 76].

Мотив дороги имеет двойственное значение. С одной стороны дорога существует в физической реальности: *«лежат... через фугасный гром и чад»*, но с другой стороны *«моя солдатская дорога / большой рискованной длины»* [16, с. 12] – метафора жизненного пути солдата.

Сама по себе дорога ассоциируется с образом передвижения военнослужащих – маршем, походным строем, с песней, на коне, по своей родной земле или на чужой стороне и так далее: *«И пойду вдогонку ветру / По земле родной моей, Не считая километры / И походных вольных дней»* [16, с. 43]; *«Ещё задолго до рассвета, / Вблизи сгоревшего села. / Взлетев, сигнальная ракета / Нас в строй походный позвала»* [16, с. 12]. В таких строках путь / дорога приобретают негативную семантику, поскольку является символом движения по бесконечным дорогам войны.

О четырехлетнем периоде жизни – годах, которые автор провел на фронтах, защищая Родину, говорится в стихотворении *«Путь домой через Берлин»*: *«Чужестранными путями / Через годы, ширь долин, / День и ночь идут боями / Наши парни на Берлин»* [16, с. 25]. Здесь акцентируется внимание не только на физическом пути к Берлину: *«Кто-то скажет – бред жестокий, / Что-то стало с их умом; Ведь Россия на Востоке, / А Берлин – в краю другом»* [16, с. 25], но и на моральной и эмоциональной стороне борьбы: *«Наш солдат умом не бедный, / И из всех путей один / Он избрал свой путь победный – / Путь домой через Берлин»* [16, с. 25]. Путь к Берлину символизирует не просто военное продвижение, но и стремление к окончательной победе, к возвращению на Родину. Несмотря на все трудности, именно этот путь приведет к освобождению родного края: *«Все быстрее шагают ноги / По разрухе фронтовой. / Все короче их дороги / От земли страны родной»* [16, с. 25]. Патриотическая идея любви неотделима от идеи защиты Родины и веры в ее победу. Практически в каждом стихотворении, посвященном Родине, автор использует «призывные интонации ко всему воюющему народу в целом и к каждому отдельному воину в частности как призыв к защите Родины» [10, с. 745].

Прокладывать дороги в Древней Руси было трудно: нужно было продираться через непроходимый лес, устраивать насыпи на болотах, строить мосты. В этимологическом словаре М. Фасмера *дорога* означает ‘продранное в лесу пространство’. Менее вероятно родство со шведским словом, что означает ‘длинная, узкая впадина в почве, низина, долина’ [20, с. 530]. Мы можем провести параллель, что фронтовая дорога у солдат – зачистка фашистской нечисти на родной земле, то есть буквально продираться через фашистов, убирая, зачищая их на своем пути: *«Уткнулся в Волгу гром войны, / Ещё невиданный по силе. / Здесь нашей Родины сыны / С ордой фашистской в бой вступили. // Со всех отеческих сторон, / Со всей страны необозримой / Они пришли, создав заслон / Для вражеских сил непроходимый»* [16, с. 7].

Дорога отступления трудная, потому что отступать приходится по родным местам, но солдат стоит до конца, согласен *«гореть живым в пожаре жгучем»*, лишь бы не отступить и не уступить ни единого клочка родной земли: *«А отступить я никогда / Никем с рожденья не научен»* [16, с. 16], а дорога наступления всегда ассоциируется с подъемом патриотического духа: *«Я знаю, вся Россия там / Была с их думою едина, / Чтоб мы, неся разгром врагам – / Дошли с победой до Берлина!»* [16, с. 13]. Причем в один строй с солдатами автор ставит свои стихи, голос души народа, применяя при этом прием олицетворения: *«Сквозь гром сражений, по Европе / Солдаты русские идут. / Стихи, рождённые в окопе, / С бойцами вместе в строй встают»* [16, с. 21]. Автор называет свои стихи фронтовиками, поскольку они также воюют наравне с солдатами, только в качестве оружия у них строки, поднимающий дух патриотизма: *«Они усталости не знают, / Мои стихи-фронтовики, / Идут, дорогу пробивают / Свинцом стреляющей строки»* [16, с. 21]. В условиях жестокой реальности окопов стихи становятся средством выражения чувств, надежды и мужества. Образ стихов, которые идут рядом с солдатами, подчеркивает их значимость как моральной опоры и защиты в тяжелые времена: *«Средь громахающего ада, / Средь неумного огня, / Они всегда со мною, – рядом, / Как Богом данная броня»* [16, с. 21].

Мечта о возвращении в родные края и вера в Победу помогает выжить на войне: *«Я в край родной вернусь не скоро, / И потому издалека, / Хочу своим солдатским взором / Туда пройти сквозь облака. // Я знаю быть того не может, / Но мой небесный властелин – / Достичь родную Русь поможет / В победный день через Берлин»* [16, с. 17]. Употребляя слово *Русь*, автор желает объединить славянские народы против фашизма. Немаловажное значение имеет почитание исконных славянских ценностей православных народов, которые представляют собой источники славянского единства, что способствует развитию славянской ментальности, культур и сплоченности народов на основе историко-культурного наследия, общности традиций и духовных ценностей человека [5, с. 12]. Счастливое возвращение домой представлено единичными примерами: *«Поезд, бег набрав галопный, / Мчит в российский край меня, / Чтобы вновь беды окопной / Никогда не видел я»* [16, с. 26].

Поэтому для образа родного дома автор употребляет топонимику родного края: *«А мы – пешком туда придём / С Днестра своим походным строем»* [16, с. 70]; *«В чужом краю мне кров не нужен. / В чужом краю друзей мне нет. / Туда мой путь замёл, завьюжил / Днестровских яблонь белый цвет!»* [16, с. 100]; *«Ты уходишь смело в день грядущий / По намеченным дорогам бытия. / Я с тобой, твоей судьбой живущий, Приднестровская республика моя!»* [16, с. 63].

Мотив дороги переплетается с мотивом бессмертия: *«Они врагами не убиты: / Войдя в бессмертья вечный строй / Они стоят стеной защиты, / От пули нас закрыв собой»* [16, с. 51]. Здесь автор акцентирует внимание, что физиологическая смерть не

всегда есть смерть духовная, ибо человек, даже будучи в могиле, жив, пока о нем помнят. Такие стихотворения становятся символом памяти и бессмертия, выражая надежду, что несмотря на ужасы войны, человеческая душа найдет силы для продолжения борьбы и сохранения воспоминаний.

Исконно русскими словами автор пользуется как синонимическими: *тропа, тропка, дорога, путь*, показывая тем самым любовь к родному краю и презрение к фашистам, искореняя иноязычные слова типа *маршрут*: «*Всё же парня я в дорогу / Добрым взглядом проводил. / Вдаль, где я когда-то много / Троп и тропок проторил*» [16, с. 154]; «*Для своей дороги длинной / Сил достаточно найду, / Коль ходил я до Берлина – / До Камчатки путь пройду*» [16, с. 43]; «*У Руси на юг дороги / Есть по торной колее, / Но вот ели свои ноги – / Приморозили к земле*» [16, с. 117]. Дифференциацию пути и дороги точно определил Ю.М. Лотман: «"Дорога" – некоторый тип художественного пространства, "путь" – движение литературного персонажа в этом пространстве. "Путь" есть реализация (полная или неполная) или не реализация "дороги"» [9, с. 253].

В.Ф. Маслов делает отсылку на Ю.В. Бондарева, который называл войну сумасшествием: «*Фашизм ослаб. Фашизм подмок. / Его с бесславьем повенчали, / А сила Бондаревских строк / Была на зреющем начале. // Где в бой вели его мечты, / Где он с врагом жестоким бился. / Там наш Всевышний с высоты / К нему на помощь торопился*» [16, с. 7].

Писатели-фронтовики предпочитали замалчивать тему войну, поскольку рана свежа. Поэтому у В.Ф. Маслова затрагивается тема природы как отвлеченного состояния героя от войны, при этом сравнивая деревья с образом солдата, употребляя военную терминологию: «*Соблюдая строй двухрядный строгий / И храня вечерней тишины накат, / Белые берёзы вдоль дороги / За околицей Тирасполя стоят*» [16, с. 28]; «*Теплом разбуженные клёны, / Не соблюдая пеший строй, / К реке, ватагою зелёной, / Пришли, чтоб встретиться с весной*» [16, с. 100]; «*А они стоят, года считая, / Кучерявым, чётким строем в два ряда, / В землю приднестровскую вращая, / Подмосковными корнями навсегда*» [16, с. 100].

Символическое значение несет в себе образ березы. Для одних береза является олицетворением стойкости и силы, а для других – знаком новых начинаний и возможностей. Тонкая белая кора является символом чистоты и невинности, а ее высокие стволы вызывают чувство надежды и потенциала. В России это дерево называют «древом жизни». В литературе символика березы часто связана с победой над невзгодами или преодолениями препятствий, в частности у В.Ф. Маслова береза становится проводником на фронт, помощником в Великой Победе над фашизмом, что можно тоже интерпретировать как преодоление препятствия: «*Толпу притихшую берёз / Я обниму разлуки взором / И под тревожный звон колёс / Умчу на запад в те просторы, // Где в жарком пламени земля, / Где бой ведётся ради жизни. / Там место есть и для меня / В рядах защитников Отчизны*» [16, с. 5]. Даже в чужих краях это дерево становится родным, о чем автор и говорит в стихотворении «Румынские березы»: «*На взгорье мрачном, крутобоком. / Вблизи дороги фронтовой, / Берёзы, истекая соком, / Стоят, расстреляны войной. // Они румынские, чужие, но белоствольностью своей – / Напоминают мне родные / Березняки страны моей*» [16, с. 23]. Автор сравнивает их с мучениками, которые подвергаются мучениям, страданиям, то есть теми, кто перенес муки, тяжелые испытания: «*Они не русские, но всё же / К ним отчужденья нет стены. / Они на мучениц похожи, / Познавших ужасы*

войны. // Дорогой трудной, самой дальней / Прошёл я мимо тех берёз, / И трепет их листвы печальной / В себе, как раны, боль унёс» [16, с. 23].

Мотив дороги переплетается с мотивом осенней непогоды – идет дождь, «Под сапогами грязь распутья / Чужих полей, чужих дорог. // Навстречу ветер, гари запах. / С плаката, округлив зрачок. / Орёл фашистский держит в лапах / Предсмертной свастики пучок» [16, с. 19], где *распутье* / *развилка* / *перекресток* несут семантику неопределенности, когда солдат должен сделать определенный выбор.

В сборнике привлекает простота и легкость слога, отсутствие сложных речевых оборотов, понятные, доходчивые слова, а также употребление заимствованных слов из украинского, молдавского и белорусского языков. «...Уникальная ситуация наблюдается в Приднестровском регионе, где преобладает романо-славянская кириллическая традиция. Регион развивается. И сегодня уже можно говорить о региолекте русского языка, который является основой молодой литературы в Приднестровье. Этому способствует государственность Приднестровского региона. В республике официальное трехязычие, которое неизбежно способствует формированию особого типа культуры, находящегося на перекрестке европейских дорог» [6, с. 30]. В Приднестровье большинство жителей региона принадлежат к русскоязычной культуре, в их памяти – код русской цивилизации. Безусловно, каждая национальная культура уникальна и сущностно разнообразна. В нашей республике молдавская и украинская культура представляют собой сущностные феномены. Они обладают глубокой исторической традицией, которая зафиксирована и отражена в фольклоре, художественных текстах, научных изысканиях. Уникальность молдавского, украинского, русского, болгарского языков – в их принадлежности к кириллическому алфавиту, т.е. к наследию святых Кирилла и Мефодия. Специфика лексики приднестровских фронтовиков состоит в употреблении ими в русскоязычных текстах заимствованной лексики из других родственных языков. Долговременное пребывание в многоязычном окружении носителей языка обусловило появление украинизмов и молдаванизмов, которые отражают специфические особенности местных условий быта, экономики, материальной и духовной культуры данного народа. Например, находим два варианта написания одного и того же стихотворения «Морозной ночью на опушке»: «В избушке той свечи огарок / Горит, мерцающая и коптя. / У печки жаркой в пять цигарок / Дымят охотники-друзья» [16, с. 89], где употребление украинского слова *цигарок* вместо русского слова *сигарет* отражают уникальные культурные особенности украинской жизни и отражают реалии, характерные для украинского быта. Еще вариант написания этого же стихотворения звучит следующим образом: «В избушке там свечи огарок / Горит, мерцающая и коптя, / У печки жаркой, в пять пыгарок / Дымят охотники-друзья» [16, с. 89], где слово *пыгáрка*, вероятно, родственно белорусскому слову *пягарка* ‘зажаристая корочка на мясе, картошке или пенка на топленом молоке’. Такие слова в стихотворениях подчеркивают культурную идентичность автора и помогают создать уникальную атмосферу, отражающую смешение влияний нескольких языков и традиций.

Таким образом, мотив дороги пронизывает весь лирический сборник «Мои дороги через войну» В.Ф. Маслова и включает в себе как положительные, так и отрицательные оттенки смысла. Дороги служат не только символом физического перемещения, но и метафорой внутреннего переживания. Каждый шаг по фронтовым тропам сопровождается воспоминаниями о доме, родных, которые остаются в ожидании близкого человека. Патриотические мотивы, присущие описанию дороги, позволяют автору передать всю гамму чувств – от страха перед опасностью до горечи

утрат, а также надеждой на победу и жажды жизни. Мотив фронтовой дороги тернистой, борьбы с врагом, несет отрицательную семантику, поскольку ассоциируется зачастую с борьбой и потерями, что создает ощущение боли. Мотив счастливого возвращения домой несет положительную семантику, поскольку солдат возвращается к родному дому, к родной семье, то есть возвращение домой становится символом радости и торжества, представляя надежду на конец страданий и воссоединение с близкими. Поэтому возвращение домой интерпретируется не только как географическое перемещение, но и торжество жизни над смертью, подтверждая силу человеческих чувств в условиях войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельская А.М. Семантика ДОРОГИ во фразеологии славянских языков: соотношение сакрального и профанного / А.М. Архангельская // OPERA SLAVICA. – 2015. – Т. XXV. – № 4. – С. 3–17.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер, пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – 364 с.
3. Двойнин А.М. Психологическое исследование феномена веры / А.М. Двойнин // Развитие личности. – 2005, № 2. – С. 96–111.
4. Заховаева А.Г. Философия и её смысл: Учебник / А.Г. Заховаева. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2017. – 223 с.
5. Заяц С.М. Значение славянского мира и славянских языков в культурном пространстве Приднестровья / С.М. Заяц, Н.В. Пазина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский тест: теория и практика. – 2023. – Т. 8. – № 1. – С. 4–16.
6. Заяц С.М. Языковые и литературные феномены в художественных текстах приднестровских авторов / С.М. Заяц, Н.В. Пазина // Роль государства и институтов гражданского общества в сохранении родных языков и литератур: материалы Международ. научно-практ. конф. (Чебоксары, 22–23 октября 2020 г.) / сост. А.С. Егорова. – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – С. 29–33.
7. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / Пер с датского яз. Н. Исаевой и С. Исаева. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005 – 680 с.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
9. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
10. Пазина Н.В. «Мы не уйдем из памяти народной, / О нас потомки будут вспоминать...»: тема памяти в лирике приднестровского поэта-фронтовика Игоря Ильина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Том 16. Выпуск 3. – С. 742–747. – doi.org/10.30853/phil20230106.
11. Потебня А.А. О некоторых символах славянской народной поэзии. / А.А. Потебня. Символ и миф в народной культуре / Сост., подг. текстов, ст. и коммент. А.Л. Топоркова. – М.: Лабиринт, 2000. – С. 5–92.
12. Тимошевская Т.А. Национально-культурные особенности функционирования концепта «вера» (на материале русского и английского языков): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 Теория языка / Тимошевская Татьяна Афанасьевна; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. — Ставрополь, 2012. – 23 с.
13. Трубина Л.А. Некоторые тенденции развития литературы о Великой Отечественной войне / Л.А. Трубина // Отечественная словесность о войне. Проблема национального сознания: к 70-летию Победы о Великой Отечественной войне: Материалы XX Шешуковских чтений / под ред. Л.А. Трубиной. – Москва: МПГУ, 2015. – С. 7–14.
14. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник / В.Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2004. – 438 с.
15. Шестинский О.Н. Предисловие / О.Н. Шестинский // Антология современной литературы Приднестровья: Проза, поэзия, критика и публицистика / Составители В. Афанасьев, В. Кожушняк, Р. Кожухаров. – М.: Советский писатель, 2007. – С. 3–5.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

16. Маслов В.Ф. Мои дороги через войну. – Бендеры, 2010. – 168 с.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

18. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28 е изд., перераб. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012. – 3423 с
19. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т.1. А–О – М., 1910–1914. – 716 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.1. (А–Д): пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под. ред. и с предисловием проф. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М.: «Прогресс», 1986. – 576 с.
21. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. 719 с.

REFERENCES

1. Arkhangel'skaya A.M. (2015). Semantika DOROGI vo frazeologii slavyanskix yazy'kov: sootnoshenie sakral'nogo i profannogo [Semantics of the word in the phraseology of Slavic languages: the ratio of the sacred and profane]. OPERA Slavica. Vol. XXV. No. 4. pp. 3–17 (In Russian).
2. Gadamera G.–G. (1991). Aktual'nost' prekrasnogo [Relevance is beautiful]. Moscow: Art. 364 p. (In Russian).
3. Dvoinin A.M. (2005). Psixologicheskoe issledovanie fenomena very [Psychological study of the phenomenon of faith] in Razvitie lichnosti [Personality development], no. 2. pp. 96–111. (In Russian)
4. Zakharova A.G. (2017). Filosofiya i eyo smysl [Philosophy and its meaning]. M.: Publishing House of the Academy of Natural Sciences. 223 p. (In Russian)
5. Zayats S.M., Pazina N.V. (2023). Znachenie slavyanskogo mira i slavyanskix yazy'kov v kul'turnom prostranstve Pridnestrov'ya [The significance of the Slavic world and Slavic languages in the cultural space of Pridnestrovie] in Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkij test: teoriya i praktika [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian test: theory and practice]. Vol. 8. No. 1. pp. 4–16. (In Russian)
6. Zayats S.M., Pazina N.V. (2021). Yazy'kovye i literaturnye fenomeny v xudozhestvenny'x tekstax pridnestrovskix avtorov [Linguistic and literary phenomena in the literary texts of Pridnestrovian authors] in Rol' gosudarstva i institutov grazhdanskogo obshchestva v soxranenii rodnix yazy'kov i literatur: materialy Mezhdunarod. nauchno-prakt. konf. (Cheboksary, 22–23 oktyabrya 2020 g.) [The role of the state and civil society institutions in the preservation of native languages and literature: materials of the International Scientific and Practical Conference (Cheboksary, October 22-23 2020)], comp. by A.S. Egorova. Cheboksary: Publishing house "Wednesday", pp. 29–33. (In Russian)
7. Kierkegaard S. (2005). Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k «Filosofskim kroxam» [The final unscientific afterword to the "Philosophical Crumbs"]. Translated from the Danish by N. Isaeva and S. Isaev. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 680 p. (In Russian)
8. Lotman Yu.M. (2000). Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo. 704 p. (In Russian)
9. Lotman Yu.M. (1988). V shkole poe'ticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol [At the school of the poetic word: : Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow: Enlightenment. 352 p. (In Russian)
10. Pazina N.V. (2023). «My` ne ujdem iz pamyati narodnoj, / O nas potomki budut vspominat'...»: tema pamyati v lirike pridnestrovskogo poe'ta-frontovika Igorya Il'ina ["We will not leave the memory of the people, / descendants will remember us": the theme of memory in the lyrics of the Pridnestrovian poet-front-line soldier Igor Ilyin] in Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki Philology. Theory & Practice [Philological sciences. Questions of theory and practice of Philology. Theory & Practice]. Volume 16. Issue 3. pp. 742–747. <https://doi.org/10.30853/phil20230106> (In Russian)
11. Potebnya A.A. (2000). O nekotory'x simvolax slavyanskoj narodnoj poe'zii [About some symbols of Slavic folk poetry] in Simvol i mif v narodnoj kul'ture [Symbol and myth in folk culture]. M.: Labyrinth. pp. 5–92 (In Russian).
12. Timoshevskaya T.A. (2012). Nacional'no–kul'turnye osobennosti funkcionirovaniya koncepta «vera» (na materiale russkogo i anglijskogo yazy'kov) [National and cultural features of the functioning of the concept of "faith" (based on the material of the Russian and English languages)]: abstract of the dissertation ... candidate of Philological Sciences. Stavropol. 23 p. (In Russian)
13. Trubina L.A. (2015). Nekotorye tendencii razvitiya literatury` o Velikoj Otechestvennoj vojne [Some trends in the development of literature about the Great Patriotic War] in Otechestvennaya slovesnost' o vojne. Problema nacional'nogo soznaniya: k 70-letiyu Pobedy` o Velikoj Otechestvennoj vojne: Materialy` XX Sheshukovskix chtenij [Russian literature. The problem of national consciousness: to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War: materials of the XX Sheshukov readings] edited by L.A. Trubina. Moscow: MPSU. pp. 7–14 (In Russian).

14. Khalizev V.E. (2004). Teoriya literatury` [Theoretical literature]: Textbook. 4th ed., ispr. and add. Moscow: Higher School. 438 p. (In Russian).

15. Shestinsky O.N. (2007). Predislovie [Preface] in Antologiya sovremennoj literatury` Pridnestrov`ya: Proza, poe`ziya, kritika i publicistika [Anthology of modern literature of Pridnestrovie: Prose, poetry, criticism and journalism], compiled by V. Afanasyev, V. Kozhushnyan, R. Kozhukharov. Moscow: Soviet Writer. pp. 3–5 (In Russian).

Поступила в редакцию 20.10.2024 г.

**MOTIVE OF ROAD IN COLLECTION "MY ROADS THROUGH THE WAR"
BY V.F. MASLOV**

N.V. Pazina

The article addresses the motif of the road as one of the key ones in the work of front-line writers. The research relevance is accounted for by the need for a holistic study, analysis, and understanding of the poetic work of Pridnestrovian author Vasily Fedotovitch Maslov, since his works contain rich factual material about the war. The focus is made on his lyrical collection "My Roads through the War", published in 2010 by the anniversary of the Great Victory. In the course of the analysis of the literary texts by V.F. Maslov a number of relevant methods have been applied, among them are biographical, narrative, descriptive, and comparative historical methods. The road is interpreted as a difficult life path of a soldier in war, a rapid offensive against enemy forces, escape routes, sometimes through native lands, as well as a happy return home. The conclusions about the peculiarities of the road motif representation in the work by V.F. Maslov have been drawn. The motif of the road is one of the central ones in the collection of the Pridnestrovian poet, and is characterized by both positive, and negative semantics.

Keywords: homecoming, road, life path, V.F. Maslov, "My roads through the war", motive, path of attack, path of retreat.

Пазина Наталья Васильевна.

Аспирант.

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Приднестровская Молдавская Республика, г. Тирасполь.

Старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы.

ORCID: 0009-0005-5914-0774.

E-mail: datinka@inbox.ru.

Pazina Natalia Vasilyevna.

Post-graduate student.

The Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Pridnestrovian Moldavian Republic, Tiraspol.

Senior lecturer at Department of Russian and Foreign Literature.

ORCID: 0009-0005-5914-0774.

E-mail: datinka@inbox.ru.

Научная статья
УДК 811.111:81'42
DOI: 10.5281/zenodo.14517582

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИКОДОВЫХ МЕДИАТЕКСТОВ «ЗЕЛЕННОЙ ПОВЕСТКИ»

© 2024 А.Р. Резникова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0000-0001-7674-9251



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Данная статья посвящена рассмотрению жанровых особенностей поликодовых медиатекстов тематики «зеленой повестки» в современном англоязычном медиадискурсе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения поликодовости медиатекста в британской и американской медийной среде, а также описания способов и средств реализации этого явления. В процессе исследования использовались различные методы: метод дискурсивного, контекстуального, количественного, сопоставительного анализа, лингвосомиотический метод. В ходе анализа были выделены поликодовые медиатексты следующей функционально-жанровой принадлежности: новости, информационно-аналитические, публицистические (features), рекламные медиатексты, карикатура, обложка и интервью. Сделаны выводы об особенностях реализации феномена поликодовости в указанных жанрах медиатекстов. Установлено, что поликодовость сообщения усиливает компонент воздействия на получателя информации и является средством более полной реализации функции информирования – одной из основных в массовой коммуникации.

Ключевые слова: медиатекст, поликодовость, поликодовый медиатекст, новостной жанр, информационно-аналитический жанр, публицистический жанр, интервью, рекламный жанр, карикатура, обложка.

Для цитирования: Резникова А.Р. Жанровые особенности поликодовых медиатекстов «зеленой повестки» / А.Р. Резникова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 165–176. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14517582>.

Введение. В настоящее время в информационной среде наблюдается тенденция к преобладанию изобразительного компонента над вербальным. Этот факт объясняется усиленной визуализацией человеческой коммуникации в целом, повсеместным распространением информации посредством печатной прессы и сети Интернет, открытым и быстрым доступом к новостям. Л.Р. Рацибурская утверждает, что в эпоху «современных технологий возникает необходимость в быстром и легком восприятии информации, чему способствует воздействие сразу на несколько каналов восприятия» [11, с. 832].

В конце XX – начале XXI вв. в лингвистике стало формироваться отдельное направление исследования языка массовой коммуникации – медиалингвистика, которое отражает и описывает общую динамику языкового развития информационного общества. Объектом исследования стали **поликодовые тексты** (далее – ПТ), т.е. гетерогенные тексты, структура которых соткана из нескольких семиотических кодов (например, вербального и визуального). В данном исследовании, вслед за А.Г. Сониным и В.В. Васильевой, под ПТ мы подразумеваем текст, соединяющий «в

едином графическом пространстве семиотически гетерогенные составляющие – вербальный текст в устной или письменной форме, изображение, а также знаки иной природы», выполняющих общую коммуникативную функцию [3; 14]. В качестве визуального элемента ПТ могут использоваться изображения, графические элементы, диаграммы, а также параграфемные элементы, такие как особенности шрифта и цвета, а также оформление и компоновка текста.

Изучением особенностей функционирования языка в средствах массовой информации [17], а также феномена текстовой гетерогенности занимаются многие отечественные лингвисты. Исследования выполняются с позиций целостного теоретического осмысления явления неоднородности текста [1]; рассматриваются различные способы функционирования поликодовости [3; 5; 8; 16]; работы многих авторов посвящены вопросам изучения воздействия поликодовых текстов на реципиента [6; 7; 10; 13; 14]. За рубежом поликодовые медиатексты рассматриваются в работах Р. Барта, Г. Кресса и Т. ван Левена и др.

Одна из тем, которая формирует информационное поле сегодня, – «зеленая повестка». «В общем смысле этот медиатопик освещает проблематику изменения климата, катализатором которого является антропогенный фактор. Добавим, что это мировой политический и экономический тренд, популяризирующий и оправдывающий принятие мер, направленных на правильное использование как ресурсов, так и экологических, природо-, энерго- и материалосберегающих технологий» [12].

Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к изучению поликодовости в англоязычных медиатекстах, комплексный подход к изучению данного феномена позволяет интерпретировать специфику его функционирования в британском и американском медиадискурсе. Это достигается через рассмотрение особенностей взаимодействия вербальной и визуальной составляющих медиатекста, лингвоаксиологическое описание языкового материала и исследование коммуникативной реализации поликодовости.

Цель работы заключается в установлении и описании функционально-жанровой специфики ПМ «зеленой повестки», а также способов реализации поликодовости в них.

Материалы и методы исследования. Материал исследования составили 1200 англоязычных поликодовых медиатекстов, посвященных тематике «зеленой повестки», отобранных из современных англоязычных СМИ за период с 2020 по 2023 гг. (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Источники материала исследования

| Формат источника | Британская пресса | | Американская пресса | |
|------------------|-------------------|------------|---------------------|------------|
| | Качественная | Желтая | Качественная | Желтая |
| | Кол-во ПМ, ед. | | Кол-во ПМ, ед. | |
| Печатные | 200 | 100 | 200 | 100 |
| Электронные | 200 | 100 | 200 | 100 |
| Всего | 400 | 200 | 400 | 200 |

Как свидетельствуют данные таблицы, корпус материала исследования составили публикации из печатных и электронных форматов ведущих британских и американских газет, относящихся к качественной и желтой прессе (The Guardian, The Economist, The Sun, The New York Times, The Wall Street Journal, The New York Post, The Washington Post). В исследовании использовались различные методы: метод дискурсивного, контекстуального, количественного, сопоставительного анализа, лингвoseмиотический метод.

Основная часть. Опираясь на жанровую классификацию, предложенную Т.Г. Добросклонской, в рамках отобранного языкового материала были выделены поликодовые медиатексты следующей функционально-жанровой принадлежности, присущей англо-американской журналистской традиции: новости, информационная аналитика и комментарий, публицистические статьи (*features*), реклама [4, с. 42–45]. Также выделяются еще три типа ПМ: карикатура, обложка и интервью.

Новости. В ходе анализа было выявлено, что новостной жанр является наиболее количественно продуктивным (511 ед. из 1200 отобранных ПМ) в британском и американском дискурсе в качественной и желтой прессе. Современные СМИ реализуют одну из главных функций языка – сообщение – посредством публикации новостных заметок и статей, в том числе и поликодового характера. Рассмотрим в качестве примера ПМ «зеленой повестки» новостного жанра, представленный на рис. 1.

U.S. NEWS

Manchin-Favored Bill Faces Fresh Doubts

By SIMON HUGHES

WASHINGTON—Congress is flashing warning signs about the prospects for passing legislation to speed up permitting of both renewable-energy and traditional fossil-fuel projects, with a growing number of lawmakers objecting to the proposal being tied to a must-pass spending bill.

Last week, Senate Majority Leader Chuck Schumer (D, N.Y.) said he would attach the permitting bill to a short-term budget measure known as a continuing resolution needed to keep the government funded beyond the end of September. Lawmakers on both sides of the aisle have balked at supporting the permitting bill, leaving its fate up in the air with just a few weeks until the funding deadline.

The newest hurdle came Friday when House Natural Resources Committee Chairman Raul Grijalva (D, Ariz.) said he

had the support of more than 70 Democrats for a letter opposing the inclusion of the permitting measure in legislation funding the government. That was up from more than 40 just days earlier.

“We urge you to ensure that these provisions are kept out of a continuing resolution or any other must-pass legislation this year,” they wrote in the letter. They said the permitting bill would “curtail public input, environmental review, and government accountability.”

The letter didn’t say that signatories would necessarily reject the continuing resolution if permitting were included. Some lawmakers have indicated they could reject a spending measure that included permitting.

“The Continuing Resolution must not be held hostage by Big Oil,” Sen. Bernie Sanders (I, Vt.) said in a tweet.

The permitting bill is advancing as part of a deal between



LEGISLATION THAT MANY DEMOCRATS ARE TRYING TO PASS WOULD FACILITATE BOTH RENEWABLE-ENERGY AND FOSSIL-FUEL PROJECTS.

Sen. Joe Manchin (D, W.Va.) and Mr. Schumer. Mr. Manchin agreed to support Democrats’ now-enacted climate, healthcare and tax law if party leaders then worked to ensure the passage of the permitting bill, which is intended to speed up both renewable-energy and fossil-fuel-en-

energy projects. House Speaker Nancy Pelosi (D, Calif.) had also signed on to that deal, which at the time called for scheduling a vote on the bill by the end of September.

Asked about the opposition, an aide to Mr. Schumer pointed to the senator’s recent com-

ments that he considered the permitting measure an integral part of the party’s climate and health push. “We will get it done,” Mr. Schumer said.

White House press secretary Karine Jean-Pierre said this past week that President Biden continues to support the permitting bill.

Opponents cite different reasons for objecting to the permitting bill. Some Republicans feel burned over the passage of the climate and health bill and don’t want to help Democrats get it over the finish line. Progressive Democrats are unhappy that the permitting bill will advance fossil-fuel projects in addition to renewable projects.

Their combined opposition is a problem for leaders given the narrow margins in both the Senate and the House.

In the 50-50 Senate, 60 votes are needed to pass most legislation, and Mr. Schumer needs to keep most of his ca-

ucus on board while cajoling Republicans.

In the House, Mrs. Pelosi is operating with a 219-211 majority, meaning she can currently lose no more than three votes if all House members cast a vote. The number of House Democrats who signed on to Mr. Grijalva’s letter suggests the potential to lose more than that, meaning she would have to make up the difference with Republican votes.

But it isn’t clear whether House Republicans would be willing to provide enough support. A spokesman for House Minority Leader Kevin McCarthy (R, Calif.) didn’t respond to a request for comment.

Part of Mr. Manchin’s calculation has been that the permitting bill was favorable enough for the fossil-fuel industry—currently a Republican constituency—that Republicans would vote in favor even if significant numbers of progressives stampeded away from the bill.

Рисунок 1. *Manchin-Favored Bill Faces Fresh Doubts, The Wall Street Journal, 12.09.2022.*

В анализируемом поликодовом медиатексте жанра «новости» речь идет о законопроекте, который в перспективе может ускорить выдачу разрешений на проекты, связанные как с возобновляемыми источниками энергии, так и с традиционными видами ископаемого топлива. Согласно статье, республиканцы неодобрительно встретили этот законопроект, продвигаемый демократами, что вербально отражено в заголовочном комплексе («*Manchin-Favored Bill Face Fresh Doubts*») / «Закон, пользующийся благосклонностью Манчина, встретили новыми сомнениями» – здесь и далее перевод мой – А.Р.). Вербальная часть ПТ представлена заголовочным комплексом, основным текстом статьи, который традиционно разделен на колонки для более компактного представления на странице газеты, а также подписью к иконическому компоненту, которая по смыслу дублирует лид («*Legislation that many Democrats are trying to pass would facilitate both renewable-energy and fossil-fuel projects*») / «Законодательство, которое пытаются принять многие демократы, будет способствовать реализации проектов как в области возобновляемых источников энергии, так и в области использования ископаемого топлива»).

Невербальная составляющая поликодового текста представлена фотографией, на которой изображены ветряные электростанции. Их количество свидетельствует о том, что этот тип генерации электроэнергии достаточно распространен в США. Вербальная часть коррелирует с иконической посредством связи словосочетания *renewable-energy* с

изображаемым объектом – ветроэлектростанцией. Следует отметить, что для новостного жанра, в отличие от других, характерным способом реализации поликодовости является фотография, что может быть определено жанровыми особенностями данного типа текста: информирование читателя, объективное представление фактов произошедшего события, релевантность информации, – все эти факторы обуславливают соответствующий выбор иконической составляющей, которая должна быть представлена фотографическим изображением, поддерживая тем самым вербальный компонент.

Таким образом, оба компонента данного поликодового медиатекста взаимосвязаны, но находятся в отношениях «вербальная часть доминирует», т.к. именно вербальная часть будет иметь определяющее значение при интерпретации визуального компонента (визуальный компонент в данном случае поддерживает и усиливает текстовый).

Информационно-аналитический жанр. Как показывает анализ корпуса языкового материала, ПМ информационно-аналитического жанра являются следующими по продуктивности и насчитывают 343 ед. из 1200. Информационно-аналитические ПМ (в англоязычной журналистской традиции медиатексты этого жанра обозначаются названием *opinion / analysis / comment*) и совмещают функцию передачи информации с усилением воздействия за счёт выражения личного мнения и оценки. Т.Г. Добросклонская указывает, что аналитический компонент имеет определяющее значение [4, с. 42–45]. Т.к. тема «зеленой повестки» актуализируется в мире в настоящее время, закономерно, что все происходящие события, равно как их анализ и оценка занимают существенную долю в медийном освещении. Пример поликодового медиатекста данного жанра представлен на рис. 2.

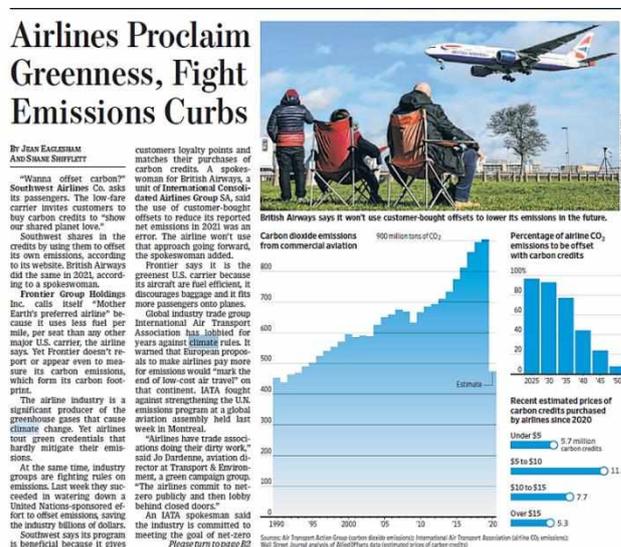


Рисунок 2. *Airline Proclaim Greenness, Fight Emissions Curbs, The Wall Street Journal, 11.10.2022*

В данном ПМ информационно-аналитического жанра говорится об авиакомпаниях, которые являются значительными производителями парниковых газов, но заявляют о своей экологичности, хотя едва ли снижают выбросы. Как показывает анализ языкового материала, для данного жанра характерна следующая конфигурация изобразительных компонентов: фотография, таблица, график, диаграмма, инфографика, а также видео и анимация в электронных форматах СМИ. Это может объясняться лингвомедийными характеристиками информационно-аналитического жанра, т.к. в нем

предполагается информирование читателя, а также анализ ситуации, оценка, разъяснение, выражение экспертного мнения по определенной теме в рамках статьи. Соответственно, очевидным является преобладание указанных выше способов реализации поликодовости, ведь именно они способствуют адекватному визуальному представлению аналитических и статистических сведений.

Поликодовость в данном медиатексте реализуется несколькими способами, а именно: фотографией и графиками. На фотографии изображены люди и летящий самолет компании British Airways, подпись к иконическому компоненту гласит: *«British Airways says it won't use customer-bought offsets to lower its emissions in the future / British Airways заявляет, что в будущем не будет использовать скидки, предоставляемые клиентами, для снижения выбросов»*. Графики отражают количественные показатели рассматриваемой проблемы загрязнения окружающей среды от коммерческой авиации.

Оба компонента поликодового медиатекста – вербальный и визуальный – находятся в отношениях «взаимозависимости», т.к. текстовая часть дополняется визуальной, в частности, графиками, и наоборот. Адекватная интерпретация ПМ читателем достигается при взаимосвязанном восприятии этих частей.

Реклама. Как указывается в исследовании Т.Г. Добросклонской, реклама представляет собой явление, которое сочетает в себе функцию воздействия как инструмента языка, осуществляемую с помощью разнообразных лингвостилистических средств выразительности, и функцию воздействия как инструмента массовой коммуникации, реализуемую через специфические медиатехнологии, характерные для каждого отдельного средства массовой информации [4, с. 67] и является следующей группой по продуктивности реализации в ней тематики «зеленой повестки» (160 ед. из 1200). Рис. 3 иллюстрирует ПМ рекламного жанра.



Рисунок 3. Beko. *Our dishwashers perform flawlessly...*, *The Wall Street Journal*, 01.11.2022

В анализируемом примере ПМ рекламируется посудомоечная машина фирмы «Веко». Вербальная часть медиатекста представлена рекламной надписью, которая гарантирует сниженное потребление воды и электроэнергии при использовании продукции их компании (*«Our dishwashers perform flawlessly using 50% less water and 25% less energy...»* / *«Наши посудомоечные машины работают безупречно, расходуя на 50% меньше воды и на 25% меньше энергии...»*), что также благоприятно сказывается

на окружающей среде («...*saving money and the planet too*» / «экономя деньги и сохраняя планету»).

Визуальная составляющая медиатекста представлена рекламируемым товаром – посудомоечной машиной, выполненной в лаконичном дизайне; общее цветовое решение в светлых оттенках коррелирует со словосочетанием «*perform flawlessly*». Рыбка в аквариуме и вид природы за окном соотносятся с утверждением о заботе о планете.

Оба компонента ПМ находятся в отношениях «взаимозависимости», т.к. визуальная часть не может быть правильным образом истолкована без словесного пояснения. Таким образом, функция воздействия реализуется посредством как вербальной, так и иконической составляющей.

Публицистика. В англоязычной журналистике эти статьи обозначаются термином *features*, он применяется для описания широкого спектра текстов, функционирующих в различных средствах массовой информации и различающихся по своей тематике, структуре и объёму. В частности, в печатных изданиях «feature article» представляют собой статьи, которые могут быть связаны с актуальными событиями или посвящены постоянным медиатопикам, освещаемым в СМИ [4, с. 65]. Отмечается, что язык статей данного жанра отличается более выраженной экспрессией и насыщенностью эмоционально-оценочными элементами по сравнению с языком новостных и информационно-аналитических текстов. Это обусловлено различием в функциях воздействия и сообщения, которые характерны для этих типов текстов [4, с. 65].

Группа ПМ данного жанра, в сравнении с новостным и информационно-аналитическим жанрами, является немногочисленной по количественному распределению (107 ед. из 1200). Тематика «зеленой повестки» актуализируется в этом жанре ПМ, пример представлен на рис. 4.



Рисунок 4. *Elon's Twitter fuels liberal EV regret, The New York Post, 17.11.2022*

Анализируемый поликодовый медиатекст публицистического жанра затрагивает частную тему в рамках «зеленой повестки» – использование электромобилей. Так, речь идет об изменениях предпочтений клиентов компании «Tesla» после того, как ее владелец Илон Маск стал приверженцем консервативных взглядов и стал их активно

публиковать в приобретенной им популярной социальной сети. «Tesla» ускоряет переход мира к устойчивой энергетике с помощью электромобилей, солнечной энергии и интегрированных решений по использованию возобновляемых источников энергии для домов и предприятий, однако многие владельцы автомобилей этой фирмы отказались от них из-за измененной риторики И. Маска в пользу электромобилей других компаний.

В ходе анализа языкового материала было установлено, что в публицистическом жанре ПМ доминируют следующие способы реализации поликодовости: фотография, рисунок, параграфемные средства. В данном примере мы наблюдаем использование нескольких фотографий с использованием параграфемных средств (шрифтовые выделения – подчеркивание, разный размер шрифта, обводка фотографий в круговые рамки).

Данный ПМ опубликован в американском издании *The New York Post*, относящимся к желтой прессе. Стилистические и языковые особенности, которые присущи популярной англоязычной прессе, наблюдаются и в предложенном образце медиатекста, например использование разговорной лексики («...*he's no longer feeling quite so cool in the compact ... vehicle...*»; «*all revved up!*», «*smug-mobiles*»).

Вербальный и визуальный компоненты медиатекста в данном случае находятся в отношениях «вербальная часть доминирует», поскольку изобразительная часть лишь дублирует ту информацию, которая содержится в текстовой части.

Обложка. Обложка еженедельника *The Economist* за период с 2020 по 2023 годы представляет собой яркий образец поликодового медиатекста, который отражает и раскрывает общественно-политическую жизнь в динамике.

Обложка обладает уникальными характеристиками, требующими от читателя применения различных когнитивных механизмов для интерпретации смысла. Она схожа с другими жанрами поликодового текста, такими как плакат, интернет-мем и карикатура, по сложности взаимодействия вербального и визуального компонентов, а также по частому использованию лингвостилистических приёмов, таких как игра слов, метафоры, ассонанс, аллитерация и другие проявления языковой креативности [2]. Пример ПМ жанра «обложка» представлен на рис. 5.



Рисунок 5. *Seize the moment. The chance to flatten the climate curve, The Economist, 23.05.2020*

В анализируемом примере ПМ рассматривается обложка издания, которая иллюстрирует главную статью выпуска. В данном случае речь идет о том, что пандемия и климатический кризис имеют схожие черты и взаимодействуют друг с другом, т.к. сокращение экономики приводит к снижению выбросов парниковых газов, следовательно, пандемия предоставляет уникальную возможность для принятия государственной политики по сокращению выбросов углерода с меньшими издержками.

Вербальная часть представлена надписью («*Seize the moment. The chance to flatten the climate curve*» / «*Воспользуйтесь моментом. Это шанс выровнять климатическую кривую*»). Иконическая часть интерпретируется вместе с надписью, т.к. изображенная рука, тянущаяся к дымному столбу, как бы «ломает» его, «заставляя» выровняться, а не подниматься вверх (корреляция со словосочетанием «*to flatten the climate curve*»). Оба компонента ПМ взаимозависимы, в некоторой степени вербальная доминирует, потому как невозможно правильно истолковать значение и смысл изображения без подписи к нему. Следует также отметить, что цветовая гамма, в которой выполнен рисунок, темная, и только человеческая рука выделяется на переднем плане, что может косвенно говорить об имплицитной оценке: работающий завод, дым – в темных, серо-черных тонах, т.е. оценка негативная; рука – яркая, что означает положительное отношение к вступлению человека и общества в борьбу с климатическими изменениями и загрязнением окружающей среды.

Карикатура. Карикатура – это уникальный авторский продукт, который не является многочисленным и широко представленным в СМИ, представляющий собой ПМ с выраженным комическим эффектом, основанный на преувеличении за счет вербально-визуальных метафор и «узнаваемости» изображения. М.В. Ополовникова пишет, что «карикатура как элемент политической коммуникации используется в качестве средства давления в ситуации общественных разногласий и стремится привлечь внимание реципиента к сложившемуся положению вещей» [9, с. 49]. Несмотря на свою краткость, данный ПМ способен быстро и эффективно передать читателю большой объем информации. С одной стороны, он опирается на определенный контекст, а с другой – использует логические аргументы вербальной коммуникации и ассоциативную логику визуальных образов [9, с. 49].

Рассмотрим пример на рис. 6, который демонстрирует ПМ жанра «карикатура».

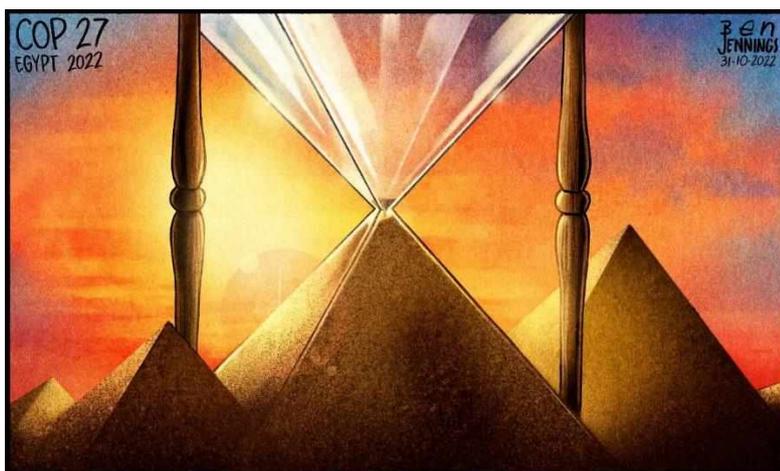


Рисунок 6. Ben Jennings on the COP27 climate summit in Egypt – cartoon, *The Guardian*, 31.10.2022

Карикатура представляет собой не просто иллюстрацию, а интеллектуальный и эмоциональный посыл, который требует от зрителя в момент восприятия осмысления и

интерпретации изображённого, что, в свою очередь, предполагает активную интеллектуальную работу [9, с. 49]. В данной карикатуре изображены египетские пирамиды, одна из которых показана в виде песочных часов. Фоновая информация, которой должен владеть читатель для правильного понимания изображенного рисунка, должна включать факты о проведении в Египте международного саммита по климату COP27. Песочные часы, с одной стороны, относят к стране проведения климата, как и пирамиды, а с другой – подчеркивают важность принятия немедленных мер по противодействию климатическим изменениям (т.к. время уже на исходе – о чем свидетельствует лишь малая часть пещка, оставшаяся в верхней половине часов).

Интервью. А.Г. Халиуллин отмечает, что интервью относится к той же жанровой группе, что и репортаж. Можно отметить, что интервью является составной частью репортажа, его элементом, близким по основному принципу построения. Как и репортаж, интервью создаётся в ситуации с участием непосредственных участников в ситуации «здесь и сейчас» [15]. Рассмотрим рис. 7, на котором представлен пример ПМ жанра «интервью».



Рисунок 7. For Climate Change, a Point of 'Hope and Peril', The New York Times, 13.12.2023

Анализируемый поликодовый медиатекст жанра «интервью» освещает беседу с репортером Дэвидом Геллесом, который отправился в Объединённые Арабские Эмираты, чтобы обсудить экологическое будущее мира с лидерами отрасли. Вербальная часть представлена в виде вопросно-ответного формата, текст организован в колонки, что является традиционным стилем дизайна страницы газеты качественной прессы. Визуальный компонент ПМ выражен черно-белой фотографией, а также параграфемными средствами (вопросы выделены полужирным шрифтом).

Иконический и вербальный компоненты находятся в отношениях «вербальная часть доминирует», поскольку фотография по смыслу запечатленного объекта не несет в себе дополнительной информации, а только повторяет и отчасти дополняет уже имеющуюся в текстовой части. Следует отметить, что с точки зрения способов актуализации поликодowości в данном жанре ПМ, фотография является наиболее количественно представленным способом. Это объясняется лингвомедийными характеристиками жанра поликодового медиатекста, т.к. информация, представляемая в нем, является четким изложением беседы с интервьюируемым, соответственно, контекст разговора должен сопровождаться релевантной и объективной визуальной частью.

Заключение. В ходе исследования было выделено 7 групп поликодовых медиатекстов, в соответствии с их функционально-жанровой принадлежностью: новости, информационно-аналитический, публицистический, рекламный жанры, обложка, интервью, карикатура. В ходе анализа корпуса эмпирического материала было установлено, что особенности реализации феномена поликодности в рассмотренных жанрах медиатекстов отличаются. В частности, в новостных, публицистических ПМ и в жанре «интервью» поликодность реализуется посредством иконического компонента, а именно, фотографии; в информационно-аналитических – через фотографии, таблицы, графики; в рекламе, обложке – с помощью фотографии, рисунка; для карикатуры характерно преобладание рисунка. Как показывает анализ, поликодность сообщения усиливает воздействие на реципиента и является эффективным инструментом для более полной реализации функции информирования, которая является одной из основных в массовой коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003. – 107 с.
2. Блинова О.А. Обложка журнала как мультимодальный текст / О.А. Блинова // Научный диалог. – 2019. – № 5. – С. 9–24. – DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-9-24.
3. Васильева В.В. Поликодность медиатекста / В.В. Васильева // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой; редколл.: В.В. Васильева, Ю.М. Коняева, А.А. Малышев, Т.Ю. Редькина. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2020. – С. 88–91.
4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления: монография / Т.Г. Добросклонская. – М., 2020. – 180 с.
5. Максименко О.И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии / О.И. Максименко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2012. – № 2. – С. 93–102.
6. Некрасова Е.Д. Когнитивная обработка языковых стимулов в условиях бимодального аудиовизуального восприятия: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Е.Д. Некрасова. – Кемерово, 2016. – 20 с.
7. Нестерова Н.Г. Современный радиодискурс (коммуникативно-прагматический аспект) / Н.Г. Нестерова. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2015. – 320 с. – DOI 10.17223/978-5-7511-2403-8.
8. Омеляненко В.А. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности / В.А. Омеляненко, Е.Н. Ремчукова // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 3(17). – С. 66–78. – DOI 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78.
9. Ополовникова М.В. Функции логических частиц в креолизованном тексте (на материале современной карикатуры) / М.В. Ополовникова, И.В. Кокурина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43, № 5. – С. 48–57. – DOI: 10.15393/uchz.art.2021.636
10. Петренко С.А. Текст и живопись: поликодность мемов англоязычного интернет-дискурса / С.А. Петренко, А.Ф. Петренко, С.М. К. Фатуллазаде. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2019. – 146 с. – EDN MEMDVA.
11. Рацибурская Л.В. Проблема поликодности как синтеза вербальных и невербальных средств воздействия (на материале медийный новообразований) / Л.В. Рацибурская, С.Г. Бусарева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2021. – 18 (4). – С. 831–846. – doi.org/10.21638/srbu09.2021.412
12. Резникова А.Р. Освещение темы «зеленой повестки» в англоязычном медиадискурсе / А.Р. Резникова // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 2 / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. – С. 134–137.
13. Сергеева Ю.М. Поликодовый текст: особенности построения и восприятия / Ю.М. Сергеева, Е.А. Уварова // Наука и школа. – 2014. – № 4. – С. 128–134.
14. Сонин А.Г. Эволюция поликодовых текстов: от воздействия к взаимодействию / А.Г. Сонин,

Д.С. Мичурин // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 16. – С. 164–173.

15. Халиуллин А.Г. Диалогическая природа жанра интервью в современной прессе / А.Г. Халиуллин // Вестник ТГГПУ. – 2010. – №21. – С. 175–178.

16. Чернявская В.Е. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты / В.Е. Чернявская // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – №2(23). – С. 122–127.

17. Bessonova O.L. Binary opposition 'us/them' in British and American media texts about conflicts / O.L. Bessonova, E.V. Gordienko // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 91–111.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Manchin-Favored Bill Faces Fresh Doubts, *The Wall Street Journal*, 12.09.2022.
19. Airline Proclaim Greenness, Fight Emissions Curbs, *The Wall Street Journal*, 11.10.2022
20. Beke. Our dishwashers perform flawlessly..., *The Wall Street Journal*, 01.11.2022
21. Elon's Twitter fuels liberal EV regret, *The New York Post*, 17.11.2022
22. Seize the moment. The chance to flatten the climate curve, *The Economist*, 23.05.2020
23. Ben Jennings on the COP27 climate summit in Egypt – cartoon, *The Guardian*, 31.10.2022
24. For Climate Change, a Point of 'Hope and Peril', *The New York Times*, 13.12.2023

REFERENCES

1. Anisimova E.E. (2003). *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Text linguistics and intercultural communication (based on the material of creolized texts)]. Moscow: Akademiya, 107 p. (In Russian)
2. Blinova O.A. (2019). *Oblozhka zhurnala kak mul'timodal'nyi tekst* [Magazine cover as a multimodal text] in *Nauchnyi dialog*, № 5. pp. 9–24. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-9-24. (In Russian)
3. Vasil'eva V.V. (2020). *Polikodovost' mediateksta* [Polycoding in the media text] in *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. Moscow: FLINTA. pp. 88–91. (In Russian)
4. Dobrosklonskaya T.G. (2020). *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya: monografiya* [Media linguistics: theory, methods, directions: monograph]. Moscow, 180 p. (In Russian)
5. Maksimenko O.I. (2012). *Polikodovyy vs. kreolizovannyi tekst: problema terminologii* [Polycode vs. creolized text: the problem of terminology] in *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. № 2. pp. 93–102 (In Russian)
6. Nekrasova E.D. (2016). *Kognitivnaya obrabotka yazykovykh stimulov v usloviyakh bimodal'nogo audiovizual'nogo vospriyatiya* [Cognitive processing of language stimuli in the context of bimodal audiovisual perception]. Kemerovo, 20 p. (In Russian)
7. Nesterova N.G. (2015). *Sovremennyyi radiodiskurs (kommunikativno-pragmaticheskii aspekt)* [Modern radio discourse (communicative and pragmatic aspect)]. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet. 320 P. DOI 10.17223/978-5-7511-2403-8. (In Russian)
8. Omel'yanenko V.A. (2018). *Polikodovyye tekсты v aspekte teorii mul'timodal'nosti* [Polycode texts in the aspect of the theory of multimodality] in *Kommunikativnye issledovaniya*. № 3(17). pp. 66–78. DOI 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78. (In Russian)
9. Opolovnikova M.V., Kokurina I.V. (2021). *Funktsii logicheskikh chastits v kreolizovannom tekste (na materiale sovremennoi karikatury)* [Functions of logical particles in a creolized text (based on the material of modern caricature)] in *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 43, № 5. pp. 48–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.636 (In Russian)
10. Petrenko S.A. (2019). *Tekst i zhivopis': polikodovost' memov angloyazychnogo internet-diskursa* [Text and painting: the polycode nature of memes in English-language Internet discourse]. Pyatigorsk: Pyatigorskii gosudarstvennyi universitet. 146 p. (In Russian)
11. Ratsiburskaya L.V., Busareva S.G. (2021). *Problema polikodovosti kak sinteza verbal'nykh i neverbal'nykh sredstv vozdeistviya (na materiale mediinyi novoobrazovaniy)* [The problem of polycode as a synthesis of verbal and non-verbal means of influence (based on the material of media neoplasms)] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 18 (4): pp. 831–846. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.412> (In Russian)
12. Reznikova A.R. *Osveshchenie temy «zelenoi povestki» v angloyazychnom mediadiskurse* [Coverage of the topic of the "green agenda" in the English-language media discourse] in *Donetskie chteniya 2023: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Donetsk: Izd-vo DoNGU. pp. 134–137. (In Russian)
13. Sergeeva Yu.M. (2014). *Polikodovyyi tekst: osobennosti postroeniya i vospriyatiya* [Polycode text: features of construction and perception] in *Nauka i shkola*. № 4. pp. 128–134. (In Russian)

14. Sonin A.G. (2012). Ehvolyutsiya polikodovykh tekstov: ot vozdeistviya k vzaimodeistviyu [The evolution of polycode texts: from exposure to interaction] in *Voprosy psikholingvistiki*. № 16. pp. 164–173. EDN OGKEBX. (In Russian)
15. Khaliullin A.G. (2010). Dialogicheskaya priroda zhanra interv'yu v sovremennoi presse [The dialogical nature of the interview genre in the modern press] in *Vestnik TGGPU*. №21. PP. 175–178 (In Russian)
16. Chernyavskaya V.E. (2013). Medial'nyi povorot v lingvistike: polikodovye i gibridnye teksty [The Medial turn in linguistics: polycode and hybrid texts] in *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. № 2(23). pp. 122–127 (In Russian)
17. Bessonova O.L., Gordienko E.V. (2021). Binary opposition ‘us/them’ in British and American media texts about conflicts. In *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*, 18. № 2. p. 91–111 (In English)

Поступила в редакцию 05.12.2024 г.

GENRE FEATURES OF POLYCODE MEDIA TEXTS ABOUT “GREEN AGENDA”

A.R. Reznikova

This article deals with genre features of English polycode media texts about the “green agenda”. The topicality of the research is accounted for by the need for a comprehensive study of the polycode phenomenon in media text in the British and American media, as well as for the description of ways and means of this phenomenon implementation. A number of relevant methods have been applied in the research, among them are the following: discourse analysis, contextual, quantitative, comparative analysis, and the linguosemiotic method. The polycode media texts of the following functional types and genres have been subjected to the analysis: news reports, opinion and comment texts, feature articles, advertising media texts, cartoons, covers, and interviews. The conclusions are drawn about the peculiarities of the implementation of the polycode phenomenon in these media texts genres. It has been pointed out that the message polycode nature enhances impact and influence on the information recipient. On the other hand, it appears to be a means of implementing the function of information in a more profound way.

Key words: media text, polycoding, polycode media text, news genre, information and analysis, feature article, interview, advertising genre, caricature, cover.

Резникова Арина Романовна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Старший преподаватель кафедры английской
филологии.

ORCID 0000-0001-7674-9251.

E-mail: arinareznikova@list.ru.

Reznikova Arina Romanovna.

Donetsk State University, Donetsk,
Russian Federation.

Senior Lecturer of English Philology Department.

ORCID 0000-0001-7674-9251.

E-mail: arinareznikova@list.ru.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 81-2
DOI: 10.5281/zenodo.14517458

ВАРИАТИВНОСТЬ – ИММАНЕНТНОЕ СВОЙСТВО ЯЗЫКА
Рецензия на монографию: Исакова Л.Д. Многообразие языков в их
вариативности. – М.: Проспект, 2022. – 176 с.

© 2024 Т.Н. Федуленкова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»

ORCID 0000-0002-5039-5827



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Инновационность рецензируемой монографии состоит не только в детальном анализе обозначенных языковых проявлений вариативности, но и в ряде предложенных автором перспектив исследования вариативности языка, включающих следующие направления: а) определение параметров структуры и функционирования языка; б) выявление универсальных признаков языка; в) изучение взаимообусловленности отдельных языковых явлений; г) изучение динамической составляющей языкового проявления; д) изучение языковой вариативности в пределах одного социума; е) сопоставление языков с целью выявления сходств и различий по определенным аспектам. Глубина аналитического проникновения в проблемы вариативности языка, широта и разносторонность трактовки вопроса и интегративный подход к исследованию избранного аспекта лингвистической науки делают этот труд незаменимой настольной книгой и для начинающих лингвистов, и для опытных исследователей.

Ключевые слова: вариативность языка, имманентное свойство, принципы построения и функционирования языков, интегративный подход.

Для цитирования: Федуленкова Т.Н. Вариативность – имманентное свойство языка. Рецензия на монографию: Исакова Л.Д. Многообразие языков в их вариативности. – М.: Проспект, 2022. – 176 с. / Т.Н. Федуленкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 177–181. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14517458>.

Около двух лет назад вышла в свет интереснейшая монография профессора Лидии Дмитриевны Исаковой под названием «Многообразие языков в их вариативности». Книга включает пять глав. Первая глава посвящена таким общетеоретическим проблемам вариативности языка, как язык как средство коммуникации, свойство вариативности языка, виды вариативности языка. Во второй главе рассматриваются вопросы территориальной вариативности, а именно: вариативность языка в пределах одной территории его употребления, функционирование полицентрических языков. В третьей главе внимание читателя привлекается к вариативности внутреннего устройства языков, к типу языка, к

типологическому разнообразию языков и, что немаловажно для молодого исследователя, к тенденциям типологического развития языков. В четвертой главе внимание автора сосредоточено на стилистической дифференциации языков и рассматриваются такие насущные вопросы стилистической вариативности, как содержание стилистических различий, уровни выразительных средств языка, социолингвистические вариации, соответствие функциональной задаче, вариативность в соотношении стилистических свойств. Содержание пятой главы сосредоточено на рассмотрении проблем отображения окружающего мира в языке, на аналитическом обозрении многообразия языковых картин мира.

Язык – это важнейшее средство коммуникации, в процессе которой происходит не только форматирование аксиогенных ситуаций, но и форматирование личности [5, с. 42–80]. Как важнейшее средство коммуникации человека язык представлен большим количеством отдельных языков. Принципы построения и функционирования данных языков основаны на общем принципе действия языка для выполнения коммуникативных задач. Все языки имеют сходные свойства, отражающие закономерности и характеристики данного явления. Однако имманентным свойством языка является вариативность. Многомерная вариативность языка проявляется, по мнению автора, прежде всего в самом наличии множества языков и включенных в них диалектов, наречий, говоров. Языки различаются по генетической близости, по ареальным признакам, по типологической представленности, по культурно-историческим особенностям, по социологической направленности, по разнообразным свойствам языковой системы, по оформлению национальных картин мира. Антропоцентричность языка позволяет ему в его вариативном употреблении отражать намерения и возможности отдельных носителей языка, групп носителей и, естественно, коннотативные условия ситуации употребления и исторического момента.

Л.Д. Исакова показывает, как оформленность и функционирование языков обнаруживают их инвариантность, эксплицируют проявление их сходной системности. Убедительна аргументация автора относительно идеи, что именно инвариантность позволяет осуществлять сопоставление языков по определенным признакам и выявлять соотносимые с инвариантом множественные варианты функционирования языка.

Инвариант государственного языка закреплен в его литературной, или стандартной, разновидности. Литературный язык также является вариантом языка, но условно он используется как образец для сопоставления других внутренних вариантов. Варианты выражены территориальными и социальными разновидностями. Полицентрические языки существуют в отдельных вариантах в виде официальных языков или языковых диалектов в разных странах. Инвариантом в данном случае является представление общих свойств данных языковых вариантов по различным аспектам.

Для исследования вариативности языка необходимо изучение всех сторон его вида и функционирования, выделение обобщенной модели языка как естественно существующего явления. Поэтому, считает автор, различные подходы к изучению вариативности языка объединены направленностью на исследование функционирования всех аспектов языка во всех возможных ситуациях его употребления.

По типу структуры языки объединяются в отдельные группы, проявляющие взаимосвязанные свойства. Близость языков – генетическая или ареальная – может влиять в некоторой степени на типологическую вариативность, главным образом сближением действующих типологических тенденций в родственных или ареально близких языках. Но принцип выделения языковых типов основан лишь на характере

структурных свойств языков. Аналитический обзор исследований дает возможность автору убедиться в том, что тип языка представляет собой набор взаимно обусловленных явлений, хотя и по-разному, вариативно, воплощающихся в отдельных языках. Кроме того, в языках действуют разные типологические тенденции, по-разному проявляющиеся в отдельные исторические периоды, вплоть до смены основного типа языка [1, с. 11–12].

Стилистика языка – емкое понятие (см., напр.: [6]). Стиль – это способ языкового выражения информационного содержания. В нем проявляются индивидуальные характеристики речи продуцента, его намерения, отражение статусных взаимоотношений, принадлежность к основным функциональным слоям языка, обращение к выразительным средствам языка, использование эстетики языка или схематичное нагромождение языковых единиц. В своей монографии Л.Д. Исакова основательно аргументирует мысль о том, что именно стилистика языка отражает его бесконечную вариативность, и при этом убедительно демонстрирует связь вариативности с установившимися в каждом отдельном языке стилистическими особенностями.

Свойства любого языка связаны с культурой данного социума. В наибольшей степени данная связь проявляется в вариативности языковых картин мира. Сопоставляя развитие ЯКМ, автор отмечает, что языковая картина мира вербализует конкретный опыт языковыми средствами определенного языка, эксплуатируя неограниченный ряд универсальных и индивидуальных языковых особенностей. При этом автор монографии эксплицирует предопределенность вербального выражения концептуальных структур теми вариативными свойствами языковых структур и построений, которые заложены именно в данном языке. Важным является также замечание автора по поводу антропоцентричности языка, которая задает возможность наличия не только общей языковой картины мира этноса, но и языковой картины мира у каждого отдельного носителя языка, т.е. вариативной ЯКМ.

Автор обращает наше внимание на то, что выявление универсальных свойств языка и особенностей отдельных языков способствует созданию единой многосторонней модели феномена языка. Несомненно, этот процесс бесконечен, так как язык и функционально, и конструктивно слишком сложен и находится в постоянном развитии. Динамичность – имманентное свойство языка, и модель языка имеет динамический характер.

Вариативность языка предоставляет ему большие возможности для осуществления коммуникации в том виде, какой необходим в данной ситуации, данным коммуникантам, с определенным направлением задуманной задачи. Автор показывает, как продуктивно вариативность языка используется в художественных произведениях. Здесь демонстрируется не только проявление индивидуального отношения к языковым средствам, владение собственным стилем, но и наличие скрытых в языке огромных эстетических возможностей, язык приближает художественную литературу к искусству. Поэтому продолжаются споры о сущности стиля, жанра, отнесенности языка художественной литературы к функциональным стилям (см., напр.: [3]).

Лингвистика, наука о языке, использует в своих исследованиях достижения различных наук, помогающих раскрыть природу языка. Но как наука гуманитарного профиля для обоснования концепций она широко использует прежде всего вербальные средства. Рассмотрение языковых явлений зависит от выбранного метода изучения, традиций соответствующих научных школ, актуальности научного подхода и соответствия научным парадигмам в данный исторический период. Множество

подходов к исследованию языка, различных методик рассмотрения вариативности его структуры и функционирования способствует многостороннему объяснению сущности данного феномена, что, безусловно, дает пищу для современных интегративных исследований языка [4; 2].

Инновационность рецензируемой монографии состоит не только в детальном анализе обозначенных языковых проявлений вариативности, но и в ряде предложенных автором перспектив исследования вариативности языка, включающих следующие направления:

- а) определение параметров структуры и функционирования языка;
- б) выявление универсальных признаков языка;
- в) изучение взаимообусловленности отдельных языковых явлений;
- г) изучение динамической составляющей языкового проявления;
- д) изучение языковой вариативности в пределах одного социума;
- е) сопоставление языков с целью выявления сходств и различий по определенным аспектам.

Глубина аналитического проникновения в проблемы вариативности языка, широта и разносторонность рассмотрения вопроса и, подчеркнем, интегративный подход к исследованию избранного аспекта лингвистической науки делает этот труд незаменимой настольной книгой и для начинающих лингвистов, и для опытных исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. – М.: Физматлит, 2005. – 232 с.
2. Бакина А.Д. Интегративное описание библейской фразеологии (на материале английского и немецкого языков): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : спец. 5.9.6 «Языки народов зарубежных стран (германские языки)» / А.Д. Бакина. – Архангельск, 2024. – 43 с.
3. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. науч. тр. – вып. 19 / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел: ООО «Горизонт», 2023. – 248 с.
4. Интегральная лингвистика: монография / под ред. Т.Н. Хомутовой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2023. – 267 с.
5. Карасик В.И. Языковая пластика общения: монография / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2021. – 536 с.
6. Федуленикова Т.Н. Инновационная концепция стилового. Рецензия на книгу: Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. М.: ФЛИНТА, Наука, 2016, 240 с. (Стилистическое наследие) / Т.Н. Федуленикова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – №5(92). – С. 255–261. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-21.

REFERENCES

1. Arakin V.D. (2005). *Sravnitel'naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of English and Russian]. Moscow: Fizmatlit. (In Russian).
2. Bakina A.D. (2024). *Integrativnoe opisanie biblejskoj frazeologii (na materiale anglijskogo i nemeckogo yazykov)* [Integrative description of Biblical phraseology (based on the material of English and German)] (Abstract of dissertation). Arhangel'sk (In Russian).
3. Pastuhov A.G. (Ed.) (2023). *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse: sb. nauch. tr., vyp. 19* [Genres and types of text in scientific and media discourse: collection of scientific tr., vol. 19]. Orel: ООО «Gorizont». (In Russian)
4. Homutova T.N. (Ed.) (2023). *Integral'naya lingvistika: monografiya* [Integral Linguistics: monograph]. Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YuUrGU. (In Russian)
5. Karasik V.I. (2021). *Yazykovaya plastika obshcheniya: monografiya* [Linguistic plasticity of communication: monograph]. Moscow: Gnozis. (In Russian)
6. Fedulenkova T.N. (2019). *Innovacionnaya koncepciya stilevogo. Recenziya na knigu: Skrebnev Yu.M. Oчерk teorii stilistiki*. M.: FLINTA, Nauka, 2016, 240 s. (Stilisticheskoe nasledie) [The innovative concept of style. Book review: Skrebnev Yu.M. An essay on the theory of stylistics. Moscow:

FLINTA, Nauka, 2016 (Stylistic Heritage). In Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta, 5(92), pp. 255–261. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-21. (In Russian)

Поступила в редакцию 28.11.2024 г.

VARIABILITY AS IMMANENT LANGUAGE FEATURE.

Review of the monograph: Isakova L.D. Diversity of languages in their variability.

– М.: Prospekt, 2022. – 176 p.

The innovation of the reviewed monograph consists not only in a detailed analysis of the designated linguistic manifestations of variability, but also in a number of perspectives proposed by the author for the study of language variability. The perspectives include the following areas: a) determining the parameters of language structure and functioning; b) identifying universal signs of language; c) studying the interdependence of individual linguistic phenomena; d) studying the dynamic component of linguistic manifestation; e) studying linguistic variability within the same society; f) the comparison of languages in order to identify similarities and differences in certain aspects. The depth of the analytical insight into the problems of language variability, the breadth and versatility of consideration of the issue and the integrative approach to the study of the selected aspect of linguistics make this work an indispensable reference book for both novice linguists and experienced researchers.

Keywords: variability of language, immanent feature, principles of language construction and functioning, integrative approach.

Федуленкова Татьяна Николаевна.

Доктор филологических наук, доцент.
Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир,
Российская Федерация.
Профессор кафедры иностранных языков
профессиональной коммуникации.
ORCID 0000-0002-5039-5827.
E-mail: fedulenkova@list.ru.

Fedulenkova Tatiana Nikolaevna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Vladimir State University named after Alexander and
Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation.
Professor at Department of Foreign Languages of
Professional Communication.
ORCID 0000-0002-5039-5827.
E-mail: fedulenkova@list.ru.

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.5281/zenodo.14517638

ЛИДЕРСКИЕ КАЧЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ И СЕМЕЙНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

© 2024 П.А. Побокин¹, Х.В. Белашева², Г.Г. Слышкин³

¹⁻³Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

³Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко»

ORCID¹: 0000-0002-7814-0463

ORCID²: 0000-0001-8121-0250

ORCID³: 0000-0003-0430-0396



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье представлены результаты эмпирического исследования семейно-психологических условий формирования лидерских качеств студентов. Авторами проведен теоретический анализ ключевых концепций лидерства, рассмотрено понятие лидерства как психологического феномена. Описываются основные подходы по выявлению факторов эффективного лидерства. Конкретизируются основные отличия лидерства от руководства. Подчеркивается взаимосвязь заложенных в семье индивидуальных качеств и дальнейшего поведения в социальных ситуациях, предоставляющих возможности принять на себя роль лидера. Выявлены и подробно проанализированы отдельные стили воспитания, препятствующие формированию лидерских качеств. Приводится пример тренинга по раскрытию лидерских качеств. Результаты исследования могут быть использованы в психокоррекционной терапии, информационно-просветительской деятельности среди родителей, при проведении занятий с преподавателями школ, колледжей и высших учебных заведений.

Ключевые слова: молодежь, лидерство, функции лидера, лидерские качества, семья, стили воспитания, детско-родительские отношения, тренинг по раскрытию лидерских качеств.

Для цитирования: Побокин П.А. Лидерские качества современной молодежи и семейно-психологические условия их формирования / П.А. Побокин, Х.В. Белашева, Г.Г. Слышкин, // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 182-193. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14517638>.

Введение. Лидерские качества с точки зрения современных психологических исследований. С точки зрения отечественного исследователя Л. Кричевского, лидерство – это процесс взаимного влияния друг на друга членов группы, основанный на реализации групповых ценностей и преследующий достижение целей группы. А лидер – это член группы, обладающий наибольшим ценностным потенциалом [7].

Лидерство может быть связано с различными факторами в зависимости от структуры общества. В качестве таких факторов могут выступать:

- физическая сила;
- способности;
- социальные связи;
- финансовые возможности и иные материальные ресурсы.

Кроме того, самостоятельным фактором является стремление к лидерству, которое позволяет реализовать имеющиеся возможности в этом направлении. Оно характеризуется внутренним желанием индивида занять более высокое положение в иерархии группы: от небольшого коллектива до государства.

Феномен лидерства проявляется во всех сферах общества, но наиболее явная борьба за лидерство наблюдается в сферах финансов и политики, то есть в тех областях, которые выступают универсальными для удовлетворения всех других потребностей [11].

Вопрос классификации лидеров также неоднозначен. Такую классификацию можно проводить по самым разным основаниям. Например, лидеров можно классифицировать по масштабу группы, в которой они лидируют: от малого коллектива до цивилизации. По масштабам деятельности можно выделить лидеров от локальных до мировых. Также классификацию проводят по целям развития, по содержанию преобразований, по характеру ценностей и моделям поведения [17].

При изучении структуры феномена лидерства американским психологом Р. Бейлсом было выделено два варианта функциональной роли лидера:

- деловая, которая проявляется в ситуации решения конкретной задачи;
 - экспрессивная, которая постоянно присуща лидеру эмоциональному, обретающему влияние на основе человеческих симпатий [15].
- Последующие исследования, проведённые отечественными исследователями, показали, что проблема лидерства более сложна.

Б.Д. Парыгин отмечает следующие отличия лидера от руководителя:

1. Роль руководителя заключается в регуляции формальных отношений в группе, в то время как лидер осуществляет регуляцию межличностных отношений.
2. Руководитель действует с точки зрения макросреды, то есть взаимосвязей деятельности группы с точки зрения требований и задач, стоящих в условиях взаимодействия с внешней средой и более крупными объединениями. Лидер проявляет себя, в первую очередь, в микросреде группы – в конкретных социальных связях и взаимодействиях между членами группы.
3. Руководитель назначается или избирается, а лидерство возникает стихийно.
4. Руководство, как явление формальное, более стабильно. Лидерство отличается меньшей стабильностью и гораздо легче передаётся внутри группы.
5. У руководителя есть определённая система санкций, предназначенная для предотвращения нежелательного поведения. У лидера такая система отсутствует.
6. Сфера деятельности руководителя, как правило шире, чем сфера деятельности лидера [8].

С точки зрения бихевиоризма было выделено три основных подхода к выявлению факторов эффективного лидерства:

- с позиции личных качеств;
- поведенческий;
- ситуативный [3].

Хотелось бы более подробно рассмотреть подходы к вопросу личностных качеств лидера с точки зрения зарубежной и отечественной психологии.

Подход с позиции личных качеств появился первым, ещё в начале XX века. В его основе лежит идея о том, что лидер, как феномен, представляет собой совокупность определённых черт характера. Эти черты неизменны, постоянны и не зависят от исторического периода или социальной среды [19].

Однако многие годы этот подход не находил экспериментального подтверждения.

Только в 90-х годах XX века С. Киркпатрик и Э. Локк сформулировали ведущие черты личности успешных лидеров:

1. Напористость (включает амбициозность, энергичность, инициативность и настойчивость). Этот параметр является совокупным обозначением качеств, известных как проактивность, по сути активность, являющаяся следствием не реакции на стимулы внешней среды, а берущую своё начало во внутренней психической деятельности индивида.

2. Порядочность. Лидер должен быть надёжным, открытым и заслуживающим доверия. У него должен быть определённый свод внутренних правил поведения, на которые он полагается.

3. Мотивация на лидерство (готовность брать на себя ответственность за действия других людей, направлять и контролировать их для достижения общих целей).

4. Уверенность в себе (склонность рассчитывать только на свои способности и ресурсы). Сюда же входит высокая самооценка и положительный опыт влияния на социальную ситуацию.

5. Интеллект и любознательность (способность к анализу и интерпретации больших объёмов информации).

6. Творческие способности (способность находить нестандартные подходы решения проблем).

7. Экспертность в своей области (знание теоретических и практических аспектов, умение правильно определить необходимые шаги для достижения результата).

8. Гибкость (способность адаптироваться к требованиям конкретной ситуации) [18].

Другой исследователь, Р. Стогдилл, разделил личностные качества, присущие лидерам по трём сегментам. Он выделяет:

1. Физические качества – активность и энергичность. В некоторых случаях значение имеет и просто физическая сила.

2. Интеллектуальные качества – ум, творческие способности, умение принимать решения, развитая интуиция.

3. Способности – контактность, высокие коммуникативные навыки, дипломатичность.

Он отмечает, что лидеры в большинстве отличаются интеллектом и стремлением к знаниям, высокой социальной активностью, надёжностью и социальным статусом [10].

Можно отметить, что указанные классификации указывают на одну и ту же совокупность факторов. Большинство исследователей сходятся во мнении, что для приобретения статуса лидера необходимо обладать большинством указанных качеств. Некоторые качества могут быть необязательны для лидерства в текущих условиях. Например, для эмоционального лидера может быть не обязательной экспертность. А в ходе решения сложного технического вопроса для получения лидерства может быть не обязательна порядочность [5].

Совокупность личностных качеств лидера не является врождённой, а формируется в процессе развития индивида. Важными здесь являются особенности семейного воспитания и социальной среды, особенно в школьном возрасте, когда человек впервые сталкивается с задачами организаторской работы и получает

возможности попробовать себя в роли лидера. Формирование лидерских качеств в большой степени определяется степенью участия индивида в социальной деятельности на этом этапе взросления.

Влияние стилей воспитания на развитие лидерских качеств.

Первой общественной средой для индивида является его семья и родители или лица их замещающие. Личности родителей играют очень большую роль в формировании личностных качеств каждого человека. Тем не менее вопрос классификации стилей семейного воспитания является непростым и связан со многими факторами. Многие исследователи пытаются создать универсальные классификации, но сталкиваются в процессе работы со сложностью феномена воспитания. Подобные универсальные классификации невозможно создать без некоторых упрощений [12].

Другим подходом является рассмотрение стилей воспитания с точки зрения проблем и неконструктивных подходов к воспитанию, результатом которых являются нарушения в развитии ребёнка.

А. Адлер описал неблагоприятные для развития ситуации, связанные с особенностями родительского воспитания, такие как пренебрежение развитием ребёнка или его баловством. Подобные стили отношения способствуют формированию у ребёнка ошибочных представлений о жизни, препятствуют развитию способностей интересоваться другими людьми и принимать участие в общественной жизни [14].

Ещё на этапе младенчества у индивида формируется базовое доверие или недоверие к миру, основанное на взаимоотношениях с матерью. На этапе раннего детства происходит формирование таких качеств, как способность к самостоятельности, автономности, волевой регуляции поведения. Если родители оказывают помощь ребёнку, но предоставляют ему возможность действовать самостоятельно, он получает необходимый опыт автономии. Слишком строгий или непоследовательный контроль на данном этапе может способствовать развитию конформности, зависимости от других, склонности к сомнениям в принятии решений, чувству стыда [13].

Классификация некорректных типов семейного воспитания, способствующих искажениям в развитии личности, была разработана А.Е. Личко.

Гипопротекция: означает, что ребёнку практически не уделяется сил и внимания. Забота носит чисто формальный характер и родители не включаются в жизнь ребёнка.

Потворствующая гиперпротекция: родители освобождают ребёнка от всех трудностей и потакают любым его желаниям. Характеризуется восхищением даже самыми незначительными успехами, чрезмерным обожанием и покровительством.

Доминирующая гиперпротекция: этот стиль воспитания характеризуется постоянным стремлением родителей к максимальному удовлетворению любых потребностей ребёнка, но в условиях большого количества ограничений и запретов. С одной стороны, в таких семьях отдают ребёнку много сил, но с другой лишают его самостоятельности и возможности проявить инициативу и автономность.

Эмоциональное отвержение: для родителей ребёнок является обузой, постоянно проявляют недовольство им и игнорируют его потребности.

Жестокое отношение: стиль воспитания, при котором родители склонны применять жёсткие наказания и санкции в ответ даже на незначительные провинности со стороны ребёнка. Может проявляться как в форме прямой агрессии, так и завуалированно в виде отстранённости и холодного отношения.

Противоречивое воспитание: характеризуется смешением разных стилей воспитания, без чёткой системы [9].

Д. Баумринд по результатам анализа детско-родительских отношений, проведённого в рамках исследования проблем социализации, семьи и нравственного поведения, предложила такие стили семейного воспитания, как:

– авторитарный – его основными чертами являются строгие правила и серьёзные санкции за их нарушения, отсутствие интереса к мнению ребёнка, нежелание договариваться и искать компромиссы;

– демократический – этот стиль характеризуется интересом к внутреннему миру и мнению ребёнка, установленные правила проговариваются и обсуждаются, ребёнок привлекается к обсуждению проблем и вопросов семьи;

– попустительский – характеризуется практически полным отсутствием правил и незаинтересованным отношением к ребёнку [16].

Стиль семейного воспитания во многом задаётся семейными традициями. С этой точки зрения его можно назвать самовоспроизводящимся. Родители склонны использовать те стили воспитания, в которых они воспитывались сами. Кроме того, важную роль играют особенности личности самих родителей. В случае акцентуаций определённых характерологических черт родителя, отношение к ребёнку может быть специфично окрашено. Например, родители могут болезненно и настойчиво пытаться искоренить у ребёнка те черты характера и модели поведения, которые не замечают за собой. В этом случае можно наблюдать проекцию своих проблем на ребёнка с соответствующей последующей реакцией [1].

Во многих психологических исследованиях подчёркивается взаимосвязь заложенных в семье индивидуальных качеств и дальнейшего поведения в социальных ситуациях, предоставляющих возможности принять на себя роль лидера. Ребенок с высоким уровнем уверенности вероятно попытается взять на себя лидерские функции. И, наоборот, ребёнок с пониженной самооценкой и неуверенностью в себе скорее всего даже не попробует претендовать на роль лидера.

Воспитание в дисгармоничной семейной среде может в значительной степени затруднить или сделать невозможным развитие лидерских качеств у ребёнка. В то же время воспитание, характеризующееся демократичным отношением и сочетанием поддержки и возможности проявить самостоятельность у ребёнка, скорее способствует формированию данных качеств.

Методы исследования. В исследовании применялись методы теоретического анализа научной литературы по рассматриваемой проблеме, сравнение, обобщение и систематизация; методика «Эффективность лидерства» Р.С. Немова, опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми И. Марковской (ВРР), тест – опросник описания уверенности в себе С. Райзаса, методика «Диагностика лидерских способностей» Е. Жарикова и Е. Крушельницкого; количественные и качественные методы обработки данных.

Для выявления семейно-психологических условий формирования лидерских качеств студентов нами организовано эмпирическое исследование. Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «СГМУ Минздрава России», в котором приняли участие 30 студентов и столько же их родителей. Представим его основные результаты.

По результатам проведенных методик были выявлены показатели уровня «лидерских способностей» и «эффективности лидерства» у студентов:

- 1) 36,70% – слабые лидерские способности;
- 36,70% – средние лидерские способности;
- 16,60% – сильные лидерские способности;
- 10% – диктаторские лидерские способности;

2) 26,60% – высокоэффективный стиль руководства;

36,70% – среднеэффективный стиль руководства;

36,70% – малоэффективный стиль руководства.

3) по результатам проведенного теста-опросника были выявлены показатели уровня уверенности в себе:

33,3% – неуверенность;

46,7% – средние показатели уверенности;

24,7% – самоуверенность.

По результатам корреляционного анализа наблюдается сильная положительная корреляция параметра «отсутствие сотрудничества – сотрудничество» с параметром «Эффективность лидерства» ($r = 0,86$) и сильная взаимосвязь с параметром «Лидерские способности» ($r = 0,69$). Из других корреляций можно отметить отрицательную корреляцию параметра «мягкость – строгость» с параметром «Лидерские способности» ($r = -0,62$) и «Эффективность лидерства» ($r = -0,58$). Отмечаются средняя взаимосвязь ($r = -0,45$) между самоуверенностью и строгостью родителей и средняя корреляция ($r = 0,46$) между уверенностью в себе и принятием ребенка со стороны родителей, а также высокая корреляция между уверенности в себе и сотрудничеством с ребёнком со стороны родителей ($r = 0,87$).

В рамках рекомендационного материала хотелось бы предложить один из вариантов тренинговой работы, направленной на раскрытие лидерских качеств студентов

Цель: создание условий для раскрытия лидерского потенциала участников, освоения ими активного стиля общения, умения убеждать.

Продолжительность занятия: 4–5 часов.

Ход тренинга

Вступление:

Лидер всегда выделяется на фоне других людей как на ментальном уровне, так и в ходе коммуникаций, грамотно донося свои мысли и оставляя положительные впечатления у окружающих. Лидер может умело жонглировать настроением партнеров, задавая темп всей беседе оставаясь неоспоримым авторитетом. Он грамотно формулирует задачи и цели, умеет настроить каждого участника в отдельности и может организовать процессы так, чтобы группа работала как единый механизм. Разумеется, временами могут возникать спорные ситуации, некоторые из них могут перетекать в конфликт, но грамотный лидер сможет урегулировать все подобные моменты, поможет сохранить самообладание и комфорт каждого участника, и даст нужную мотивацию, не смотря на возможные потери.

Если отталкиваться от слов Э. Кристофера и Л. Смита, в людях можно четко выделить три основных паттерна, мотивированных сочетанием потребностей:

- власть;
- общение;
- решении проблем [6].

В случае когда мы говорим о лидере, мы понимаем, что все три паттерна являются актуальными, однако, каждый лидер сам для себя решает, какой паттерн будет ближе непосредственно ему, и какие качества ему необходимо прокачивать в первую очередь [2].

1. Визитная карточка

Цели:

- определить способности к самоидентификации себя как лидера;
- развивать лидерские качества;
- прокачивать гибкость мышления и изучать возможности коммуникации;
- умение подавать материал внятно, с харизмой, располагая к яркой и насыщенной тренировке.

Ресурсы:

В качестве ресурсов для группы нам понадобятся фломастеры, ножницы, скотч, краски, клей и печатная продукция. Для каждого отдельного участника – лист ватмана.

Ход упражнения:

Для выявления навыков, которыми владеет человек, нам нужно, чтобы он провел самоидентификацию, – это неотъемлемая часть обучения. В этом нам поможет задание «Визитная карточка».

В ходе этого задания происходит знакомство участников группы, и оно крайне эффективно сказывается на общем настрое, требуя от его участников многократной коммуникации с другими членами группы.

Суть этого задания в том, что участники складывают лист ватмана пополам и вырезают в нем дырку под голову. Затем все участники обучения должны создать коллаж, который раскроет каждого игрока. Поэтому нужно писать достоинства и качества участника, не пренебрегая качествами, которые не вызывают большого удовольствия. Сзади нужно написать то, к чему хотят прийти участники. Рисунки и фотографии для создания коллажа вы можете вырезать из существующих рекламных предметов.

После того как вы закончите все необходимое, участники наденут свои коллажи и проведут демонстрационную прогулку по комнате.

Завершение: по завершению необходимо обсудить упражнение:

- Считаете ли вы, что, не зная, кем ты являешься сам, можно руководить людьми и делать это эффективно?
- Узнали ли вы себя лучше по мере прохождения задания? Смогли ли вы сделать свою визитную карточку именно такой, какой вы её себе представляли?
- Что было осуществить проще? Восхвалять своих плюсы или демонстрировать недостатки?
- Смогли ли вы найти участника, который был бы похож на вас? А может быть, того, кто, напротив, сильно отличался?
- Чей коллаж вам запомнился и почему?
- Каким образом это занятие может сказаться на прокачке ваших лидерских качеств? [4]

2. Реклама

Цели:

- налаживание партнерских отношений и научиться быть более раскрепощенным в беседе;
- вытаскивание из участников самодостаточности и лидерских качеств;
- совершенствование навыков убеждения, повышение красноречия;

Ресурсы: в этом задании нам понадобится ватман, цветная ткань, немного театральной атрибутики или элементы косплея для создания образов, краски и карандаши.

Ход упражнения

Ведущий просит группу распределиться на пары, важной частью задания является то, что пары должны состоять из людей, которые не знали друг друга до тренинга. Так

упражнение будет более эффективным. Далее ведущий начинает объяснять суть данного задания группе.

– Сейчас вам необходимо прочувствовать и представить, будто вы являетесь участником тайного сообщества. Вы знаете всё обо всех, и, в свою очередь, все знают все о вас. И раз в год сообщество даёт возможность примкнуть в его ряды, а вы заинтересованы в том, чтобы ваш друг стал частью этой семьи. И, естественно, после официальной части вечера будет проходить голосование, в ходе которого будет приниматься решение по все новобранцам, и вам необходимо подготовить своего друга таким образом, чтобы ни у кого из участников сообщества не было и мысли проголосовать против него.

Во время проведения приёма вы будете поделены на пары и вам будет дано всего несколько минут на обдумывание и рассказ о своей положительной черте своему партнёру. Собеседник также делится с вами рассказом о своем качестве. Теперь вам необходимо провести анализ с целью определения лучшего способа знакомства вашего друга с членами закрытого сообщества.

Так, вы вольны выбрать любой способ рекомендации.

Например:

- интервью, представляющее героя в телевизионной или радиостудии;*
- драматизированные комментарии, рисунок, комиксы, мультфильмы;*
- инсценировка, представляющая личные качества кандидата;*
- спортивный комментарий, отчет о выставке, концерте, конкурсе;*
- поэзия, песня.*

Вы вольны выбирать любой способ, важно, чтобы конечная цель была достигнута. В представлении нужно не только рассказать о сильной стороне человека, но и представить его окружающим по имени.

Задание всем ясно? У вас есть какие-то сомнения или вопросы? Начинаем!

Пары заканчивают диалоги, и начинается непосредственная подготовка к рекламе «друга». Ведущий ходит по помещению от одной пары к другой, подсказывает актуальные формы демонстрации и мотивирует для эффективной работы над рекламой. Так же, у людей могут возникнуть проблемы с захваливанием малознакомого им человека, но дело здесь исключительно в стеснение. На все это у группы есть 20 минут.

Бывают случаи, когда и на этапе диалога пар необходима помощь ведущего, так как не все могут сходу дать нужное определение своим сильным качествам. Это связано с тем, что зачастую людям проще дать оценку своим отрицательным сторонам, при этом происходит полное игнорирование всего положительного в человеке.

Спустя 20 минут начинается собрание членов общества для обсуждения и оценки всех кандидатов.

– Внимание, объявляется минутная готовность! Просьба всем собраться на церемонию представления новых участников!

На данном этапе нам необходимо провести знакомство с новыми кандидатами и решить, кто из них достоин стать частью нашей сплоченной семьи! В том случае если рекомендация по кандидату найдет отклик в вашей душе и покажется весомым аргументом в его пользу, поддержите кандидата бурными овациями. Итак, дамы и господа! Я представляю вашему вниманию наших участников!

Завершение.

После всех представлений нам необходимо выявить, к каким мыслям пришли участники и как именно на них повлияло задание. Также стоит выделить самые интересные заготовки и креативный подход. Отмечаем важность поддержки.

3. С чужого голоса.

Цели:

- усвоить навык слышать, проводить сквозь себя и дублировать информацию;
- заточить умение вести беседу с позиции лидера;
- набраться опыта в «отзеркаливании» оппонента;

Ресурсы: в данном упражнении дополнительных ресурсов нам не требуются.

Ход упражнения.

По уже знакомой нам схеме группа делится на пары, внутри которых каждый на протяжении 5 минут рассказывает о себе все, что придет ему в голову. После того как все успеют познакомиться, начинается второй этап, в котором каждому участнику необходимо узнать проблемы своего собеседника, пересказывать всё от его лица, стараясь сохранить жесты и мимику. В данном задании должна четко прослеживаться иллюзия самопредставления.

Завершение.

По ходу завершения задания нужно обсудить чувства участников процесса, проанализировать себя со стороны, увидеть те вещи, которые ранее не замечал за собой. В этом тренинге мы будто смотрим на своё зеркальное отражение, местами утрированное, но тем не менее. Какие эмоции возникают у участников? Что им понравилось в этой картине или наоборот?

4. Круг и я.

Цели:

- дать участникам реализоваться в качестве лидера;
- научить трезво оценивать ситуацию, и принимать решения по ходу действия;
- практика в убеждение;
- углубиться в вопрос здоровой конкуренции во время групповых взаимодействий.
- изучить влияние соперничества на групповое взаимодействие.

Ресурсы: также не нужны.

Ход упражнения.

Сейчас нам нужен доброволец, который будет открывать игру.

Все остальные участники формируют собой круг, выступающий препятствием нашему добровольцу. Задача добровольца за три минуты любым способом попасть в круг. Это может быть убеждения, харизма, запугивание, сила с ловкостью, либо простая человеческая искренность с расчетом на том, чтобы попасть в центр круга.

Итак, спасибо нашему добровольцу, что не побоялся открыть нашу игру!

Завершение.

На данном этапе необходимо проанализировать и обсудить стратегию игрока. И если сравнить себя в этой ситуации и в обычной жизни, велика ли разница между этими двумя «Я». Почему?

Дальше мы снова начинаем игру, но уже с новым правилом – теперь каждый герой обязан выбрать ту тактику, которая будет диаметрально противоположна ему в реальной жизни. Сейчас мы играем роли и, как в любом хорошем театре, мы те, кого мы играем. Постарайтесь максимально вжиться в нового себя.

5. Рефлексия.

Заключение. Нами была проанализирована отечественная и зарубежная литература по вопросам лидерских качеств и стилей воспитания. Оба этих вопроса являются сложными комплексными феноменами. В ходе эмпирического исследования были выделены признаки стилей, как способствующих конструктивному развитию

лидерских качеств, так и препятствующих этому. По итогам корреляционного анализа выявлена сильная взаимосвязь между развитием лидерских качеств студентов и сотрудничеством родителей с ребёнком, что подтверждает важность демократического подхода к воспитанию личности, обсуждения вопросов и его конструктивной поддержки. Также выявлена более слабая, но значимая отрицательная корреляция между уровнем строгости и развитием лидерских качеств у студентов. Это, в свою очередь, согласуется с положением, что чрезмерное ограничение свободы и инициативности индивида не способствует развитию лидерских качеств. Таким образом, можно заключить, что стиль родительского воспитания оказывает серьёзное влияние на формирование личности и его лидерских качеств. В том числе можно отметить, что дисгармоничные стили воспитания способствуют формированию качеств, противоположных лидерским.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений / Э. Берн. – СПб.: Университетская книга, 1992. – 399 с.
2. Бишоп С. Тренинг ассертивности / С. Бишоп. – СПб.: Питер, 2001. – 203 с.
3. Городович О.В. Влияние бихевиористского подхода к сознанию на этику образовательных практик / О.В. Городович // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 65. – С. 70–78.
4. Кипнис М. Тренинг творческого мышления. Сер. «Действенный тренинг» / М. Кипнис. – М.: Ось-89, 2004. – 128 с.
5. Коссаковски А. Психологические основы формирования личности в педагогическом процессе / А. Коссаковски. – М.: Педагогика, 1981. – 224 с.
6. Кристофер Л. Тренинг лидерства / Л. Кристофер, Л. Смит. – СПб.: Питер, 2001. – 320 с.
7. Кричевский Р.Л. Психология руководства и лидерства в спортивном коллективе / Р.Л. Кричевский, М.М. Рыжак. – М., 1985. – 223 с.
8. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории / Б.Д. Парыгин. – М., 1971. – 351 с.
9. Петровский А.В. Записки психолога / А.В. Петровский. – М.: Университет РАО, 2001. – 463 с.
10. Стогдилл Р.М. Лидерство и структура управления персоналом / Р.М. Стогдилл. – М., 2000. – 224 с.
11. Циринг Д.А. Семья как фактор формирования личностной беспомощности у детей / Д.А. Циринг // Вопросы психологии. – 2009. – № 1. – С. 22–31.
12. Цымбал Е.И. Жестокое обращение с детьми. Помощь детям, пострадавшим от жестокого обращения, и их родителям / под ред. Е.И. Цымбал, Т.Я. Сафонова. – М.: ОЗОН, 2001. – 122 с.
13. Черников А.В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики / А.В. Черников. – М.: Класс, 2001. – 208 с.
14. Alfred A. *The Education of Children* / A. Adler. – Allen & Unwin, 1935. – 309 p.
15. Bales R.F. *Personality and interpersonal behavior* / R.F. Bales. – New-York: Holt, Rinehart, and Winston, 1970. – 561 p.
16. Baumrind D. *Rearing competent children* / D. Baumrind // *Child development today and tomorrow* / ed. W. Damon. – San Francisco, CA, US: Jossey-Bass Publishers, 1989. – pp. 349–378.
17. Downton J., Rebel Jr. *Leadership: Commitment and Charisma in the Revolutionary Process* / J. Downton, Jr. Rebel. – New York; London, 1973. – 306 p.
18. *Leadership: Do Traits Matter*. Kirkpatrick, Shelley A.; Locke, Edwin A. *The Executive*; May 1991; 5, 2; ABI/INFORM Global. – pp. 48–60.
19. Michael H. *Management* / H.M. Mescon, M. Albert, F. Khedouri. – Harper & Row, 1988. – 777 p.

REFERENCES

1. Bern E. (1992) *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Psihologiya chelovecheskih vzaimootnoshenij* [The games that people play. Psychology of human relationships]. SPb.: Universitetskaya kniga. 399 p. (In Russian)
2. Bishop S. (2001) *Trening assertivnosti* [Assertiveness training]. SPb.: Piter. 203 p. (In Russian)
3. Gorodovich O.V. (2022) *Vliyanie bihevioristskogo podhoda k soznaniyu na etiku obrazovatel'nykh praktik* [The influence of the behaviorist approach to consciousness on the ethics of educational practices] in

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], № 65. pp. 70–78 (In Russian).

4. Kipnis M. (2004) Trening tvorcheskogo myshleniya. Ser. Dejstvennyj trening [Training of creative thinking. Ser. "Effective training"]. M.: Os'-89, 128 p. (In Russian).
5. Kossakovski A. (1981) Psihologicheskie osnovy formirovaniya lichnosti v pedagogicheskom processe [Psychological foundations of personality formation in the pedagogical process]. M.: Pedagogika, 224 p. (In Russian).
6. Kristofer L., Smit L. (2001) Trening liderstva [Leadership training]. SPb.: Piter. 320 p. (In Russian)
7. Krichevskij R.L., Ryzhak M.M. (1985) Psihologiya rukovodstva i liderstva v sportivnom kollektive [Psychology of leadership and leadership in a sports team]. M., 223 p. (In Russian)
8. Parygin B.D. (1971) Osnovy social'no-psihologicheskoy teorii [Fundamentals of socio-psychological theory]. M., 351 p. (In Russian)
9. Petrovskij A.V. (2001) Zapiski psihologa [Notes of a psychologist]. M.: Universitet RAO, 463 p. (In Russian)
10. Stogdill R.M. (2000) Liderstvo i struktura upravleniya personalom [Leadership and the structure of personnel management]. M., 224 p. (In Russian)
11. Ciring D.A. (2009) Sem'ya kak faktor formirovaniya lichnostnoj bespomoshchnosti u detej [Family as a factor in the formation of personal helplessness in children] in Voprosy psihologii [Questions of psychology], № 1, pp. 22–31 (In Russian)
12. Cymbal E.I., Safonova T.Ya. (2001) Zhestokoe obrashchenie s det'mi. Pomoshch' detyam, postradavshim ot zhestokogo obrashcheniya, i ih roditelyam [Child abuse. Assistance to children affected by abuse and their parents]. M.: OZON, 122 p. (In Russian)
13. Chernikov A.V. (2001) Sistemnaya semejnaya terapiya: Integrativnaya model' diagnostiki [Systemic family therapy: An integrative model of diagnosis]. M.: Klass, 208 p. (In Russian)
14. Alfred A. (1935) The Education of Children. Allen & Unwin, 309 p. (In English)
15. Bales R.F. (1970) Personality and interpersonal behavior. New York : Holt, Rinehart, and Winston, 561 p. (In English)
16. Baumrind D. (1989) Rearing competent children in Child development today and tomorrow. San Francisco, CA, US: Jossey-Bass Publishers, pp. 349–378 (In English)
17. Downton J., Rebel Jr. (1973) Leadership: Commitment and Charisma in the Revolutionary. New York; London, 306 p (In English)
18. Leadership: Do Traits Matter. Kirkpatrick, Shelley A.; Locke, Edwin A. (1991) The Executive; May 1991; 5, 2; ABI/INFORM Global, pp. 48–60 (In English)
19. Michael H. Mescon, Michael Albert, Franklin Khedouri (1988) Management. Harper & Row, 777 p. (In English)

Поступила в редакцию 21.10.2024 г.

LEADERSHIP QUALITIES OF MODERN YOUTH AND FAMILY AND PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF THEIR FORMATION

P.A. Pobokin, K.V. Belasheva, G.G. Slyshkin

The article presents the results of an empirical study of the family and psychological conditions for the formation of students' leadership qualities. The authors conducted a theoretical analysis of the key concepts of leadership, considered the concept of leadership as a psychological phenomenon. The main approaches to identify the factors of effective leadership are described. The main differences between leadership and management are specified. The interrelation of the individual qualities inherent in the family and further behaviour in social situations that provide opportunities to assume the role of a leader is emphasized. Individual parenting styles that hinder the formation of leadership qualities are identified and analyzed in detail. An example of a training on the leadership qualities disclosure is given. The results of the study can be used in psychocorrective therapy, information, and educational activities among parents, when conducting classes with teachers of schools, colleges, and higher educational institutions.

Key words: youth, leadership, leadership functions, leadership qualities, family, parenting styles, child-parent relations, training on the leadership qualities disclosure.

Побокин Павел Анатольевич.

Кандидат психологических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Москва, Российская
Федерация.

Доцент кафедры психологии безопасности,
старший научный сотрудник научно-
исследовательской лаборатории
«Лингвобезопасность и психология
информационного воздействия».

ORCID 0000-0002-7814-0463.

E-mail: pobokin-pa@ranepa.ru.

Белашева Христина Валерьевна.

Кандидат психологических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Москва, Российская
Федерация.

Заведующий кафедрой психологии безопасности.

ORCID 0000-0003-0430-0396.

E-mail: belasheva-kv@ranepa.ru.

Слышкин Геннадий Геннадьевич.

Доктор филологических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Москва, Российская
Федерация.

Директор Центра лингвистики и
профессиональной коммуникации, заведующий
научно-исследовательской лаборатории
«Лингвобезопасность и психология
информационного воздействия».

Национальный НИИ общественного здоровья
имени Н.А. Семашко.

Главный научный сотрудник
ORCID 0000-0001-8121-0250.

E-mail: slyshkin@ranepa.ru.

Pobokin Pavel Anatolevich.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russian
Federation.

Associate Professor of Department of Security
Psychology, Senior Researcher of the Research
Laboratory «Linguistic Security and Psychology of
Information Impact».

ORCID 0000-0002-7814-0463.

E-mail: pobokin-pa@ranepa.ru.

Belasheva Hristina Valeryevna.

Candidate of Psychology, Associate Professor
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russian
Federation.

Head of Department of Security Psychology.

ORCID 0000-0003-0430-0396.

E-mail: belasheva-kv@ranepa.ru.

Slyshkin Gennady Gennadievich.

Doctor of Philology, Professor
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russian
Federation.

Director of the Centre for Linguistics and Professional
Communication, Head of the Research Laboratory
«Linguistic Security and Psychology of Information
Impact».

N.A. Semashko National Research Institute of Public
Health.

Chief Researcher
ORCID 0000-0001-8121-0250.

E-mail: slyshkin@ranepa.ru.

Научная статья

УДК 616-072

DOI: 10.5281/zenodo.14517818

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПРОЯВЛЕНИЮ ТРЕВОЖНОСТИ У ЖЕНЩИН В ДОРОВОДОМ ПЕРИОД

© 2024 Н.И. Ковальчишина¹, О.С. Вальтер²

Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске
Республики Беларусь

ORCID¹: 0009-0002-5806-0380X

ORCID²: 0009-0003-9130-931X



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются вопросы проявления тревожности у женщин в дородовом период. Исследуются причины неблагоприятного самочувствия женщин в период беременности, особенно в третьем триместре. Анализируются факторы, которые способствуют напряжению их эмоционального состояния. Авторы выделяют три аспекта, вызывающих тревожность у рожениц: физиологический – гормональные изменения; психологический – тревоги и страхи о своем будущем; социальный – прекращение трудовой деятельности на неопределенный срок и изоляция от социума. Акцентируется также внимание на отсутствии доверия беременных женщин окружающим. Приводятся результаты интервью будущих матерей в третьем триместре беременности относительно тревог и страхов, а также данные исследования их эмоционального состояния. Средний возраст обследуемых женщин составил 27 лет. Предлагаются эффективные способы и рекомендации для снижения тревожности у будущих матерей.

Ключевые слова: дородовый период, беременность, тревожность, эмоциональное состояние, страх родов, депрессия

Для цитирования: Ковальчишина Н.И. Факторы, способствующие проявлению тревожности у женщин в дородовом период / Н.И. Ковальчишина, О.С. Вальтер // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 194–204. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14517818>.

Введение. Беременность – важный этап в жизни любой женщины. Однако процесс вынашивания ребенка не у всех и не всегда проходит благополучно. Актуальность психологического изучения факторов, способствующих проявлению тревожности у женщин в дородовом период, связана, прежде всего, с ростом числа заболеваний новорожденных, депрессиями молодых матерей, усилившимися тревожными состояниями, а иногда и случаями непреднамеренных убийств малышей.

Известно, что перед женщиной в период беременности стоит много задач, прежде всего, это изменение своей социальной роли (понимание и принятие себя в новой роли, роли матери), а также, как отмечает Г.Г. Филиппова, ценностно-смысловые трансформации, требующие от женщины переосмысления и наличия определенного ресурса для осознания своего положения. Безусловно, переход в новую для женщины реальность, сферу материнства, может приводить к нестабильному эмоциональному состоянию, которое усугубляется как ее личностными особенностями, так и внешними социально-психологическими и экономическими критериями [2].

Нам представляется интересным изучить факторы, стимулирующие проявление тревожности у женщин в дородовом период. Особенно важно исследовать подобные

аспекты в третьем триместре беременности женщин, поскольку это самый сложный период. Он характеризуется рядом отличительных физиологических признаков: набором веса в связи с быстрым ростом ребенка, повышенной утомляемостью, малоподвижностью, желанием быстрее освободиться от тяжести.

В психологическом контексте этот период отражается повышением тревожности, агрессивности, раздражительности увеличением количества различных страхов, например страха преждевременных родов или потери малыша и т.п.

В настоящее время исследование особенностей эмоциональной сферы женщин во время беременности привлекательно для многих авторов как отечественных, так и зарубежных (В.И. Брутман [2]; А.И. Голубых [4]; И.В. Добряков [5]; И.В. Золотых [6]; Г.Г. Филиппова [2]; М. Перрес [12] и др.).

По мнению многих авторов, рост числа различных заболеваний приводит к осложнениям беременности, вызывает негативные эмоциональные переживания и, соответственно, отягощает процесс подготовки женщин к родам и качественной адаптации к режиму ухода и кормления ребенка в послеродовом периоде (В.И. Брутман [2]; К.С. Карташова [7]; Е.И. Перова [8]; А.Н. Рыбалка [9] и др.).

Несмотря на достаточное количество исследований по данной теме, эмоциональное состояние женщин в период беременности требует более детального изучения и серьезного научного подхода.

Цель статьи заключается в анализе факторов, которые способствуют проявлению тревожности у женщин в дородовой период. Соответственно, главной задачей изучения заявленной проблемы является выявление факторов, способствующих проявлению тревожности у женщин в дородовой период, и исследование эмоциональное состояние женщин в период беременности.

Методы исследования. В данном исследовании были использованы методы теоретического анализа, сравнение, обобщение, классификация научной литературы по изучаемой проблеме, а также эмпирические методы: интервью и тестирование.

Основная часть. Теоретический анализ особенностей проявления тревожности у женщин в период беременности позволил выделить ряд факторов, которые способствуют эмоциональным переживаниям: гормональные изменения, ослабленное здоровье, низкий иммунитет, возраст, материальные трудности, сложные отношения с партнером, боязнь родов, неприятие своего тела в беременности и т.п. [4; 6; 8; 10].

Рассматривая эти факторы, важно детерминировать понятие «тревожность». Оно включает в себя, прежде всего, негативные эмоции, которые главенствуют в данный момент и могут вступать во взаимодействие с другими подобными эмоциями – гневом, виной, стыдом и т.п.

Исследователи свидетельствуют, что тревожность беременных включает потребностные состояния и биохимические факторы [2].

Можно назвать симптомы, которые наблюдаются в это время у женщин:

- 1) учащение сердцебиения;
- 2) бессонница;
- 3) подавленное состояние;
- 4) мигрень;
- 5) боли в животе неопределенного характера;
- 6) избегания людей и ситуаций.

Отметим, что повышенная тревожность женщины в дородовой период характеризуется также дефицитом доверия, прежде всего к самой себе. Женщин

(особенно это касается «первородок») пугает также неопределенность предстоящего, поскольку роды для них нечто новое.

Многие женщины, зная о вреде отрицательных эмоций во время беременности, испытывают сильное чувство вины перед малышом за то, что они слишком нервничают и переживают. Безусловно, такое поведение вызывает массу эмоций, что не всегда плохо, поскольку чем разнообразнее палитра чувств беременной женщины, тем больше информации для своего развития получает ее малыш. Будущей маме и малышу важно чувствовать и понимать друг друга еще в период беременности.

На основании анализа научных исследований авторов, мы выделили три аспекта в формировании женской тревожности в период беременности (рис. 1) [1; 3; 5; 10].



Рисунок 1. Аспекты формирования тревожности у беременных женщин

Физиологический аспект наполнен различными гормональными изменениями, которые происходят в период беременности женщин. Прежде всего, это отечность, нестабильное артериальное давление, прибавка в весе, нарушение привычного режима питания, различного рода высыпания на лице, аллергические проявления и др. [5].

На фоне существенных внешних изменений женщина испытывает стресс, что приводит к психологическим изменениям.

Психологический аспект выражается в проявлении тревоги о будущем, напряжении, основанном на ожидании ребенка, переживании о его появлении, страхов относительно своей будущей роли матери, боязни набора веса, растяжек и общего вида.

Социальный аспект касается, прежде всего, прекращения на неопределенный срок трудовой деятельности, некоторой изоляции от социума, снижении интереса к окружению, тревоги по поводу отсутствия возможности профессионального роста, приобретения новых профессиональных навыков и т.п.

Исследователи психоэмоциональной сферы женщин в период беременности отмечают, что значительное количество психически здоровых молодых матерей не могут адекватно относиться к ребенку в первые месяцы его жизни, что напрямую связано с тревожностью, активно проявляющейся во время беременности в третьем триместре [3].

Важно также подчеркнуть, что на организм женщины могут отрицательно влиять любые негативные воздействия окружающей среды, которые формируют материнскую доминанту и способствуют проявлению конкурирующей «стрессовой» субдоминанты [11].

Высокий уровень тревожности, депрессивные расстройства во время беременности – очень явный фактор, который не получается сразу распознать, что и приводит к негативным последствиям для женщины и ее будущего ребенка [8].

Как указывают В.И. Брутман и Г.Г. Филиппова, активность беспокойства в третьем триместре связана, прежде всего, со страхами за исход беременности, родов, пугают также внешние обстоятельства, препятствующие позитивному протеканию беременности [2].

И.В. Золотых, например, констатирует, что эмоциональное состояние женщин в перинатальный период ухудшается из-за ряда негативных факторов: насыщенности жизни, усиления информационного потока, экологии. Естественно, подобные тенденции неблагоприятно сказываются на психофизиологическом состоянии беременных, затрудняют процесс адаптации к своему новому образу, влияют на их здоровье и т.п. [6].

А.И. Голубых, в частности свидетельствует, что во время беременности женщинам необходима эмоциональная и психологическая поддержка не только близких, но и специалистов, которые будут способствовать мобилизации их ресурсов в кризисные периоды и позволят снизить уровень стресса [4].

На основании теоретического анализа взглядов различных авторов мы выделили ряд основных факторов, вызывающих тревожность у женщин в период беременности (рис. 2) [7; 9; 10].



Рисунок 2. Факторы, способствующие проявлению тревожности у беременных женщин

Рассмотрим подробнее представленные факторы проявления тревожности у женщин в течение беременности.

Гормональные изменения, к примеру, наблюдаются на фоне увеличения уровня гормонов, таких как эстроген и прогестерон, могут способствовать появлению чувства тревоги и стресса [10].

Проблемы со здоровьем чаще всего выражаются в постоянных тревогах в связи с возможными осложнениями и различными генетическими заболеваниями.

Материальные трудности – немаловажный аспект в течение беременности, поскольку сама беременность и в последующем воспитание ребенка требуют вложения

определенных финансов. Стресс по поводу отсутствия необходимых средств для осуществления должного ухода за собой до родов, за ребенком в будущем, особенно если у будущей мамы нет поддержки близких.

Беременность может вызывать напряжение также и в отношениях с партнером, в связи тем, что женщине очень важно в этот момент поддержка от любимого человека. Однако, как правило, мужчине достаточно сложно принять роль чрезмерно заботливого и внимательного человека, поскольку он не совсем осознает, что происходит с его женщиной, почему она вдруг стала такой нервной и впечатлительной. Его начинают беспокоить ее непостоянство, изменение привычного образа жизни, вечные капризы и недовольство. Конечно, любящие мужчины ожидают появления наследника или наследницы, но они это переживают по-своему, не понимая до конца истинного физиологического и психоэмоционального состояния женщины. А ведь именно благоприятные отношения между близкими людьми влияют на ощущение у ребенка его желанности и счастья. Дополнительные обязанности, изменения в образе жизни, эмоциональные взлеты и падения могут привести к конфликтам и недопониманию [7].

Постоянные мысли о родах часто бывают пугающими, особенно для матерей, которые рожают впервые. Страх неизвестности, потенциальной боли и возможных осложнений приводят к появлению тревожности. Также женщин в положении волнует их внешний вид и физические изменения тела, которое меняется. Необходимость изменения образа жизни приводит также к тревожным переживаниям о своем будущем.

На основании анализа теоретических подходов к проблеме психоэмоционального состояния беременных женщин можно рассматривать беременность как кризисное жизненное событие, которое соответствует трем параметрам [12]:

- 1) известна точная дата разрешения от бремени;
- 2) подразумевается реорганизация в структуре «индивид – окружающий мир» на качественно новом уровне;
- 3) проявляется аффективным реагированием.

Рассмотренные аспекты характеризуются, прежде всего, в контексте своеобразных макрострессоров, временной адаптации и каждодневных трудностей. Беременность как трудная жизненная ситуация считается многими авторами нормальной, поскольку она формируется на базе биологических основ человека и может происходить практически у всех членов общества (у женщин) [1; 2; 7].

Согласно взглядам В.А. Абабкова, Е.А. Буриной и других, беременность – это особый продолжительный стресс, а значит, у большинства рожениц могут проявляться многообразные невротические симптомы различной интенсивности [1]. Как показывает практика, психоэмоциональные нарушения у беременных женщин могут проявляться и в более серьезных формах, например депрессивных и тревожных расстройствах [8]. Так, согласно исследованиям некоторых авторов, психоэмоциональные расстройства наблюдаются у более 50% женщин от общего количества рожениц [2; 4; 7].

В этой связи необходимо также подчеркнуть, что переживаемые беременными женщинами эмоции и чувства непосредственно отражаются и на плоде. Не совсем адекватное поведение женщины в период беременности, излишнее проявление негативных стрессовых реакций могут способствовать значительному числу послеродовых расстройств (депрессия, неврозы, фобии, аллергия, страхи и др.). Издавна принято считать, что мать и дитя – единая система, которая создается в процессе вынашивания ребенка и завершается после родов. Поэтому позитивные

эмоции во время беременности укрепляют и мать, и ребенка, а отрицательные – разрушают [9].

Для выяснения факторов, способствующих проявлению тревожности у беременных женщин, нами было проведено исследование, в процессе которого использовались следующие методы: интервью, методика САН (самочувствие, активность, настроение), разработанная В.А. Доскиным, и др.

В исследовании приняли участие 46 беременных женщин (третий триместр) в возрасте от 18 до 35 лет. У 29 женщин – первые роды, 17 женщин ждут второго ребенка. Вопросы интервью касались эмоционального состояния женщин, их настроения, причин, которые влияют на их благополучие.

Первые четыре вопроса интервью касались сведений о возрасте, семейном статусе, наличии детей, образовании.

Установлено, что 69% женщин замужем, половина из них уже имеют одного ребенка, 11% молодых девушек не замужем, 20% – живут в гражданском браке.

Около четверти интервьюированных (24%) забеременели в период получения образования в высших учебных заведениях, 18% на момент беременности не работали, находясь на иждивении мужа, 52% трудились в разных сферах, 6% не имели постоянной работы, им помогали родители.

Далее мы пытались выяснить у беременных, как они себя чувствуют и что больше всего их тревожит в этом состоянии. Поскольку беременность непосредственно влияет на женщину, способствуя активному проявлению беспокойства и ранимости, чувствительности к негативным переживаниям, этот процесс требует изучения. Женщины по самому ничтожному поводу раздражаются, впадают в истерику, плачут, не видя причин для радости. Конечно, причин такому состоянию множество и, прежде всего, это физиологические симптомы: непрекращающаяся тошнота, постоянная усталость, сонливость, отечность. И хотя всем этим негативным процессам есть вполне адекватное медицинское объяснение, женщин это мало успокаивает и не облегает их положение.

Так, в ходе интервью выяснено, что большинство женщин (61%) претерпевают различные негативные изменения. Они «то плачут, то смеются», отмечают у себя повышенный уровень тревожности о будущем, чувствуют усталость от своего состояния [3, с. 150]. Также женщины переживают о том, как пройдут роды, справятся ли они с малышом после его рождения, кто будет встречать их из родильного дома, как скоро можно будет привести себя в нормальное физиологическое и психологическое состояние после родов, не испортятся ли из-за рождения ребенка отношения с партнером и т.п.

Треть женщин (33%) не особо тревожится о будущих родах (это в основном женщины со второй беременностью), 6% заметили, что ужасно себя чувствуют, боятся неблагоприятного исхода родов (своей смерти или смерти ребенка), нервничают из-за отсутствия необходимых средств на содержание малыша после его рождения.

Сильное напряжение у рожениц вызвал вопрос, как они оценивают сейчас свой внешний вид. Более молодые женщины (18–22 года) недовольны своим внешним видом, им кажется, что они выглядят ужасно и что окружающие смеются над ними, они стесняются своего тела, стараются меньше посещать места с большим скоплением людей (45%). Женщины со второй беременностью (37%) более спокойно оценивают себя, понимая, что процесс внешних изменений долго не продлится. Остальные (18%) не думают о своем внешнем образе, поскольку продолжают следить за собой, независимо от физиологических изменений.

Многие беременные женщины (67%) указали, что их пугает материальная сторона будущей жизни, поскольку ребенок требует больших расходов.

Интересным, в ходе интервью, выявился и тот факт, что около трети женщин (28%) собирается в ближайшее время, после родов (через 3-4 месяца) продолжить свою трудовую деятельность, оставив своего ребенка на попечении близких.

Примечательно, что для 76% беременных ребенок желанный, а 24% женщин не планировали беременность, у них в большей степени проявляется страх о своем будущем, они еще не совсем понимают, как организовать жизнь после рождения ребенка и на какие средства.

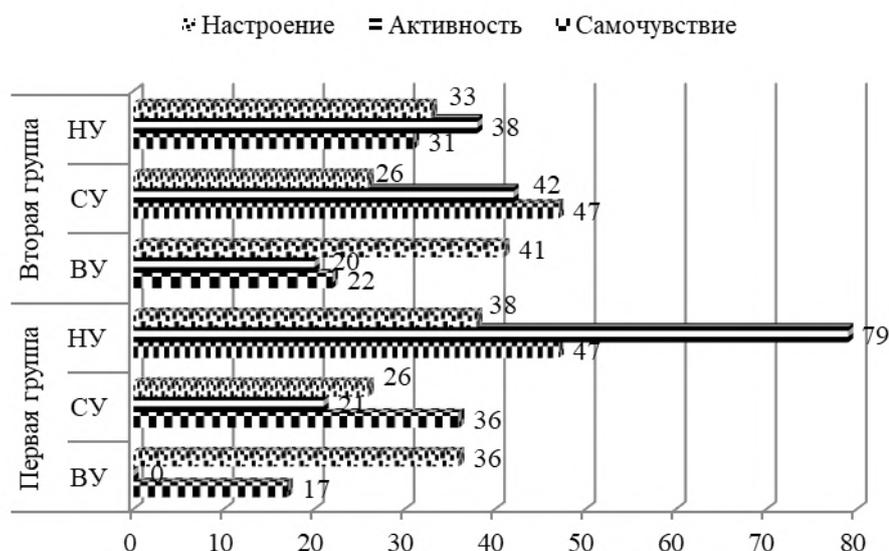
Анализ интервью беременных женщин показал, что основными факторами, вызывающими у них тревожность, являются: физиологические изменения, неприятие своего внешнего вида (тела), эмоциональные перепады настроения, страх относительно будущих родов, изменение образа жизни, финансовые трудности, незапланированная беременность.

Далее нами изучалось эмоциональное состояние респондентов по методике В.А. Доскина САН (самочувствие, активность, настроение). Известно, что от настроения человека зависит и его эмоциональное состояние. В хорошем настроении люди меньше фиксируются на неудачах, легко справляются с трудностями, активны, способны преодолевать стрессовые ситуации в жизни.

Как уже отмечалось ранее, у беременных в большей степени наблюдается повышенная раздражительность, что может служить для них определенным сигналом – научиться расслабляться. Приобретение данного умения позволит снизить тревожность женщин в период беременности, а также благоприятно скажется на их жизни и после рождения ребенка.

В период беременности, когда у женщин наблюдаются гормональные всплески, сложно удержаться в эмоциональном балансе, поэтому представляется полезным изучение таких параметров: самочувствие, активность, настроение.

Для детализации эмоционального состояния, женщин мы условно создали две группы (по результатам интервьюирования): первая группа – беременные с ярко выраженной тревожностью (41%), вторая группа – беременные с менее выраженной тревожностью (59%). Результаты представлены на рис. 3.



Примечание: ВУ – высокий уровень, СУ – средний уровень, НУ – низкий уровень

Рисунок 3. Выраженность эмоционального состояния беременных женщин (третий триместр) по методике В. Доскина и др. «САН», в %

Анализ результатов показал, что в первой группе беременных женщин у большинства респондентов выявлен низкий уровень по всем шкалам теста: настроение (38%), активность (79%), самочувствие (47%). Полученные данные могут свидетельствовать о том, что женщине в третьем триместре сложно удерживать хорошее настроение, быть активной, особенно при повышенном уровне тревожности о предстоящих родах и своем будущем. Нестабильное самочувствие вызывает не только тревогу и страх, а также раздражение, капризность, плаксивость, что подтверждается и результатами интервью.

Более половины беременных женщин второй группы (41% – высокий уровень, 26% – средний уровень) имеют хорошее настроение, в меру активны (61%), с относительно нормальным самочувствием (79%). Они более спокойно относятся к своему положению, готовы к рождению ребенка, адекватно осознают свою материнскую роль. Возможно, это связано с тем, что в этой группе треть женщин имеют вторую беременность, они уже осведомлены о том, что их ждет в будущем, четко понимают роль матери, имеют опыт взаимодействия с грудным ребенком, хорошо понимают, как организовать быт, и т.д.

В ходе исследования степени эмоционального состояния беременных женщин (по методике САН) были получены статистически значимые различия по результатам сравнения двух групп с помощью критерия ϕ^* Фишера (угловое преобразование Фишера). Установлены статистически значимые различия по параметру «активность» ($\phi_{\text{emp.}} = 2.145$, при $p < 0,05$). Беременные второй группы, несмотря на свое состояние более активны, чем женщины с высоким уровнем тревожности (первая группа). По остальным параметрам выяснено, что различия наблюдаются, однако они статистически незначимы.

Таким образом, анализируя полученные результаты по методике САН (В.А. Доскин и др.) можно отметить, что у женщин в третьем триместре беременности (особенно у первородящих) наблюдаются снижение настроения и активности, нестабильное самочувствие и т.п.

Заключение. Результаты анализа теоретических подходов и взглядов рассмотренных авторов на проблему эмоционального состояния женщин в период беременности, факторов, которые способствуют проявлению тревожности у них, особенно в третьем триместре, данные эмпирического исследования позволили сделать соответствующие выводы. Установлено, что основными критериями проявления тревожности у беременных являются, прежде всего, гормональные изменения, беспокойство о предстоящих родах и волнения по поводу появления малыша, нестабильное настроение и самочувствие, внешний вид и временная изолированность от социума, страх ухудшения взаимоотношений с партнером, материальная неустроенность и т.п.

Определение подобных факторов и трудностей беременных женщин, особенно в третьем триместре их положения требует активного участия близких и различных специалистов, которые смогут оказывать им своевременную помощь и осуществлять меры по предотвращению и снижению степени беспокойства, раздражения и страхов. Для реализации этой цели необходимо использовать не только медицинские предписания, но также и новейшие психологические технологии позитивной балансировки эмоционально-волевой сферы женщин в этот период.

В контексте подобной психотерапии могут активно применяться методы когнитивно-поведенческой терапии, которая позволяет изыскивать и менять в подсознании человека негативные сценарии мышления и неэффективные паттерны поведения; дыхательные упражнения и восточные практики, способствующие концентрации на своих переживаниях и расслаблению, постепенно снижающих тревогу и печаль; фокусировка на положительных моментах жизни, красоте внешнего мира, любви и заботе близких; формирование новых привычек и стратегий жизнедеятельности и др.

Отлично в коррекции эмоционального состояния беременных женщин зарекомендовали себя также различные техники арт-терапии, которые позволяют переключиться и расслабиться будущим мамам: интуитивное рисование, лепка, танцевально-двигательная терапия, фототерапия и др.

Важно понимать, что процесс нормализации эмоционального состояния женщин в период вынашивания ребенка является важным не только для будущих родителей. Это первостепенная задача, прежде всего, для государства, поскольку оно в первую очередь заинтересовано в поколении здоровых граждан своей страны. Неслучайно в последние годы этому вопросу уделяется большое внимание со стороны президента Российской Федерации и правительства: строятся новые современные перинатальные центры, детские сады и школы, увеличиваются пособия на детей, расширяется материальный капитал, строится жилье для молодых семей и др.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, отметим, что результаты нашего исследования могут быть полезными специалистам помогающих профессий, медицинским работникам, беременным женщинам, будущим матерям в улучшении качества их жизнедеятельности и предупреждении проявления деструктивных состояний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абабков В.А. Дистресс у женщин: до и после родов / В.А. Абабков, Е.А. Бурина, Е.А. Пазарацкас, С.В. Капранова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Психология, 2019. – Т. 9, вып. 4. – С. 401–410.
2. Брутман В.И. Динамика психологического состояния женщин во время беременности и после родов / В.И. Брутман, Г.Г. Филиппова, И.Ю. Хамитова // Вопросы психологии. – 2002. – № 1. – С. 59–68.
3. Вальтер О.С. Психоэмоциональное напряжение женщин в дородовой и послеродовой периоды / О.С. Вальтер, Н.И. Ковальчишина // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – Том 9: Философские и психологические науки / под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. – С. 150–152
4. Голубых А.И. Эмоциональные особенности беременных женщин и отношение к будущему ребенку, и супругу / А.И. Голубых, С.С. Савенышева // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. – 2014. – № 2. – С. 72–78.
5. Добряков И.В. Перинатальная психология / И.В. Добрякова. – СПб.: Питер; 2009. – 234 с.
6. Золотых И.В. Исследование качества жизни у женщин в III триместре физиологически протекающей беременности / И.В. Золотых, А.Н. Налобина, Л.В. Желиостова // Мать и дитя в Кузбассе. – 2015. – № 2. – С. 28–33.
7. Карташова К.С. Психологическая характеристика женщин на поздних этапах беременности / К.С. Карташова, И.Л. Шелехов, М.Н. Мытникова [и др] // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск. – 2010. – № 2. – С. 103–106.
8. Перова Е.И. Беременность на фоне тревожно-депрессивных состояний / Е.И. Перова, Н.Н. Стеняева, И.А. Аполихина // Акушерство и гинекология. – 2013. – № 6. – С. 23–27.
9. Рыбалка А.Н. Психологическая адаптация женщин во время беременности и после родов / А.Н. Рыбалка, И.С. Глазков, И.Б. Глазкова // Здоровье Украины. – 2011. – № 3 (42). – С. 44–49.
10. Сидоров П.И. Основы перинатальной психологии / П.И. Сидоров, В.Г. Толстов, В.В. Толстов. – Архангельск: СГМУ; 2004. – 173 с.

11. Щеглова И.Ю. Особенности психического состояния и психотерапевтическая помощь беременным при угрожающем самопроизвольном аборте: специальность 19.00.04 «Медицинская психология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук / Ирина Юрьевна Щеглова; Санкт-Петербургский медицинский институт им. академика И.П. Павлова. – СПб.: – 1992. – 26 с.

12. Perrez M. Lehrbuch Klinische Psychologie – Psychotherapie / M. Perrez, U. Baumann. – Bern: Verlag Hans Huber, 2005. – 1220 p.

REFERENCES

1. Ababkov V.A., Burina E.A., Pazarackas E.A., Kapranova S.V. (2019) Distress u zhenshchin: do i posle rodov [Distress in women: before and after childbirth] in Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.: Psihologiya, Vol. 9, issue 4, pp. 401–410 (In Russian).

2. Brutman V.I., Filippova G.G., Hamitova I.Yu. (2002) Dinamika psihologicheskogo sostoyaniya zhenshchin vo vremya beremennosti i posle rodov [Dynamics of the psychological state of women during pregnancy and after childbirth] in Voprosy psihologii. № 1. pp. 59–68 (In Russian).

3. Val'ter O.S., Koval'chishina N.I. (2023) Psihoemocional'noe napryazhenie zhenshchin v dorodovoy i poslerodovoy periody [Psychoemotional stress of women in the prenatal and postpartum periods] in Doneckie chteniya 2023: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy VIII MNK (Doneck, 25–27 oktyabrya 2023 g.). Vol. 9: Filosofskie i psihologicheskie nauki / pod obshch. red. prof. S.V. Bespalovoj. – Doneck: Izd-vo DonGU. pp. 150–152 (In Russian).

4. Golubyyh A.I., Savenysheva S.S. (2014) Emocional'nye osobennosti beremennykh zhenshchin i otnoshenie k budushchemu rebenku, i suprugu [Emotional features of pregnant women and attitude to the unborn child and spouse] in Nauchnye issledovaniya vypusnikov fakul'teta psihologii SPbGU. № 2, pp. 72–78 (In Russian).

5. Dobryakov I.V. (2009) Perinatal'naya psihologiya [Perinatal psychology]. SPb.: Piter; 234 pp. (In Russian).

6. Zolotykh I.V., Nalobina A.N., Zheliostova L.V. (2015) Issledovanie kachestva zhizni u zhenshchin v III trimestre fiziologicheski protokayushchej beremennosti [A study of the quality of life in women in the third trimester of physiologically occurring pregnancy] in Mat' i ditya v Kuzbasse. № 2. pp. 28–33 (In Russian)

7. Kartashova K.S., Shelekhov I.L., Mytnikova M.N. (2010) Psihologicheskaya harakteristika zhenshchin na pozdnykh etapah beremennosti [Psychological characteristics of women in the late stages of pregnancy] in Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – Tomsk. – 2010. – № 2. – S. 103–106. (In Russian)

8. Perova E.I., Stenyaeva N.N., Apolihina I.A. (2013) Beremennost' na fone trevozhno-depressivnykh sostoyanij [Pregnancy against the background of anxiety and depressive states] in Akusherstvo i ginekologiya. № 6, pp. 23–27 (In Russian).

9. Rybalka A.N., Glazkov I.S., Glazkova I.B. (2011) Psihologicheskaya adaptatsiya zhenshchin vo vremya beremennosti i posle rodov [Psychological adaptation of women during pregnancy and after childbirth] in Zdorov'e Ukrainy. № 3 (42). pp. 44–49 (In Russian).

10. Sidorov P.I., Tolstov V.G., Tolstov V.V. (2004) Osnovy perinatal'noj psihologii [Fundamentals of perinatal psychology] Arhangel'sk: SGMU, 173 p. (In Russian)

11. Shcheglova I.Yu. (1992) Osobennosti psihicheskogo sostoyaniya i psihoterapevticheskaya pomoshch' beremennym pri ugrozhayushchem samoproizvol'nom aborte [Features of the mental state and psychotherapeutic assistance to pregnant women with threatening spontaneous abortion] (abstract of the dissertation); St. Petersburg Medical Institute named after academician I.P. Pavlov. 26 p. (In Russian)

12. Perrez M., Baumann U. (2005) Lehrbuch Klinische Psychologie – Psychotherapie. Bern: Verlag Hans Huber. 1220 p. (In English)

Поступила в редакцию 24.11.2024 г.

FACTORS CONTRIBUTING TO ANXIETY IN WOMEN DURING PRENATAL PERIOD

N.I. Kovalchishina, O.S. Walter

The article examines the manifestation of anxiety in women in the prenatal period. The causes of unfavorable health of women during pregnancy, especially in the third trimester, are studied. The factors that contribute to the tension of their emotional state are analyzed. The authors highlight three aspects that cause anxiety in women in labor, among them are: physiological - hormonal changes; psychological - anxieties and

fears about their future; social - termination of work for an indefinite period and isolation from society. The emphasis is also made on the lack of trust of pregnant women in others. The results of interviews with expectant mothers in the third trimester of pregnancy regarding anxieties and fears, as well as data from a study of their emotional state are presented. The average age of the women surveyed was 27 years. Effective methods and recommendations for reducing anxiety in expectant mothers are offered.

Key words: prenatal period, pregnancy, anxiety, emotional state, fear of childbirth, depression.

Ковальчишина Наталья Ивановна.

Кандидат психологических наук, доцент.

Филиал Российского государственного
социального университета в г. Минске,
Республика Беларусь.

Доцент кафедры психологии и конфликтологии.

ORCID: 0009-0002-5806-0380X.

E-mail: natkov4@mail.ru

Kovalchishina Natalya Ivanovna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.

Branch of the Russian State Social University in
Minsk, Republic of Belarus.

Associate Professor at Department of Psychology and
Conflictology.

ORCID: 0009-0002-5806-0380X.

E-mail: natkov4@mail.ru

Вальтер Ольга Сергеевна.

Филиал Российского государственного
социального университета в г. Минске,
Республика Беларусь.

ORCID: 0009-0003-9130-931X.

E-mail: valter.os@yandex.ru

Walter Olga Sergeevna.

Branch of the Russian State Social University in
Minsk, Republic of Belarus.

ORCID: 0009-0003-9130-931X.

E-mail: valter.os@yandex.ru

Научная статья
УДК 159.97:616.052
DOI: 10.5281/zenodo.14517912

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛЯЦИИ СТРЕССА У БОЛЬНЫХ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ С РАЗЛИЧНЫМ ДИНАМИЧЕСКИМ ТИПОМ ТЕЧЕНИЯ ЗАБОЛЕВАНИЯ

© 2024 *И.Н. Некрасова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID 0009-0000-7510-0848



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматриваются психологические особенности регуляции стресса у пациентов, страдающих сахарным диабетом. Показана ведущая роль саморегуляции в формировании системного стресс-индуцированного гормонального сбоя как распространенной психофизиологической причины сахарного диабета. На основе описания психосоматических особенностей течения сахарного диабета выделены группы пациентов с различным динамическим типом данного заболевания, в зависимости от выделенных групп описаны характерные для пациентов типологические особенности регуляции стресса, проанализирована мотивация построения модели стресс-лимитирующего поведения как набора используемых ими копинг-стратегий и психологических защит, также проанализированы непродуктивные (патогенные) модели регуляции поведения в стрессе, которые могут привести к усугублению течения болезни. Описан феномен «реверсивного стресса» как характерная для пациентов со злокачественным стремительным типом течения сахарного диабета модель патологической стрессовой регуляции. На основе выделенного у пациентов патогенного личностного комплекса характеристик, которые могут рассматриваться как психологические основания для усугубления патологии и перехода динамики сахарного диабета в злокачественный стремительный тип течения, сформированы комплексные коррекционные рекомендации для клинических психологов эндокринологических отделений.

Ключевые слова: агрессия, альтруизм, копинг-стратегия, мотив, психологическая защита, сахарный диабет, смысл, стресс, стресс-лимитирующее поведение, экстернальность.

Для цитирования: Некрасова И.Н. Особенности регуляции стресса у больных сахарным диабетом с различным динамическим типом течения заболевания / И.Н. Некрасова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 6. – С. 205–220. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14517912>.

Введение. Проблема регуляции стресса и его психосоматических последствий у пациентов различных групп как направление научного поиска в современной клинической психологии представлена достаточно широко. Клинически доказана ведущая роль стресс-факторов человеческой жизни в развитии таких психических расстройств, как невроз, тревога и депрессия, а также в анамнезе различных сердечно-сосудистых патологий и заболеваний эндокринной системы (сахарный диабет, болезни щитовидной железы), где физиологическим основанием для развития подобных заболеваний признается стресс-индуцированный патогенез процесса циркуляции врожденных иммунных клеток человеческого организма. Как острый, так и хронический стресс (дистресс), провоцируют сбой в работе иммунной системы

человека, что обусловлено непосредственным физиологическим влиянием стресса на увеличение выброса в кровь катехоламинов и свободного кортизола, что, в свою очередь, приводит к связанным со стрессом изменениям пропорций лимфоцитов, моноцитов и гранулоцитов в крови и, как результат, к ответу организма на стрессор в виде системной эндокринной реакции [2; 4–7]. Поскольку стресс способен вызывать вторичные метаболические сдвиги, психологическая коррекция как сопутствующая фармакологической терапии технология блокировки нарушений системного метаболизма, возникающих при патологических состояниях, обусловленных стрессорными воздействиями, является одной из актуальных клинических проблем.

Отметим, что в начальном этапе адаптации к стрессу наблюдается активация деятельности нейро-эндокринных систем (гипофиз, надпочечники, щитовидная и поджелудочная железы) и увеличенный транспорт моноцитов в крови (реакция адаптации к стрессу и попытка продуктивно справиться со стресс-факторами), в то самое время как на последней стадии, когда организм длительно и безуспешно борется со стрессом и стресс переходит в хронический дистресс (стадия истощения), ослабляются защитные функции организма и происходит снижение уровня выброса катехоламинов и ослабление мобилизации лимфоцитов (стадия снижения защитных функций иммунной системы) [3; 10]. Таким образом, в состоянии хронического дистресса стресс-индуцированный гормональный сбой повышает риск развития новых и опасность обострения уже имеющихся хронических эндокринных заболеваний. Это особенно верно для пациентов, страдающих широким спектром нарушений обменных процессов, связанных с выработкой, усвоением и транспортом в кровь глюкозы.

Однако опыт клинико-психологических наблюдений пациентов диабетического профиля показывает, что не всегда стресс формирует негативный системный ответ организма в виде устойчивой патологической эндокринной реакции. Есть люди, которые в силу когнитивных, поведенческих и эмоционально-волевых особенностей своей личности не только способны противостоять стрессу, не позволяя психике достигнуть состояния «стрессового кипения», за чертой которого наступает физиологический срыв в виде нарушения работы эндокринной системы, но и способны мобилизовать защитные ресурсы психики и достигнуть стабилизации течения эндокринного заболевания вплоть до выхода в состояние устойчивой ремиссии. В этой связи особенную прикладную важность приобретают клинико-психологические исследования, связанные с изучением особенностей психологической регуляции поведения в стрессовой ситуации у пациентов эндокринологического профиля, что в нашем исследовании представлено как изучение взаимосвязи субъективно предпочитаемой модели стресс-лимитирующего поведения и динамики течения эндокринологического заболевания.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понять содержательно-функциональные особенности регуляции стресса у пациентов с сахарным диабетом, которые характеризуются различной динамикой течения заболевания. Это позволит выделить и описать непродуктивные (патогенные) модели регуляции поведения в стрессе, которые могут привести к усугублению течения болезни.

Цель исследования: изучить особенности регуляции стресса у больных сахарным диабетом с различным динамическим типом течения заболевания в контексте выделения ведущих мотивов организации поведения пациентов в стрессе и с учетом содержания стресс-лимитированной модели их поведения как набора копинговых стратегий и психологических защит. При этом под динамическим типом течения заболевания мы понимаем скорость патологической и необратимой трансформации

соматической сферы пациентов с сахарным диабетом: скорость оформления симптомов периферической ангиопатии, ишемии внутренних органов, формирование выраженного диабетического энцефалопатического синдрома и т.п. состояний усугубления клинической картины заболевания.

Под феноменом стресс-регуляции в нашем исследовании мы подразумеваем сложный психологический процесс в виде комплекса ценностно-смысловых ориентаций и мотивов-регуляторов выбора пациентом комплексной модели поведения (защита / копинг) как индивидуальной стратегии противостояния стрессу. Стресс-регуляция призвана поддержать психофизиологический гомеостаз организма в кризисных условиях и состоит из нескольких регуляторных подсистем: мотивационного выбора как выделения ведущего мотива организации поведения индивида в контексте оценки внешних условий стресса и стресс-лимитирующего поведения как сформированной индивидом применительно к целям купирования стресса сложной поведенческой стратегии, внешне проявляющейся как набор копингов и защит, а внутренне представляющей собой процесс построения индивидуальной и иерархически упорядоченной системы ценностно-смыслового оформления избираемой стресс-лимитирующей стратегии.

Выборку клинико-психологического исследования составили 70 пациентов с сахарным диабетом 1-го и 2-го типа, состоящие на учете у эндокринолога. Нами выделены следующие три динамических типа течения болезни (с учетом скорости нарастания патологической симптоматики и степени выраженности показателя самостоятельного измерения уровня сахара в крови по глюкометру):

– первый динамический тип – это пациенты с быстрым прогрессированием патологических симптомов (преимущественно возраст от 45 до 70 лет, стремительный тип течения заболевания сахарным диабетом, с анализом глюкозы в крови натощак свыше 7,1 ммоль/л и свыше 13,1 ммоль/л после еды), которые состоят на диспансерном учете от 3 до 5 и более лет и которые характеризуются интенсивной динамикой негативных симптомов (диагностированная ишемия конечностей и функционирования внутренних органов, выраженная сердечная или почечная недостаточность, выраженная артериальная гипертензия, поражения органа зрения, синдром диабетической стопы, ампутация конечностей, выраженные проонкогенные эффекты метаболических нарушений и т.п.);

– второй динамический тип – это пациенты со стабильно сглаженной динамикой патологических изменений в возрастном диапазоне от 25 до 65 лет, умеренный тип течения заболевания (устойчивые, однако, не остро выраженные хронические патологии, которые хорошо поддаются стабилизации при помощи диет, инсулинотерапии и медикаментов), находящиеся на диспансерном учете от 5 лет и более, у которых постоянно повышен уровень сахара в крови натощак свыше 7,1 ммоль/л, наблюдается повышение более 11,1 ммоль/л и не более 13,1 ммоль/л после еды;

– третий динамический тип – это пациенты, находящиеся на диспансерном учете с нулевой динамикой течения заболевания в течение 5 лет и более в возрасте от 25 до 45 лет, в фазе преддиабета (состояние нарушения толерантности к глюкозе), которые не имеют указанных диагностированных патологических проявлений и у которых уровень сахара в крови натощак выше 5,6 ммоль/л, но менее 7,1 ммоль/л и после еды свыше 7,8 ммоль/л, но не более 11,1 ммоль/л.

Несмотря на отличия в динамике течения заболевания, предварительное исследование личностных особенностей и жизненных историй показало, что все три группы пациентов характеризуются общими особенностями своего социально-

психологического анамнеза: в 92,9% случаев социально-психологический анамнезотягощен (смерть близких людей, разводы, переезды, материальные проблемы, семейные конфликты, сложности с работой или ведением собственного бизнеса, неудовлетворительные социально-бытовые условия жизни, дефекты личностной структуры, низкий уровень субъективной жизненной удовлетворенности и т.п.), в 51,4% случаев пациенты имели сопутствующие соматические патологии до момента установления диагноза сахарный диабет, практически в 94,2% случаев результаты предварительной диагностики выявили низкий уровень коммуникативной толерантности и в 84,3% низкий уровень стрессоустойчивости, 84,3% пациентов показали высокий уровень коммуникативной ригидности и в 78,6% были выявлены нарушения эмоционально-волевой саморегуляции в сочетании с различными дефектами самооценки, деформациями самоотношения в структуре Образа-Я.

Практически все пациенты репрезентировали высокие результаты по шкале субъективного оценивания уровня выраженности стресса в собственной жизни. Учитывая, что низкая коммуникативная гибкость и толерантность в сочетании с высоким уровнем воздействия стрессогенных факторов рассматриваются нами как системные психологические предпосылки для возникновения расстройств эндокринной системы, мы полагаем, что изучение особенностей стресс-регуляции поведения у пациентов диабетического профиля позволит понять, какие личностные качества этих пациентов следует оптимизировать с целью формирования эффективных копинговых механизмов блокировки стресса в процессе их клинико-психологического сопровождения.

В этой связи *практическая значимость* исследования определяется необходимостью разработать эффективные психологические рекомендации для пациентов диабетического профиля с целью улучшения качества их межличностных взаимодействий и повышения уровня индивидуальной стрессоустойчивости за счет изучения взаимосвязи предпочитаемой модели стресс-регуляции и типа течения их заболевания. Поскольку благополучие эмоциональной сферы личности рассматривается как важное профилактическое условие возникновения эндокринной патологии, представляется, что результаты исследования можно с успехом использовать при разработке определенных медицинских и психологических мероприятий профилактического характера, которые будут учитывать, во-первых, преморбид (предшествующее и способствующее развитию болезни состояние на грани здоровья и болезни) пациентов с сахарным диабетом, а во-вторых, влияние содержательно-ситуативных характеристик стресса, особенностей мотивационной адаптации и стресс-лимитирующей регуляции поведения на динамику течения заболевания вплоть до выхода пациента в состояние устойчивой ремиссии.

Теоретический базис исследования. Согласно данным Международной федерации диабета (International Diabetes Federation, IDF) и статистической справке по РФ (И.И. Дедов, М.В. Шестакова, О.К. Викулова [4]), сахарный диабет относится к категории социально значимых неинфекционных заболеваний с эпидемическим характером роста распространенности. Сегодня количество пациентов в мире превышает 500 миллионов человек, к началу 2045 г. ожидается увеличение количества заболевших на 51%, что составит по оценкам специалистов цифру примерно в 700 млн человек. Статистика свидетельствует, что в формировании патогенеза сахарного диабета большую роль играет субъективное неблагополучие и нестабильность эмоциональной сферы человека [4; 10].

Эпидемиологические исследования показывают, что психические нарушения не только являются одними из наиболее распространенных осложнений у больных

сахарным диабетом, но и рассматриваются специалистами одновременно и как катализаторы патологических процессов, и как факторы, провоцирующие само заболевание, и как сопутствующие условия, которые в значительной степени утяжеляют течение заболевания [3; 4; 6]. По данным Т.П. Демичевой, К.В. Сурковой, А.Б. Шаповаловой [5; 7; 9], психические нарушения пациентов как с сахарным диабетом, так и в преддиабетическом состоянии, в виде генерализированной тревожности, депрессии, астено-невротических проявлений снижают не только эффективность социально-трудовой реабилитации пациентов, но и эффективность клинико-социальной терапии при сахарном диабете. Учитывая, что прогноз течения заболевания, как и шансы самого пациента достичь устойчивой ремиссии, в значительной степени зависят от уровня и организации психиатрической и психопрофилактической помощи, особую прикладную значимость приобретают вопросы стабилизации психологического состояния пациента за счет понимания и последующей оптимизации его стресс-регуляторных возможностей.

В настоящее время в специальной психологической литературе содержится много указаний на то, что прогноз в лечении сахарного диабета связан с личностными характеристиками самого пациента. В связи с этим подробно рассматриваются вопросы стабильности эмоциональной сферы пациента, влияние субъективной жизненной удовлетворенности и оценки качества его жизни, а также влияние самооценки и самоотношения, личностной направленности, уровня проявления и типа тревожности, а также ригидности и аффектогенности как характеристик индивидуальных социальных реакций. При этом, по данным различных авторов [5–9], если психические нарушения как следствия сахарного диабета развиваются более чем в 50% случаев у пациентов и особенно выражены в пожилом возрасте (психическая декомпенсация), то социально-психологический преморбид заболевания (образ жизни, коммуникативная культура, уровень психологической безопасности и психогигиены жизни, удовлетворенность собой и своей жизнью, устоявшиеся поведенческие модели и паттерны реагирования на стресс) однозначно признается специалистами как необходимое и достаточное основания для начала заболевания в любом возрасте.

Также клиническими психологами предприняты попытки дифференцировать пациентов с сахарным диабетом в зависимости от проявляющихся личностных отклонений в анамнезе. Здесь прослеживается преобладающее значение оценки следующих состояний как основы для классификации: психотические реакции в картине акцентуированных или патохарактерологических вариантов развития личности, уровень сформированности в анамнезе невротических и неврозоподобных нарушений, склонности к острым аффективным реакциям [9]. При этом данные личностные особенности в сочетании с патогенными условиями образа жизни пациента (привычка к перееданию, лишний вес, малоподвижный образ жизни, нарушения ритма сна, употребление табачной и алкогольной продукции, наличие большого количества стресс-факторов) неизбежно приводят к заболеванию сахарным диабетом и рассматриваются как универсальный преморбидный комплекс клинических предпосылок [5; 7; 9]. Анализ первоисточников показал, что в литературе выделяется два основных типа пациентов с сахарным диабетом [4; 9; 10;]:

– пациенты на ранних стадиях течения заболевания и с относительно благополучным его прогнозом, которые характеризуются следующими особенностями: снижение психической и физической активности с полярным изменением настроения (психоэндокринологический синдром), при этом степень снижения психической активности может варьироваться от быстрой утомляемости, повышенной истощаемости и пассивности до полного отсутствия стремления к какой-либо деятельности со значительным сужением круга интересов и ограничением контактов с

внешним окружением; пациенты отличаются повышенным или пониженным аппетитом вне зависимости от уровня гликемии и соматического состояния; возможны эпизоды появления стремления к бродяжничеству или, наоборот, подчеркнутой привязанности к одному месту; диагностируется разнонаправленность влечений с повышением одних и снижением других потребностей, парадоксальность мотивации; возможны резкие эмоциональные колебания или длительные деструктивные состояния (угрюмая раздражительность, мрачная депрессия с проявлениями агрессии, маниакальные или депрессивно-апатические состояния, астенические депрессии и т.п.); могут присутствовать диссоциированные эпизодические расстройства в форме приподнятого настроения на фоне полной бездеятельности и двигательной заторможенности);

– пациенты со злокачественной формой течения заболевания и неблагоприятным прогнозом его течения, которые характеризуются большим «стажем» заболевания (свыше 10 лет), имеют сопутствующие вторичные по отношению к сахарному диабету заболевания и характеризуются обострением, критической выраженностью всех перечисленных выше патологических личностных особенностей. На этой стадии течения заболевания наблюдается подавляющее количество пациентов, характеризующихся выраженной энцефалопатической симптоматикой.

Таким образом, в современной медицине и клинической психологии признается ведущая роль систематического стресса в возникновении гормонального сбоя, указывается, что именно стресс провоцирует устойчивые дисфункции эндокринной системы, вследствие чего воздействие гормона надпочечников кортизола, выделяемого при стрессе, снижает самостоятельную выработку инсулина поджелудочной железой, что и приводит к повышению содержания глюкозы в крови и к возникновению сахарного диабета [1; 7; 9].

Изучив эмпирическую базу по теме исследования, можно утверждать, что между пациентами, болеющими сахарным диабетом 1-го и 2-го типа, имеются определенные социально-психологические различия [5]. Например, для пациентов с сахарным диабетом 1-го типа в социально-психологическом анамнезе характерны психологические травмы детского возраста, сложности с установлением продуктивных интимно-личностных отношений с матерью, нарушения формирования характера и личности по эмоционально-неустойчивому, истероидному и тревожно-фобическому типу [5; 9]. Социальная изоляция детского возраста, остро переживаемое ребенком чувство покинутости, недостаток родительской любви и эмоционально-защитной функции семьи признаются специалистами как факторы повышенной значимости в формировании сахарного диабета 1-го типа. Для заболевших в более позднем возрасте сахарным диабетом 2-го типа значимыми запускающими болезнью факторами считаются: высокий уровень жизненного стресса, травмы межличностных (семейных) отношений на фоне ущербной личностной структуры пациента (деформация Образа-Я, нарушение гармоничности Я-концепции), противоречивая конфликтная самооценка, высокий уровень невротизации личности, невращения.

Исследователь А.Б. Шаповалова, изучавшая особенности преморбиды и психические нарушения непсихотического характера у больных сахарным диабетом, отмечает, что механизмы регуляции углеводного обмена способны нарушаться под воздействием психического стресса и психическая травма лишь способствует манифестации заболевания. Неполноценность инсулярного аппарата проявляется в период повышенных требований к нему в моменты стрессирования и переживания

нервного срыва пациентом, что особенно важно при повторных травмах или пролонгированных стрессовых ситуациях [9].

Таким образом, формирование реакций на болезнь при сахарном диабете определяется влиянием констелляции психотравмирующего фактора, связанного с клиническими проявлениями этого заболевания, особенностями преморбиды, а также типологией и тяжестью течения сахарного диабета [9; 10], что позволяет сосредоточить внимание на изучении особенностей регуляции стресса пациентами с диагностированным сахарным диабетом.

В представленном исследовании переживание стресса рассматривается как остро окрашенное эмоционально-волевое состояние пациента с преобладанием эмоций дистимического или дисфорического характера. Так как стресс и переживаемые вследствие стресса отрицательные эмоции являются результатом взаимодействия средовых процессов и психики человека, то субъективный выбор совладающей со стрессом модели поведения также зависит как от ситуативного контекста, так и от личностных характеристик пациентов.

В нашем исследовании мы придерживаемся дефиниции стрессовой регуляции как программы поведения по преодолению специфических внешних и внутренних трудностей, оцениваемых субъектом как значительные или превосходящие его возможности на фоне переживания отрицательно окрашенных эмоциональных состояний в достаточно широком диапазоне модальностей: от выраженных чувств тревоги, подавленности и страха и до выраженного эмоционального возбуждения, агрессивности, повышенного раздражения, нервозности и смятения. Совокупность копинг-стратегий и психологических защит, избирательно и осознанно используемых субъектом с целью снижения степени собственной фрустрированности в ответ на воздействие стрессора, формирует систему приспособительных и компенсаторных механизмов как поведенческих паттернов, которые мы в нашем исследовании соотносим с регуляцией стресса.

В контексте оценки эффективности копинга в нашем исследовании мы придерживаемся мнения о существовании двухполярной модели копинговой регуляции: проблемно-ориентированной (направленной на преодоление самого источника стресса) и эмоционально-ориентированной (направленные на преодоление эмоционального возбуждения, вызванного стрессором), которые все чаще рассматриваются в контексте эмоциональной регуляции с точки зрения копинговых или защитных блокировочных механизмов стресса [1; 6]. Однако, проведя анализ эмпирической базы по проблеме изучения влияния копингов и защит на динамику течения заболевания пациентов сахарным диабетом, мы не обнаружили дифференцированных исследований в отношении сопоставительного анализа типа стрессовой регуляции и динамики сахарного диабета, что и определило зону проблемного поиска в рамках нашего исследования.

Обобщая изложенное, можно выделить ряд стержневых теоретических утверждений, важных для дальнейшей организации исследования и интерпретации его результатов:

- заболеваемость сахарным диабетом взаимосвязана с психологическими проблемами личности пациента, характерологическими девиациями и нарушениями его нормальной эмоционально-волевой саморегуляции;
- условия и образ жизни пациентов с сахарным диабетом рассматриваются как системные социально-психологические основания для возникновения заболевания, которые непосредственно влияют на прогноз и динамику течения патологических состояний пациентов;

- в клинической психологии недостаточно изучена проблема взаимосвязи избираемого пациентом копинга и динамического типа течения сахарного диабета, что не позволяет понять особенности эффективной регуляции стресса и расширить возможности практикующих врачей-эндокринологов и клинических психологов в создании эффективных моделей терапии заболевания в целях достижения устойчивой ремиссии пациентов с сахарным диабетом.

Материалы, модель и диагностический инструментарий исследования. В исследовании репрезентативную выборку составили 70 человек (57 женщин и 13 мужчин) – пациентов, состоящих на диспансерном учете, из которых 35 человек на момент исследования проходили плановую госпитализацию в специализированных отделениях эндокринологии в учреждениях здравоохранения г. Донецка (ДНР).

В процессе проведения диагностики использовался следующий диагностический пакет: опросник определения доминирующих состояний (краткий вариант Л.В. Куликова); методика «Диагностика состояния в стрессе» (А.О. Прохоров); опросник «Оценка склонности к стрессу» (Дж. Тейлор, адаптация – Т.А. Немчинов); методика «Диагностика типа эмоциональной реакции на воздействие стимулов окружающей среды» (В.В. Бойко); тест-опросник исследования субъективного контроля (Е.Ф. Бажин); опросник «Стиль саморегуляции поведения» (опросник ССПМ, автор – В.И. Моросанова); методика психологической диагностики копинг-механизмов (тест Е. Хейма); методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина); клиническая анкета для пациентов, страдающих сахарным диабетом, «Динамический профиль болезни».

Формат исследования: сравнительный клинико-психологический анализ групп пациентов. Для оптимизации полученных экспериментальных данных применялись матстатистические процедуры: описательная статистика, критерий Н Краскала-Уоллеса для сравнения более двух независимых выборок (Kruskal-Wallis one-way analysis of variance), линейный корреляционный анализ по К. Пирсону, непараметрический критерий χ^2 (проверка значимости расхождения эмпирических (наблюдаемых) и теоретических (ожидаемых) частот). Репрезентативная выборка пациентов с сахарным диабетом и различной клинической картиной течения заболевания в соответствии с результатами анкеты «Динамический профиль болезни» была разделена на три группы (см. рисунок 1, где представлена столбчатая диаграмма распределения пациентов по группам клинического типа).



Рисунок 1. Распределение пациентов с разным динамическим типом течения сахарного диабета по группам с учетом психологических показателей стрессоустойчивости, тревоги и эмоционально-волевой саморегуляции

Согласно данным, представленным на рис.1, наиболее многочисленной является группа пациентов с умеренной или сглаженной динамикой течения сахарного диабета – 45,7% от общей численности выборки (32 человека), пациенты со стремительным типом течения заболевания составили 25,7% (18 человек), а с преддиабетом – 28,6% (20 человек).

Сопоставление численности пациентов в каждой клинической группе с содержанием их социально-психологического анамнеза позволяет утверждать: чем более отягощенной является индивидуальная жизненная история пациента (длительное острое воздействие стресс-факторов), тем интенсивнее выражена динамика течения заболевания и тяжелее клиническая картина его проявления, тем выше уровень невротизации и ниже уровень стрессоустойчивости, тем хуже сформированы индивидуальные возможности продуктивной эмоционально-волевой саморегуляции пациентов диабетического профиля в ситуации стресса (высокая положительная корреляция $K_{\text{корр}} = 0,563$ при $p\text{-level} \leq 0,01$ для таких групп экспериментальных показателей, как «стрессоустойчивость ↔ саморегуляция», $K_{\text{корр}} = 0,474$ при $p\text{-level} \leq 0,01$ для «стрессоустойчивость ↔ самоконтроль»; высокая отрицательная корреляция $K_{\text{корр}} = -0,502$ при $p\text{-level} \leq 0,01$ для «эмоциональная лабильность ↔ самоконтроль» и $K_{\text{корр}} = -0,632$ при $p\text{-level} \leq 0,01$ для «уровень тревоги ↔ эмоциональная саморегуляция»).

Под отягощенным социально-психологическим анамнезом следует понимать следующие особенности жизни пациентов диабетического профиля (в % от общей численности групп пациентов тип 1 и тип 2), с последующим использованием процедуры сравнения с группой тип 3 на основе использования критерия χ^2 Пирсона:

- низкий уровень субъективной жизненной удовлетворенности (92,95%) (разница при сравнении с пациентами группы 3 с использованием эмпирического χ^2 при $df = 2$ и $P\text{-level} = 0,01$ против $\chi^2_{\text{табл}} = 9,21$ ($\chi^2_{\text{эмфир}} > \chi^2_{\text{табл}}$): при сравнении групп 1 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 11,84$, а для групп 2 и 3 типа – $\chi^2_{\text{эмфир}} = 12,47$;
- недостаточный самоконтроль (78,65%) при сравнении групп 1 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 12,04$, а для групп 2 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 15,33$;
- недостаток образовательного и культурного уровня (38,7%) при сравнении групп 1 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 11,56$, а для групп 2 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 12,31$;
- деформации личностной структуры в форме негативного самоотношения и конфликтной самооценки (80,08%) при сравнении групп 1 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 14,97$, а для групп 2 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 11,87$;
- низкий уровень профессионального самопринятия и самореализации (82,9%) при сравнении групп 1 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 12,94$, а для групп 2 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 16,76$;
- семейные отношения с высоким уровнем межличностной конфликтности и напряженности (92,8%) при сравнении групп 1 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 19,14$, а для групп 2 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 25,13$;
- низкий уровень социальной и психологической защищенности (92,8%) при сравнении групп 1 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 16,24$, а для групп 2 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 21,23$;
- материальные трудности (85,8%) при сравнении групп 1 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 11,87$, а для групп 2 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 16,07$;
- неполноценный сон (92,8%) при сравнении групп 1 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 10,11$, а для групп 2 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмфир}} = 19,29$;

· несбалансированное питание (100%), а также вредные привычки и условия труда (100%) при сравнении групп 1 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмпир}} = 22,14$, а для групп 2 и 3 типа $\chi^2_{\text{эмпир}} = 25,04$.

Применив критерий Н Краскала-Уоллеса для сравнения особенностей психических состояний в стрессовых ситуациях у пациентов с различным динамическим типом течения сахарного диабета (настроений, проявления эмоций, самооценки, локус-контроля поведения, компенсаторной агрессии, а также уровня выраженности депрессии и генерализированной тревожности) можно констатировать, что в зависимости от динамики клинической картины указанные личностные характеристики пациентов значимо различаются ($P\text{-level} \leq 0,05$, $P\text{-level} \leq 0,01$, $df = 2$ при $H_{\text{эмпир}} > H_{\text{табл}}$). Анализ психологических отличий пациентов с разным динамическим типом течения заболевания позволил выделить совокупность личностных характеристик, которые можно использовать для клинической оценки вероятности отрицательного прогноза течения сахарного диабета. Так, к усугубляющим болезнь личностным характеристикам пациентов диабетического профиля следует отнести следующий универсальный набор личностных качеств:

· низкий уровень интернальности поведения ($\text{Chi-Square} = 15,2365$ при $P\text{-level} \leq 0,01$);

· высокая эмоциональная лабильность ($\text{Chi-Square} = 6,2098$ при $P\text{-level} \leq 0,05$);

· слабая рефлексия и самоконтроль ($\text{Chi-Square} = 22,2323$ при $P\text{-level} \leq 0,05$);

· выраженная эмоциональная напряженность со склонностью к демонстрации аффектогенных реакций на стрессовые обстоятельства жизни по рефракторному ($\text{Chi-Square} = 11,7564$ при $P\text{-level} \leq 0,01$) или дисфорическому типу ($\text{Chi-Square} = 10,8648$ при $P\text{-level} \leq 0,01$);

· недостаток позитивного мышления как неспособность преобразовывать негативный жизненный опыт в позитивные психические состояния и поступки ($\text{Chi-Square} = 12,2118$ при $P\text{-level} \leq 0,01$);

· пассивное отношение к своему заболеванию, преобладание поведения по типу «инфантильное отрицание», «махнуть рукой», «пустить на самотек» ($\text{Chi-Square} = 13,1434$ при $P\text{-level} \leq 0,01$);

· низкая прогностичность в принятии решений (цели неустойчивые, планы нереалистичные, поведение ситуативное) ($\text{Chi-Square} = 13,0207$ при $P\text{-level} \leq 0,01$);

· высокая импульсивность и неспособность адекватно оценивать текущую ситуацию ($\text{Chi-Square} = 7,8219$ при $P\text{-level} \leq 0,05$);

· низкая критичность поведения ($\text{Chi-Square} = 12,9207$ при $P\text{-level} \leq 0,01$);

· ригидность, слабая регуляторная гибкость в сфере продуктивного смыслообразования ($\text{Chi-Square} = 11,7692$ при $P\text{-level} \leq 0,01$).

Клиническое наблюдение пациентов диабетического профиля показывает, что чем тяжелее выражена клиническая картина сахарного диабета, тем более социально дезорганизованными и неадаптированными являются такие пациенты в жизни. В данном случае можно говорить о замкнутом характере взаимосвязей в системе «патогенез заболевания ↔ образ жизни ↔ этиологические факторы», что проявляется в том, что уже имеющиеся на момент манифестации заболевания дефекты личностной структуры пациентов формируют патогенное отношение к себе и своему заболеванию, усугубляя сбои в работе эндокринной системы и организма в целом. По сравнению с пациентами с динамикой течения сахарного диабета типа 2 и типа 3, критерий Н Краскала-Уоллеса ($df=2$) показал, что патогении пациентов со злокачественной стремительной динамикой течения по типу 1 чаще проявляются в форме

компенсаторных психических и соматических аграваций как отношения к себе и своей болезни по типу эмоционального потрясения ($\text{Chi-Square} = 11,2367$ при $P\text{-level} \leq 0,01$) или инфантильного отрицания как самого факта диагноза, так и лечения ($\text{Chi-Square} = 13,0894$ при $P\text{-level} \leq 0,01$), в нарастании анозогнозической, ипохондрической (сосредоточение на субъективных болезненных и иных неприятных ощущениях) ($\text{Chi-Square} = 12,0405$ при $P\text{-level} \leq 0,01$) и неврастенической симптоматики ($\text{Chi-Square} = 17,3948$ при $P\text{-level} \leq 0,001$), в появлении агрессивно-истероидных и манипулятивных моделей поведения ($\text{Chi-Square} = 19,9124$ при $P\text{-level} \leq 0,001$) как в семейном кругу, так и в отношении окружающих. Применение критерия Краскала-Уоллеса также показало статистически значимые различия по направленности социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере у пациентов с различным динамическим типом течения заболевания.

Так, по сравнению с пациентами с динамикой течения сахарного диабета типа 2 и типа 3 (преддиабет), критерий Н Краскала-Уоллеса ($df = 2$) показал, что у пациентов со злокачественной стремительной динамикой течения по типу 1 чаще в структуре личности выражены такие мотивационные характеристики, как ориентация на власть как на способ строить межличностные отношения с окружающими ($\text{Chi-Square} = 19,1217$ при $P\text{-level} \leq 0,001$), стремление доминировать с выраженными ориентациями на результат и деньги ($\text{Chi-Square} = 21,12337$ при $P\text{-level} \leq 0,001$). В группе со злокачественным типом течения заболевания наблюдалось наибольшее количество высокомотивированных пациентов, у которых одинаково ярко были выражены такие основные мотивационные ориентации как деньги, власть, эгоизм, результат, процесс и труд. В меньшей степени были выражены ориентации на свободу и альтруизм.

Наличие взаимно исключаящих мотивационно-потребностных ориентаций пациентов рассматривается как фрустрирующий фактор, а также показатель дисгармоничности их Я-концепции и конфликтности самооценки. Чем ярче выражена в структуре личности пациентов парадоксальная высокомотивированность (одновременно преобладающие и ярко выраженные содержательно взаимно исключаящие друг друга потребностные ориентации), тем более в содержательном анализе их жизненных историй представлены ситуации жизненных или семейных кризисов ($K_{\text{корр}} = 0,633$ при $p\text{-level} \leq 0,01$), преодоления материальных трудностей ($K_{\text{корр}} = 0,897$ при $p\text{-level} \leq 0,01$), вынужденной смены работы или места жительства ($K_{\text{корр}} = 0,463$ при $p\text{-level} \leq 0,01$), тяжелого физического труда, отдельно выявлена значимость социомических профессий, особенно, когда такая работа является вынужденной и не приносит удовлетворения и радости ($K_{\text{корр}} = 0,805$ при $p\text{-level} \leq 0,01$).

Можно обобщить, что пациенты со злокачественной динамикой течения заболевания являются наиболее фрустрированными, поскольку в динамичной и быстро меняющейся жизненной обстановке они в наибольшей степени эмоционально уязвимы и неуверенны, трудно воспринимают перемены в жизни, отрицательно относятся к любым изменениям собственного образа жизни. В основе мотивации выбора ведущего мотива организации поведения индивида в контексте оценки внешних условий стресса для пациентов со злокачественным типом течения заболевания можно указать: парадоксальную высокомотивированность как попытку реализовать претензии на власть одновременно в сочетании с ориентациями на труд, эгоизм и результат при общем недостатке выраженности таких регуляторных мотивов поведения как альтруизм, стремление к открытым и гармоничным отношениям с окружающими,

оптимизм, толерантность и ориентация на сотрудничество. Применение критерия Краскала-Уоллеса показало, что в наименьшей степени данные мотивационно-регуляторные особенности характерны для групп пациентов с динамическим типом течения 2 и 3.

На основании данных расчета медианного теста в исследовании показаны отличия стресс-лимитированного поведения пациентов с разным динамическим типом течения заболевания. Так, были обнаружены отличия в характере использованных когнитивных, эмоциональных и поведенческих стратегий копинга, а также стилей стрессовой саморегуляции, выбора психологических защит в зависимости от динамики заболевания. Согласно статистической обработке результатов применения опросников «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой и «Диагностика состояния в стрессе» А.О. Прохорова, а также методики психологической диагностики копинг-механизмов Е. Хейма, на уровне значимости $P\text{-level} \leq 0,05$ можно утверждать, что пациенты со злокачественно и стремительно выраженной динамикой течения сахарного диабета (тип 1) характеризуются комбинированным (защиты преобладают над копингом) неэффективным стилем стресс-регуляции, где наиболее выражены по сравнению с другими группами пациентов (тип 2 и тип 3) непродуктивные модели поведенческого копинга такие как: смирение ($\text{Chi-Square} = 29,04476$, $df = 2$, $p = 0,0001$), диссимуляция ($\text{Chi-Square} = 20,94406$, $df = 2$, $p = 0,00001$), растерянность ($\text{Chi-Square} = 21,23647$, $df = 2$, $p = 0,0001$) в сочетании с непродуктивными эмоциональными копингами в виде эмоциональной разрядки ($\text{Chi-Square} = 22,19875$, $df = 2$, $p = 0,00001$), пассивности ($\text{Chi-Square} = 28,09876$, $df = 2$, $p = 0,00001$), самообвинения ($\text{Chi-Square} = 22,02067$, $df = 2$, $p = 0,001$) и агрессивности ($\text{Chi-Square} = 29,12189$, $df = 2$, $p = 0,00001$) в сочетании с такими неэффективными защитными стратегиями, как самоизоляция ($\text{Chi-Square} = 21,24406$, $df = 2$, $p = 0,00001$), активное избегание ($\text{Chi-Square} = 18,45706$, $df = 2$, $p = 0,00001$) и отвлечение ($\text{Chi-Square} = 23,00978$, $df = 2$, $p = 0,00001$). Напротив, для пациентов с динамикой течения заболевания по типу 2 характерны менее ярко выраженные перечисленные неадаптивные стратегии копинга с преобладанием таких продуктивных когнитивных стратегий как сохранение самообладания и анализ проблемы ($\text{Chi-Square} = 19,23756$, $df = 2$, $p = 0,00001$), эмоциональных копинг-стратегий по типу оптимизма и веры в лучшее ($\text{Chi-Square} = 24,81243$, $df = 2$, $p = 0,001$), а также поведенческих копингов в виде сотрудничества ($\text{Chi-Square} = 27,1134$, $df = 2$, $p = 0,00001$), альтруизма ($\text{Chi-Square} = 19,3466$, $df = 2$, $p = 0,0001$). Из неэффективных копингов одинаково в репертуаре стресс-лимитирующего поведения пациентов с динамическим типом течения заболевания 2 и 3 (преддиабет) преобладали копинги по типу активного избегания, придачи смысла происходящему, религиозного отношения к событию. На уровне эмоционального копинга преобладало отвлечение от проблемы и пассивная кооперация при блокировании стресса.

Наиболее адаптированной и с наиболее развитыми продуктивными копинг-регуляторными характеристиками поведения в стрессовой ситуации оказалась группа пациентов с динамикой течения заболевания по типу 3 (состояние преддиабета). В приоритете жизненных ориентиров как мотивов построения индивидуальных моделей стресс-лимитирующего поведения у таких пациентов оказались общечеловеческие ценности: альтруизм, гуманистическая ориентация в межличностных взаимодействиях, стремление построить гармоничные отношения с окружающими, внимание к себе и к своим потребностям. Пациенты в качестве мотивов выбора модели поведения в стрессе определяли свое желание больше времени уделять: общению с родственниками и

друзьями (85%), прогулкам на свежем воздухе (85%), работе на приусадебных участках (60%), самообразованию (75%), многие занялись свободной деятельностью «для души» (80%) (вязание, общение по интересам, уход за домашними питомцами, изобразительное искусство, разведение цветов, путешествия и т.п.), 50% пациентов данной группы заинтересовалось оздоровительной физкультурой, 70% пациентов стало уделять больше времени просмотру телепередач и чтению художественной литературы. В целом наиболее гибко адаптивной к стрессу оказалась группа пациентов с динамикой течения заболевания по типу 3 (состояние преддиабета), менее адаптированными оказались пациенты группы по типу 2 и совершенно неспособными к конструктивной мотивации построения поведения с целью эффективного купирования стресса и улучшения тем самым качества своего образа жизни оказались пациенты группы по типу 1.

Обобщив данные медианного теста в сопоставлении с результатами изучения социально-психологического анамнеза всех групп пациентов, можно сделать вывод, что стремительное ухудшение клинической картины проявления сахарного диабета взаимосвязано с пониженной стрессовой устойчивостью, сниженной способностью к самоконтролю и слабой стресс-саморегуляцией на фоне таких дефектов личностной структуры как кризисная самооценка, дефицит продуктивного смыслообразования и сложности с позитивным самопринятием. Такие пациенты постоянно находятся в ситуации эмоционального напряжения, что в силу психофизиологических механизмов развития стресса негативно сказывается на состоянии их эндокринной системы. При этом, стрессовая регуляция для таких пациентов приобретает характер «реверсивного стресса» (закольцованный стресс), что проявляется в том, что на фоне недостаточно развитых функций моделирования и планирования своего поведения в стрессовой ситуации ведущими мотивами выбора моделей стресс-лимитирующего поведения оказываются различные взаимно противоречивые мотивы. Например, как одинаково ярко выраженные ориентации на результат, труд и процесс в сочетании с одновременно выраженной мотивационной направленностью на власть, деньги и эгоизм. Подобная противоречивость ведущих мотивов организации поведения в стрессе не позволяет пациентам со злокачественным динамическим типом течения заболевания построить эффективную и содержательно целостную модель стресс-лимитирующего поведения. Для таких пациентов характерен дефицит гибких и оптимальных для своих психофизиологических показателей моделей стресс-лимитирующего поведения, где гармонично сочетаются высоко адаптивные копинги и эффективные защиты.

Заключение. Пациенты с различным динамическим типом течения сахарного диабета характеризуются различными моделями стресс-лимитирующего поведения. Возраст пациентов можно рассматривать как системный фактор тяжести динамики эндокринного заболевания. Независимо от возраста пациента эндокринологического профиля, его способность к построению эмоционально сбалансированной и отрефлексирующей модели стрессовой регуляции является базовым условием для выхода в состояние устойчивой ремиссии по заболеванию. Эффективная модель стресс-лимитирующего поведения предполагает, что в поведенческом репертуаре пациентов присутствуют как продуктивные копинги, так и эффективные психологические защиты, при этом, копинговые стратегии как регуляторы стресса должны преобладать над стратегиями защиты.

Пациенты со злокачественным типом течения сахарного диабета характеризуются непродуктивной и противоречивой моделью стресс-регуляции, где главными мотивами организации поведения человека в попытке справиться со стрессом являются одновременно выраженные потребности в труде и в достижении результата любой

ценой при общей ориентации на достижение личного материального благополучия. Эгоизм и стремление к лидерству минимизируют возможности использования стратегий проблемного анализа, сотрудничества и оптимизма как моделей эффективного копинга. В качестве избираемых психологических защит используются эмоциональная разрядка, агрессивность, самоизоляция, избегание, отвлечение, а также смирение и диссимуляция, что формирует низкопродуктивные модели стресс-лимитирующего поведения. Типичными характеристиками стрессовой саморегуляции является нарушение потребности в осознанном планировании своего поведения, высокая ригидность, аффектогенность поведения в сочетании с недостаточной гибкостью и рефлексивностью процесса конструктивного целеполагания как инструмента минимизации стресса.

Напротив, пациенты с умеренным типом течения заболевания и в состоянии преддиабета при регуляции стресса чаще используют продуктивные копинг-стратегии в виде рефлексивного контроля и проблемного анализа в сочетании со стратегиями оптимизма, сотрудничества, придачи нового продуктивного смысла происходящему. В числе психологических защит преобладает поведение по типу активного избегания, обращение к религиозному миропониманию, отвлечение от неприятностей и попытка переключиться с последующим переосмыслением причин стресса. Основными мотивами отношения к стрессовой ситуации у данной группы пациентов выделяются ориентации на альтруизм, ценности гуманизма в межличностных взаимодействиях, стремление разобраться в себе, внимательное отношение к своим потребностям, а также стремление построить гармоничные отношения с окружающими.

В результате исследования удалось выделить *патогенный личностный комплекс* характеристик, которые могут рассматриваться как психологические основания для усугубления патологии и перехода динамики сахарного диабета в злокачественный стремительный тип течения: противоречивая и конфликтная самооценка, недостаток самоуважения и позитивного самоотношения, низкий уровень личностной самореализации, недостаточно развитое позитивное мышление, непродуктивная эмоционально-волевая саморегуляция, агрессивное лидерство, высокая эмоциональная возбудимость со склонностью к аффектогенным реакциям, эмоциональная ригидность, экстернальный локус контроля поведения, высокий уровень личностной и ситуативной тревоги, высокий уровень невротизации.

Учитывая доказанную ведущую роль личностного фактора в регуляции стресса, у пациентов эндокринологического профиля оказываемая им клиническая помощь должна носить комплексный характер (необходимо сочетать психотерапию с фармакологической поддержкой как по основному заболеванию, так и в контексте его вторичных психических осложнений). Коррекционное вмешательство должно осуществляться с выходом в сферу оптимизации семейных и межличностных отношений пациентов, способствовать повышению позитивного самопринятия и самоконтроля. Перечисленные направления коррекции сформируют основу для продуктивной модели стресс-лимитирующего поведения как набора продуктивных копингов и эффективных защит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Л.А. Личностные ресурсы преодоления затрудненных условий развития / Л.А. Александрова, А.А. Лебедева, Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова // Личностный потенциал: Структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 579–610.
2. Бахтадзе Т.Р. Психоэмоциональные расстройства при некоторых эндокринных заболеваниях и сахарном диабете / Т.Р. Бахтадзе, О.М. Смирнова, А.О. Жуков // Сахарный диабет. – 2004. – 2. – С. 54–57.

3. Бондарь Т.П. Лабораторно-клиническая диагностика сахарного диабета и осложнений / Т.П. Бондарь. – М.: Изд-во Мединформ, 2003. – С. 56-70.
4. Дедов И.И. Эпидемиологические характеристики сахарного диабета в Российской Федерации: клинико-статистический анализ по данным Федерального регистра сахарного диабета на 01.01.2021 / И.И. Дедов, М.В. Шестакова, О.К. Викулова, А.В. Железнякова, М.А. Исаков // Сахарный диабет. – 2021. – Т. 24. – №3. – С. 204–221. – doi.org/10.14341/DM12759.
5. Демичева Т.П. Психологические, нейровегетативные особенности и качество жизни больных сахарным диабетом / Т.П. Демичева, В.М. Атаманов // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – №1 (2). – С. 775–785.
6. Пузанкова И.Н. К вопросу о связи эмоционального стресса и психосоматических расстройств / И.Н. Пузанкова // Вестник Прикамского социального института. – 2015. – №3 (71). – С. 14–17.
7. Суркова Е.В. Значение некоторых психологических факторов в контроле и лечении сахарного диабета / Е.В. Суркова // Проблемы эндокринологии, 2004. – Т. 50. – № 1. – С. 44–47.
8. Хныченко Л.К. Стресс и его роль в развитии патологических процессов / Л.К. Хныченко, Н.С. Сапронов // Обзоры по клинической фармакологии и лекарственной терапии. – 2003. – Т. 2. – № 3. – С. 2–15.
9. Шаповалова А.Б. Психологические аспекты ведения больных с сахарным диабетом в клинической практике / А.Б. Шаповалова // Национальная ассоциация ученых (НАУ) : [сб. науч. тр.]. – СПб: Логика+, 2015. – Вып. 10. Медицинские науки. – С. 86–88.
10. Шевченко О.П. Метаболический синдром / О.П. Шевченко, Е.А. Праскурничий, А.О. Шевченко. – М.: Реафарм, 2004. – С. 78–120.

REFERENCES

1. Alexandrova L.A. (2011). Lichnostnye resursy preodoleniya zatrudnennykh usloviy razvitiya [Personal resources of overcoming difficult conditions of development] in L.A. Alexandrova, A.A. Lebedeva, D.A. Leontiev & E.I. Rasskazova, (Eds.), Lichnostny`j potencial: Struktura i diagnostika [Personal potential: Structure and diagnostics]. Moscow: Smysl Publ., pp. 579–610 (In Russian).
2. Bakhtadze T.R. (2004). Psihoemocional'nye rasstrojstva pri nekotorykh endokrinnykh zabol'evaniyakh i saharom diabete [Psychoemotional disorders in some endocrine diseases and diabetes mellitus] in T.R. Bakhtadze, O.M. Smirnova & A.O. Zhukov (Eds.), Saxarny`j diabet [Diabetes mellitus]. Moscow: The printmaker, pp. 54–57 (In Russian).
3. Bondar T.P. (2003). Laboratorno-klinicheskaya diagnostika saharного diabeta i oslozhnenij [Laboratory and clinical diagnostics of sugar diabetes and complications]. Moscow: Medinform publishing house, pp. 56–70 (In Russian).
4. Dedov I.I., Shestakova M.V., Vikulova O.K., Zheleznyakova A.V. & Isakov M.A. (2021) Epidemiologicheskie harakteristiki saharного diabeta v Rossijskoj Federacii: kliniko-statisticheskij analiz po dannym Federal'nogo registra saharного diabeta na 01.01.2021 [Epidemiological characteristics of sugar diabetes in the Russian Federation: clinical and statistical analysis according to the data of the Federal Register of sugar diabetes on 01.01.2021] in Saxarny`j diabet [Sugar diabetes]. Vol. 24(3), pp. 204–221. doi.org/10.14341/DM12759. (In Russian).
5. Demicheva T.P., Atamanov V.M. (2018). Psihologicheskie, nejrovegetativnye osobennosti i kachestvo zhizni bol'nykh saharным diabedom [Psychological, neurovegetative features and quality of life of patients with diabetes mellitus] in Social'ny`e i gumanitarny`e nauki: teoriya i praktika [Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice], Vol. 1(2), pp. 775–785 (In Russian).
6. Puzankova I.N. (2014) K voprosu o svyazi emocional'nogo stressa i psihosomaticheskikh rasstrojstv [To the question of communication of emotional stress and psychosomatic disorders] in Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta [Bulletin of the Prikamsky Social Institute], 3 (71), pp. 14–17 (In Russian).
7. Surkova E.V. (2004). Znachenie nekotorykh psihologicheskikh faktorov v kontrole i lechenii saharного diabeta [The significance of some psychological factors in the control and treatment of diabetes mellitus] in Problemy` e`ndokrinologii [Problems of Endocrinology], pp. 44–47 (In Russian).
8. Khnychenko L.K., Sapronov N.S. (2003) Stress i ego rol` v razvitii patologicheskix processov [Stress and its the role in the development of pathological processes] in Obzory` po klinicheskoy farmakologii i lekarstvennoj terapii [Reviews of clinical pharmacology and drug therapy]. Vol. 2, No. 3, pp. 2–15 (In Russian).
9. Shapovalova A.B. (2015) Psihologicheskie aspekty` vedeniya bol'ny`x s saxarnym diabedom v klinicheskoy praktike [Psychological aspects of the management of patients with diabetes mellitus in clinical practice] in Nacional'naya associaciya ucheny`x (NAU) [National Association of Scientists (NAU)], SBP: Logika + Publ., pp. 86–88 (In Russian).

10. Shevchenko O.P., Praskurnichy E.A., Shevchenko A.A. Metabolic Syndrome. Moscow: Reafarm Publ., 2004, pp. 78–120 (In Russian).

Поступила в редакцию 18.11.2024 г.

STRESS REGULATION IN PATIENTS WITH DIABETES MELLITUS WITH VARIOUS DYNAMIC TYPES OF DISEASE COURSE

I.N. Nekrasova

The paper deals with psychological peculiarities of stress regulation in patients with diabetes mellitus. The leading role of self-regulation in the formation of systemic stress-induced hormonal failure as a common psychophysiological cause of diabetes mellitus is shown. On the basis of the description of the psychosomatic peculiarities in the course of diabetes mellitus, groups of patients with different dynamic types of this disease course have been identified. Depending on the group type, typological features of stress regulation characteristic of patients have been described. The motivation for building up a stress-limiting behaviour model as a set of coping strategies and psychological defenses used by them has been analyzed. Non-productive (pathogenic) models of under stress behaviour regulation, which can result in aggravating the course of the disease, have also been analyzed. The phenomenon of "reversible stress" has been described as a model of pathological stress regulation typical of patients with malignant rapid type of diabetes mellitus. Based on the pathogenic personality complex of characteristics identified in patients, which can be considered as psychological grounds for exacerbating pathology and the transition of the dynamics of diabetes mellitus into a malignant rapid type of course, comprehensive corrective recommendations for clinical psychologists of endocrinological departments have been formed.

Key words: aggression, altruism, coping strategy, motive, psychological protection, diabetes mellitus, sense, stress, stress-limiting behaviour, externality.

Некрасова Илона Николаевна.

Кандидат психологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Доцент кафедры клинической психологии.

ORCID 0009-0000-7510-0848.

E-mail: inn1769@mail.ru.

Nekrasova Iona Nikolaevna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Associate Professor at Clinical Psychology
Department.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакommunikации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректурa статей авторам не высылаётся.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объём текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления.** В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится

(название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T.A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приёма статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:**

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо*, ***можно***, *пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,*

И всюду он гусар.

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования. Ключевые слова:** (это словосочетание – полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья

УДК 81:112

DOI:

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2024 *Т.А. Дьякова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

ORCID 0000-0002-8440-7806

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена

необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 202X. – № X. – С. XX-XX. – <https://doi.org/>

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников – список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источников приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала – работы на русском языке, затем – на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник даётся в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. – 1965. – № 2. – С. 59-68.

2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.

3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.

4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. – Воронеж, 2019. – 324 с.

5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).

6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – Вып. 1 (43). – С. 20-31. – <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31>.

8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращённого слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. – 2023. – Т. 21. № 1. – С. 79–96. – <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копые: романы. – Минск: Беллитфонд, 2002. – С. 3–299.

10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. – 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) даётся список **References**, в котором используется формат АРА с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате АРА. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после неё. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Drevneiranskii iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)

2. Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvistiicheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)

3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. *Indogermanische Forschungen*, 98, 177–185. <http://doi.org/10.1515/9783110243390.177> (In Italian)
Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German).
4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
5. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
6. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French).
7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
8. Lysova, E. V. (2002). *Ornitoniimiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. *Romance Philology*, 56 (1), 41–50. <http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495> (In English).
10. Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.
11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). *Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g.* [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по левому краю, без абзаца),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T. A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без **всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

Diakova Tatiana Alekseevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

10. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, заведующий кафедрой клинической психологии Донецкого государственного университета (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2024. – № 6

На русском и английском языках

Технический редактор: Д.И. Борозенец